

Вятский государственный гуманитарный университет

**ВЕСТИК
ВЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Научный журнал

№ 2(1)

Киров
2012

ББК 74.58я5
В38

Главный редактор
В. Т. Юнгблуд,
доктор исторических наук, профессор

Редакционная коллегия:
Ю. А. Балыбердин,
доктор исторических наук, доцент (зам. главного редактора);
М. С. Судовиков,
кандидат исторических наук, доцент (отв. секретарь);
Т. Я. Ашихмина,
доктор технических наук, профессор;
Е. М. Вечтомов,
доктор физико-математических наук, профессор;
В. С. Данюшенков,
доктор педагогических наук, профессор, чл.-кор. РАО;
П. И. Кононов,
доктор юридических наук, профессор;
Л. А. Мосунова,
доктор психологических наук, доцент;
М. И. Ненашев,
доктор философских наук, профессор;
С. М. Окулов,
доктор педагогических наук, профессор;
В. А. Поздеев,
доктор филологических наук, доцент;
Г. И. Симонова,
доктор педагогических наук, доцент;
С. В. Чернова,
доктор филологических наук, профессор

Ответственные за выпуск:
К. С. Лицаева,
кандидат филологических наук, доцент;
В. Н. Оношко,
кандидат филологических наук, профессор;
Н. И. Поспелова,
кандидат искусствоведения, доцент;
А. А. Харунжев,
кандидат педагогических наук, доцент

Адрес редакции: 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26,
тел. (8332) 673-674 (Издательство ВятГГУ)

Редакторы: Т. Котельникова, О. Коробкова, Ю. Болдырева
Компьютерная верстка: Ю. Холмова

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
(Министерство по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций)
ПИ № 77-14376 от 17 января 2003 г.

*Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук*

© Вятский государственный гуманитарный университет (ВятГГУ), 2012

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

Масловская Е. В. Анализ взаимодействия правовой и политической систем в современных социолого-правовых концепциях	6
Курик О. В. Современный город как экопроблема	12
Лыткин В. В. Философско-антропологические идеалы в русском космизме.....	16
Панченко Р. Ю. Метатеория сознания как возможный предел дополнительности	20

ИСТОРИЯ

Новиков М. В. Политика Германии и СССР в связи с началом Гражданской войны в Испании 1936–1939 гг.	23
Белевцева С. Н. Влияние США на демократические преобразования в Восточной Европе в период президентства Дж. Буша-старшего	27
Машковцев А. А. Католики Вятской губернии во второй половине XIX – начале XX в.: численный состав и размещение	36
Еремин А. В. Политико-правовые основы формирования социальной концепции Русской православной церкви.....	44
Егоров А. В. Тюркский компонент средневекового населения территории современной Кировской области в III–XVI вв.	50
Чернышева Н. В. Социальная политика государства в отношении семей военнослужащих в 1941–1945 гг. (на материалах Кировской области)	54

ПРАВО

Домрачев Д. Г. Проблемы защиты прав субъектов предпринимательства при осуществлении контрольно-надзорной деятельности органов исполнительной власти	60
Благодир А. Л. К вопросу о соотношении понятий «система отрасли права социального обеспечения» и «система социально-обеспечительного законодательства»	63
Кощеева Е. С. Значение решений Европейского суда по правам человека в толковании права на суд	69
Розуван А. М., Журавлев Р. А. Правовые и организационные аспекты обеспечения безопасности человека от криминальных и иных противоправных проявлений	76
Плотников Д. А. О системе научных подходов к пониманию принципов гражданского процессуального права	80
Коротаева О. А. Государственное управление и контроль за субъектами предпринимательской деятельности как участниками административных правоотношений	86

ФИЛОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Калинина Л. В. Язык и общество рубежа XX–XXI вв.: актуальность абсурда	90
Оношко В. Н. Предложения с семантикой направленного движения в немецком языке	96
Борисова Е. Б. Методологические принципы лингвопоэтического изучения литературно-художественного образа	99

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Розенберг Н. А. Культура народов Урала в эпоху Средневековья: этнокультурные системы до и после колонизации	104
Вокуев Н. Е. Притворство в современной (медиа)культуре	109

ПЕДАГОГИКА

<i>Замолоцких Е. Г.</i> Об основных подходах к построению компетентностной модели выпускника высшего учебного заведения (из опыта МГГУ имени М. А. Шолохова)	115
<i>Никитина Е. Л.</i> Педагогические условия подготовки старшеклассников к браку и семейной жизни	118
<i>Ракитина О. В.</i> Релевантность критериев качества научно-исследовательской работы обучающихся в бакалавриате, магистратуре, аспирантуре (психологопедагогические аспекты)	123

ПСИХОЛОГИЯ

<i>Семенова Л. Э.</i> Вклад дошкольных педагогов и учителей начальных классов в процесс первичной гендерной социализации подрастающего поколения	130
<i>Шутова Н. В.</i> Концептуальные основы изучения и коррекции психического развития детей с ЗПР средствами структурно-динамической системы музыкального воздействия	136
<i>Щукина М. А.</i> Саморазвитие как форма жизнетворчества	141

ПЕРСОНАЛИИ

<i>«Труды и дни» профессора Анатолия Евдокимовича Ануфриева</i>	147
<i>[Галина Борисовна Курляндская]</i>	149

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Сергеев А. В.</i> Межрегиональная научная конференция «П. А. Столыпин и его реформы: региональные аспекты»	150
<i>Вечтомов Е. М.</i> V Всероссийская научно-методическая конференция «Проблемы современного математического образования в вузах и школах России»	153
<i>Попова Е. С., Чувашева Т. С.</i> Третья Всероссийская научно-практическая конференция молодых ученых «Язык, личность, деятельность: взгляд молодых исследователей» на факультете лингвистики	155

<i>Сведения об авторах</i>	158
----------------------------------	-----

<i>Information about authors</i>	161
--	-----

CONTENTS

- Maslovskaya E. V.* Analysis of interaction between legal and political systems in the contemporary socio-legal theories
- Kuris O. V.* Modern city as eco-problem
- Lytkin V. V.* Philosophical and anthropological ideals in Russian cosmism
- Panchenko R. Y.* Metatheory of consciousness, as a possible limit of complementarity.
- Novikov M. V.* Policy in Germany and the Soviet Union in connection with the start of the Spanish Civil War in 1936–1939
- Belevtseva S. N.* Influence of the USA on democratic transformations in the East Europe during presidency G. Bush-senior
- Mashkovtsev A. A.* Vyatka province catholics in the second half of XIX – early XX centuries.: numerical strength and placement
- Eryomin A. V.* Political and legal basis for the formation of the Social Concept of the Russian Orthodox Church
- Egorov A. V.* Turkic component of the medieval population of territory of modern Kirov area in III–XVI centuries.
- Chernysheva N. V.* The social policy of the state in regard to military families in 1941-1945 (on materials of the Kirov region)
- Domrachev D. G.* Problems of business entities rights protection in the implementation of compliance and enforcement activities of executive authorities
- Blagodir A. L.* On relation of notions “system of social security branch of law” and “system of social welfare legislation”
- Koshchueva E. S.* The value of the European Court of Human Rights in interpreting the right to trial
- Rozuvan A. M., Zhuravlev R. A.* Legal and institutional aspects of human security from crime and other illegal manifestations
- Plotnikov D. A.* About the system of scientific approaches in understanding the principles of civil objective law
- Korotaeva O. A.* Government regulation and control of business entities as members of administrative relationships
- Kalinina L. V.* Language and society of the turn of the XX–XXI centuries: absurdity urgency
- Onoshko V. N.* Sentences with semantics of the directional movement in German
- Borisova E. B.* On methodological principles of literary image linguopoetic study
- Rosenberg N. A.* Culture of the Urals in the Middle Ages: ethno-cultural system before and after colonization
- Vokuev N. E.* Pretense in contemporary (media)culture
- Zamolotskikh E. G.* About basic approaches to making competence-based model of a higher educational institution's graduate (from the experience of Sholokhov Moscow State University for the Humanities)
- Nikitina E. L.* Pedagogical conditions of preparation graduates to marriage and family
- Rakitina O. V.* Criteria relevance of research works quality of undergraduate, graduate, postgraduate students (psychological and pedagogical aspects)
- Semenova L. E.* The Contribution of Pre-school Teachers and Primary School Teachers in the Process of Primary Gender Socialization of the Younger Generation
- Shutova N. V.* Conceptual bases of the study and correction of the mental development of the children with the retarded mental development with the help of the structural and dynamic system of the musical impact.
- Shchukina M. A.* Self-development as the life-creation form
- Sergeev A. V.* Interregional Conference “P. Stolypin and his reforms: Regional Aspects”
- Vechtomov E. M.* Fifth all-Russian Scientific and Methodical Conference “Problems of modern mathematics education in Russian universities and schools”
- Popova E. S., Chuvasheva T. S.* Third all-Russian Scientific and Practical Conference of Young Scientists “Language, identity, activity: a view of young researchers”

ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

УДК 340.125

E. V. Масловская

АНАЛИЗ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРАВОВОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМ В СОВРЕМЕННЫХ СОЦИОЛОГО-ПРАВОВЫХ КОНЦЕПЦИЯХ

Подчеркивается важность исследования взаимоотношений между правом и политикой с позиций социологии права. Анализируются проблемы легитимности норм права, автономии правовой системы. Особое внимание уделяется анализу взаимодействия правовой и политической систем. Обсуждаются возможности использования моделей социологии права для исследования данного взаимодействия в современной России.

The importance of sociological studies of the relations between law and politics is emphasized in the article. The problem of legitimacy of legal norms and autonomy of legal system are analyzed. Particular attention is devoted to interaction between political and legal systems. The possibilities of using the models of sociology of law for studying this interaction in today's Russia are discussed.

Ключевые слова: социология права, легитимность, правовые нормы, автономия правовой системы, политическая система.

Keywords: sociology of law, legitimacy, legal norms, autonomy of legal system, political system.

Социология права формировалась в контексте становления права и правового порядка как категорий современного правового дискурса и юридической практики. Западная правовая традиция, развиваясь от идей естественного права к позитивистской трактовке права как совокупности норм, источником которых являются иерархические правовые институты, создавала и пересоздавала тем самым и предмет, и концептуальный аппарат социологии права. Разнообразие правовых традиций и форм юридической практики Запада постепенно преодолевалось и за счёт развития дискурса «верховенства Закона», немалый вклад в который внесла социальная мысль XVIII–XIX вв., а также в результате унификации роли кодифицированного и текстуально оформленного права как господствующей социальной формы существования правового порядка и справедливости в национальных государствах Нового времени.

© Масловская Е. В., 2012

Данная зависимость между эволюцией современного права и сдвигами в его общественно-научной интерпретации долгое время препятствовала выделению социологии права как относительно автономной области, имеющей собственные теоретико-методологические предпосылки. В связи с этим потребовалось значительное время для того, чтобы в западных странах сложилась социология права как отрасль социологической науки.

В настоящее время выделяют три основных подхода к изучению правовой сферы [1]. Во-первых, это изучение права изнутри правовой системы с позиций юриспруденции. В данном случае уделяется внимание исключительно собственной логике развития права и используются лишь юридические категории. Во-вторых, это философские и этические подходы, которые стремятся выявить моральные принципы, лежащие в основе права, и оценивают существующие правовые установления с точки зрения определенных нормативных стандартов. В-третьих, это теоретически обоснованные эмпирические исследования права с позиций, находящихся вне правовой системы. В этом случае изучается реальное функционирование правовых институтов. При этом автономия правовой сферы, как правило, подвергается сомнению, выдвигаются разнообразные внешние политico- и социально-структурные факторы, оказывающие на нее влияние. Вследствие этого правовая сфера разделяется на составляющие, которые и подвергаются анализу посредством использования соответствующего теоретико-методологического инструментария. Социология права практикует именно такой подход к исследованию правовой сферы.

В целом взаимоотношения между правом и политикой особенно значимы для социологии права. Причиной такого внимания является прежде всего то, что функция правотворчества непосредственно связана с законодательной властью в тех обществах, где сложились кодифицированные и формализованные правовые системы. Более того, в демократических обществах право оказывается одним из центральных механизмов, обеспечивающих как вовлечение граждан в процесс управления государством, так и принятие законодательства в соответствии с демократическими стандартами. В обществах с менее выраженной дифференциацией между политической и правовой под-

системами, напротив, право выступает в качестве инструмента политического господства, не имеющего легитимной поддержки со стороны населения. Теоретическое осмысление данной проблематики представлено в социолого-правовых концепциях Ю. Хабермаса, Дж. Александера, Н. Лумана, П. Бурдье.

Право между легальностью и легитимацией

В целом социально-правовую теорию Ю. Хабермаса отличает междисциплинарный характер и опора на социологические теории общества модерна. Среди них наибольшее значение для него имели теоретические модели, представленные в трудах М. Вебера, Э. Дюркгейма, Т. Парсонса.

Хабермас задается вопросом о том, на чем основывается легитимность правовых норм в современном обществе. С его точки зрения, в рационализированном «посттрадиционном» обществе социальная интеграция возможна лишь посредством коммуникативного взаимодействия, ориентированного на достижение взаимопонимания между индивидами. Однако консенсус, который вырабатывается в рамках жизненного мира, сам по себе оказывается неустойчивым. Именно право компенсирует неустойчивость социальной интеграции, достигнутой в ходе коммуникативного взаимодействия. В основе теории, предложенной Хабермасом, лежит стремление защитить представление о праве как механизме достижения социальной интеграции, совокупности процедур для реализации политического участия и подчинения власти демократическим целям [2].

Процесс модернизации, подрывающий традиционные формы власти, одновременно ускоряет правовое развитие. Абстрактные и безличные формы современного права играют центральную роль в обеспечении того типа социальной интеграции, который соответствует требованиям модерна. Противоречивость процесса модернизации состоит в том, что власть должна во все большей степени доказывать собственную легитимность в глазах общественности. Все более явным становится требование всеобщего признания претензии на легитимность. Сохранение и воспроизведение социального порядка сопровождается возрастающими нормативными ожиданиями относительно демократических принципов подотчетности власти и самоуправления.

Согласно Хабермасу, в условиях модерна демонстрация легитимности прежде всего сфокусирована в законодательном процессе. Степень рациональности такого процесса и его соответствие критериям коммуникативной рациональности и определяют в конечном счете легитимность правовых норм. Правовая система является ле-

гитимной, если она гарантирует равное отношение ко всем гражданам и их равное право участвовать в процессе законотворчества. Другими словами, коммуникативные предпосылки легитимности права должны быть институализированы в виде политических гражданских прав.

Претензия на легитимность правовых норм предполагает политическую автономию граждан. Но роль гражданина как политически автономного субъекта возможна, согласно Хабермасу, только если он в достаточной мере независим на базе обеспечения частной автономии [3]. Тем самым частная и политическая автономии взаимно друг друга предполагают и дополняют. Согласно Хабермасу, существует «внутренняя взаимосвязь, а не просто случайное историческое совпадение между правлением закона и демократией» [4]. Принципы и структуры правового государства Хабермас определяет как механизм институционализации политического дискурса общественности. И если существующие законы выражают единство частной и публичной автономии самих граждан, эти законы могут получить достаточную степень общественного признания, чтобы служить средством свободной от принуждения социальной интеграции.

Включение граждан в процесс обсуждения в рамках автономных сфер общественности способно внести позитивный вклад в уменьшение отчуждения и обеспечение социальной интеграции. Справедливо также и обратное: право пользуется постоянным риском несогласия, чтобы побуждать к узаконенным формам институционализированного дискурса. Право переводит артикулированное несогласие в позитивную силу, интерпретируя его как проявление демократических прав на свободу слова и участие в процессе формирования общественного мнения.

Хабермас подчеркивает, что стремление к сохранению административной власти с необходимостью порождает инструментальный подход к праву. Он различает власть, рождающуюся в процессе коммуникации, и административно применяемую власть. Он рассматривает два противоположных процесса: «с одной стороны, коммуникативное формирование легитимной власти, которое рождается в свободном от всякой репрессивности процессе коммуникаций политической общественности, а с другой – такое обеспечение легитимности через политическую систему, с помощью которой административная власть пытается управлять политическими коммуникациями» [5]. Результат взаимодействия этих процессов, очевидно, различается в тех или иных обществах.

В современных развитых обществах, которые и являются предметом рефлексии Хабермаса, в перспективе социальной эманципации осознает-

ся необходимость нового баланса силы в области общественной интеграции. Хабермас предлагает проект, в соответствии с которым решением будет постепенно улучшаемая институционализация процедуры формирования коллективной воли и защита жизненного мира от давления зависимых от административной власти средств информации, объединений, партий.

Американский социолог Дж. Александр, получивший известность как один из ведущих теоретиков неофункционализма, при обсуждении проблем социологии права оказывается тем не менее близок к позиции Хабермаса. При этом американский социолог также определяет свою концепцию как форму «критической теории». В ряде работ 1990–2000-х гг. Александр осуществил анализ гражданского общества, в том числе взаимоотношений гражданской сферы с правовой системой демократического государства [6]. Наибольшее значение для разработанной им концепции гражданской сферы имели дюркгеймовская социологическая традиция и анализ социального сообщества в трудах Парсонса.

Особенностью концепции гражданской сферы Александера является попытка черпать аргументацию как в нормативной философии, так и в социальной теории. Структура гражданской сферы определена американским социологом посредством выделения дискурсивных и институциональных рамок. В качестве первой для Александера выступает демократический дискурс, направленный на выявление того, что значит быть гражданином, каким должно быть демократическое общество, каковы характеристики его внешних и внутренних оппонентов [7]. Основанием различия членов гражданской сферы и аутсайдеров выступает приверженность универсалистским ценностям. Инаковость аутсайдеров конструируется в терминах гражданской некомпетентности, а сама эксклюзия (исключение) является орудием прояснения и укрепления доминирующего символического порядка, средством самозащиты гражданской сферы. Таким образом, демократический дискурс характеризуется наличием бинарного кода. Институциональный уровень гражданской сферы включает, во-первых, пространство общественного мнения, во-вторых, институт выборов, политические партии и «новые социальные движения».

Эффективность выборов, деятельности политических партий, социальных движений как регулирующей границы гражданской сферы достигается прежде всего благодаря использованию права. Таким образом, в форме коммуникативных утверждений относительно норм, или в форме кодифицированных законов, гражданские критерии могут входить в контекст других социальных институтов [8].

В концепции Александера гражданская сфера оказывается воплощением «принципиальной целостности» (principal integrity) известного американского философа права Р. Дворкина [9]. Не судья или институт суда в целом, а автономная социальная сфера выступает субъектом конкретизации смысла закона или precedента.

Американский социолог подчеркивает культурную обусловленность правовых норм и их взаимосвязь с гражданскими ценностями, необходимость опоры правовых институтов на демократический дискурс гражданской сферы. Александр признает, что в условиях современного секуляризованного и плюралистического общества право в значительной мере отделено от морали. Тем не менее он полагает, что концепция дифференцированной гражданской сферы позволяет выявить в том числе и моральные ограничения функционирования права.

Александер разделяет точку зрения Хабермана, согласно которой право предстает как «одна из важнейших форм символической презентации гражданской солидарности» [10]. Но в концепции Александера правовые нормы полностью внедрены в бинарную логику гражданской сферы, и поэтому право не только служит обоснованием социальной эксклюзии, но и может быть инструментом исправления прошлой эксклюзии. Локализуя право внутри гражданской солидарности, Александр и в данном аспекте обнаруживает сходство своей позиции с концепцией Дворкина.

Александер рассматривает взаимодействие правовых институтов и гражданской сферы, подчеркивая их взаимовлияние и взаимопроникновение. Александр отмечает, что в той степени, в какой общество является демократическим, право защищает одновременно как индивидуальные, так и коллективные интересы. Право выступает как механизм, «формирующий универсалистскую солидарность и проясняющий ее применение в частных случаях» [11]. Правовые механизмы позволяют осуществлять воздействие на различные социальные сферы, например, предотвращая насилие в семье или регулируя трудовые конфликты. Эффективность воздействия обусловлена основополагающей идентификацией участников конфликтов в качестве членов гражданской сферы.

Наиболее явным примером регулирования правом отношений гражданской сферы с другими социальными сферами является конституция демократического государства. В демократическом обществе конституция должна способствовать укреплению гражданской солидарности. Как и во многих других случаях, Александр обращается к примеру американского общества. Он ссылается, в частности, на 5-ю поправку к конституции США, согласно которой никто не мо-

жет быть лишен жизни, свободы или собственности кроме как в соответствии с законом. Эта поправка интерпретировалась таким образом, что решения подобного рода мог принимать лишь суд, но не органы исполнительной власти. Конституирующем условием подобной интерпретации, очевидно, является отсутствие инструментального использования судебной системы.

Опираясь на работы американского правоведа Л. Фуллера [12], Александр выделяет процедурные основания демократического правового порядка. Он отмечает, что в демократическом обществе законы должны характеризоваться общедоступностью, последовательностью, ясностью, не иметь обратной силы. Однако моральную претензию восьми принципов внутренней моральности права Фуллера Александр едва ли разделяет. У Фуллера в праве моральные ценности общества преломляются процедурально в рамках регулятивной функции права. Для Александра источником внутренней моральности права является определенный уровень гражданской солидарности. Кроме того, с точки зрения Александра, в условиях демократии право подлежит контролю со стороны гражданской сферы.

Александр признает, что изображенный им образ права соответствует реалиям лишь развитого демократического общества. В иных социальных условиях систематический характер носят попытки представителей правящей элиты использовать правовые институты в своих интересах.

Право за пределами политики и моральности: аутопойезис

Аутопойетическая теория права Н. Лумана [13] кардинально противоположна дискурсивной теории Хабермаса и концепции гражданской сферы Александра. На формирование теории Лумана несомненное влияние оказал структурный функционализм. Однако, считая, что с позиций функционализма в какой-то момент стало невозможным следовать за междисциплинарным развитием системного подхода, Луман использует понятия, возникшие в других науках, в частности в кибернетике и биологии.

В рамках общей теории социальной системы Лумана прежде всего проводится разграничение системы и окружающей среды. Согласно Луману, система способна к самоорганизации и не определяется влиянием внешней среды. Луман рассматривает социальную систему как аутопойетическую, то есть воспроизводящую свои собственные элементы в соответствии со специализированным кодом. При этом элементами, из которых строится социальная система, выступают коммуникации.

Луман указывает, что правовая коммуникация характеризуется определенными особенностями.

В качестве критерия определения того, что является предметом коммуникации, Луман рассматривает бинарный код «законное/незаконное». Благодаря использованию этого кода данная система выявляет проблемы, которые требуют правового регулирования. Тем самым правовая система ограничивает себя от других подсистем общества, а правовые решения принимаются безотносительно к каким-либо моральным или политическим принципам. Более того, в то время как политическая система оказывает определенное воздействие на правовую систему посредством законодательства, правовая система отвечает на это переносом законодательства на периферию, а института суда в центр системы. Именно в суде репрезентируется процесс принятия юридически значимых решений. Тем самым правовая и политические подсистемы сохраняют модель функционального взаимодействия, а не иерархической соподчиненности.

Согласно Луману, правовая система лишь наблюдает другие подсистемы общества. Как полагает этот социолог, право является «нормативно закрытой, но когнитивно открытой системой» [14]. Хотя правовая система может реагировать на воздействие экономической или политической систем, такое воздействие переосмысливается в ее собственных категориях. Экономика и политика не могут определять содержание правовой коммуникации, правовые решения не могут приноситься извне: «если в правовой системе обнаруживаются следы внешних влияний, то эти влияния уже преобразованы в правовые нормы» [15]. Согласно Луману, усиление влияния политических сил или экономических интересов на правовую систему не ведет к утрате ее автономии, коль скоро внешние воздействия трансформируются в правовую коммуникацию. Автономия правовой системы оказывается под угрозой лишь в том случае, когда в рамках данной системы решения принимаются не в соответствии с ее собственным кодом «законное/незаконное», а под влиянием политических, моральных или иных неюридических принципов.

Луман утверждает, что в обществах, организованных по принципу иерархической дифференциации, не существует автономной правовой сферы. Ведущую роль в таких обществах играет политическая система, которая оказывает определяющее влияние на сферу права. Как отмечает Луман, в европейских абсолютных монархиях существовала иерархическая дифференциация правовой системы. Суды, которые лишь применяли законы, занимали подчиненное положение по отношению к законодательному органу. Но принятие конституций изменило это соотношение, поскольку суды были наделены функцией определять соответствие законодательства

конституции. В результате в рамках правовой системы была преодолена иерархическая дифференциация.

Для современного общества характерна главным образом функциональная дифференциация. Луман считает разделение политической и правовой систем ключевой характеристикой современного общества.

Концепция юридического поля П. Бурдье

Значительный интерес для анализа взаимодействия между правовой и политической системами с позиций социологии права представляет концепция юридического поля П. Бурдье [16]. Согласно Бурдье, юридическое поле представляет собой арену борьбы за монополию на толкование закона. Эта борьба ведется между агентами, обладающими профессиональной компетентностью, которая заключается в общественно признанной способности интерпретировать свод текстов, закрепляющих легитимное видение социального мира. Бурдье выделяет юридический капитал как особую разновидность символического капитала – его объективированную, кодифицированную форму. Результатом концентрации юридического капитала является становление относительно автономного юридического поля, в рамках которого организуется и иерархизируется юридический корпус.

Бурдье сосредоточивает внимание на совокупности объективных отношений, возникающих между юридическим полем и полем власти, а через него – всем социальным полем, поскольку именно внутри этого универсума отношений определяются средства, цели и специфические следствия юридической деятельности [17]. Критическому анализу Бурдье подвергает стратегии юристов, принимающих за абсолютную норму своей практики своего рода пакт о ненападении, заключаемый между юристами и государством, который и служит скрытым основанием юридической профессии.

Практики агентов юридического поля формируются на основе сходного опыта, приобретенного в ходе обучения праву и профессиональной деятельности. Бурдье использует понятие юридического габитуса для обозначения одинаковых диспозиций агентов, структурирующих их восприятие и оценку конфликтов, которые должны быть преобразованы в юридические прения. Компетентность как специфическая власть профессионалов позволяет контролировать доступ в юридическое поле, переопределяя социальную реальность, конструируя конфликты, предлагая оценку шансов на успех и последствий выбора той или иной тактики поведения. При конструировании конфликтов юристами движут специфи-

ческие интересы представителей юридической профессии, финансовые интересы, но также их этические или политические диспозиции, т. е. «принцип социальной близости с клиентами» [18].

По мнению Бурдье, соотношение сил между профессионалами, участвующими в судебном процессе, в значительной степени соответствует соотношению сил между их клиентами. Кроме того, французский социолог указывает на необходимость выявления связи между позициями агентов в символической борьбе и их положением в системе разделения труда в рамках юридического поля. Вместе с тем, подчеркивает Бурдье, носители различных форм юридического капитала дополняют друг друга, несмотря на конкуренцию между ними.

Формирование юридического поля предполагает установление границы между носителями юридического капитала и непрофессионалами. Последние могут выступать лишь клиентами специалистов, обладающих необходимой квалификацией, которая позволяет установить монополию профессионалов на производство и коммерциализацию той особой категории товаров, какой являются юридические услуги. Бурдье утверждает, что на функционирование юридического поля влияют два основных фактора: во-первых, отношения власти, определяющие структуру такого поля; во-вторых, внутренняя логика развития права [19]. Процесс развития юридического поля происходит в условиях конфликта между стремлением к расширению рынка юридических услуг и увеличением разрыва между профанами и профессионалами.

Бурдье понимает автономию юридического поля в двойном смысле: как сохранение границы между профессионалами и профанами и как воспроизведение границы между юридическим полем и другими полями. Осуществленное Бурдье исследование показывает, что правовая сфера не является полностью автономной по отношению к другим сферам общественной жизни. Внешние изменения непосредственно отражаются в юридическом поле, а внутренние конфликты в этом поле в значительной степени определяются влиянием политических и экономических структур.

Заключение

В числе критериев систематизации современных концепций социологии права можно выделить не только подход к проблеме соотношения права и морали в современных обществах, наличие или отсутствие нормативного стандарта, степень юридизации общественной жизни, но и степень автономии правовой сферы, особенности взаимодействия правовой и политической систем. Применение данных критериев позволяет прове-

сти значимые аналитические различия между социолого-правовыми концепциями указанных авторов.

Продолжая дюркгеймовскую традицию, Хабермас и Александр выделяют моральные основания правового порядка, подчеркивают культурную обусловленность правовых норм. Однако Александр не разделяет точку зрения Хабермаса, согласно которой легитимность правовых норм может быть обеспечена лишь демократическими процедурами. С точки зрения Александера, правовые нормы являются легитимными в той степени, в какой в праве выражены универсалистские гражданские ценности, принципы справедливости и равенства. Хабермас и Александр разделяют понимание права как важнейшего регулятивного механизма, который воздействует на все сферы общественной жизни. Однако в отличие от Александра Хабермас осознает опасность колонизации права императивами политической и экономической подсистем, несмотря на то что современное право является компонентом жизненного мира и, таким образом, всегда может быть нормативно обосновано.

Луман и Александр опирались на функционалистскую традицию, хотя и развивали ее в совершенно разных направлениях. В работах Лумана анализ правовой системы занимает одно из центральных мест, причем немецкий социолог прежде всего стремится обосновать автономию правовой подсистемы по отношению к другим подсистемам современного общества. Александр рассматривает в первую очередь взаимодействие правовых институтов и гражданской сферы, подчеркивая их взаимовлияние и взаимопроникновение. Александр выделяет гражданскую моральность в качестве основания правового порядка. В отличие от этого Луман расценивает современное право как полностью свободное от какого-либо влияния моральных, политических норм и следующее исключительно собственной внутренней логике.

Бурдье анализирует формирование юридического поля в широком социальном контексте и прослеживает процесс его исторического развития. Французский социолог рассматривает также воздействие на юридическое поле других полей, прежде всего экономики и политики, демонстрируя ограниченный характер автономии юридического поля.

Важной является задача определения возможностей использования теоретических моделей западной социологии права и границ их применимости для исследований политико-правового

комплекса современной России. Концепции Лумана, Хабермаса, Александера ориентировались главным образом на анализ западных обществ, для которых характерна высокая степень функциональной дифференциации политической и правовой подсистем. Концепция юридического поля Бурдье может использоваться для изучения правовых институтов в условиях различных политических режимов, позволяет осуществить анализ взаимодействия между группами, обладающими различными интересами и ресурсами в рамках правовой сферы. Данная концепция применима для анализа взаимодействия правовой и политической систем в советском и современном российском обществе и обладает значительным потенциалом при проведении эмпирических исследований данной проблематики с позиций социологии права.

Примечания

1. Kronman A. Max Weber. Stanford, CA: Stanford University Press, 1983. P. 8–14.
2. Simon J. Between power and knowledge: Habermas, Foucault and the future of legal studies // Sociological perspectives on law / ed. by R. Cotterrell. Aldershot: Ashgate, 2001. Vol. 1. P. 415–429.
3. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб.: Наука, 2001. С. 411.
4. Habermas J. Postscript to *Between Facts and Norms* // Habermas, modernity and law / ed. by M. Deflem. L.: SAGE Publications, 1996. P. 137.
5. Хабермас Ю. Демократия, разум, нравственность. М.: Academia, 1995. С. 49.
6. Alexander J. The civil sphere. Oxford: Oxford University Press, 2006.
7. Ibid. P. 239–243.
8. Александр Дж. Прочные утопии и гражданский ремонт // СОЦИС. 2002. № 10. С. 9.
9. Dworkin R. Law's empire. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1986.
10. Sciortino J. Bringing solidarity back in. Review essay // European Journal of Social Theory. 2007. Vol. 10. № 4. P. 565.
11. Alexander J. The civil sphere... P. 153.
12. Фуллер Лон А. Мораль права. М.: ИРИСЭН, 2007.
13. Lubmann N. Law as a social system. Oxford: Oxford University Press, 2004.
14. Lubmann N. The unity of the legal system // Autopoietic law: A new approach to law and society / ed. by G. Teubner. Berlin: de Gruyter, 1988. P. 20.
15. Lubmann N. Closure and openness: On reality in the world of law // Autopoietic law... P. 345.
16. Бурдье П. Власть права: основы социологии юридического поля // Бурдье П. Социальное пространство: поля и практики. СПб.: Алетейя, 2005. С. 75–128.
17. Там же. С. 108.
18. Там же.
19. Там же. С. 77.

O. V. Курис

СОВРЕМЕННЫЙ ГОРОД КАК ЭКОПРОБЛЕМА

Статья посвящена социологической теории урбанизма. Особое внимание уделяется экологическим проблемам в современных городах. В качестве одного из способов решения этих проблем предлагается создание экогородов, обеспечивающих поддержание здорового образа жизни и высокое качество жизни населения Земли.

This article is devoted to sociological theories of urbanism. Special attention is paid to ecological problems in modern cities. One of the ways of desision of these actual problems is given: creation of eco-cities, providing the maintenance of healthy life-style and high quality of life of the Earth population.

Ключевые слова: современный город, урбанизм, экологические проблемы.

Keywords: modern city, urbanism, ecological problems.

Существует множество городов, и у каждого своя история, которая по-своему уникальна и неповторима. Город многогранен. Его называют моделью общества, зеркалом окружающего района, двигателем прогресса. Это и «точка на карте», и целый мир с большими внутренними различиями. Город – главная арена общественной активности, место концентрации знаменательных событий, наслаждение которых создаёт особую атмосферу исторической памяти. Города первыми сталкиваются с проблемами общественного развития и вынуждены первыми предлагать их решения. Проблемы современных городов действительно растут как снежный ком и достигают катастрофических масштабов.

Чтобы понять, как должны развиваться города, нужно разобраться в том, какие города нужны современным людям, какими качествами они должны обладать, чтобы их заслуженно оценили как «место, комфортное для проживания». На эти вопросы пытаются ответить социологические теории урбанизма. У истоков создания социологии городской среды была чикагская школа. Один из основателей этой школы – Роберт Парк, автор социально-экологической теории. Социология, по Парку, изучает образцы коллективного поведения, формирующегося в ходе эволюции общества, как организма и «глубоко биологического феномена». Поэтому общество имеет помимо социального (культурного) уровня биологический, лежащий в основе всего социального развития. Движущей силой этого

развития является конкуренция, которая по мере продвижения общества от биологического уровня к социальному принимает различные сублимированные формы – от борьбы за выживание через конфликт и адаптацию до ассимиляции. Социальная эволюция, по его мнению, проходит четыре стадии, и любой социальный организм имеет четыре соответствующих порядка: экологический (пространственное, физическое взаимодействие), экономический, политический и культурный. По мере продвижения к культурному порядку усиливаются социальные связи, ограничивается конкуренция, сдерживается биологическая стихия и общество достигает оптимальной социальной конкуренции и согласия.

В городе накапливаются и трансформируются все уровни эволюции. Город одновременно «и то и другое». Он свободен и не свободен, он биотичен и социален, он закрепляет сообщества за территориями, и он обеспечивает мобильность индивидов в рамках вне- и внутригородских миграционных процессов. В этом смысле город представляет собой естественную социальную лабораторию, где проявляют себя все процессы, характерные для эволюции сообществ.

«Город всегда описывали как естественное обиталище цивилизованного человека. Именно в городах человек создал философию и науку и стал не просто рациональным, но утончённым животным. ...Ибо город и городская среда представляют собой наиболее последовательную и в целом наиболее успешную попытку человека преобразовать мир, в котором он живёт, в наибольшем соответствии со своими сокровенными желаниями. Но если город – это сотворённый человеком мир, то это мир, в котором ему и приходится теперь жить. Таким образом, сотворив город, человек невольно и не представлял себе отчётливо смысла этой работы, преобразил самого себя. Примерно в этом смысле и в такой связи мы представляем себе город как социальную лабораторию» [1]. Так звучало известное высказывание Роберта Парка.

Другой видный представитель чикагской школы, Эрнест Берджесс, занимался исследованием межкультурного взаимодействия в рамках городских сообществ. Наиболее изучаемыми были проблемы гетто, молодёжных сообществ и молодёжной преступности, культурной ассимиляции и изоляции, проблемы маргинализации. Берджесс составлял «социальные карты города», с помощью которых наблюдал распределение гетто, молодёжных преступных групп, распределение различных учреждений, устанавливал корреляцию типов социальных проблем друг с другом в зависимости от структуры города, его физического типа. С помощью «социальных карт города» Берджесс определял концентрические зоны города: деловые

районы и пригороды, промышленные зоны и районы эмигрантов. Он полагал, что все социальные явления могут быть интерпретированы как адаптивные реакции на изменения среды: физической, социальной, межличностной.

Другой представитель чикагской школы, Луис Уэрт, разработал концепцию, которая описывает урбанизм как образ жизни. Он подчёркивает, что в больших городах множество людей живёт в непосредственной близости друг от друга, оставаясь в большинстве своём незнакомыми друг с другом. Большинство контактов между горожанами носит быстротечный и поверхностный характер и является скорее средством достижения целей, а не полноценными удовлетворительными взаимоотношениями. Поскольку те, кто живёт в городах, становятся всё более мобильными, связи между ними относительно слабые. Соперничество доминирует над сотрудничеством. Уэрт признаёт, что насыщенность социальной жизни в городах ведёт к формированию различных по своим характеристикам городских районов, и некоторые из них могут сохранять черты малых сообществ. Однако чем интенсивнее эти районы включаются в городскую жизнь, тем меньше остаётся таких черт. Уэрт приходит к выводу, что городская жизнь безлична и деиндивидуализирована [2].

Идеи чикагской школы социологии на долгие годы стали основой теории и практики исследований социологии городов.

Данная отрасль знания активно развивается в настоящее время. Это связано с тем, что в современных городах резко обострились проблемы социального, экономического и экологического характера, без решения которых сбалансированное развитие мегаполисов становится невозможным. Практически все крупные города – промышленные центры.

В настоящее время ведётся активная разработка показателей, учитывающих влияние городской экономики на природную среду. Например, система эколого-экономического учёта, направленная на учёт экологического фактора в национальных статистиках. Данная система описывает взаимосвязь между состоянием природной окружающей среды и экономикой страны. Это система «зелёных счетов», в которой в натуральных показателях ведётся счёт по лесным ресурсам, концепция экологического долга и концепция «естественного капитализма».

Система «зелёного счета» основывается на изменении традиционных экономических показателей за счёт двух величин: стоимостной оценки истощения природных ресурсов и эколого-экономического ущерба от загрязнения [3].

«Экологический долг» как «кредитные отношения» общества и природы является новым под-

ходом к рассмотрению эколого-экономических процессов. Их разработка связана с принятыми решениями об устойчивом экономическом развитии и необходимостью учитывать экологическую ситуацию. «Экологический долг» – это выраженная в денежных единицах задолженность общества перед природой. И хотя говорить о денежных обязательствах общества перед природой можно лишь с большой долей условности, это понятие близко к понятию внешнего государственного долга. В своём развитии общество строит города, прокладывает дороги, вырубает леса, загрязняет почву, воздух и воду вредными выбросами, так или иначе ухудшает окружающую среду – другими словами, общество накапливает свой долг перед природой. Окружающая среда обладает некоторой способностью к самовосстановлению. За нулевую точку отсчёта, когда экологического долга ещё нет, принимается такое состояние окружающей среды, при котором она характеризуется возможностью накопления средств для компенсации ущерба природным комплексам в будущем.

Если скорректированный на величину прироста экономического долга валовой внутренний продукт хозяйствующего субъекта сокращается, то это признак коллапсирующей экономики – прирост валового внутреннего продукта достигается в ущерб экологии, т. е. за счёт получения кредита от будущих поколений. Самый угрожающий вариант хозяйствования – снижение валового внутреннего продукта при постоянно увеличивающемся ущербе природе.

Ситуация, когда наблюдается одновременный экономический рост и увеличивающийся экологический долг, может быть интерпретирована как кредитование экономического развития за счёт некоего природного амортизационного фонда. Эти кредиты должны быть краткосрочными, так как при длительном накоплении экологический долг может достигнуть критических величин.

Экологические проблемы современных городов ощущаются сегодня особенно остро. К таким относятся загрязнения воздуха, поверхностных и подземных вод, почвы.

Изначально крупные промышленные предприятия строились на периферии городов, но разрастание жилых кварталов привело к тому, что люди стали жить бок о бок с часто вредными производствами. Выбросы химиков в городское небо делают жизнь горожан невыносимой. В лучшем случае люди ощущают неприятный запах, в худшем – чувствуют недомогание, вызванное отравлением организма. Даже если предприятие находится не в непосредственной близости от жилых кварталов, оно всё равно отравляет окружающую среду на несколько километров вокруг. Вредные выбросы из огромных труб заводов подхва-

тываются ветром и в виде осадков покрывают ближайшие районы. Сточные воды, которые не редко имеют ядовито-жёлтый цвет, несутся маленькими ручейками к большим рекам, попадают в почву.

Ещё одной экологической проблемой городов являются выхлопные газы миллионов автомобилей, которые ежедневно стоят в многокилометровых пробках. Экологически чистые автомобили, которые передвигаются на безвредном для окружающей среды топливе, сейчас скорее далёкая перспектива, несмотря на высокий уровень развития науки в современном обществе. Пересяживаться на велосипеды и общественный транспорт жители мегаполисов не хотят, а значит, эта проблема не потеряет своей актуальности ещё долго. Выхлопные газы по степени вредного влияния на окружающую среду опережают заводы и фабрики. Вредные летучие вещества в их составе оказывают неблагоприятное воздействие не только на организм человека, но и на растения и животных городской полосы. Поражаются дыхательные пути, понижается уровень необходимого кислорода в крови. Углеводороды в составе выхлопных газов могут стать причиной головных болей, которые стали привычными для городских жителей.

Немалый вред городам наносят мусорные свалки. Тонны отходов вместо того, чтобы перерабатываться, свозятся на переполненные свалки, или же жителям приходится дышать запахом мусорных куч, не выходя из своих дворов. Ужасный запах и толпы крыс – это не самые страшные последствия неубранного мусора. Довольно часто выбрасываются отходы, которые содержат ядовитые вещества и поэтому требуют специальной утилизации.

Современный город – это существо с большими зачернёнными лёгкими с плотной шапкой из смога над головами его жителей. К основным экологическим проблемам добавляются мытьё машин в городских водоёмах, пикники в парках, которые превращают и без того редкие зелёные зоны в уменьшенные копии городских свалок.

Бездумное потребительское отношение к окружающей среде приводит к медленному самоуничтожению городских жителей, которое будет продолжаться до тех пор, пока люди не осознают важность решения существующих экологических проблем.

В настоящее время исследования в области моделирования экологического фактора продолжаются.

Тема экологии остаётся в центре внимания и политиков, и учёных. Будущие поколения не могут повлиять на современные способы распределения ресурсов. Поэтому живущие ныне должны принять на себя ответственность и избрать такой

путь развития, чтобы их преемники унаследовали природный и экономический потенциал.

Современный город представляет собой мощную инженерно-техническую инфраструктуру. Города являются источником развития цивилизации, и в то же время они стали одними из главных виновников деградации окружающей среды. В современных городах расходуется основная часть всех добываемых ресурсов. Этим определяется важность такого преобразования городов, когда будут использоваться только экологические технологии для поддержания жизнедеятельности. Для дальнейшего развития необходимо произвести «экологическую» реконструкцию городов, чтобы города предоставляли высокое качество жизни людям не в ущерб природе планеты [4].

В связи с этим актуальность приобретают экологические города. В современной экономике однозначного определения категории «экогород» в научном обороте отсутствует. Приведём наиболее типичные.

Впервые термин «экосити» ввёл американский строитель и эколог Ричард Реджистер в 1978 г. По мнению учёного, экосити – экологически чистый город. В настоящее время определение Р. Реджистера рассматривают в более широком смысле и определяют как город, который способен самостоятельно обеспечивать себя продовольствием и энергией, при этом площадь, отчуждённая под строительство и, следовательно, жилую зону, должна быть по возможности минимальна.

По мнению российского учёного А. Н. Тетиора, экосити – город, построенный на принципах экологичности, находящийся в экологическом равновесии с природой и не отторгаемый природными экосистемами, не загрязняющий природу и пронизанный зелёными коридорами, с нишами для жизни диких животных, с экологичными зданиями и экологизацией всей деятельности людей в городе, с высоким качеством жизни, системой экологического образования, воспитания и вовлечения всех жителей в процесс экологизации их жизни и деятельности [5].

Один из китайских исследователей понятия экогорода профессор Пекинского исследовательского центра экологических наук Ванг Русонг определяет его как административную единицу, имеющую экономически производительную и экологически эффективную промышленность, систематически ответственную и социально гармоничную культуру и физически красивый и функционально оживляемый ландшафт. Цель развития экосити, по его мнению, состоит в планировании, проектировании и строительстве структурно единого города с учетом процесса его метаболизма, функциональной устойчивости путём

культивирования экологического ландшафта, экологического промышленности и экологической культуры.

Основными принципами функционирования экогорода являются:

- работа промышленных предприятий в форме замкнутого цикла с максимальным возвратом в технологические процессы образующихся газообразных, жидких и твёрдых отходов;
- использование энергосберегающих технологий;
- обеспечение переработки бытовых отходов;
- использование экологичного автомобильного транспорта;
- строительство малоэтажных зданий, использование подземного пространства для устройства складов, гаражей, стоянок, аккумуляторов тепловой энергии и озеленение вертикальных и горизонтальных поверхностей зданий и сооружений (кровли-газоны, стены-газоны, озеленённые ограды, столбы освещения);
- проектирование квартир с выходами в зимние сады, на веранды, создание уютных, озеленённых дворов с беседками и коллективных плодовых садов; участие каждого жителя города в проектировании, строительстве и отделке экодома;
- создание экоцентра для экологического образования и воспитания населения с кинозалами, лекционными аудиториями, выставками, видеосистемами, экоигротеками, зооуголками, аквариумами, оранжереями, теплицами.

Рассмотрим типологию экогородов.

1. «Зелёные» экосити. Цель состоит в увеличении или сохранении городской природной среды, т. е. среда должна быть более зелёной, более разнообразной, более дружественной для городских жителей. Основными задачами являются увеличение количества и качества пешеходных зон, сохранение сельскохозяйственной земли, выявление экологически чувствительных областей, создание природных парков для отдыха граждан.

2. Экосити «Преодолевающие пределы» – города, обеспокоенные преодолением биофизических пределов, чтобы экономический рост и увеличение уровня потребления могли быть устойчивыми. Проблемы городов второго типа касаются нехватки земли под строительство жилья, загрязнения воздуха, дефицита пресной воды, переполненных дорог, нехватки мест для закапывания, ухудшения качества воды в местной реке или озере и беспокойства об увеличивающихся затратах и ненадёжности энергии и топлива. Таким образом, акцент делается на увеличении пропускной способности инфраструктуры с целью

удовлетворения долгосрочных планов относительно экономического роста. Главной задачей этого типа экогорода является развитая транспортная инфраструктура, система водоснабжения и канализации, переработка мусора. Это должно привести к меньшему загрязнению воздушной и водной среды.

3. «Здоровые» экосити – города, включающие в планы своего развития элементы устойчивого развития, признающие право будущих поколений. Таким образом, планирование экосити становится расширением социальной политики государства. Исторически городская природная среда всегда отодвигалась на задний план в усилии достигнуть краткосрочной социально-экономической цели. Третий тип включает экономические и социальные выгоды при одновременном обеспечении долгосрочного экологического здоровья, управлении ресурсами и адаптируемости природной среды [6].

Таким образом, задачей экогородов является обеспечение здорового образа жизни и высокого качества жизни населения в городе, в регионе, в стране и на планете.

Тысячелетиями человек жил, работал, развивался, но он не подозревал, что настанет день, когда станет трудно, а может, и невозможно дышать чистым воздухом, пить чистую воду, выращивать что-то на земле, так как воздух на три четверти загрязнён, вода на три четверти отравлена, почва заражена радиацией и другими химическими веществами. Каждый человек должен сегодня осознавать, что человечество столкнулось с проблемой выживания, и выживем мы или нет, зависит от каждого из нас. Существует множество концепций развития городов, и, несмотря на их различия, все они едины в одном: невозможно бороться с городскими проблемами, не восстановив общинный дух, не возродив чувство сообщества у самих горожан.

Примечания

1. Park R., Burgess E. The City Suggestions for Investigations of Human Behavior in the Urban Environment. Chicago, 1925. C. 51.
2. Гайденс Э. Социология. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 517, 522.
3. Ковалев В. В. Методы оценки инвестиционных проектов. М.: Финансы и статистика, 2010. С. 36.
4. Ендовицкий Д. А., Каменденко С. Н. Организация анализа и контроля инновационной деятельности хозяйствующего субъекта. М.: Финансы и статистика, 2008. С. 94.
5. Тетиор А. Н. Городская экология. М.: Академия, 2006. С. 122.
6. Ендовицкий Д. А. Инвестиционный анализ в реальном секторе экономики. М.: Финансы и статистика, 2007. С. 109.

B. B. Лыткин

ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИДЕАЛЫ В РУССКОМ КОСМИЗМЕ

В статье анализируются философские антропологические идеалы, представленные в творчестве русских космистов. Основных представителей русского космизма, и прежде всего К. Э. Циолковского, можно считать основоположниками космической антропологии, предметом которой является изучение вероятных форм жизни во Вселенной, изучение космического будущего человечества.

This article is analyzed anthropological and philosophical ideals, represented in the works of Russian cosmism. The main representatives of Russian cosmism and K. E. Tsiolkovsky, above all, can be considered the founders of The Space anthropology, which is to examine the likely subject of life forms in the Universe, exploring the space future of mankind.

Ключевые слова: антропологические идеалы, русский космизм, К. Э. Циолковский, эволюция человечества, космическая эволюция, освоение космоса.

Keywords: anthropological ideals, Russian cosmism, K. E. Tsiolkovskiy, evolution of mankind, cosmic evolution, space exploration.

«Русский космизм» как философское учение оформился в России на рубеже XIX–XX вв., т. е. в то самое время, когда Россия в мировоззренческом, идейном и философском плане представляла собой кипящий котел мнений, учений и школ [1]. Творчество таких его ярчайших представителей, как Н. Ф. Федоров, К. Э. Циолковский, В. И. Вернадский, включало не только поразительные эвристические находки, но и своеобразно преломляло в себе широчайший спектр того, что создавалось не одним поколением выдающихся мыслителей в разных странах, в разные исторические эпохи [2]. Вот почему можно с полным правом говорить о том, что «русский космизм» как явление национальное базировался на богатейшей духовной культуре всей человеческой цивилизации. Он заимствовал и творчески интерпретировал многие выдающиеся достижения мысли и духа, обогащая, в свою очередь, мировую культуру новыми идеями, даря жизнь принципиально новым сферам человеческой деятельности, в том числе и новым подходам в поиске антропологических и социальных идеалов.

Одну из первых попыток нарисовать мир будущего с точки зрения космизма предпринял В. Ф. Одоевский, замечательный писатель, философ, педагог, музыкальный критик. Его главной страстью были философия и литературная деятельность. Они счастливо соединялись, породив

в 1837–1839 гг. незаконченный роман «4338-й год. Петербургские письма», где яркие идеи космизма сопровождаются не менее интересными и значимыми для России предвидениями естественно-научного характера. В этом произведении Одоевский высказывает идею о том, что космонавтика может стать средством разрешения проблем перенаселения Земли. В описываемый им период далекого будущего преобразованное человечество нашло «способ сообщения с Луной – она необитаема и служит только источником снабжения Земли разными житейскими потребностями, чем отвращается гибель, грозящая Земле по причине ее огромного народонаселения», писал В. Ф. Одоевский в 1837 г. [3]

Так, уже на начальных стадиях оформления определилась характерная черта космизма, идея возможности достижения космического пространства и различных объектов Вселенной, возможность решения социальных и гуманитарных проблем за счет научно-технического прогресса.

В. С. Соловьев понимал эволюцию природы как постепенное развитие мирового единства, являющегося необходимым условием для достижения божественного добра. Эволюция природы создает условия для развития высшего аспекта мира [4]. Уже в «Чтениях о Богочеловечестве» Соловьев отмечал, что человеческая личность безусловно отрицательна: «Она не хочет и не может удовлетвориться никаким условным, ограниченным содержанием». Однако это еще не все, ибо человеческая личность убеждена, что она «может достигнуть и положительной безусловности, т. е. что она может обладать всецелым содержанием, полнотою бытия» [5]. Нравственный смысл жизни человека «состоит в служении Добру – чистому, всестороннему и всесильному» [6]. В. С. Соловьев полагал, что заповедь Христа о любви к ближнему должна распространяться на отношения между народами, ибо каждый народ «оказывается на деле лишь особою формой всемирного содержания, живущего в нем, наполняющегося им и воплощающего его не для себя только, а для всех» [7]. По мнению Соловьева, христианская культура и свободная теократия должны быть созданы на основе органического соединения положительных элементов духовной культуры Востока и Запада. Первый шаг в этом направлении должен заключаться в воссоединении восточной и западной церквей. Основой вселенской теократии является союз государства и церкви, опирающийся на нравственную власть последней. Следовательно, Соловьев надеялся, что именно славянские страны, и в частности Россия, первыми заложат фундамент свободной теократии. Все это приведет к возникновению новой генерации человечества, бого-человечеству [8].

Н. Ф. Федоров предлагает новый, «космический», взгляд на человека. Человек-землянин – далеко не совершенное, но уникально организованное природное существо. Люди, уничтожая друг друга, забывают о своем главном враге – смертоносных силах природы. «Она – сила, пока мы бессильны, – пишет Федоров, – пока мы не стали ее волей. Сила эта слепа, пока мы неразумны, пока мы не составляем ее разума... Природа нам враг временный, а друг вечный, потому что нет вражды вечной, а устранение временной есть наша задача» [9]. Следовательно, необходимо сознательное управление эволюцией, преобразование природы исходя из потребностей нравственности и разума человека. Регуляция природы выступает как новая ступень эволюции, сознательный этап развития мира.

Идея регуляции многосторонне разработана Федоровым: тут и овладение природой, и переустройство организма человека, и выход в космос с последующими управлениями космическими процессами. Вершина регуляции – победа над смертью, воскрешение предков. В процессе регуляции должен измениться сам организм человека. Ведь человек не может стать бессмертным, сохраняя свой современный вид жизнедеятельности, принципиально конечный. Патрофикация предполагает возвращение к жизни отцов в новом, хотя и телесном, но преображенном виде, обладающем возможностью самосозидания своего тела из неорганических веществ. Человечество в перспективе должно научиться управлять не только движением Земли, ее атмосферой, но и Солнечной системой, Вселенной [10].

Наиболее развернутое учение космизма в контексте социальных преобразований и совершенствования человечества представил К. Э. Циолковский. Над вопросами социально-философского характера он начал работать с 1902 г. и занимался этим до конца своих дней. В 1920 г. в одном из своих писем К. Э. Циолковский писал: «Трудно решить, какие открытия важнее: технические или по устройству общества. Склоняюсь, сам без колебания, к последнему» [11]. Собственно, социальная часть его философии и дает возможность говорить об антропокосмической позиции ученого, определять К. Э. Циолковского как создателя, основоположника принципиально нового направления в антропологии – космической антропологии.

Вопрос об антропологических взглядах ученого имеет определенную историографию. Уже на II и III Чтениях К. Э. Циолковского И. А. Кольченко начинает затрагивать вопрос о космическом будущем человечества, приходя к выводу о том, что это наиболее оригинальная часть философии К. Э. Циолковского [12]. В своих рабо-

тах А. П. Огурцов пишет об антропологизме у К. Э. Циолковского как «неадекватной части мировоззрения ученого» и считает, что этот раздел его философии надо называть как-то иначе [13]. Определяющий вклад в понимание и оценку антропологических взглядов К. Э. Циолковского внес своими работами академик Д. А. Урсул, который вполне справедливо полагал, что противоречивые философские взгляды К. Э. Циолковского несли в себе огромный эвристический заряд, принципиально новые идеи, в частности, в постановке проблемы космического будущего человечества [14]. Безусловно значимыми были исследования Е. Т. Фадеева, считавшего идеи К. Э. Циолковского в области космической эволюции разума безусловно важными с точки зрения попытки объяснить проблему саморазвития материи [15].

В 80-е гг. XX в. начинаются определенные переосмысления антропологических взглядов К. Э. Циолковского. С одной стороны, это было связано с развитием пилотируемой космонавтики, увеличением длительности полетов космонавтов. Космическая биология и медицина стали получать новые данные, позволившие говорить об изменении наших представлений о возможности дальнейшей биологической эволюции человека в космосе. В связи с этим начали изменяться и взгляды на антропологические идеи К. Э. Циолковского. К ним стали относиться с все большим и большим вниманием [16]. Изменилась и общефилософская оценка взглядов К. Э. Циолковского на проблему космического будущего человека. Она стала рассматриваться в двух основных аспектах: общефилософском и антропоэволюционном. Здесь необходимо отметить яркие работы Л. В. Лескова, где особо отмечается эволюционный оптимизм К. Э. Циолковского, антифиналистские оценки им перспектив цивилизационного развития, все возрастающую активную роль человека и разума во Вселенной [17]. Необходимо высоко оценить направление исследований В. М. Мапельман, постоянно и адекватно анализировавшей этические взгляды К. Э. Циолковского и полагавшей, что в антропологической составляющей философии К. Э. Циолковского видна попытка ученого определить место человека в объективном и неизбежном процессе освоения им космического пространства [18].

Особое значение для понимания философии К. Э. Циолковского в настоящее время имеют работы В. В. Казютинского. Глубоко, критически и объективно анализируя антропологические взгляды ученого, В. В. Казютинский приходит к нескольким принципиальным выводам. С течением времени он все более и более высоко оценивает место К. Э. Циолковского среди русских космистов, отмечая в то же время, что для

К. Э. Циолковского характерно было рассматривать современного человека как средний вариант его развития – от первобытного к человеку совершенному (будущему), имеющему иную биологию [19]. Принципиальной позицией В. В. Каютинского является признание того, что философия К. Э. Циолковского не носила антропоцентрического характера, ибо была направлена не на человека, а на «атом-дух», поэтому антропокосмизм К. Э. Циолковского не имел антропоцентрического значения [20].

С нашей точки зрения, в центре этики и философии К. Э. Циолковского находится человек и счастье человека. Идеалом социальным и антропологическим для К. Э. Циолковского является совершенный, идеальный человек и совершенное общество. Возможно, термин «антропоцентризм» не вполне точен по отношению к антропокосмизму К. Э. Циолковского. Может быть, позиции К. Э. Циолковского было бы более разумно назвать «интеллектоцентризмом» (разумоцентризмом), подразумевая, что ученый не отрывал земную цивилизацию от других вероятных цивилизаций космоса. Он полагает, что в будущем они объединятся, образовав «космический разум», который и станет той «волей вселенной», определяющей космический порядок силы, которая всем и будет распоряжаться. Нам представляется подобная позиция рациональной и учитывающей взгляды и К. Э. Циолковского, и большинства представителей русского космизма.

К. Э. Циолковский критически относился к современному человечеству как с точки зрения его социальной организации, так и с точки зрения уровня развития цивилизации, а значит, и уровня развития людей как отдельных личностей. В целом он приходил к выводу, что современное человечество очень далеко от идеала как по интеллектуальным, так и по нравственным качествам, включая и физический облик [21]. Низкий уровень развития цивилизации и людей приводит к тому, что в людях сохраняются низменные, первобытные инстинкты и суеверия, их невежество приводит к тому, что они не обращают внимания на людей выдающихся, не понимают их, а зачастую и преследуют: «История учит нас, сколько гениев было не оценено и погублено в зачатии – жизнью и ограниченностью окружающих средних, совершенно невинных людей» [22]. Но человечество находится еще в самом начале своего цивилизационного пути. Земля, по мнению ученого, еще очень молодой мир. Эволюция человечества, как социальная, так и антропологическая, еще только начинается. К. Э. Циолковский пишет о том, что человек, являясь результатом эволюции, лишь недавно выделился из царства животных [23]. Подходя к проблеме антропогенеза, К. Э. Циолковский при-

ходит к выводу о том, что человечество не завершило свою эволюцию, более того, настоящее состояние человека – состояние начальное с точки зрения его эволюции. С другой стороны, рассматривая человека как продукт эволюции, продукт антропогенеза, он отмечает, что за время своего эволюционного развития люди совершенствовались значительно [24]. Генетически отбираются и закрепляются те свойства организма, которые в наибольшей степени способствуют адаптации человека в данных природно-климатических условиях. К. Э. Циолковский делает обоснованный вывод о том, что в изменяющихся внешних условиях среды обитания эволюция будет продолжаться, а на тех планетах, на которых потенциально возможна жизнь, она будет адаптироваться к изменяющимся там условиям [25]. К. Э. Циолковский анализирует проблему космической эволюции по нескольким направлениям: прежде всего, это условия эволюции (общие) на планетах; возможные типы живых существ, способные населить иные планеты; и, наконец, возможные направления эволюции человечества, связавшего свою судьбу с жизнью в космическом пространстве. Главным фактором общей эволюции живых организмов являются условия их существования, а именно окружающая среда: температурные условия, климат, атмосфера и ее состав и т. д. [26]

Таким образом, К. Э. Циолковский впервые с точки зрения антропологии рассматривает вопрос о вероятных формах жизни в иных (неземных) условиях существования. Он приходит к выводу о том, что можно предвидеть возможные пути развития жизни и живых организмов исходя из данных естественных наук. А зная общие параметры, прежде всего физические, среды обитания, мы можем гипотетически представить облик того или иного животного, населяющего тот гипотетический мир. К. Э. Циолковский пишет о том, что «на холодных планетах преобладал бы водород, на близких – водяной пар или другие жидкости, обращенные в жидкости благодаря теплу. Из этого сделаем новый вывод: и на холодных, и на горячих планетах возможны существа, составленные из тех морей, атмосфер и почв, которые существуют на планетах» [27]. К. Э. Циолковский анализирует варианты жизни существ, находящихся на планетах или в среде с пониженнной силой тяжести: «1. Чем меньше радиус планеты или ее тяжесть, тем больше рост организма. 2. Если нет этого, то органы движения (ноги и прочее) становятся очень слабы или тонки. 3. Если нет этого, то увеличиваются прыжки животных или скорость их передвижения. 4. Может быть комбинация всех трех случаев... могут быть самые разнообразные сочетания трех крайних случаев» [28]. Таким образом, ученый

рассматривает возможность существования различных видов живых существ на других планетах в зависимости от среды их обитания. При этом, признавая огромную их вариабельность, он приходит к выводу, что функции их органов, их строение будут зависеть напрямую от внешних условий, которым эти животные будут адаптироваться в процессе своей эволюции.

К. Э. Циолковский в своих произведениях приходит к выводу, что человеческая эволюция не завершилась. Более того, в самом недалеком (относительно) будущем наша эволюция продолжит свое бурное развитие, причем это будет эволюция и антропологическая, и социальная. Связано это будет с началом эры освоения космоса. К. Э. Циолковский был убежден в том, что освоение космического пространства является неизбежным этапом развития любой цивилизации в космосе, включая и земную цивилизацию. При этом ученый полагал, что часть человечества останется жить на Земле. Но большая часть переселится в искусственные космические жилища, будет жить в среде без тяжести, развиваясь и совершенствуясь свободно, достигая совершенства в плане индивидуальном и социальном [29]. С момента поселения в космосе кардинально меняются условия жизни людей. При этом изменяется главный и основной параметр – меняется сила тяжести. Люди начинают жить в условиях микрогравитации, или при условиях значительно пониженной тяжести (по сравнению с Землей). Невесомость окажет решающее влияние на все органы и системы организма человека. Это научное предвидение подтверждается в настоящее время. Практика длительных космических полетов показывает, что в организме человека в условиях невесомости происходят заметные изменения [30]. Наблюдения за космонавтами во время длительных космических полетов выявили следующую картину: через 10–14 суток пребывания в невесомости начинается атрофия мышц, прежде всего уменьшается мышечная масса голеней, а затем и бедер ног (в случае отсутствия специального комплекса упражнений); через 1 месяц начинается активный вывод калия и кальция из организма, уменьшается масса скелета, он становится более хрупким; через 6–8 месяцев меняется структура крови, в частности, эритроциты принимают сферическую форму [31].

Отталкиваясь от вполне логичного постулата о неизбежности биологической эволюции организма в случае его переселения в иную физическую среду, в среду с микрогравитацией, К. Э. Циолковский развивает свою мысль далее и приходит к выводу, что эволюция породит новый вид человечества. Мы можем назвать его условно *Homo Cosmicus*. В предельном виде это абсолютное физическое существо живет вечной, бессмер-

тной, блаженной и счастливой жизнью. Оно существует в открытом космосе, путешествуя из одной звездной системы в другую, и имеет идеальную шарообразную форму [32]. *Homo Cosmicus* К. Э. Циолковского – это идеальное, метафизически абсолютное существо будущего, его утопический идеал, антропологический императив. Он помещен К. Э. Циолковским в бесконечность космоса и бесконечность времени, ибо сам ученый рассматривал этот вариант идеала как вероятный и поэтому гипотетический.

Таким образом, К. Э. Циолковский, говоря об идеалах космического человека, приходит к выводу о том, что будущая эволюция человечества неизбежно будет связана с его выходом в космос и с его постоянным расселением там. Это приведет к радикальной биологической, персональной и социальной эволюции человечества. Возникнет новый вид людей, которых мы можем условно назвать *Homo Cosmicus*. Этот вид человека космического и является тем антропологическим идеалом человека, который К. Э. Циолковский размещает в актуальной бесконечности времени и пространства как предельный и поэтому недостижимый вариант развития разумной космической жизни, как нравственный и физический идеал человека, который во многом носит характер антропологической утопии [33].

По нашему мнению, основных представителей русского космизма, и прежде всего К. Э. Циолковского, можно считать основоположниками космической антропологии, предметом которой становится изучение вероятных форм жизни во Вселенной, изучение космического будущего человечества. Объектом космической антропологии является эволюционирующий человек и интеллектуальные формы жизни, в том числе вероятные космические формы разума. Космическая антропология К. Э. Циолковского является и яркой составляющей частью русского космизма, направленной на изучение вероятных этапов развития человечества, изучение космоса.

Примечания

1. Лыткин В. В. Социально-антропологические и философские проблемы русского космизма. Гл. 6. Калуга: Изд-во Калуж. гос. ун-та им. К. Э. Циолковского, 2003. С. 128–140.

2. Маров М. Я. Предисловие ко второму изданию // Циолковский К. Э. Избранные труды / отв. ред. М. Я. Маров. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Наука, 2007. С. 5.

3. Одоевский В. Ф. 4338-й год. Петербургские письма. М., 1926. С. 43.

4. Соловьев В. С. Чтения о Богочеловечестве. Краткая повесть об Антихристе / сост. и примеч. А. Б. Муратов. СПб.: Худож. лит., 1994. С. 302.

5. Там же. С. 23.

6. Соловьев В. С. Оправдание добра. М.: Мысль, 1988. С. 18.
7. Соловьев В. С. Чтения о Богочеловечестве ... С. 301.
8. Лосев А. Владимир Соловьев и его время. М.: Прогресс, 1990. С. 231–232.
9. Федоров Н. Ф. Соч. М.: Наука, 1982. С. 521.
10. Федоров Н. Ф. Философия общего дела. Т. 1. Верный, 1906. С. 236.
11. Циолковский К. Э. Письмо К. Э. Циолковского В. М. Вишневу // Архив РАН. Ф. 555. Оп. 4. Д. 4. Л. 3.
12. Кольченко И. А. К. Э. Циолковский о судьбе человечества в космосе // Труды II Чтений К. Э. Циолковского. Исследование научного творчества К. Э. Циолковского. М.: ИИЕИТ АН СССР, 1969. С. 17–29.
13. Огурицов А. П. К. Э. Циолковский и В. И. Вернадский. Сравнительный анализ философских идей // Труды X Чтений К. Э. Циолковского. Исследование научного творчества К. Э. Циолковского. М.: ИИЕИТ АН СССР, 1977. С. 5.
14. Урсул А. Д. Человечество, Земля, Вселенная. М., 1977. С. 17–18.
15. Фадеев Е. Т. Проблема бессмертия человечества у К. Э. Циолковского и в марксизме // Труды IX Чтений К. Э. Циолковского. К. Э. Циолковский и философия проблемы освоения космоса. М.: ИИЕИТ АН СССР, 1975. С. 7–10.
16. Коробков А. В., Космolinский Ф. П., Хазен И. М. Проблема адаптации в космической биологии и медицине // Труды XIV Чтений К. Э. Циолковского. К. Э. Циолковский и философские проблемы освоения космоса. М.: ИИЕИТ АН СССР, 1980. С. 80–90.
17. Лесков Л. В. Феномен человека по Циолковскому. Труды XXX–XXXI Чтений К. Э. Циолковского. Циолковский и философские проблемы освоения космоса. М.: ИИЕИТ РАН, 1998. С. 12–18.
18. Манельман В. М. К. Э. Циолковский о будущем человечества // XXXV Чтения К. Э. Циолковского: тез. докл. М.: ИИЕИТ РАН, 2000. С. 116–117.
19. Казютинский В. В. Ценностные ориентации современного космизма и прогнозы будущего техногенной цивилизации. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 337, 345.
20. Казютинский В. В. Космическая философия К. Э. Циолковского в контексте русского космизма // К. Э. Циолковский. Космическая философия. М.: УРСС, 2001. С. 418.
21. Циолковский К. Э. Горе и гений // К. Э. Циолковский. Общественная организация человечества. Горе и гений. М.: МИП «Память», ИПЦ РАУ, 1992. С. 27.
22. Там же.
23. Циолковский К. Э. Животное космоса // К. Э. Циолковский. Очерки о вселенной. Калуга: Золотая аллея, 2001. С. 136.
24. Там же. С. 136–137.
25. Там же. С. 139.
26. Циолковский К. Э. Свойства человека // К. Э. Циолковский. Космическая философия / ред. В. С. Авдуевский. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 116.
27. Циолковский К. Э. Животное космоса // Циолковский К. Э. Собр. соч. Т. IV. М.: Наука, 1964. С. 298.
28. Там же. С. 302.
29. Циолковский К. Э. Живая вселенная // Архив РАН. Ф. 555. Оп. 1. Ед. хр. 428. Л. 37.
30. Космolinский Ф. П., Кузнец Е. И. Проблемы космической биомедицины в трудах К. Э. Циолковского. Тула: Приокское кн. изд-во, 1990. С. 36–62.
31. Космическая биология и медицина / под ред. О. А. Газенко. М.: Наука, 1987. С. 52–59.
32. Циолковский К. Э. Животное космоса. С. 302–303.
33. Лыткин В. В. Указ. соч. С. 187.

УДК 130.3

Р. Ю. Панченко

МЕТАТЕОРИЯ СОЗНАНИЯ КАК ВОЗМОЖНЫЙ ПРЕДЕЛ ДОПОЛНИТЕЛЬНОСТИ

В статье рассматривается метатеоретическая постановка проблемы сознания под углом опыта рассуждений М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорского. Автор производит попытку осмысливать познательный потенциал метатеоретического дискурса.

The article deals with metatheoretical formulation of the problem of consciousness as experience of discussion of Mamardashvili and Piatigorsky. The author tries to understand the cognitive potential of metatheoretical discourse.

Ключевые слова: философия сознания, метатеория сознания, метатеоретический подход.

Keywords: philosophy of consciousness, metatheory of consciousness, metatheoretical approach.

В истории философии проблема сознания выступала под разными именами в череде многочисленных традиций и школ философствования, в которых рассматривались различные способы употребления терминов «душа», «дух», «сознание». Зафиксируем сам факт громадности числа этих способов, которые можно, по нашему мнению, объединить термином «философия сознания». В то же время к философии сознания можно отнести определенную технику философского теоретизирования, в этом случае философия сознания позволяет с определенным удобством оперировать широким рядом стратегий в отношении проблемы сознания. Очевидно, что многочисленные направления, такие как феноменология, экзистенциализм, аналитическая философия, а также чисто научные изыскания – от нейробиологии и квантовой физики до психологии и культурологии – можно рассматривать в виде такого ряда философских стратегий. И важно отметить, что в философском плане весь этот плюрализм разработок зиждется на *несовпадающих* онтологических основаниях. Нас интересует возможность их совместного рассмотрения.

рения на метатеоретическом уровне и определение гносеологического потенциала соответствующей метатеории сознания.

Существование большого спектра (в перспективе даже бесконечного множества – пойдем и на такое допущение) теоретических построений в отношении сознания, использующих разнородные, непереводимые друг в друга в силу парадигмальных противоречий основания, создаёт ряд проблем. Сужение всей этой проблематики пусть к достаточно широкому, но так или иначе предельному уровню задаёт определенный ход мысли, одновременно, с неизбежностью, его ограничивая. Это наличие границ в работе с теориями сознания, собственно говоря, проблемой не является, поскольку решает так или иначе ряд определённых задач, имея своё в той или иной мере определённое конкретно-предметное поле. Но само существование разных теоретических систем с определённой степенью закрытости их друг от друга в смысле возможности (точнее, невозможности) перевода их эпистемологических содержаний к единым онтологическим основаниям требует должной рефлексии по отношению к формальным свойствам этих систем. В плане такой разработки и проявляется эвристический потенциал метатеории, выступающей формализующим базисом предметно-теоретических построений. Иначе говоря, попытка построения метатеории сознания есть своего рода рефлексивно-теоретическое переключение, если не сказать – приключение, характера мышления.

Отметим известный факт, что в случае с сознанием объект теоретизации одновременно выступает и непосредственным методом исследования. Проще говоря, сознание исследуется с помощью сознания же. Надо отметить, что подобного рода самореферентность не уникальна и ее можно обнаружить в ситуации определения мышления, языка и объектов микромира. Очевидно, что мы должны опираться на мышление, чтобы понять, что такое мышление, и опираться на язык при описании языка и т. д. Хотя в целом по отношению к научному познанию эти ситуации следуют расценивать как крайне специфичные, требующие специальных методик, чём, собственно, и является, в какой-то мере, проблематизация в рамках метатеории.

Если предельно просто попытаться схематизировать специфику парадоксов, возникающих в отношении сознания, мышления, языка, квантового мира, то следует, по-видимому, обратиться к идее герменевтического круга. Вводится принципиальное различение мышления, например, и рефлексии об этом мышлении. В целом эти ситуации парадоксальности в рамках различных теорий могут служить слентовыми системами при переходе к метатеории, выводя к соответствую-

щим установкам (слентовый, от СЛЕНТ – аббревиатура выражения «строительные леса научной теории», предложенная Э. М. Чудиновым). Речь идет о промежуточных теоретических построениях между первоначальным зарождением теории в виде идеи или гипотезы и окончательным вариантом – теоретической системой, построенной на основе экспериментальной проверки гипотез. И затем могут быть оставлены за её рамками. Оставлены как относящиеся к теоретическому плану сознания, а не метатеоретическому.

Метатеоретический подход позволяет выйти за рамки общетеоретических научных построений в отношении сознания и рассмотреть сознание непосредственно в онтологической специфике как нечто бытийствующее вообще, то есть в некоторой слитности именно с бытийственным и всей его потенциальностью. Это требует чрезвычайно специфической мыслительной работы, особого мыслительного фокуса по отношению к словам, их играм в сознании и с сознанием. Речь идет о возможности (скорее, необходимости) выйти из субъект-объектной парадигмы, в рамках которой описание сознания неизбежно наталкивается на непроходимые парадоксы мышления. И тогда, пишут М. Мамардашвили и А. Пятигорский, «сознание может описываться как необъектное», при этом «необходимо допустить принципиальную возможность описания сознания как чего-то и онтологически несубъектного» [1]. При этом отмечается некоторая условность приёма, посредством которого осуществляется скачок от классики к метатеории. Условность заключается в том, что метатеория – это нечто не безусловное, нечто незавершённое и в силу этого рискующее не сбыться. Однако если пойти на риск выхода, то есть возможность попасть в ситуацию «вне» по отношению к классике философствования, а значит, и по отношению к присущим ей рядам парадоксальностей, а это и есть, по-видимому, способ прорваться к сознанию. При этом отмечается, что «взде, где может вводиться метатеория, взде, где есть такое свойство, мы имеем дело с тем, что может условно описываться как сознание» [2].

Осуществляя эту попытку прорыва к сознанию, Мамардашвили и Пятигорский разрабатывают особый понятийный аппарат. Как представляется, терминологию, которую они вводят, следует рассматривать в непосредственной соотнесенности с семиотической направленностью их исследований. То есть категории, вводимые ими в метатеории сознания, такие как сфера сознания, состояния сознания, структура и псевдо-структура сознания, слои сознания, факты сознания, могут рассматриваться в символическом ключе. Это связано с тем, что, как отмечают авторы, «сознание не имеет “языка” для себя, а име-

ет только “язык” для психики, и этим языком является язык символов» [3].

Сама метатеория выступает как своего рода символ особого рода мышления, суть которого можно увидеть в потенциальности и принципиальной открытости. Образно говоря, метатеория сознания выступает как ещё одно измерение, могущее быть дополнительным к чему бы то ни было в сознании, естественно, при наличии особой рефлексивно-мыслительной установки. Её характеристики беспрестанно проговаривают в своих рассуждениях авторы, создавая метатеорию в качестве совершенно особого инструмента философской работы с сознанием. Инструмента, позволяющего оперировать классическими категориями теорий сознания, да и категориями вообще как спекулятивными фактами сознания.

Итак, метатеория сознания выступает как нечто предельное по отношению к теории сознания и при этом как нечто принципиально дополнительное. Позволим себе привести цитату, на наш взгляд, достаточно ёмко отражающую характер предельной дополнительности метатеории сознания: «Понимание сознания, работа с сознанием, борьба с сознанием – отсюда и попытки построения какой-то своей метатеории сознания... – вызваны нашим желанием дойти до какого-то доступного нам сейчас предела, причем предела не в чистом умозрении, не в поисках какого-то абстрактного категориального сознания, а предела в поисках основы своего сознательного существования» [4].

Конечно, вся работа с сознанием в философии метатеорией не исчерпывается. Да она и не претендует на это. Но само наличие её как пре-

дельно дополнительного фактора любой теоретической работы, несущего возможность выхода из любой парадигмальности в некое положение, которое топологически удобно обозначить как «вне», как возможность быть где-то ещё, может задавать определённый эвристический потенциал. И если попытаться его как-то определить, то это определение будет в духе безграничности. В том смысле, что метатеория – это то, что мыслится над границами, это то, где мышлению и философствованию ещё предстоит случиться, и в силу этого пределы, задающиеся ретроспективно, ещё не определены. Вместе с этим, несмотря на всю сложность метатеоретизации сознания, без подобной работы, на наш взгляд, построение какой-либо адекватной онтологической картины сознания не представляется возможным.

Резюмируя наш дискурс о метатеоретической картине сознания, следует отметить, что сам её характер, характер открытости через позицию «вне», несёт в себе принципиальную возможность быть картиной незавершённой, способной к творческому дополнению, и, возможно, в силу этого, достижения некоторой реальной конвергенции онтологических и эпистемологических оснований философии сознания.

Примечания

1. Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символе и языке. М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. С. 44.
2. Там же. С. 42.
3. Там же. С. 145.
4. Там же. С. 30–31.

ИСТОРИЯ

УДК 94(430+470+460)"1936/1939"

М. В. Новиков

ПОЛИТИКА ГЕРМАНИИ И СССР В СВЯЗИ С НАЧАЛОМ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ИСПАНИИ 1936–1939 гг.

Рассматриваются схожие подходы германского и советского руководства в определении позиций в связи с началом Гражданской войны в Испании 1936–1939 гг.

The article deals with similar approaches of German and Soviet leaders in determining the positions at the beginning of the Spanish Civil War in 1936–1939.

Ключевые слова: Гражданская война в Испании 1936–1939 гг., Германия, СССР, гуманитарная помощь, военная помощь, невмешательство, идеологические и политические интересы, экономические и стратегические интересы.

Keywords: Civil War in Spain 1936–1939, Germany, the Soviet Union, humanitarian assistance, military assistance, non-intervention, ideological and political interests, economic and strategic interests.

Гражданская война в Испании началась как чисто внутренний конфликт между сторонниками и противниками демократического пути развития страны. Перспектива затягивания конфликта и военно-техническая отсталость Испании [1] вынудили противоборствующие стороны обратиться к другим государствам с просьбой пропасть им оружие, причем правительство Испанской республики надеялось на помощь прежде всего Франции в рамках существовавшего двустороннего договора, а также Великобритании и СССР, мятежники, соответственно, на Германию и Италию. Начинается процесс втягивания в испанское противоборство крупных европейских держав, который имел как свои особенности в отношении каждой из них, так и схожие черты. При всем различии целей и задач германской внешней политики и советской внешней политики в целом в испанском вопросе оказалось много общего в том, каким образом и Германия, и СССР оказались вовлечеными в Гражданскую войну.

Во-первых, необходимо отметить, что ни Германия, ни СССР не были связаны какими-либо

предварительными обязательствами по отношению к воюющим сторонам, не было здесь ни «фашистского», ни «коммунистического» заговора, их вмешательство в испанский конфликт носило спонтанный, «импровизированный» характер и диктовалось оно прежде всего соображениями идеологического и политического характера, к которым вскоре добавились и стратегические, и экономические расчеты.

На этапе подготовки мятежа испанским генералам удалось заручиться морально-политической поддержкой нацистских партийных руководителей высокого ранга. В то же время совершенно очевидно, что ни германское министерство иностранных дел, ни военное министерство, ни другие государственные структуры не были связаны какими-либо конкретными обещаниями. Не случайно первое обращение Франко к Германии за помощью по официальным дипломатическим каналам оказалось безрезультатным. Доверенное лицо Франко обратилось к германскому военному атташе в Париже с просьбой оказать помощь в приобретении десяти военно-транспортных самолетов для переброски войск из Африки в Испанию. Атташе адресовал просьбу министру иностранных дел, тот – военному министру. Реакция обоих была отрицательная: «Известия о том, что мы поставляем оружие мятежникам... могут иметь чрезвычайно серьезные последствия» [2].

Франко предвидел возможный отказ официальных германских властей, поэтому одновременно он подготовил личное письмо Гитлеру и Герингу с просьбой о помощи и переслал его по партийным каналам. Два видных нациста – лидер нацистской организации в Марокко А. Лангенхайн и бизнесмен И. Бернхардт – передали письмо руководителю заграничных организаций нацистской партии гауляйттеру Э. Боле. Он ознакомил с письмом министерство иностранных дел и военное министерство, которые подтвердили свою позицию невмешательства в испанские дела [3]. Боле подключил к решению проблемы Р. Гесса, и тот приказал передать письмо Гитлеру. В ночь с 25 на 26 июля у Гитлера состоялось совещание, на котором присутствовали министр авиации Г. Геринг, военный министр генерал-полковник В. Бломберг и И. Бернхардт. Обсуждался вопрос об оказании Франко помощи авиацией. Мнение Геринга на этом совещании оказалось

решающим. Позднее он отмечал: «Войска Франко находились в Африке и не могли переправиться в Испанию, так как флот находился в руках коммунистов, т. е. так называемого законного правительства Испании. Было необходимо перебросить войска Франко в Испанию. Фюрер задумался, и я посоветовал ему оказать помочь во всех случаях: во-первых, с целью предотвратить победу коммунизма в этом регионе, во-вторых, испытать мою молодую авиацию в техническом отношении» [4].

Политика СССР в отношении Испании в июле – августе 1936 г. характеризовалась некоторой двойственностью. В это время советское правительство демонстрировало официальную позицию нейтралитета. СССР не имел в Испании каких-либо серьезных стратегических или экономических интересов, до августа 1936 г. отсутствовали даже дипломатические отношения с Испанией. В обстановке напряженных международных отношений середины 30-х гг., взаимного недоверия и подозрительности, скрытого и явного антикоммунизма и антисоветизма прямое участие СССР в европейском конфликте типа испанского повлекло бы обвинения со стороны других государств в стремлении к большевизации Испании. Советское руководство хотело избежать международных осложнений, которые могло повлечь за собой вмешательство в конфликт.

Отказываясь в июле – августе 1936 г. продавать оружие республиканцам, Советский Союз, тем не менее, демонстрировал лояльное отношение к Республике [5]. В августе 1936 г. состоялся обмен послами между СССР и Испанией, соглашение о восстановлении дипломатических отношений между которыми было достигнуто еще в 1933 г. 17 августа Политбюро ЦК ВКП(б) постановило: «Обязать НКВТ немедленно продать испанцам мазут по пониженнной цене и на самых льготных условиях» [6].

В начале августа в СССР началась активная компания по сбору средств среди населения для оказания гуманитарной помощи Испанской республике [7]. Советское руководство приняло соломоново решение: широко пропагандируя гуманитарную помощь республике, оно демонстрировало мировому пролетариату интернационализм в действии, а в случае дипломатических осложнений могло прикрываться неофициальным характером этой помощи. Именно так, например, должен был поступить, согласно инструкции Наркомата иностранных дел от 7 августа 1936 г., посол СССР в Великобритании И. Майский: «Если Галифакс будет делать попытку рассматривать денежные сборы наших рабочих как вмешательство в испанские дела, Вы, конечно, должны со всей энергией и убедительностью доказывать, что сборы, производимые населением

СССР, конечно, не являются вмешательством Советского правительства в испанские дела. Ведь такие сборы производятся повсеместно, в том числе и в Англии...» [8]

Во-вторых, вмешиваясь в испанский конфликт, и германское, и советское руководство официально этот факт отрицало и делало все возможное, чтобы как можно дольше сохранить свое вмешательство в тайне. С этой целью в военных ведомствах СССР и Германии создаются специальные сверхсекретные подразделения, способные по замыслам советского и германского руководства выполнить поставленную задачу. 26 июля в министерстве авиации Германии был создан секретный штаб «В», на который и была возложена реализация приказа Гитлера о помощи Франко. Штаб действовал по-немецки оперативно, и уже на следующий день 20 транспортных самолетов «Юнкерс-52», входивших в состав военно-воздушных сил Германии, вылетели в Марокко. На совещании у Гитлера было решено исходя из реального соотношения сил в Европе между демократическими государствами и Германией оказывать помощь испанским мятежникам тайно, а в случае утечки информации и серьезного давления со стороны Англии и Франции немедленно отступить и дожидаться более благоприятной ситуации.

После принятия Советским руководством решения об оказании Испанской республике военной помощи [9] в недрах разведывательного управления Наркомата обороны СССР создается специальная группа «Х», которой было поручено заниматься отбором и отправкой в Испанию военных специалистов, боевой техники и военного снаряжения, а также сбором и обобщением информации о боевых действиях в Испании [10].

В-третьих, первоначально, в июле – августе 1936 г., и германское, и советское руководство рассчитывало на минимальное вмешательство в испанский конфликт. Для Германии это была посылка 20 транспортных самолетов для перевозки профессиональной колониальной армии из Испанского Марокко в континентальную Испанию, для Советского Союза – гуманитарная помощь. Примерно в одно и то же время и Гитлер (24 августа), и Сталин (конец августа – начало сентября) приняли решение об эскалации помощи воюющим сторонам.

В-четвертых, много общего у германского и советского руководства в отношении предложеной французским правительством политики не-вмешательства в испанский конфликт.

Как известно, 2 августа 1936 г. правительство Франции, обеспокоенное ходом событий в Испании, усиливающимся вмешательством фашистских государств в этот конфликт и опасностью его выхода за пределы Испании, обратилось к пра-

вительствам Великобритании и Италии с предложением о невмешательстве во внутренние дела Испании. Английское правительство, разделяя опасения французских политиков, отметило, что считает целесообразным заключение соглашения о невмешательстве в испанские дела между Англией, Францией, Германией, Италией и Португалией. И только по достижении соглашения между этими странами к соглашению могли присоединиться и другие заинтересованные страны.

Нужно подчеркнуть, что на этом этапе британское руководство не приглашало СССР присоединиться к соглашению о невмешательстве, оно попыталось отстранить СССР от решения испанской проблемы. Но на присоединении СССР к соглашению о невмешательстве стал настаивать министр иностранных дел Германии К. Нейрат, более того, он указывал на прямую зависимость позиции Германии в этом вопросе от участия СССР в соглашении. Германские политики стремились связать СССР обязательствами по соблюдению политики невмешательства, чтобы предупредить возможную поддержку Советским Союзом республиканцев. А. Франсуа-Понс комментировал это заявление К. Нейрата следующим образом: «Мне кажется любопытным, что он выразил желание подключить Россию к переговорам; до сих пор правительство рейха было озабочено только тем, как исключить Россию из всех совместных переговоров» [11].

По вопросу о присоединении к соглашению о невмешательстве в германском правительстве боролись две группы. Представители министерства иностранных дел настаивали на присоединении к предложению о нейтралитете. По их мнению, отказ Германии мог толкнуть Францию, а возможно, и Англию на путь прямой помощи Мадриду. И. Риббентроп поддержал в этом вопросе К. Нейрата, указав, что политика свершившихся фактов неприемлема в таком вопросе, как испанский или, вернее, средиземноморский, где интересы Франции и Англии почти полностью совпадают. Приверженцы другой тактики, некоторые члены верхушки национал-социалистической партии (Й. Гебельс, Р. Гесс), рекомендовали Гитлеру не связывать себя никакими обязательствами и более активно сотрудничать с Италией. По свидетельству Я. Сурица, Гитлер по обыкновению колебался и вначале более склонялся к мнению Й. Гебельса [12].

В мотивах присоединения Германии и СССР к соглашению много общего. Они, как и остальные европейские государства, стремились локализовать конфликт, предотвратить опасность перерастания его в общеевропейский. Обе страны боялись перспективы решения европейских проблем без своего участия. Активно перевооружавшаяся Германия, как, впрочем, и СССР, еще не

была готова к войне. Советский Союз со своей стороны стремился избежать каких-либо международных конфликтов со своим участием. Отказавшись поддержать французскую инициативу, обе страны рисковали навлечь на себя обвинения в дестабилизации международной обстановки и обострении ситуации на Пиренейском полуострове. По мнению А. Франсуа-Понсэ, в той ситуации Гитлер хотел идти по пути соглашения, а не конфликта. Заместитель наркома иностранных дел Н. Крестинский писал советскому послу в Италии Б. Штейну: «Хотя расстояние, отделяющее нас от Испании, делает очень трудным вопрос об оказании нами военной помощи, мы, тем не менее, поспешили дать недвусмысленный положительный ответ, потому что мы понимали, что Италия и Германия будут продолжать помогать мятежникам и притом будут оправдывать свои действия тем, что мы якобы вмешиваемся в испанские дела и оказываем помощь другой борющейся стороне».

Необходимость поиска партнеров и опасность создания враждебных коалиций побуждали Германию и СССР к более активным действиям на международной арене. Германия в середине 30-х гг. активно стремилась к диалогу с Англией. По оценкам французской дипломатии, основное внимание Гитлер уделял позиции Англии, желая оторвать ее от союза с Францией и привлечь на свою сторону. Германская пресса обвиняла Францию в двойственной политике и пыталась изолировать Францию от Англии и ее союзников и оставить наедине с СССР.

Путем присоединения к соглашению СССР стремился также предотвратить возможную угрозу договоренности между европейскими странами с антисоветскими мотивами. О том, насколько СССР был заинтересован в скорейшем подписании соглашения, свидетельствует постановление Политбюро ЦК ВКП(б) того же дня: «Если окажется, что все поправки других стран сняты и наши поправки являются единственным тормозом, принять предложение Франции и снять наши поправки». 23 августа СССР и Франция обменялись нотами о присоединении СССР к соглашению.

Германия, не имевшая намерения прекратить наращивание своего военного присутствия в Испании, с одной стороны, не спешила связать себя соглашением о невмешательстве, однако, опасаясь, что промедление поможет испанскому правительству, вынуждена была не затягивать с его подписанием. По мнению Я. Сурица, к концу августа 1936 г. в Германии осознали вероятность длительного сопротивления Мадрида и рискованность неприкрытоого и явного вмешательства. В соответствии с этим, считал советский дипломат, преобладала более осторожная тактика, сводящаяся к следующему:

«1) германское правительство дает свое принципиальное согласие на французское предложение о нейтралитете;

2) обставляет это согласие разными оговорками, преследующими цель максимально затянуть проведение в жизнь соглашения;

3) не отказывается фактически от помощи испанским генералам, но оказывает ее замаскированно и осторожно».

По мнению советского дипломата, «вся эта тактика рассчитана на выигрыш времени. Если в Испании создастся такая обстановка, что исход борьбы в пользу восставших будет зависеть исключительно от материальной помощи извне, то нет сомнения в том, что Германия эту помощь окажет». Германия присоединилась к соглашению 24 августа на следующий день после СССР [13].

В-пятых, совершенно очевидно, что первонаучальная реакция на просьбы противоборствующих в Испании сторон и германского руководства (помощь авиацией), и советского руководства (гуманитарная помощь) была вызвана идеологическими и политическими причинами, однако достаточно скоро появляются и соображения чисто экономического характера. В отличие от Муссолини, оказывавшего военную помощь мятежникам на безвозмездной основе, Гитлер и Сталин постарались извлечь из участия своих стран в испанском конфликте и конкретные материальные выгоды.

Германия имела в Испании определенные экономические интересы. Это была возможная сфера для экспансии капитала и источник природных ресурсов, в том числе стратегических. Не случайно, создавая в Испании торгово-транспортную фирму «Хисма», формально зарегистрированную как частное предприятие И. Бернхардта, руководство Германии вменило ей в обязанность не только выполнение заявок на поставки оружия испанским мятежникам, но и вывоз в Германию сырья, обеспечение условий для проникновения в Испанию германского капитала [14].

В начале сентября Испанию посетил один из крупнейших германских авиапромышленников – Мессершмидт. В своем отчете правительству он призывал энергичнее внедряться в Испанию и в качестве первоочередной задачи советовал скрепейшее подписание соглашения об экспорте меди [15]. Действуя в соответствии с этой программой, Геринг приказал в октябре 1936 г. создать компанию «Ровак», главной целью которой определялась вывозка сырья из Испании в обмен на военные поставки [16].

Фиктивные компании «Хисма» в Испании и «Ровак» в Германии выполняли функции прикрытия специального штаба в военном министерстве в Берлине и германской штаб-квартиры во франкистской зоне. Они занимались переброской

войск и снаряжения, экспортом сырья в Германию, а также финансовыми операциями [17].

Советская военная помощь оказывалась на коммерческой основе, все расчеты вел Наркомат внешней торговли. Испанскому правительству выставлялся счет за каждый пароход с оружием, и суда отправлялись в путь только после получения правительенной визы [18]. При этом испанская сторона оплачивала не только стоимость закупленного оружия, но и все косвенные расходы, связанные с отправкой грузов и людей в Испанию (доставка их в порты по железной дороге, погрузку, разгрузку, фрахт парохода, денежное довольствие советским специалистам и командам судов и проч.).

В октябре 1936 г., когда войска Франко подошли к Мадриду и правительство приняло решение перебраться в Валенсию, премьер-министр Испанской республики Л. Кабальеро и министр финансов Х. Негрин официально обратились к советскому руководству с просьбой принять на хранение около 500 т золотого запаса Испании. Просьба была рассмотрена на заседании Политбюро 17 октября. В ответе, переданном через посла СССР в Мадриде М. Розенберга, говорилось: «Мы готовы принять на хранение золотой запас, и мы согласны на отправку этого золота на наших возвращающихся из портов судах с тем условием, что золото будет сопровождаться уполномоченными испанпра (испанское правительство. – М. Н.) или Минфина и что наша ответственность за сохранность золота начинается с момента сдачи его Наркомфину СССР в нашем порту» [19]. 20 октября 1936 г. 510 т золота было погружено на 4 советских парохода, а уже 6 ноября золото поступило на хранение в Наркомфин СССР [20]. Объясняя мотивы такого решения, Кабальеро писал, что в условиях, когда существовала угроза захвата золотого запаса мятежниками, правительство решило передать его на хранение в Государственный банк СССР, предложивший свои услуги и предоставивший все необходимые гарантии. По словам Кабальеро, за счет испанского золота, депонированного в Госбанке СССР, оплачивались все закупки вооружения, производившиеся республиканским правительством как в самом Советском Союзе, так и в других странах.

Таким образом, отсутствие серьезных политических и экономических интересов в Испании, сконцентрированность на внутренних проблемах (Германия – реализация программы перевооружения, СССР – 5-летний план развития, перевооружение, борьба с оппозицией), а также опасения навлечь на себя обвинения в обострении международной напряженности обуславливали позицию невмешательства, которую заняли Германия и СССР в первые дни мятежа. Но последую-

щее изменение ситуации на Пиренейском полуострове и международной арене вызвало и изменение позиции лидеров этих стран. Интересы Германии и СССР в Испании менялись на протяжении всей войны. На начальном этапе у Гитлера и Сталина доминировали политические и идеологические мотивы. Но уже в августе – сентябре во внешней политике обеих стран появляются тенденции к использованию испанского конфликта в национальных интересах: для поиска согласия с европейскими странами и раскалывания потенциально враждебных международных группировок, самоутверждения на международной арене, извлечения из испанского конфликта определенных материальных дивидендов.

Примечания

1. См. подробнее: *Новиков М. В. Комунист и гражданская война в Испании 1936–1939 гг.* Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2007. С. 228–231.
2. *Documents on German foreign policy 1918–1945. Ser. D. Vol. III. Germany and the Spanish civil war (1936–1939).* L., 1951. P. 9–11. (Далее – DGFP).
3. DGFP. Vol. III. P. 11.
4. *International military tribunal. Nuremberg. Vol. IX. Nuremberg, 1948.* P. 280–281.
5. См. подробнее: *Орехова М. С. Германо-советские отношения в контексте международных аспектов гражданской войны в Испании 1936–1939 гг.:* дис. ... канд. ист. наук. Ярославль: Изд-во ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2004. С. 27–28.
6. Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Европа. Решение «особой политики». 1923–1939. М., 2001. С. 340.
7. См. подробнее: *Соловьев С. С. Движение социал-демократии советского народа с республиканской Испанией (1936–1939 гг.):* дис. ... канд. ист. наук. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2006.
8. Документы внешней политики СССР (Далее – ДВП СССР). Т. 19. М., 1974. С. 393–394.
9. См. подробнее: *Новиков М. В. Советский Союз и гражданская война в Испании 1936–1939 годов // Российская история.* 2009. № 5. С. 56.
10. Там же.
11. См.: *Орехова М. С. Указ. соч. С. 37.*
12. Там же. С. 37–38.
13. См.: Там же. С. 38–40.
14. См.: *Известия.* 1946. 13 и 14 июня.
15. DGFP. Vol. III. P. 28.
16. Ibid. P. 113–114.
17. Булок А. Гитлер и Сталин: жизнь и власть: сравнительное жизнеописание: в 2 т. Т. 2. Смоленск, 1994. С. 141.
18. РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 835. Л. 52.
19. Рыбалкин Ю. Е. Операция «Х». Советская военная помощь республиканской Испании (1936–1939 гг.). М., 2000. С. 93.
20. Там же. С. 90–101.

УДК 94/99

С. Н. Белевцева

ВЛИЯНИЕ США НА ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ В ПЕРИОД ПРЕЗИДЕНТСТВА ДЖ. БУША-СТАРШЕГО

В статье рассматриваются вопросы разработки и осуществления внешнеполитического курса США на вовлечение в сферу своего влияния стран Восточной Европы на основе проводимых в них демократических преобразований.

In the article questions of development and realization of a foreign policy of the USA on involving in sphere of the influence of the countries of the East Europe, on the basis of democratic transformations spent to them are considered.

Ключевые слова: распространение демократии, права человека, перестройка в СССР, холодная война, Восточная Европа, объединение Германии, международное влияние США.

Keywords: distribution of democracy, human rights, reorganization to the USSR, cold war, the East Europe, association of Germany, the international influence of the USA.

Администрация Дж. Буша-старшего, приходя к власти в 1989 г., продолжила политику Р. Рейгана в отношении стран Восточной Европы. Вторая администрация Р. Рейгана, воспользовавшись перестройкой и реальными экономическими трудностями в СССР, положила начало разрушению системы советского влияния на страны Восточной Европы. Перед администрацией Дж. Буша-старшего встало задача дальнейшей разработки восточноевропейской политики в рамках приоритетной доктрины «распространения демократии», полученной в политическое наследство от Р. Рейгана.

Стратегия «распространения демократии» рассматривалась американскими политическими кругами как средство, которое позволит разрушить иерархии ценностей социалистической системы, доказать несостоятельность коммунистической идеологии, распространить американскую модель общественного развития. В этом случае США получали возможность подтвердить свой статус в качестве лидера западного мира, играть роль единственной сверхдержавы.

Известный политический деятель Г. Киссинджер летом 1988 г. публично заявил: «В течение обозримого будущего... Соединенные Штаты должны продолжать играть значительную роль, а зачастую и жизненно важную» [1]. В марте 1990 г. госсекретарь США Дж. Бейкер был уверен в том, что «в новое время, рождающееся в борениях,

как и в старом мире, который сейчас быстро исчезает, заменить лидерство Америки нечем» [2]. Президент Дж. Буш в январе 1991 г. также подчеркивал: «И сегодня в быстро меняющемся мире лидерство Америки незаменимо» [3]. В конце 1990-х гг. З. Бжезинский, советолог, консультант Центра стратегических и международных исследований, признает: «Взаимосвязь безопасности Америки и Европы является аксиомой» [4]. В связи с этим, заключал он, от расширения рамок международной демократической системы в Европе «в большей мере зависит осуществление американского глобального первенства» [5].

Выдвижение и эффективность стратегии «распространения демократии» в качестве средства реализации внешнеполитических целей США в блоковом противостоянии двух политических систем были обусловлены изменениями внутри СССР во второй половине 1980-х гг. В американском внешнеполитическом истэблишменте практически единодушно пришли к мнению, что благодаря советской перестройке перед Соединенными Штатами открылся беспрецедентно благоприятный шанс решительно продвинуться в осуществлении стратегических целей Запада в отношении государств Восточной Европы.

Известные американские специалисты, занимавшиеся проблемами восточноевропейских стран: профессор факультета государства и политики Мэрилендского университета К. Дэвиша, бывший дипломат Л. Гордон, президент компании «Кайзер рисерч» Дж. Кайзер, – признали, что именно «в связи с реформами в Советском Союзе открылись благоприятные возможности для преодоления раскола Европы» [6]. С их точки зрения, «новая советская концепция Европы и европейской безопасности («общеверопейский дом») открывает далеко идущие перспективы для Восточной Европы» [7] и Запад «может оказать влияние на эти изменения в направлении, отвечающем его собственным интересам» [8].

Представляли интерес и взгляды профессора Чарльза Гати из Колумбийского университета, которые он представил подкомитету по европейским делам комитета по международным отношениям сената США в июле 1989 г. [9] Профессор, в целом поддерживая политику «дифференцированного подхода», на основании анализа ситуации в странах Восточной Европы считал необходимым для США руководствоваться при осуществлении своей политики «распространения демократии» степенью принятия идеи перестройки и гласности, а не степенью «дистанцирования от СССР».

Чарльз Гати выступал за эволюцию прежней политики «дифференцированного подхода», так как считал, что после объявления политики перестройки в СССР темп политических реформ был

выше в Советском Союзе. В связи с этим, по его мнению, необходимо было подвести Восточную Европу к проведению аналогичной политики.

Но подобная ситуация существовала короткий период. Вскоре политические процессы в странах Восточной Европы стали опережать реформы в СССР, и позиция Чарльза Гати перестала соответствовать объективно сложившейся ситуации.

Однако на тот период профессор не был одинок в своих оценках. На слушаниях в конгрессе в июле 1989 г. выступил В. Луэрс, бывший посол США в ЧССР [10]. По его мнению, концептуальная основа «дифференцированного подхода» восточноевропейской политики Соединенных Штатов – степень независимости стран Восточной Европы от Советского Союза – требовала переосмыслиния в связи с перестройкой и гласностью в СССР, официальным отказом советского руководства от «доктрины Брежнева» и, следовательно, от жёсткого контроля за Восточной Европой.

Действительно, изменения, происходившие в СССР, открыли возможность демократическим преобразованиям 1989 г. в Восточной Европе и поставили администрацию Дж. Буша перед необходимостью корректировки восточноевропейского курса США.

Белый дом, изучив представленную конгрессом позицию Ч. Гати и В. Луэрса, не считал, однако, что политика «дифференцированного подхода» себя исчерпала. Официальный Вашингтон внёс корректировки в указанную политику, выдвинув в новых условиях главным критерием развития отношений с восточноевропейскими странами степень их продвинутости по пути демократических реформ. Показательным в этом плане является заявление президента Дж. Буша, сделанное 17 апреля 1989 г. в выступлении перед американцами польского происхождения в городской ратуше Хамтрамке, пригороде г. Детройта, штат Мичиган. Президент отметил: «Мы по-прежнему должны проводить различия между странами Восточной Европы. Польша может преподать всем два урока. Первое: не может быть никакого прогресса без существенной политической и экономической либерализации. Второе: помочь Западу будет предоставляться параллельно либерализации» [11].

Администрация Дж. Буша прямо заявляла, что она по-прежнему придерживается политики «дифференцированного подхода» и в соответствии с ней будет увязывать экономическую помощь странам Восточной Европы с уровнем их демократизации. Данная внешнеполитическая концепция в большей степени основывалась на положениях других экспертов, занимающихся проблемами Восточной Европы. В частности,

профессор Мэрилендского университета Карен Дэвиша подчеркивала, что целью восточноевропейской политики США должно быть «обеспечение большей свободы народам Восточной Европы» [12].

В соответствии с поставленной целью профессор рекомендовала официальному Вашингтону в изменившихся условиях главное внимание сосредоточить в своих взаимоотношениях со странами Восточной Европы на уважении прав человека и выполнении в полной мере положений третьей корзины Хельсинкского Заключительного Акта [13]. К. Дэвиша призывала Белый дом содействовать переориентации восточноевропейских экономик на рыночные отношения, поощряя их к взаимодействию с международной экономической системой. При этом необходимо демонстрировать руководству стран Восточной Европы, что режим наибольшего благоприятствования будет предоставляться только тем государствам, которые начнут осуществлять масштабные программы политических реформ [14].

Особое место в стратегии «распространения демократии» в государствах Восточной Европы занимал национальный вопрос. В частности, фонд «Наследие» считал необходимым для успешного американского проникновения в регион завоевать позиции среди этнических общин. Фактически это была ставка на национальную рознь, которая неизбежно должна была привести к ослаблению государственности в странах Восточной Европы и способствовать усилению позиций США.

Стратегические планы демократизации Восточной Европы предполагали, как и прежде, активное использование «политики общей ситуации с правами человека». Однако в рамках указанной политики изменилось отношение к еврейской эмиграции из социалистических стран. В отличие от Советского Союза, где данный вопрос был ключевым с точки зрения распространения западных ценностей демократии в СССР [15], приоритетный статус в восточноевропейских странах получили проблемы положения национальных и религиозных меньшинств [16]. Такая постановка вопроса прав человека в Восточной Европе, по мнению американских политиков, была более действенна с точки зрения распространения влияния США в данном регионе, поскольку расшатывала монолит восточноевропейских стран. Опираясь на разработки национального вопроса фондом «Наследие», США ставили акцент на этнический и религиозный аспекты, что позволяло разрушать прежнюю иерархию ценностей в странах Восточной Европы.

Следует также подчеркнуть, что Соединённые Штаты рассматривали Восточную Европу как «плацдарм для американского могущества и потенциальный трамплин для расширения глобаль-

ной демократической системы в Евразию» [17]. В связи с этим, отмечал З. Бжезинский, «необходимо подтвердить недвусмысленную и ощущаемую поддержку объединению Европы» [18]. «Главная геостратегическая цель Америки в Европе может быть сформулирована весьма просто: путём трансатлантического партнёрства укреплять американский плацдарм на Евразийском континенте. Сохранение этого плацдарма и его расширение как трамплина для продвижения демократии имеет прямое отношение к безопасности Соединенных Штатов» [19].

В представлениях политиков США с проведением реформ «восточноевропейские страны в интеллектуальном, политическом и экономическом плане станут более открытыми для внешнего мира и восприимчивы к идеям Запада» [20]. В данном контексте стратегия «распространения демократии» рассматривалась официальными кругами Соединенных Штатов как средство давления на правительства восточноевропейских стран по внутриполитическим вопросам. Так, конгресс США требовал расширять экономические связи между Востоком и Западом только «в увязке с прогрессом в области политических реформ» [21]: «Западные страны будут проводить более согласованный курс сотрудничества с теми восточноевропейскими странами, которые предпринимают существенные и глобальные реформы» [22].

Вместе с тем внешнюю политику Соединенных Штатов определяли и стереотипы блокового мышления периода холодной войны: вывод восточноевропейских стран из сферы влияния СССР через демократизацию данного региона в противовес прежним идеологическим установкам.

В конце 1980-х гг., в связи с политикой перестройки в Советском Союзе, Соединенные Штаты получили возможность использовать для вывода Восточной Европы из сферы влияния СССР такой метод, как подключение восточноевропейских стран к интеграционным процессам в рамках Европейского Сообщества. В рамках данной политики США активно стали возрождать концепцию Центральной Европы: противопоставление исторических судеб народов восточноевропейских стран и Советского Союза. В представлениях политиков США данная концепция была эффективна, так как воспринималась естественно и соответствовала национальному самоощущению восточноевропейцев.

Концепцию Центральной Европы как средство вывода восточноевропейских стран из сферы влияния СССР поддерживал и фонд «Наследие»: «США должны продвигать концепцию Центральной Европы, включающей Чехословакию, Венгрию, Восточную Германию, Польшу и Румынию. Тем самым было бы проведено историческое отличие от Восточной Европы, которая на протя-

жении столетий означала Россию и её экспансионистские амбиции» [23]. В данном случае подчеркивается тот факт, что Восточная Европа была объектом борьбы за сферы влияния.

Для того чтобы придать демократизации в Восточной Европе устойчивый характер и вывести данный регион из сферы советского влияния, США должны были, с их точки зрения, нейтрализовать фактор советской вооруженной силы, право СССР на вооруженное вмешательство в Восточной Европе. Выражением этой политики была борьба против «доктрины Брежнева». В частности, выступая ещё в качестве кандидата в президенты от республиканской партии, Дж. Буш в своей речи 2 августа 1988 г. в Чикаго заявил: «В конечном счете о Советском Союзе будут судить по результатам, которых он достигнет по таким проблемам, как сокращение вооружений, уменьшение региональной напряженности, права человека и эмиграция, отказ от "доктрины Брежнева" в Восточной Европе. Эти вещи являются мерой содержательности перемен» [24]. Таковы главные критерии истинности перестройки в оценке Дж. Буша.

В контексте указанной политики следует рассматривать визиты Дж. Буша 9–13 июля 1989 г. в Польшу и Венгрию, которые были призваны продемонстрировать странам Восточной Европы, что их шаги в направлении введения рыночной экономики и многопартийной системы будут поощряться США. Накануне визитов президент Соединенных Штатов заявил: «Я обращаюсь с призывом к свободе и демократии в Восточной Европе» [25]. Посещение Дж. Бушем Польши и Венгрии выходило за двусторонние связи. В данном случае речь шла о переориентации Восточной Европы на западную капиталистическую модель развития. В обращении к Сейму Польши 10 июля 1989 г. Дж. Буш подтвердил: «Западные демократии будут вместе с польским народом и другими народами этого региона» [26].

Восточноевропейская тематика обсуждалась на совещании семи ведущих стран Запада в Париже 15–16 июля 1989 г. В Вашингтоне на брифинге, посвященном предстоящей поездке президента, госсекретарь Дж. Бейкер, перечисляя темы, на которых сосредоточится «семерка», первой назвал «защиту и расширение сообщества западных ценностей, особенно в Восточной Европе» [27]. США предлагали государствам «семерки» расширить поддержку реформ в восточноевропейских странах. В результате в Политической декларации совещания страны-участницы заявили о «необходимости изучения возможностей оказания экономической помощи, нацеленной на трансформацию и открытие экономики Восточной Европы» [28].

Для переориентации торгово-экономических отношений восточноевропейских стран на Запад необходимо было оказать им значительную экономическую помощь.

Конгресс Соединенных Штатов рассмотрел ряд законопроектов, предусматривающих расширение присутствия США в Восточной Европе. В 1989 г. по Закону о содействии развитию демократии в восточноевропейских странах на 1990–1992 гг. Польше и Венгрии было выделено 0,9 млрд долл. Средства предоставлялись на финансирование структурной перестройки, экономической реформы, развитие частного сектора, различных программ торговли и инвестиций. На некоторые из программ стимулирования торговли выделялись средства совместно с Экспортно-импортным банком, министерством торговли Соединенных Штатов. По этой программе финансировались также проекты в области охраны окружающей среды, культуры, науки, образования [29]. Главные статьи расходов по этому закону составили 200 млн долл. на взнос США в международный фонд стабилизации золотого и 240 млн долл. на создание фонда содействия частному сектору в Польше [30].

Для Соединенных Штатов наращивание объемов помощи в Восточной Европе было прежде всего вкладом в будущее. Если все европейские государства встали бы на путь демократии и рыночной экономики, то США получали ощущимые выгоды от расширения рынков сбыта и инвестиций.

Соединенные Штаты были готовы и далее расширять помощь для того, чтобы восточноевропейские страны последовательно проводили в жизнь политические и экономические реформы. С этой целью по инициативе США на парижской встрече лидеров семи ведущих держав Запада в июле 1989 г. принимается решение создать под эгидой Комиссии Европейского Сообщества «группу 24» для координации помощи Восточной Европе. За первые два года (1989–1991 гг.) государства этой группы выделили (или взяли на себя официальные обязательства о выделении) около 31 млрд долл. восточноевропейским странам. Треть указанной суммы (9,1 млрд долл.) представляла собой безвозмездную помощь. Значительная доля принадлежала в ней США, которые выделили на эти цели свыше 2 млрд долл. [31] Отчисляя средства из госбюджета, Соединенные Штаты стремились создать благоприятные условия для американского бизнеса в Восточной Европе, обеспечить его внедрение в ключевые отрасли экономики восточноевропейских стран: энергетику, природоохранные производства и технологии, телекоммуникации, жилищное строительство, сельское хозяйство. В этих же целях странам Восточной Европы был предо-

ставлен режим наибольшего благоприятствования, поставлен вопрос о выведении их из-под действия поправки Джексона – Веника, снятие других ограничений.

В рамках экономической помощи Соединенные Штаты делали ставку на подготовку преподавательских кадров для восточноевропейских стран, так как это открывало возможности для воспроизведения американского влияния надежным и дешёвым способом на местном уровне.

Осенью 1990 г. проявились новые тенденции в политике США по отношению к восточноевропейским странам. Связано это было с изменениями оценки роли советского фактора. В Соединенных Штатах до конца 1989 г. перемены в СССР рассматривались как стимулирующий фактор процессов, происходивших в Восточной Европе. Однако к осени 1990 г. практически все восточноевропейские страны за исключением Албании заявили о приверженности западным ценностям. К этому времени Советский Союз стал восприниматься американскими политиками как тормозящий фактор, способствующий сохранению консервативной тенденции в Восточной Европе. В связи с этим ставилась задача свести к минимуму влияние Советского Союза на восточноевропейские страны [32].

В результате изменения роли советского фактора в Восточной Европе администрация Дж. Буша в начале 1991 г. по отношению к восточноевропейским странам выдвинула политику «новой демократической дифференциации». Критерии проведения различий между отдельными восточноевропейскими странами и формы поощрения их за поведение, отвечающее интересам Соединенных Штатов, были изложены в справочном материале, подготовленном госдепартаментом и распространенном в январе 1991 г.: «Содействие США Восточной Европе основывается на концепции “новой демократической дифференциации”, в соответствии с которой помочь будет отвечать потребностям каждой страны, по мере того как она будет продвигаться в осуществлении четырех целей: прогресс в направлении политического плурализма, включая свободные и справедливые выборы; продвижение в направлении экономических реформ через развитие ориентированной на рынок экономики со значительным частным сектором; рост уважения признанных в международном порядке прав человека; готовность строить дружеские взаимоотношения с Соединенными Штатами» [33].

В зависимости от уровня продвижения Восточной Европы по пути реформ Белый дом выделил три категории помощи со стороны США восточноевропейским странам. К первой категории относилась экспертная помощь в становлении демократических институтов и переходе к

рыночной экономике. Ко второй категории как средство давления по вышеназванным аспектам и в качестве поощрения относилось понижение барьеров в торговле и в области инвестиций, предоставление режима наибольшего благоприятствования. К третьей – выделение средств на создание стабилизирующих фондов (связанных с США и ими контролируемых), поощрение частного сектора, меры по снижению задолженности стран Восточной Европы, поддержка их членства в международных валютно-финансовых организациях.

Указывалось, что с учетом продвижения в наибольшей степени по пути политических и экономических реформ Польши и Венгрии Соединенные Штаты будут оказывать им помощь по всем трём категориям. Быстро к этой группе, по оценкам американских политиков, приближалась Чехословакия [34].

Укоренение демократии и рыночной системы хозяйства в восточноевропейских странах, несомненно, должно было служить интересам США. «Во-первых, это позволило бы ликвидировать возможность советского военного присутствия в Европе. Во-вторых, создавались условия для объединения континента и ликвидации культурной, политической и идеологической раздробленности в регионе. В-третьих, от объединения Европы Соединенные Штаты должны были получить значительные экономические выгоды, создав новые рабочие места и увеличив прибыль своих предприятий. В перспективе США предполагали строить свою внешнюю политику так, чтобы Советский Союз не смог бы восстановить своё влияние на ход общественно-политического процесса в Европе» [35], – подчеркивалось специалистами Центра стратегических и международных исследований. Экономическая помощь, с точки зрения политиков Соединенных Штатов, должна была выглядеть как система стимулов, поощряющих восточноевропейские страны к перениманию американских механизмов рыночной экономики, с участием американского бизнеса и должна быть выгодна американским партнерам и инвесторам [36].

Уровень развития торгово-экономического сотрудничества США с восточноевропейскими странами в начале 1991 г. был значительно выше, чем с СССР. Конгресс Соединенных Штатов в 1991 г. в соответствии с Законом о содействии развитию демократии в регионе выделил восточноевропейским странам 10 млн долл. По статьям Закона о свободном рынке в Восточной Европе конгресс предусматривал выделение 300 млн долл. Для оказания помощи в приватизации аграрного сектора в Болгарии субсидировалось 10 млн долл. [37] Официальные политические круги Вашингтона подчеркивали, что страны Восточной Европы созрели для получения

западной помощи, так как в них в полной мере идёт демонтаж структур социализма в отличие от Советского Союза. В данном случае критерием выступал идеологический аспект – степень разрушения иерархии ценностей политической системы социализма.

Особое место в восточноевропейской политике Соединенных Штатов занимала проблема объединения Германии. Соединённые Штаты не остались в стороне этого процесса, а напротив, считали его наиболее важным и значительным в череде преобразований Восточной Европы. Позиция США по данному вопросу была публично изложена в «Четырех принципах» Дж. Бушем на пресс-конференции в Брюсселе 4 декабря 1989 г. по итогам встречи с руководителями стран – участниц НАТО. В завершенном виде эти принципы нашли отражение в программном выступлении госсекретаря Дж. Бейкера в западноберлинском пресс-клубе 12 декабря 1989 г. [38]

Однако проблема германского воссоединения для американских правящих кругов не представляла самостоятельную ценность. Воссоединение Германии означало достижение стратегических целей Соединенных Штатов по отношению к Советскому Союзу: ликвидация советской сферы влияния в Восточной Европе и, следовательно, ослабление его позиций в идеологическом противоборстве с Западом, фактически означающем банкротство коммунистической идеологии.

Укрепление позиций Соединенных Штатов в единой Европе было важным не только с точки зрения политического противостояния двух систем (демократии и тоталитаризма), как утверждали американские политологи, но и для сохранения влияния США в собственно западном мире. Соединенные Штаты стремились вовлечь Восточную Германию в орбиту своего влияния, так как быстрый рост экономического и финансового могущества ФРГ создавал условия для преобладания германского фактора в Европейском экономическом сообществе и превращал Западную Германию в сильнейшего экономического и политического конкурента США.

В связи с этим Соединенные Штаты считали необходимым вхождение единой Германии в НАТО, где США преобладали. Таким образом, они делали необходимым своё военное присутствие в Европе и в дальнейшем [39]. Нейтральная же Германия могла стать значительной самостоятельной политической силой в Европе и на мировой арене в целом.

Отношения между Востоком и Западом через призму проблемы объединения Германии рассматривал известный политолог и политический деятель США Г. Киссинджер. В канун Мальтийской встречи Дж. Буша и М. Горбачева в статье «Примириться с неизбежным», опубликованной в

«Newsweek» 4 декабря 1989 г. [40], политолог представил прогноз политики Соединенных Штатов в связи с перспективой объединения Германии. Процесс объединения Германии он связывал с переменами в ГДР. Если там, по его мнению, будут проведены свободные выборы и утвердится демократия, то на них победят силы, солидарные с западногерманскими партиями, что подорвёт существование ГДР как самостоятельного государства. Г. Киссинджер, в связи с открытием германо-германских границ, рекомендовал внешнеполитической элите США действовать созданию сравнимых экономических условий в обеих частях Германии, что должно было способствовать ликвидации коммунистического режима ГДР.

Г. Киссинджер, кроме того, настаивал на вхождении объединённой Германии в НАТО. Обоснованием тому служили заявления о необходимости связать её новыми ограничениями вооружений в Европе. Однако реально, как отмечал политолог, эта позиция отвечала стратегическим установкам Соединенных Штатов на сохранение своего господствующего положения в Европе [41].

Ставка на стратегию «распространения демократии» в решении германского вопроса была четко заявлена Дж. Бушем в мае 1989 г. во время посещения ФРГ. Выступая в связи с 40-летием ФРГ, президент выражал надежду увидеть Европу без барьера, объединённую идеологией «свободного рынка» и «демократии» [42].

В условиях политического кризиса правительство ГДР приняло решение о практически свободном выезде граждан республики за рубеж. 9 ноября 1989 г. граница с Западным Берлином была открыта. В короткий срок более 2 миллионов граждан ГДР получили выездные визы [43].

Данный факт был крайне важен для США, так как через решение проблемы прав человека в контексте стратегии «распространения демократии» американские политики добивались реализации главной внешнеполитической цели. Данная постановка проблемы, в сущности, выражала объединительную идею. Дж. Буш неоднократно заявлял: «Я приветствую решение восточногерманского руководства открыть границы для желающих эмигрировать. Это, безусловно, соответствует Хельсинкскому заключительному акту, который ГДР подписала. И если Восточная Германия будет двигаться вперёд в этом направлении, то стена, построенная в 1961 г., станет неуместной, что будет расцениваться как позитивное событие с точки зрения прав человека» [44].

Для определения дальнейших методов реализации стратегии «распространения демократии» американской стороне было крайне важно оценить позицию СССР в связи с происходящими событиями в ГДР. Советская сторона предостави-

ла необходимую информацию США. В частности, Дж. Буш получил неофициальное послание М. Горбачева. В нем лидер СССР выражал надежду, что ситуация в Восточной Германии останется спокойной и мирной. В сущности это означало, что Советский Союз не будет предпринимать какие-либо действия в ГДР [45]. Следует признать, что это была своеобразная плата советского руководства за развитие отношений с Западом, прежде всего с Соединенными Штатами.

Фактически американская администрация оказалась свободной в своих действиях по реализации внешнеполитической стратегии: направить процесс объединения Германии таким образом, чтобы демократические преобразования способствовали усилению позиций США как в Европе, так и в мире в целом.

Особое значение для процесса объединения Германии имела встреча у берегов Мальты 2–3 декабря 1989 г. Её результаты фактически открывали возможность Соединенным Штатам беспрепятственно реализовывать стратегию «распространения демократии». Дело в том, что в ходе Мальтийской встречи М. Горбачев, стремившийся воплотить идею «общеевропейского дома», заявил о безусловном уходе СССР из Восточной Европы, оставив проблему объединения Германии Западу. В частности, на совместной пресс-конференции 3 декабря 1989 г. по итогам Мальтийской встречи советский лидер сказал: «Перемены в СССР и странах Восточной Европы объективно подготовлены самим ходом исторического процесса. Уклониться от него никто не может» [46]. Выступая вслед за ним, Дж. Буш уточнил, что М. Горбачев говорил об «отказе от предыдущих доктрин» [47]. В данном случае речь шла о «доктрине Брежнева». Отход советского руководства от неё означал для США реальную возможность реализации своей политики «распространения демократии» и, как следствие, выдвижение Соединенных Штатов на роль единственной глобальной державы в соответствии с их стратегией национальной безопасности.

Таким образом, результаты переговоров на Мальте способствовали в связи с позицией советского руководства реализации доктрины «отбрасывания СССР и коммунизма», что означало для США реальное вытеснение коммунистической идеологии и, соответственно, в образовавшемся вакууме распространение демократии американского образца.

В результате жесткой позиции Соединенных Штатов, в условиях экономического и политического кризиса руководство СССР пошло на уступки. В рамках советско-американской встречи в верхах 30 мая – 4 июня 1990 г. советская сторона согласилась с тем, что вопрос о членстве в НАТО в соответствии с Заключительным актом

СБСЕ немцы должны решать сами. Данная позиция означала рассмотрение этой проблемы с точки зрения интересов США и Запада в целом, позиция которого была за членство объединённой Германии в НАТО.

Несмотря на сложность и противоречивость процесса объединения Германии развивался значительно быстрее, чем первоначально предполагали в США, да и в самой Германии. Выработка соответствующих документов, в силу уступок СССР, практически происходила на условиях США и Запада в целом. В результате 29 августа 1990 г. в берлинском дворце «Унтерден-Линден» состоялось подписание Договора об объединении Германии, который вступал в силу 3 октября 1990 г. В этот день ГДР должна была стать частью ФРГ [48].

Однако объединение Германии неизбежно выводило на вопросы урегулирования прав и обязательств бывших союзников во Второй мировой войне. В связи с этим происходили неоднократные встречи министров иностранных дел шести государств. Заключительная четвертая встреча состоялась 12 сентября 1990 г. в Москве, где стороны на уровне министров иностранных дел подписали Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии. Данный документ, в сущности, подводил последнюю черту под итогами Второй мировой войны [49].

Президент США дал высокую оценку Договору об окончательном урегулировании в отношении Германии в послании сенату от 25 сентября 1990 г. [50] Дж. Буш заявил, что Договор предусматривает вывод всех советских войск, тем самым создаёт основу для полного и активного членства объединённой Германии в НАТО и Европейском сообществе. Вместе с тем, как подчеркнул президент, по Договору предусматривалось присутствие английских, французских и американских войск в единой и суверенной ФРГ в течение времени, которое определит германское правительство. Далее Дж. Буш заявил, что создание единой, свободной и демократической Германии, связанной с США и западным сообществом, «было постоянной целью американской внешней политики в течение более 40 лет и заключенный Договор, где эта цель воплощена, свидетельствует о полной реализации государственной политики Соединенных Штатов» [51].

Значимость данной оценки показывает голосование в сенате США 10 октября 1990 г. В результате сенат единогласно ратифицировал Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии.

Для укрепления собственных позиций в активно меняющейся Европе Соединенные Штаты использовали различные международные форумы. В частности, на проходившем в Париже 19–

21 ноября 1990 г. Совещаний глав государств и правительств – участников СБСЕ была принята Парижская хартия для новой Европы. В Хартии отмечалось: «Достижение национального единства Германии – важнейший вклад в установление справедливого и прочного мирового порядка в единой демократичной Европе» [52]. Призвавшись объединение Германии, США рассматривали его как этап в создании современной политической системы в мире, в центре которой неизбежно должна была быть Америка.

Таким образом, США, добившись успехов в германском вопросе, достигли целей, соответствующих их государственным интересам.

Руководство СССР не заняло активной позиции в отношении процесса объединения Германии, фактически отказалось от сохранения своих экономических и военно-политических позиций в этом регионе. Указывая на необходимость закрыть период холодной войны, руководствуясь идеями «нового политического мышления», советское правительство сдало свои позиции, по которым дипломатия СССР на протяжении всего послевоенного периода строила свои отношения с Америкой по вопросу государственного устройства Германии.

Объединение Германии произошло на условиях Запада, предложенных Америкой. Объединённая Германия является членом НАТО, где ведущие позиции занимают Соединенные Штаты, которые используют своё преимущество для укрепления собственного влияния как на Востоке, так и на Западе.

Важно ещё раз отметить тот факт, что в вопросе объединения Германии США преследовали не просто интересы западного сообщества, а прежде всего стремились обеспечить свои контролирующие позиции в данном процессе, ограничивая роль ФРГ.

Таким образом, стратегию Соединенных Штатов в отношении Восточной Европы следует рассматривать в контексте глобальной политики США на достижение лидерства в мире. В частности, Дж. Буш неоднократно подчёркивал: «Мы спасли Европу, излечили от полиомиелита, слетали на Луну и осветили мир нашей культурой. Сейчас мы находимся на пороге нового столетия. Моё мнение – это будет ещё одно американское столетие» [53].

Создание «нового мирового порядка», основанного на ценностях американского образа жизни, являлось реализацией стратегии национальной безопасности Соединенных Штатов.

Данное положение находит подтверждение в официальных заявлениях Белого дома. Дж. Буш во время визита в Вашингтон президента Польши Леха Валенсы 20 марта 1991 г. отметил: «Вы показали, что ответом на тиранию является “меж-

дународная солидарность”. Тем самым Вы способствовали формированию нового мирового порядка, который начался в Европе с появлением единого и свободного континента. Присоединение Восточной Европы к содружеству свободы сыграло в этом плане ключевую роль» [54].

Таким образом, США были заинтересованы в эволюции восточноевропейских стран в соответствии с washingtonской схемой. Страны Восточной Европы официальными политическими кругами Соединенных Штатов рассматривались не как партнёры, а, скорее, как объект приложения усилий со стороны США и их традиционных союзников. В частности, на определённом этапе Соединенные Штаты использовали политику сдерживания восточноевропейских стран в их подключении к европейским структурам под предлогом их внутренней неготовности к рынку и демократии. В условиях, когда Восточная Европа стремилась интегрироваться в западное сообщество, политика сдерживания выступала в качестве средства давления на восточноевропейские страны в их дальнейших шагах по демократизации.

Что касается планов расширения блока НАТО за счёт восточноевропейских стран, то США в данном случае преследовали те же цели – укрепления и гарантии необратимости демократических процессов в Восточной Европе в противовес СССР. В Заявлении сессии Совета НАТО на уровне министров иностранных дел, состоявшейся в Копенгагене 6–7 июня 1991 г., «Партнерство со странами Центральной и Восточной Европы» заявлялось о необходимости «содействия безопасности и стабильности в свободной и неразделенной Европе, консолидация и сохранение на всём континенте демократических сообществ и их свободы от любых форм принуждения и запугивания неразрывно связана с безопасностью всех других государств и поэтому является для нас предметом прямой и существенной обеспокоенности» [55].

Указанное заявление соответствовало прежним установкам в идеологической борьбе с «доктриной Брежнева» и означало, что блок НАТО готов на ввод войск в Восточную Европу в случае угрозы демократическим процессам в этом регионе. Данный подход подтверждался и в американской прессе [56]. Действия США, предпринятые в марте 1999 г. на Балканах против Югославии, не оставляют сомнения в их намерениях.

После окончания холодной войны восточноевропейская политика Соединенных Штатов перестала быть производной от отношений с СССР, так как цель по выводу Восточной Европы из сферы советского влияния была реализована. Теперь задача состояла непосредственно в том,

чтобы восточноевропейские страны быстро восприняли западные ценности: институализация политической и экономической жизни этих стран по западному образцу, постепенное подтягивание их к интеграционным структурам западного сообщества. Затягивание вопроса интегрирования восточноевропейских стран в западное сообщество не отвечало интересам США, так как подрывало американскую стратегию «нового мирового порядка» [57].

Втянув восточноевропейские страны в сферу своего влияния и поставив их в экономическую зависимость, Соединенные Штаты в качестве условия оказания дальнейшей экономической помощи выдвигали требования, которые в политической области должны были гарантировать распространение именно американских представлений о нормальном функционировании демократических институтов, восприятие конкретных демократических процедур и норм, взятых из практики американского политического процесса.

На 1992 г. администрация США запросила у конгресса увеличение объемов помощи восточноевропейским странам по программе SEED (“Support East European democracy”). Было принято решение о прощении польского долга. Соединенные Штаты создали специальный фонд для оказания помощи американскому частному бизнесу в восточноевропейских странах. На эти цели было ассигновано 45 млн долл. Позднее принимается решение о расширении списка товаров из восточноевропейских стран, ввозимых в США беспошлинно. К 1992 г. сумма безвозмездных целевых грантов и другой помощи Соединенных Штатов составила за два года 1,5 млрд долл. С учетом предоставленных отсрочек по долгам в 1991 г. суммы помощи составили 2 млрд долл. В 1992 финансовом году предполагалось предоставить новые гранты на сумму 470 млн долл., продовольственной помощи на 85 млн долл. Эти капиталовложения рассматривались как начало долгосрочной программы помощи [58].

Учет значения региона Восточной Европы в системе политических, экономических и стратегических интересов США неизбежноставил задачу наращивания американского присутствия в регионе. В период президентства Дж. Буша-старшего страны Восточной Европы получили значительную помощь от США и других западных стран и начали процесс интеграции в западное сообщество. Платой за эту помощь были отбрасывание коммунистической идеологии, активные демократические и экономические преобразования и выход из сферы влияния ССР.

Своей восточноевропейской политикой США стремились обеспечить необратимость реформ в

Восточной Европе, трактуя их как гарантии стабильности в регионе. В свою очередь, стабильность с американской точки зрения должна обеспечиваться созданием таких условий, при которых возврат российского влияния в Европу будет невозможен.

Примечания

1. Foreign Affairs. 1988. Vol. 66, № 5. P. 902.
2. Wireless File. 1990. March 30. P. 5.
3. Wireless File. 1991. January 29. P. 1.
4. Foreign Affairs. 1995. Vol. 74, № 1. P. 173.
5. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М., 1998. С. 90–91.
6. Dawisha K., Gordon L., Kiser J. Changes in Eastern Europe: Soviet interests and Western opportunities. Wash., 1989. P. 12.
7. Ibid. P. 18.
8. Ibid. P. 12.
9. U. S. Policy toward Eastern Europe. Hearing Before the Subcommittee on European Affairs of the Committee on Foreign Relations. U.S. Senate. 101st Congress, 1st Session. July 26, 1989. Wash.: US GPO, 1990. P. 39–40.
10. Ibid. P. 52–53.
11. Weekly Compilation of Presidential Documents. 1989. № 16. P. 565.
12. U. S. Policy toward Eastern Europe. Op. cit. P. 3.
13. Ibid. P. 9–10.
14. Ibid.
15. Lehigh Valley Jewish Americans march in solidarity with Soviet Jews // U. S. Congressional record. 1987, Vol. 133, № 191. E 4646.
16. Time. 1988. August 22. P. 8; Remarks by Secretary of State James A. Baker, 111 at the CSCE; Conference on the Human Dimension, Copenhagen, Denmark. 1990. June 6. P. 4, 6.
17. Бжезинский З. Указ. соч. С. 94.
18. Там же.
19. Там же. С. 107.
20. Dawisha K. Op. cit. P. 36.
21. Ibid. P. 35.
22. Ibid.
23. Backgrounder. The Heritage Foundation. 1988. August 31. № 669. P. 10.
24. Federal News Service. Excerpts of Remarks by Vice President George Bush, Mid-America Committee Luncheon. Chicago, Illinois. August 2, 1988. P. 2.
25. Ibid.
26. Remarks by the President and Joint Session of Parliament, the Sejm, Warsaw, Poland. July 10, 1989. P. 5.
27. Wireless File. 1989. June 29. P. 6.
28. Ibid. July 16. P. 4–5.
29. Ibid. P. 19.
30. Ibid. 1991. March 13. P. 14.
31. Ibid. July 14. P. 9–10.
32. Eastern Europe: Long Road Ahead to Economic Well-Being. A Paper by the Central Intelligence Agency Presented to the Subcommittee on Technology and National Security of the Joint Economic Committee. 1990. May 16. IV. P. 45.
33. Wireless File. 1991. January 25. P. 14.
34. Ibid. 1990. April 18. P. 11, 13.
35. Toward Europe whole and free. P. 4.
36. Wireless File. 1990. March 30. P. 7.
37. Toward Europe whole and free. P. 19.

38. Address by the Honorable James A. Baker, 111, Secretary of State, to the Berlin Press Club, Steigenberger Hotel, Berlin. 1988. December 12. P. 9–10.
39. Ibid.
40. Newsweek. Wash. 1989. 4 December.
41. Ibid.
42. Bush G. Toast at Dinner Hosted by Chancellor Helmut Kohl in Bonn, West Germany, May 30, 1989 // Presidential Documents. Wash., 1989. Vol. 25. № 23. P. 831–832.
43. Правда. 1989. 16 ноября.
44. New York Times. 1989. 10 November.
45. Presidential Documents. Wash., 1989. Vol. 25. № 46. P. 1731.
46. Правда. 1989. 5 дек.
47. Там же.
48. Договор об объединении между ФРГ и ГДР // БПИ ТАСС. М., 1990. № 175. С. 9–15; № 178. С. 13–21.
49. Заключительная встреча министров иностранных дел «шестерки» в Москве 12 сентября 1990 года. Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии // Вестник МИД СССР. 1990. № 19. С. 13–18.
50. Bush G. Message to the Transmitting the Treaty on the Reunification of Germany, September 25, 1990 // Presidential Documents. Wash., 1990. Vol. 26. № 39. P. 1443–1444.
51. Ibid.
52. Совещание глав государств и правительства стран-участниц СБСЕ в Париже 19–21 ноября 1990 года. Парижская хартия для Европы // Вестник МИД СССР. 1990. № 24. С. 36.
53. Wireless File. 1991. January 29. P. 2; Time. 1991. April 1. P. 21.
54. Wireless File. 1991. March 20. P. 15.
55. Ibid. June 7. P.11.
56. Los Angeles Time. New Fax. 1991. April 19,
57. Ibid.
58. Toward Europe whole and free. P. 20.

УДК 272(470.342)

А. А. Машковцев

**КАТОЛИКИ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX –
НАЧАЛЕ XX в.:
ЧИСЛЕННЫЙ СОСТАВ И РАЗМЕЩЕНИЕ**

В статье рассмотрена динамика численности католической общины Вятской губернии во второй половине XIX – начале XX в. Автор показал распределение католиков по территории края, а также их социальный состав.

In the article the dynamics of quantity of Catholic community of the Vyatka province is considered in the second half XIX – beginning XX ages. The author showed distribution of Catholics on territories of the region, and also their social composition.

Ключевые слова: католицизм, Вятская губерния, демографическая статистика, конфессиональная политика.

Keywords: Catholicism, Vyatka province, demographic statistics, confessional policy.

В результате разделов Речи Посполитой, осуществлённых в 1772, 1793 и 1795 гг., поляки не только утратили контроль над обширными национальными окраинами, населёнными украинцами, белорусами и литовцами, но и лишились собственной государственности. Основные этнические польские земли достались в тот период Пруссии и Австрии, однако и на территориях, вошедших в состав Российской империи, также проживало немало поляков. К примеру, польское население преобладало в районе Вильно и было заметно представлено в Западной Белоруссии и на Волыни.

Разгром наполеоновской Франции резко изменил расклад сил в Европе. Россия, сыгравшая в этом деле ключевую роль, рассчитывала на соответствующие дивиденды, и она их получила. В 1815 г. по решению Венского конгресса в состав нашей страны вошло Варшавское герцогство, населённое преимущественно поляками. Таким образом, под контроль России перешли основные польские земли вместе с Варшавой и свыше 2/3 всего польского этноса. За пределами государственных границ России оставалась лишь польская часть Галиции с Краковом и западные польские территории (район Познани).

Присоединение Польши к России оказало огромное влияние не только на судьбу поляков, но и на развитие самой империи. В её составе оказался народ, хотя и этнически родственный русским, но совершенно не похожий на них по культуре, быту и менталитету. Кроме того, поляки,

в отличие от большинства других этносов, входивших в состав России, имели многовековой опыт собственной государственности и всеми силами стремились к её возрождению. Тщетные попытки добиться этого легитимными способами приводили к радикализации общественных настроений в Царстве Польском. Следствием этого стали два мощных польских восстания – Ноябрьское 1830 г. и Январское 1863 г. Они оказали колоссальное воздействие как на политическую элиту страны, так и на все образованные слои русского общества. Начиная с Николая I, все российские императоры уделяли польскому вопросу первостепенное внимание, стремясь не только удержать Польшу, но и максимально интегрировать её в общеимперские государственные структуры. Особенно активно этот процесс пошёл после подавления восстания 1863–1864 гг. «В Царстве Польском, согласно секретному распоряжению 1866 г., был взят курс на вытеснение с государственной службы поляков совершенно благонадёжными чиновниками русского происхождения. Все делопроизводство в административных и судебных органах вплоть до низшего уровня (гимны – волости) должно было вестись на русском языке. В средней и начальной школе полагалось преподавать по-русски, причём в гимназиях это требование распространялось и на закон божий католического исповедания», – отмечал крупный советский историк В. С. Дякин [1].

Политика инкорпорации Польши, активно реализуемая Александром II, привела к постепенному увеличению численности русского населения в крупных польских городах, в первую очередь в самой Варшаве. Основную массу русских в Польше составляли чиновники, работавшие в различных административных органах генерал-губернаторства, а также члены их семей. Помимо них после Январского восстания появилось и большое число представителей русской интеллигенции, преподававших в Варшавском университете и средних учебных заведениях. Для обеспечения духовных потребностей русских в Польше и Западном крае возводятся десятки новых православных храмов. Например, в конце XIX в. в Варшаве началось строительство колоссального собора Александра Невского.

Однако активная имперская политика, проводимая в Царстве Польском, вызывала и обратные миграционные процессы: не только русские переселялись на польские территории, но и поляки проникали в восточные районы европейской части России и в Сибирь [2]. Если в начале XIX в. губернские центры Среднего Поволжья и Приуралья (кроме Казани) отличались достаточно однородным этническим составом населения, то уже в середине века здесь сложились довольно крупные польские общины. При этом поляки,

жившие в Вятке, Казани, Перми и других городах, заметно отличались друг от друга не только по своему социальному происхождению, но и по мотивам, вынудившим их покинуть родину.

В соответствии с этими мотивами всех представителей польской диаспоры можно условно разделить на две большие группы. К первой относятся лица, переехавшие в Волго-Уральский регион добровольно. Это чиновники польского происхождения, трудившиеся в местных органах управления, инженеры, работавшие на промышленных предприятиях, предприниматели, врачи и пр. Так, в Казанском университете преподавали такие выдающиеся учёные польского происхождения, как О. М. Ковалевский, В. Залеский, И. А. Бодуэн де Куртенэ и др. [3] Впрочем, эта добровольность переселения в глубинные районы России также достаточно условна, поскольку названные категории поляков испытывали серьёзные проблемы с трудоустройством у себя на родине. Это опять-таки объясняется особенностями имперской политики в Польше, когда предпочтение при замещении вакантных должностей отдавалось русским.

Вторую группу образуют лица, принудительно высланные в Среднее Поволжье и Приуралье. Это были деятели польского национально-освободительного движения, в первую очередь участники восстания 1863–1864 гг. Часть из них очутилась в местных арестантских ротах, других выслали административным порядком под надзор полиции. Общая численность репрессированных участников Январского восстания до сих пор точно не известна и является предметом дискуссий как в отечественной, так и в зарубежной историографии. К примеру, казанский исследователь В. В. Пичугина в своём докторской диссертации отмечает, что лишь в европейские районы России выслали около 24 тыс. поляков [4].

Подавляющее большинство поляков, оказавшихся в рассматриваемый хронологический период во внутренних областях Российской империи, по вероисповеданию являлись католиками. Вся многовековая история Польши свидетельствует не только о высоком уровне религиозности поляков, но и об их непреклонной приверженности именно к католицизму. В XIX в., несмотря на падение авторитета папской курии и возникновение общеевропейской тенденции к секуляризации общественного сознания, поляки (в основной своей массе) оставались ревностными католиками. Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Царстве Польском, Северо-Западном и Западном краях имела относительный успех лишь среди украинцев и белорусов, но не у поляков. Случай перехода поляков в православие имели место как в самой Польше, так и во внутренних районах России, однако это

явление никогда не носило массового характера. Даже находясь в тысячах километров от своей родины, поляки сохраняли верность католицизму, который к тому же являлся важным средством этнической самоидентификации.

Итак, уже в середине XIX в. во всех губерниях Среднего Поволжья и Приуралья возникли католические общины, состоявшие как из ссыльных участников польского национально-освободительного движения, так и из поляков, добровольно переехавших сюда из Польши, Литвы, Западной Белоруссии и Правобережной Украины. Хотя по численности католики во всех губернских центрах многократно уступали православным, а в Казани также и мусульманам, однако на протяжении всей второй половины XIX в. за ними сохранялся пристальный контроль со стороны местных административных и правоохранительных органов. Тщательный надзор за католическими общинами, и особенно за католическим духовенством, объясняется целым комплексом причин. Во-первых, большинство прихожан католических храмов Волго-Уральского региона либо непосредственно участвовали в польском национально-освободительном движении, либо проявляли к нему явное сочувствие, поэтому воспринимались жандармами как политически неблагонадёжные лица. То же самое относится и к ксёндзам, основная масса которых появилась в регионе в качестве ссыльных участников Январского восстания 1863 г. Во-вторых, православное духовенство и стоявшие на защите его интересов местные власти опасались прозелитизма католиков среди православной паствы. Наконец, и губернская администрация, и значительная часть местных обывателей после двух крупных польских восстаний воспринимали католиков как чужеродный элемент, несущий в себе различные потенциальные угрозы, поэтому требующий за собой неусыпного надзора.

Пристальное внимание административно-полицейских органов к католикам привело к тому, что несмотря на относительную малочисленность католических общин по их истории отложилось большое количество разнообразных материалов, находящихся ныне как в центральных (ГАРФ, РГИА), так и местных (ГАКО, НАРТ, ЦГАУР и пр.) архивохранилищах страны. Эти документы позволяют не только детально проанализировать взаимоотношения католиков с местными органами управления и православным духовенством, но и проанализировать динамику численности католиков на протяжении рассматриваемого хронологического периода, а также их географическое размещение. Рассмотрим это на примере Вятской губернии.

Материалы, позволяющие установить численность вятских католиков, их половой и этничес-

кий состав, а также распределение по уездам губернии сосредоточены в основном в фондах Вятского губернского статистического комитета (Ф. 574) и канцелярии вятского губернатора (Ф. 582) Государственного архива Кировской области. Кроме того, аналогичная информация, но в значительно меньшем объёме имеется в фонде Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД (Ф. 821) Российского государственного исторического архива и в фонде казанской римско-католической церкви (Ф. 709) Национального архива Республики Татарстан (НАРТ). Наличие подобных сведений в фондах НАРТа объясняется тем, что на протяжении всей второй половины XIX в. и в начале XX в. вятские католики не составляли самостоятельного прихода и административно подчинялись настоятелю казанского костёла [5].

Несмотря на наличие большого числа статистических материалов, касающихся численного состава и размещения вятских католиков, необходимо сделать ряд оговорок.

Во-первых, приводимые нами ниже данные за период с 1864 по 1868 г. не являются полными, а относятся лишь к двум группам поляков-католиков: а) лица, добровольно переселившиеся в пределы Вятской губернии; б) политические ссыльные, высланные административным порядком на территорию края и находившиеся под надзором полиции, но обладавшие относительной свободой передвижения в границах места отбывания ссылки. Нами не учтена численность поляков-католиков, размещенных в Вятской арестантской роте. Игнорирование данной группы объясняется в первую очередь особенностью правового статуса арестантов. В силу тяжести совершённых ими деяний (как правило, непосредственное участие в боевых действиях против русских войск в ходе Январского восстания 1863 г.) они были в наибольшей степени изолированы от общества и не играли никакой роли в жизни вятской католической общины. Так, они не могли посещать католические мессы, регулярно проходившие с лета 1863 г. в домовой церкви сосланного в Вятку римско-католического епископа Адама Красинского [6]. Кроме того, для многих арестантов Вятка являлась лишь короткой остановкой в ходе их этапирования в более отдалённые районы страны. Наконец, численность заключённых Вятской арестантской роты не поддаётся точной оценке. Даже в весьма содержательной и глубокой по анализу материала монографии Л. Г. Подлевских, непосредственно посвященной истории данного учреждения, даётся лишь примерное число поляков-арестантов – свыше 600 человек. «Недостатки, свойственные статистике Российской империи XIX в. в целом и организации исполнения наказаний в частности, не дают возможнос-

ти учесть всех сосланных», – признаёт Л. Г. Подлевских [7].

Во-вторых, имевшиеся в нашем распоряжении статистические данные не всегда указывают словесную принадлежность верующих, что не позволяет проследить динамику изменения социального состава вятской католической общины в рассматриваемый хронологический период.

Численность католического населения Вятской губернии во второй половине XIX – начале XX в. подвергалась значительным изменениям (табл. 1).

В качестве точки отсчёта при анализе динамики численности вятских католиков выбран 1860 г. Это объясняется тем, что 1860 г. был последним относительно спокойным годом перед резким обострением общественно-политической ситуации в западных районах империи. Уже в 1861 г. в Царстве Польском, Северо-Западном и Западном краях возникает так называемое «манифестационное движение», сопровождавшееся различными акциями гражданского неповиновения. Власти ответили на это высылкой активистов польского национально-освободительного движения во внутренние районы страны, которая приобрела масштабный характер уже после начала Январского восстания 1863 г.

В 1860 г. в Вятской губернии насчитывалось всего 306 католиков, из которых 123 чел. проживало в самой Вятке [9]. Значительное число среди поляков-католиков составляли чиновники (61 чел.), прибывшие в губернию на период службы, а также члены их семей. По ведомственной принадлежности 20 человек работали в структурах Министерства государственных имуществ, 15 чел. – в МВД, 13 чел. – в Военном министерстве, 9 чел. – в Минюсте [10]. По одному чиновнику работало в Министерстве императорского двора, Минфине, Главном управлении почты, а также в Главном управлении путей сообщения.

Как уже отмечалось, подавление польского восстания 1863–1864 гг. сопровождалось массовой высылкой его участников, а также сочувствующих во внутренние губернии страны, в том числе и Вятскую. На протяжении всей первой половины 60-х гг. XIX в. в крае фиксируется непрерывное увеличение числа католиков, происходившее за счёт притока ссыльных. За период с 1860 по 1865 г. общее количество католиков (за исключением арестантов) выросло с 306 до 554 чел. [11], то есть на 81%. С учётом того что в 1865 г.

в Вятской арестантской роте находилось примерно 250–300 поляков [12], то в общей сложности в середине 1860-х гг. католицизм исповедовало не менее 800 чел., проживавших на территории губернии.

Естественный прирост католического населения в Вятской губернии в первой половине 1860-х гг. был относительно небольшим – примерно 3 чел. в год [13]. Невысокий уровень рождаемости у поляков-католиков объясняется особенностями полового состава католической общины, в которой доминировало мужское население. Так, в 1861 г. в Вятке на 117 мужчин-католиков приходилось 8 женщин-католичек [14]. Если представить это в виде пропорции, то соотношение мужчин и женщин было почти 15:1. Спустя четыре года этот разрыв ещё больше увеличился: в 1865 г. в губернском центре на 321 мужчину-католику приходилось 14 женщин-католичек [15], то есть 23:1. Конечно, поляки заключали браки с местными девушками православного вероисповедания, однако согласно тогдашнему законодательству дети, рождённые в подобных браках, считались православными. Впрочем, рассмотрим данные проблемы подробнее чуть позднее.

В конце 60-х гг. XIX в. происходит постепенное сокращение численности католиков в крае. В 1869 г. их насчитывалось уже 529 чел. [16], а в 70-х гг. XIX в. осталось менее пятисот человек. Уменьшение католического населения связано с оттоком из губернии части ссыльных, амнистированных правительством Александра II. Так, 17 мая 1867 г. вышел указ, разрешавший отдельным категориям ссыльных поляков вернуться в Привислинские губернии и Западный край [17]. Ещё более масштабная амнистия политических ссыльных польского происхождения произошла на основании Высочайшего повеления от 13 мая 1871 г. По нему, в частности, освобождались от гласного надзора полиции и могли покинуть места отбывания наказания представители римско-католического духовенства, высланные за участие в Январском восстании 1863 г. [18]

Впрочем, многие из тех, кто был амнистирован, через определённое время возвращались в Вятку. Как правило, это объяснялось социально-экономическими факторами, в первую очередь невозможностью найти хорошую работу или начать свое дело на родине. К их числу относится

Таблица 1
Динамика численности вятских католиков во второй половине XIX – начале XX в. [8]

	Годы					
	1860	1865	1869	1885	1897	1905
Численность католиков (чел.)	306	554	529	422	790	698

известный вятский предприниматель О. С. Якубовский, фотограф А. О. Буйневич и др.

Кроме того, с 70-х гг. XIX в. в составе вятской католической общины вновь увеличивается доля лиц, прибывших в край добровольно. Как и в предшествующие годы, это были высококвалифицированные специалисты, трудившиеся в различных органах местного управления, а также в звеньях судебной системы. Помимо чиновников из Привислинских губерний прибывали инженерно-технические кадры, содействовавшие экономическому развитию Вятской губернии. После того как в 1873 г. владельцем Холуницких железнодорожных заводов стал поляк А. Ф. Поклевский-Козелл, здесь стало трудиться немало поляков-католиков. Некоторые из них занимали руководящие посты на предприятиях. Так, на Главнохолуницком заводе помощником управляющего был В. Ф. Марчевский, заводским надзирателем – С. А. Пшебельский, заведующим материалами – А. Н. Сошинский и др. [19] Кроме того, увеличение лиц римско-католического вероисповедания произошло благодаря строительству Пермь-Котласской железной дороги. К концу XIX в., по данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., в Вятской губернии проживало 790 католиков [20].

В начале XX в. численность католиков несколько сократилась (примерно до 700 чел.), что объясняется механическим движением населения (перевод части поляков-чиновников на новое место службы, отъезд инженерно-технических кадров после завершения строительства Пермь-Котласской железной дороги и пр.). Новое резкое увеличение числа католиков в крае происходит в годы Первой мировой войны. Оно объясняется появлением огромного числа беженцев из запад-

ных регионов страны (Польша, Литва, Западная Белоруссия), а также высылкой в Вятскую губернию значительного количества интернированных подданных «центральных держав» и военнопленных. Впрочем, вопрос о численности католического населения в нашем kraе в годы Первой мировой войны требует специального рассмотрения, поэтому мы не станем останавливаться на данной проблеме.

Этнический состав вятской католической общины на протяжении всей второй половины XIX в. отличался однородностью: здесь полностью доминировали поляки (табл. 2).

Лишь на рубеже XIX–XX вв. доля поляков среди вятских католиков стала постепенно снижаться, достигнув к началу Первой русской революции 87,1%. Это объясняется притоком в Вятскую губернию представителей этносов, полностью или частично исповедующих католицизм. Так, в 1905 г. в крае проживало 97 латышей [22]. Они покинули свою родину из-за аграрного перенаселения, расселившись в полосе только что построенной Пермь-Котласской железной дороги. Большинство латышей, прибывших в наш регион, являлись протестантами (преимущественно лютеранами), но часть из них были приверженцами Римско-католической церкви. Основная масса латышей-католиков прибыла из Латгалии, которая длительное время входила в состав Речи Посполитой, поэтому сохранила верность папской курии.

Помимо латышей католицизм исповедовали французы (20 чел.) и часть немцев, живших в Вятской губернии. Однако, несмотря на некоторое изменение этнического состава вятской католической общины в начале XX в., поляки по-прежнему в ней доминировали, а построенный ими в 1903 г. Александровский костёл вос-

Таблица 2

Доля поляков в составе католической общины Вятской губернии во второй половине XIX – начале XX в. [21]

Годы	Численность поляков (чел.)	Численность католиков (чел.)	Доля поляков (%)
1869	526	529	99,4
1885	424	424	100
1905	608	698	87,1

Таблица 3

Половой состав католической общины Вятской губернии во второй половине XIX – начале XX в. [23]

Годы	Мужчины (чел.)	Женщины (чел.)	Соотношение мужского и женского населения (%)
1860	249	57	81/19
1865	493	61	89/11
1869	385	144	72/28
1885	214	208	51/49
1897	454	336	57/43
1905	333	365	48/52

принимался русским населением Вятки именно как польский храм.

Половой состав католической общины Вятской губернии также претерпел существенные изменения во второй половине XIX – начале XX в. (см. табл. 3).

Как уже отмечалось, в начале рассматриваемого периода в половом составе вятской католической общины доминировали мужчины. Это проявлялось ещё до начала Январского восстания: в 1860 г. 81% вятских католиков составляли мужчины, а женщины лишь 19%. После начала массовой высылки участников повстанческого движения в Вятский край доля женщин (1865 г.) упала до 11%, что составляло абсолютный минимум за весь выбранный хронологический отрезок. Основная масса женщин католического вероисповедания, живших в этот период в губернии (61 чел.), относилась к родственникам поляков-чиновников и предпринимателей, и лишь несколько из них прибыли в край вместе с осуждёнными повстанцами.

Женщины-католички были распределены по территории губернии крайне неравномерно. В 1865 г. из 61 вятской католички 14 проживали в губернском центре, 10 чел. – в Малмыжском уезде, 9 чел. – в Сарапульском [24]. В то же время в Нолинском и Орловском уездах проживало всего по две женщины католического вероисповедания, а в Котельничском и Уржумском – по одной [25]. Вместе с тем в уездных городах, в отличие от губернского центра, значительно меньше ощущался половозаданный дисбаланс. Так, если в Вятке в 1865 г. женщины составляли всего 4% от общей массы католиков города, то в Глазове – 21%, а в Елабуге – 29%.

Однако уже к концу 60-х гг. XIX в. наблюдается постепенное увеличение как общей численности женщин-католичек, так и их процентной доли в составе католической общины. Так, в 1869 г. в крае насчитывалось уже 144 католички, при этом численность католиков-мужчин сократилась за счёт отъезда части амнистированных ссыльных до 385 чел. [26] В процентном отношении доля женщин католического вероисповедания выросла по сравнению с 1865 г. с 11 до

28%, а доля мужчин-католиков упала с 89 до 72%. К 1885 г. половозаданный баланс в католической общине Вятской губернии оказался практически восстановленным: мужчины составляли 51%, а женщины 49%. При этом в самой Вятке женщин-католичек (83 чел.) стало больше, чем мужчин-католиков (69 чел.) [27]. Схожая картина была и в нескольких уездных центрах, в частности в Котельниче и Слободском.

В начале XX в. половозаданный баланс окончательно изменился в пользу женщин. В 1905 г. в Вятской губернии насчитывалось 333 католика-мужчины (48%) и 365 католичек (52%) [28]. По отдельным городам доля женщин-католичек была выше, чем в целом по губернии. Так, в Вятке всего насчитывалось 286 католиков, из них женщин 153 чел. (53%) [29]. В Малмыже доля женщин в общей массе католиков составляла 58%, в Сарапуле – 60%, в Нолинске – 64%.

Поляки-католики, наряду с евреями, были самыми урбанизированными этносами Вятской губернии во второй половине XIX – начале XX в. (табл. 4)

Ещё в 1860 г. (то есть до начала массовой высылки в край участников Январского восстания 1863 г.) 77% всех вятских католиков проживало в городах. По уровню урбанизации они уступали в регионе лишь иудеям (82%). Столь значительный процент городского населения объясняется тем, что большинство католиков обладали высокой квалификацией и могли реализовать свои профессиональные навыки именно в городах, где имелся соответствующий рынок труда.

После подавления польского восстания 1863–1864 гг. доля католиков-городян возросла до 90% (1869 г.), достигнув максимума за весь анализируемый период. По уровню урбанизации вятские католики опередили даже иудеев, 88% которых жило в городах губернии. Доминирование городского католического населения над сельским в конце 60-х гг. XIX в. обусловлено уже совсем иными причинами, чем в начале десятилетия. С серединой 1860-х гг. среди вятских католиков преобладали политические ссыльные. Они размещались главным образом в Вятке и уездных горо-

Таблица 4
Численность городского и сельского населения в составе вятской католической общины
во второй половине XIX – начале XX в. [30]

Годы	Численность городского населения (чел.)	Численность сельского населения (чел.)	Соотношение численности городского и сельского населения (%)
1860	235	71	77/23
1869	477	52	90/10
1885	316	106	75/25
1905	481	217	69/31

дах, где полиции было значительно проще осуществлять за ними надзор.

С начала 70-х гг. XIX в. началось постепенное снижение доли католиков-горожан. В 1885 г. их было уже 75%, а в 1905 г. – 69%. По уровню урбанизации католики Вятской губернии вновь уступили иудеям (в 1905 г. – 78%), но сохранили второе место. Для сравнения: в 1905 г. лишь 3% православных верующих края проживало в городах.

В 1860 г. из 235 католиков-горожан 123 чел. (52%) проживало в самой Вятке [31]. На втором месте по числу католиков-горожан находился Уржум (35 чел.), а на третьем – Елабуга (20 чел.) [32]. В 1905 г. губернский центр по-прежнему лидировал по обозначеному показателю (286 чел., или 59% от общего числа католиков-горожан), но второе место занял уже Сарапул (56 чел.), а третье – Слободской (53 чел.) [33].

Наконец, рассмотрим вопрос о территориальном распределении вятских католиков (табл. 5).

На протяжении всего рассматриваемого хронологического периода крупнейшим центром размещения католического населения являлся Вятский уезд, в первую очередь сам губернский центр. Если в 1861 г. в Вятском уезде проживало 125 католиков, то уже через четыре года эта цифра выросла почти в два раза – до 335 чел. [35] Столь стремительный рост численности католиков вновь объясняется последствиями подавления Январского восстания 1863 г. и высылкой его участников в отдалённые районы Российской империи, в том числе и Вятскую губернию. Как уже отмечалось, высокая концентрация политических ссыльных в Вятке мотивировалась стремлением обеспечить за ними пристальный надзор со стороны полиции, а именно в губернском центре имелось наибольшее количество подготовленных сотрудников правоохранительных органов. Кроме того, только Вятка могла принять такое количество ссыльных, поскольку уездные

города просто не имели соответствующего жилого фонда для их размещения.

На рубеже 60–70-х гг. XIX в. амнистированные участники польского национально-освободительного движения стали покидать Вятский уезд, поэтому число католиков здесь стало сокращаться. В 1869 г. в уезде насчитывалось 135 adeptov Римско-католической церкви [36]. Однако это сокращение оказалось временным: в последней четверти XIX в. Вятка достаточно динамично развивалась, что привлекало сюда образованных людей из Польши и западных губерний. К концу века численность католического населения в Вятском уезде вновь увеличилась, достигнув 292 чел. [37]

Помимо Вятки в 60-х гг. XIX в. немало католиков проживало и в двух соседних уездах северной и северо-восточной части губернии – Слободском и Орловском. Так, в 1869 г., когда в Вятском уезде было 135 католиков, в Орловском их насчитывалось 55 чел., а в Слободском – 52 чел. [38] В Слободском уезде численность католиков продолжила расти и в последующем, достигнув к моменту проведения Первой всеобщей переписи населения 1897 г. 80 чел. [39] Часть католиков проживала в самом Слободском, остальные трудились на металлургических предприятиях, принадлежавших семье Поклевских-Козелл. В Орловском уезде количество католиков, напротив, стало сокращаться: в 1897 г. их осталось 26 чел. [40], а в 1905 г. – всего 3 чел. [41] В результате к моменту начала Первой русской революции Орловский уезд оказался на последнем месте из 11 уездов губернии по числу католиков. Это объясняется тем, что на рубеже XIX–XX вв. Орловский уезд по темпам экономического развития заметно отставал от других уездов Вятского края. Это был аграрный регион, практически не развитый в промышленном отно-

Таблица 5

Распределение католиков по уездам Вятской губернии во второй половине XIX – начале XX в. [34]

Уезды	Численность католиков (чел.)					
	1861 г.	1865 г.	1869 г.	1885 г.	1897 г.	1905 г.
Вятский	125	335	135	152	292	287
Глазовский	21	31	9	14	35	42
Елабужский	20	7	15	20	32	12
Котельничский	1	18	36	7	20	10
Малмыжский	31	21	18	30	20	34
Нолинский	–	20	36	6	37	18
Орловский	5	12	55	28	26	3
Сарапульский	42	42	97	50	172	187
Слободской	18	26	52	51	80	73
Уржумский	35	9	12	16	45	14
Яранский	3	33	64	48	31	18
ИТОГО:	301	554	529	422	790	698

шении. В силу этого, поляки-католики, имевшие, как правило, хорошее образование и не нашедшие применения своим знаниям и навыкам, переезжали из Орлова в города с более развитым рынком труда, в первую очередь в Вятку.

Помимо Вятского уезда довольно много лиц католического вероисповедания проживало в Сарапульском уезде. На протяжении почти всего рассматриваемого периода Сарапульский уезд занимал второе место по данному показателю. В 1869 г. в Вятском уезде насчитывалось 135 католиков, а в Сарапульском – 97 [42]. В 1905 г. их было 287 и 187 чел. соответственно [43]. Как известно, именно в Сарапульском уезде размещались крупнейшие промышленные объекты Вятской губернии – знаменитые Ижевско-Вотkinsкие металлургические и оружейные заводы. Даные предприятия имели общероссийское значение и на них трудились высококвалифицированные специалисты самых разных национальностей и вероисповеданий. Именно в Ижевске открылась первая в губернии лютеранская кирха, а в начале XX в. возникла одна из крупнейших общин евангельских христиан. Помимо православных, старообрядцев и лютеран в Ижевске, Воткинске и Сарапуле проживало немало католиков, в основном поляков по национальности.

В остальных уездах Вятской губернии после окончания срока ссылки участников польского восстания 1863–1864 гг. численность католиков резко сократилась и оставалась относительно небольшой вплоть до лета 1914 г. Начавшаяся Первая мировая война привела к появлению на территории края большого числа беженцев, военнопленных и интернированных лиц римско-католического исповедания, что сразу же резко увеличило численность вятских католиков.

Таким образом, во второй половине XIX в. в Вятской губернии окончательно сформировалась устойчивая католическая община, численность которой к концу века достигла почти 800 чел. Свыше 1/3 католиков региона проживали в самом губернском центре, образуя там третью по численности религиозную группу. По этнической принадлежности большинство вятских католиков являлись поляками, и лишь на рубеже XIX–XX вв. община пополнилась небольшим количеством немцев и латышей. Несмотря на относительную малочисленность в сравнении с православными, мусульманами и старообрядцами, вятские католики всегда находились под пристальным контролем местных властей. Повышенное внимание губернской администрации к данной конфессии являлось следствием циркулярных указаний из Петербурга, шедших в первую очередь от Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД. Интерес же имперских властей к католицизму в первую очередь объясняется той ролью, которую

играл Костёл в польском национально-освободительном движении.

Примечания

1. Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.) // Вопросы истории. 1995. № 9. С. 133.
2. Подробно данный процесс рассмотрен в трудах профессора Л. Е. Горизонтова. См.: *Горизонтов Л. Е. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX в.)*. М., 1999.
3. Мягков Г. П., Циунчук Р. А. Открывая новые страницы общей истории // *Polonia в Казани и Волго-Уралье в XIX–XX вв.*: сб. науч. ст. Казань, 2011. С. 8–9.
4. Пичугина В. В. Польская интеллигенция в общественно-политической жизни Поволжья и Приураля (XIX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2000. С. 19.
5. Национальный архив Республики Татарстан (далее – НАРТ). Ф. 1. Оп. 3. Д. 7299. Л. 28.
6. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 821. Оп. 3. Д. 996. Л. 3.
7. Подлевских Л. Г. Политические ссылочные в Вятской арестантской роте. Киров, 2005. С. 32.
8. ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 85. Л. 10; ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 185. Л. 140; ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 274. Л. 9; ГАКО. Ф. 574. Оп. 2. Д. 610. Л. 4; Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого. Вятка, 1904. Т. Х. С. 84.
9. ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 85. Л. 8об.–10.
10. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 39. Оп. 1. Д. 21. Л. 20 об.
11. ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 185. Л. 140.
12. Подлевских Л. Г. Указ. соч. С. 29.
13. ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 85. Л. 14.
14. Там же. Д. 100. Л. 135.
15. Там же. Оп. 1. Д. 185. Л. 140.
16. Там же. Д. 274. Л. 9.
17. НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1142. Л. 73.
18. Там же. Д. 3243. Л. 2.
19. Дворецкая Т. А. Участники польского восстания 1863–1864 гг. в вятской ссылке. Киров, 2002. С. 208.
20. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого. Вятка, 1904. Т. Х. С. 84.
21. ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 274. Л. 20; ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 1005. Л. 139; ГАКО. Ф. 574. Оп. 2. Д. 610. Л. 3–4.
22. ГАКО. Ф. 574. Оп. 2. Д. 610. Л. 4.
23. ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 85. Л. 10; ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 185. Л. 140; ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 274. Л. 9; ГАКО. Ф. 574. Оп. 2. Д. 610. Л. 4; Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. Х. С. 84.
24. ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 185. Л. 140.
25. Там же.
26. Там же. Д. 274. Л. 9.
27. Там же. Д. 1005. Лл. 136об.–137.
28. Там же. Оп. 2. Д. 610. Л. 4.
29. Там же. Л. 2.
30. ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 85. Л. 10; ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 274. Л. 9; ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 1005. Л. 138–139; ГАКО. Ф. 574. Оп. 2. Д. 610. Л. 3–4.
31. ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 85. Л. 8об.
32. Там же. Л. 9–10.
33. ГАКО. Ф. 574. Оп. 2. Д. 610. Л. 2–4.
34. ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 100. Л. 135; ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 185. Л. 140; ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 274. Л. 9;

ГАКО. Ф. 574. Оп. 2. Д. 610. Л. 3–4; Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. Х. С. 84.

35. ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 185. Л. 140.

36. Там же. Д. 274. Л. 9.

37. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. Х. С. 84.

38. ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 274. Л. 9.

39. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. Х. С. 84.

40. Там же.

41. ГАКО. Ф. 574. Оп. 2. Д. 610. Л. 4.

42. Там же. Оп. 1. Д. 274. Л. 9.

43. Там же. Оп. 2. Д. 610. Л. 4.

УДК 271.2-7(470)

A. V. Еремин

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

В статье уделяется внимание эволюции политico-правовых основ формирования социальной концепции Русской православной церкви. Даётся анализ вероисповедного законодательства и его влияния на положение РПЦ в России и развитие ее социокультурной деятельности.

The article focuses on the formation of the Russian Orthodox Church social concept evolution. There is analysis of religious law and its impact on the Orthodox Church in Russia and the development of its socio-cultural activities.

Ключевые слова: Церковь, государство, традиция, социокультурная деятельность, взаимодействие, конфессия.

Keywords: Church, state, tradition, sociocultural activities, cooperation, confession.

В процессе формирования социальной концепции Русской православной церкви в 90-е гг. XX в. определяющее значение имели особенности становления вероисповедной политики российского государства. Правовые основы и политическая ситуация в стране создавали условия для социальной деятельности Церкви, а также влияли на особенности выработки ее социальной концепции.

Реальные изменения в религиозной сфере для РПЦ начались с 1988 г., когда союзная власть создала условия для возрождения социальной деятельности Церкви. Год празднования тысячелетия Руси стал датой, которую условно можно считать точкой отсчета становления новой модели государственно-церковных отношений. В стране наблюдался религиозный ренессанс. Со-

бытием, которое придало значительный импульс развитию государственно-церковным отношениям, стала встреча в Кремле М. С. Горбачева с патриархом Пименом и членами Священного Синода 29 апреля 1988 г. Приближалось тысячелетие крещения Руси. Было решено отмечать этот юбилей как общественно значимый праздник. Это решение имело огромное значение. До 1988 г. демократические изменения в государственно-церковных отношениях проходили с большим запозданием. Подготовка к празднику в корне поменяла такое положение дел. Поместный Собор и активизация работы Совета по делам религий – это во многом следствия импульса, данного включением власти в подготовку к юбилею.

В ходе встречи был затронут широкий круг проблем, и не только организационных. Встреча состоялась по письменной инициативе Синода. По сведениям внутренних источников патриархии, предоставленным Д. В. Поспеловским [1], М. С. Горбачеву был передан меморандум с подробной информацией о притеснениях Церкви в СССР. В нем высказывалось требование предоставления Церкви прав юридического лица, статуса общественной организации, полного равноправия верующих и неверующих граждан, отмена жестких налогов и препятствий восстановлению и возвращению храмов. Горбачев пообещал отмены всех несправедливых законов и мер в отношении Церкви, а также равноправие для верующих и новое религиозное законодательство. По-видимому, был согласован и устав, принятый Поместным Собором. На это указывают и те обстоятельства, что руководство Церкви в определениях Собора настаивало на существовании у Церкви права юридического лица. Церкви (духовенству и мирянам) предписывается просветительская деятельность, что было запрещено законодательством, а в примечании к Уставу отмечалось, что он составлен с учетом действующего законодательства, что не соответствовало истине до принятия закона «О свободе вероисповеданий» в октябре 1990 г. Как отметил М. С. Горбачев, «призванная выполнять сугубо религиозные функции, Церковь не может устраниться от тех сложных проблем, которые волнуют человечество, так что точек со-прикосновения для заинтересованного и, надеюсь, плодотворного диалога у нас очень много. У нас общая история, одно отчество и одно будущее» [2].

Празднования тысячелетия крещения Руси торжественно прошли по всей стране с 5 по 12 июля 1988 г. В эти дни устраивались многочисленные встречи духовенства, представителей власти и общественности, конференции, выставки, концерты и т. д. Освещали праздно-

вания и центральные средства массовой информации.

Все изменения в области государственно-церковных отношений сказывались на стремительном росте числа зарегистрированных религиозных объединений. Так, всего в 1985 г. было зарегистрировано 12 438 объединений. Из них Русская православная церковь насчитывала 6 806. В 1990 г. их уже было 16 990, у РПЦ – 10 110. О кардинальных переменах в государственно-церковных отношениях свидетельствует и тот факт, что служители Церкви активно принимают участие в общественной деятельности, становятся народными депутатами. В 1988 г. был принят новый избирательный закон, по которому священнослужители могли выдвигаться общественными организациями кандидатами в народные депутаты (ст. 39) [3]. В предверии выборов народных депутатов СССР Священный Синод 27 декабря 1988 г. определил «благословить представителей нашей Церкви, в случае их выдвижения и избрания народными депутатами, эту деятельность, выражая при этом нашу уверенность, что она послужит благу верующих и всего нашего общества» [3]. В начале 1989 г. патриарх Пимен, митрополит Алексий (Ридигер) и митрополит Питирим (Нечаев) были избраны народными депутатами СССР. Представители Церкви заняли депутатские места в республиканских, областных и местных советах.

Однако неограниченное участие священнослужителей в выборах могло подорвать авторитет Церкви, так как последняя принимала ответственность за все политические решения. Нестабильная политическая ситуация и нарастающая борьба за власть побудили Архиерейский Собор Русской православной церкви в октябре 1989 г. уделять внимание следующим вопросам: «во-первых, как далеко может идти Церковь по пути принятия ответственности за политические решения без того, чтобы ставить под сомнение свой пастырский авторитет, и, во-вторых, позволительно ли для Церкви отказываться от участия в законотворчестве и от возможности оказывать нравственное воздействие на политический процесс, когда от принятия решения зависит судьба страны» [4]. В результате определение Священного Синода от 27 декабря 1988 г. было признано имеющим силу только в отношении к прошедшим выборам. В будущем вопрос об участии священнослужителей в выборах должен был решаться Священным Синодом – в отношении епископата, правящими архиереями – в отношении подведомственного клира. Священный Синод 20 марта 1990 г. в ответ на имеющиеся факты участия представителей Церкви в выборах без согласия священноначалия заявил, что «Русская Православная Церковь снимает с себя моральную и ре-

лигиозную ответственность за участие этих лиц в выборных органах власти» [5]. От каких-либо санкций Священный Синод отказался. В дальнейшем, с начала 90-х гг., архиерейские соборы установят жесткие санкции к священнослужителям, которые принимали участие в политической деятельности, вплоть до лишения сана. РПЦ четко определит свои аполитичные взгляды.

Одновременно Церковь с Поместного Собора 1988 г. в условиях демократизации начала вырабатывать свою позицию по отношению к государству, определила свое место и миссию в современном обществе. В конце 80-х гг. РПЦ заявила о своем независимом существовании от государства, а в начале 90-х – об аполитичной позиции. Во время краха Советского Союза и повышения роли российской власти Церковь заняла место авторитетного, во многом определяющего социальную стабильность института. Российские власти искали поддержки РПЦ, они были готовы к тесному сотрудничеству, к предоставлению больших свобод для ее социальной деятельности. Церковь выступала за демократические реформы, поддерживая власть, избранную волеизъявлением народа. Все эти процессы влияли на выработку РПЦ своих позиций по отношению к государству. Поместные и архиерейские соборы определили основные принципы государственно-церковного взаимодействия, сферы их сотрудничества. Принятый Поместным Собором 1988 г. Устав Русской православной церкви создавал условия для развития принципа соборности в Церкви и среди верующих. В ситуации острой политической борьбы РПЦ сохранила свою аполитичную позицию, несмотря на постоянные попытки втянуть ее в политическую борьбу.

30 мая 1991 г. Русская православная церковь получила право юридического лица. Однако в начале 90-х гг. Церковь оказалась в непростых для себя условиях – в ситуации жесткого противостояния различных политических сил. Более того, принятное законодательство являлось только началом формирования вероисповедной политики государства. По сути дела, религиозная область оказалась предоставлена самой себе, так как политики сосредоточились на борьбе за власть.

В сложных условиях распада СССР определение достойного правового статуса РПЦ во многом зависело от патриарха и официальных церковных лиц. Алексий II, став патриархом в 1990 г., по-другому начал контактировать с властью, в отличие от своих предшественников. Понимая растущую роль Церкви в обществе, заинтересованность слабеющей союзной власти в поддержке РПЦ, а затем и стремление новой российской власти заручиться ее лояльностью, патриарх попытался использовать ситуацию в

целях повышения авторитета РПЦ. Если раньше тяжело больной патриарх Пимен по первому зову ехал в Совет по делам религий, то теперь М. С. Горбачев, а затем и Б. Н. Ельцин сами едут в патриархию. В конце 80-х гг. разрабатывалось новое религиозное законодательство; представители РПЦ и других конфессий приняли активное участие в процессе доработки закона СССР «О свободе совести и религиозных организациях», который был принят 1 октября 1990 г. В конце октября того же года был принят закон РСФСР «О свободе вероисповеданий».

Оба закона жестко определили отделение Церкви от государства. Значение российского закона, несмотря на ряд недостатков, в целом обеспечивало свободное существование религиозных организаций. Его принятие было огромным шагом на пути к демократизации общества. Принятое законодательство послужило базой для дальнейшего развития принципа свободы совести и становления новой вероисповедной политики российского государства.

Итак, к началу 90-х гг. определились тенденции, которые получат свое развитие далее. Церковь, выступив в качестве духовного и нравственного гаранта в испытывающем кризис обществе, не только подняла свой авторитет, но и взяла на себя роль консолидирующей силы. В условиях падения авторитета власти РПЦ воспринималась как духовная власть, пользующаяся доверием в обществе, поэтому и союзные, и российские руководители ищут ее поддержки. Она выступает за демократические перемены, против государственной идеологии и тоталитаризма. Тем самым де-факто Церковь поддержала новую российскую власть. Принятое законодательство позволяло Церкви активно включиться в социальную деятельность. Огромное значение в выработке нового законодательства, в изменении статуса, в поднятии авторитета церковной организации сыграл патриарх Алексий II. Дальнейшее время его пребывания на своем посту покажет, насколько изменилось положение Церкви в государстве. В 90-е гг. РПЦ будет переживать свой ренессанс. И во многом это станет возможным благодаря деятельности патриарха во взаимоотношениях с государственной властью, в общественной деятельности, что послужит той базой, на которой будет формироваться социальная концепция РПЦ. Будущие ее постулаты определились уже в начале 90-х годов: принципы отношения к государству и роль Церкви в современном обществе.

Важным событием в процессе формирования вероисповедной политики в первой половине 90-х гг. стал принятый Государственной думой 5 июля 1995 г. федеральный закон «Об основах государственной службы Российской Федерации»

ции» [6]. В главе II (ст. 5) подтверждается конституционный принцип отделения государства от Церкви, внепартийность государственной службы [7]. Предписывается запрет «использовать свое служебное положение в интересах политических партий, общественных, в том числе религиозных, объединений для пропаганды отношения к ним» [8]. По закону в государственных органах не могли образовываться структуры религиозных объединений. Этими нормами обеспечивалась ликвидация возможности влияния на государственную политику каких-либо религиозных объединений.

В этот период был принят ряд федеральных и региональных законодательных актов, постановлений правительства и указов президента. Складывалась тенденция к созданию федерального координирующего органа для проведения грамотной вероисповедной политики. В середине 90-х гг. государственные функции по взаимодействию с религиозными объединениями выполняли государственные органы и подразделения, осуществляющие связи с религиозными объединениями, решения которых носили информационный и рекомендательный характер: Совет по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации, Комиссия по вопросам религиозных объединений при Правительстве Российской Федерации, самостоятельные подразделения (должности) для осуществления связей с религиозными объединениями в ряде федеральных министерств и ведомств. Появление этих органов соответствовало требованиям времени, так как религиозная сфера в условиях развития принципа свободы совести становилась важной областью общественной жизни, от которой во многом зависела социальная стабильность. Их создание стало необходимым этапом строительства российской государственности. Принцип свободы совести утверждается в Конституции Российской Федерации. Церковь выступала за новый вероисповедный закон, и он был принят в 1997 г. В нем были закреплены права верующей части населения, а также необходимые для нормальной социальной деятельности Церкви правовые нормы. Новый закон закрепил принцип свободы совести, провозгласил Российскую Федерацию светским государством: «никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом». Закон вызвал острую дискуссию среди религиоведов, юристов, общественности. Традиционными религиями были объявлены православие, ислам, буддизм и иудаизм. Для других религиозных организаций вводилась усложненная процедура регистрации:

15-й срок при получении постоянного статуса юридического лица, запрет иностранным организациям заниматься культовой и иной религиозной деятельностью (ст. 9 и 27) [9] и т. д. Закон имел огромное значение, так как упорядочивал деятельность религиозных организаций в России, препятствуя появлению опасных для общества «тоталитарных сект». Был сделан первый шаг к становлению концепции, в которой приоритет в государственно-церковных отношениях отдавался традиционным религиям. В законе особая роль традиционных религий в культурно-историческом процессе была выражена в преамбуле, что вызвало большой диссонанс. Закон вызвал протест некоторых правозащитных организаций, апеллировавших к нормам международного права, в то время как проблема защиты общества от деструктивных религиозных организаций уже давно решалась во многих европейских странах.

Так, например, во Франции после событий 1994–1995 гг., когда в 1994 г. число самоубийств членов Ордена Храма Солнца составило 69 человек (в том числе три ребенка), а 17 декабря 1995 г. 16 человек этой организации были найдеными мертвыми во французских Альпах (их тела были уложены в форме звезды), государство всерьез приступило к изменению религиозного законодательства. В 1995 г. была сформирована парламентская комиссия по расследованию деятельности новых религиозных движений, в ноябре 1996 г. правительством Франции был создан межведомственный Наблюдательный совет по борьбе с «опасными» новыми религиозными группами. 16 декабря 1999 г. французский Сенат одобрил проект закона о внесении поправок в Закон от 10 января 1936 г., который обеспечивал возможность распуска воинствующих антиправительственных организаций. Закон дает возможность распуска и запрета религиозных групп [10]. Подобные тенденции имели место и в других странах: Германии, Австрии, Греции, Испании и др.

По мнению Н. А. Трофимчука, распространение сект в России было делом национальной безопасности и сохранения своей культуры: «в качестве примера успешного внедрения России защитного «социокультурного фильтра» можно привести принятие в 1997 г., несмотря на противодействие Запада, закона РФ «О свободе совести и о религиозных объединениях». Предыдущий закон РФ 1990 г. полностью отстранил государство от контроля за характером религиозных процессов в стране. Как справедливо отметил А. Е. Себенцов в своем комментарии к новому закону, «полная открытость России для обмена духовными ценностями оказалась за пределами разумного, открыла путь

для духовной агрессии». Переосмысление роли религии в социально-политических процессах привело общество не только к осознанию, но и конкретным шагам в этой области, направленным на защиту российских национальных интересов, как они понимаются подавляющим большинством граждан нашего общества» [11]. Шумный протест западных правозащитных организаций подействовал на президента, который внес свои поправки к закону, касающиеся преамбулы, в которой усматривалось неравенство религий, несмотря на то, что преамбула не носила законодательного характера, а в законе говорилось, что «все религиозные объединения равны перед законом». Патриарх Алексий II встретился с президентом, после этого поправки были отменены.

К середине 90-х гг. так называемая американская модель (сепарационная) государственно-церковных отношений показала свою несостоятельность, ибо не учитывала российскую действительность. Во второй половине 90-х гг. сформировалась так называемая германская (кооперационная) модель [12]. Суть этой модели состоит в регулировании государством религиозной сферы без нарушения принципа свободы совести. Признается особая роль традиционных конфессий, с которыми государство заключает обьюндные соглашения о сотрудничестве в культурной и духовно-нравственной сферах. К концу 90-х гг.росло количество законодательных актов, относящихся к религиозной сфере (более 80 к 2000 г.). Более того, собственные законы и иные правовые акты по религиозным вопросам приняты в 33 субъектах РФ. Среди этих актов большинство повторяло содержание федерального закона, однако во многих регионах они ограничивают деятельность иностранных миссионеров, сект, что часто противоречит федеральному законодательству.

Согласно законодательству в религиозной сфере государство действует в двух направлениях: исполнение обязанностей (контроль за исполнением требований, предписанный законодательством) и осуществление прав граждан.

В конце 90-х гг. субъектами государства, взаимодействующими с религиозными объединениями, являлись:

1. Президент Российской Федерации, Федеральное Собрание Российской Федерации, Правительство Российской Федерации – высшие органы государственной власти, формирующие государственную вероисповедную политику и обеспечивающие совершенствование ее нормативно-правовой базы.

2. Органы надзора и контроля, органы прокуратуры Российской Федерации, надзор которых распространяется как на религиозные объе-

динения, так и на государственные органы и иные лица. Министерство юстиции Российской Федерации и органы юстиции субъектов Российской Федерации, осуществляющие государственную регистрацию религиозных организаций, судебная власть, осуществляющая правосудие по делам, связанным с нарушениями законодательства о свободе совести и свободе вероисповеданий как органами государственной власти, так и религиозными объединениями.

3. Государственные органы и подразделения, осуществляющие связи с религиозными объединениями, решения которых носят информационный и рекомендательный характер,

По мнению некоторых исследователей [13], государственные органы и подразделения, осуществляющие связи с религиозными объединениями, действовали автономно друг от друга и не были наделены исполнительно-распорядительными полномочиями. «Горизонтальное» взаимодействие между региональными органами по связям с религиозными объединениями осуществляется еще на довольно низком уровне. Недостаток специалистов, единого информационного поля и базы данных приводит к нарушению координации действий государственных структур центра и регионов, что затрудняет проведение единой вероисповедной политики.

В конце 90-х гг. одним из решений этой проблемы было укреплениеластной вертикали через создание единого органа, обеспечивающего координацию и управление отношениями государства с религиозными объединениями. По мнению специалистов, территориальные структуры были бы менее зависимы от региональных, местных властей, чем ныне действующие органы, и смогли бы координировать их деятельность с федеральной вероисповедной политикой [14].

Однако к концу 90-х гг. взаимоотношения РПЦ и государства обрели вид тесного и плодотворного сотрудничества. Кооперационная модель развивалась быстрыми темпами. Между РПЦ и государственными подразделениями как на федеральном, так и на региональном уровнях было подписано множество соглашений о сотрудничестве в различных сферах общественной и культурной жизни, в системе управления РПЦ появлялись новые отделы по различным общественным сферам, что свидетельствовало о росте масштабов социальной деятельности. Церковь активно работала над формулировкой своей социальной концепции. Все это позволило в начале XXI в. сказать патриарху Алексию II о том, что «государственно-церковные отношения близки к идеальным». Поэтому создание единого органа воспринималось Церковью как вероятность нарушения развивающихся тенденций, когда решение всех вопросов

будет зависеть от конкретных чиновников. Ситуация, когда все соглашения заключаются напрямую между Церковью и государственными структурами (министерства, управления и т. д.), более устраивала РПЦ, так как де-факто признавался не прописанный в законодательстве приоритет православной церкви, которая по праву являлась конфессией № 1.

Однако с ростом значения традиционных религий становилось очевидным, что требуются новые законы, детально прописывающие нормы отношений государства и традиционных конфессий. В конце 90-х гг. назрела необходимость формулировки новой концепции государственно-церковных взаимоотношений. Становилось очевидным, что в отношениях государства с ведущими конфессиями на территории РФ требуются совершенно иные подходы. Та религиозная организация, члены которой составляют наибольшее количество прихожан, по праву могла претендовать на юридически оформленный статус традиционной религии с вытекающими отсюда преимуществами в сфере взаимоотношений с государством.

Тенденция к выработке концепции воплотилась в появлении в 2001 г. новых концепций государственно-церковных взаимоотношений: например, проекта, разработанного кафедрой религиоведения Российской академии государственной службы (РАГС), или концепции государственной политики в сфере отношений с религиозными объединениями РФ [15], представленной Институтом государственно-конфессиональных отношений и права в сотрудничестве с Главным управлением Министерства юстиции РФ по Москве. В обоих проектах закреплялись те базовые подходы к проблеме свободы совести, которые провозглашены Конституцией РФ, Законом 1997 г. и отражали точку зрения международного права. Это принципы отделения религиозных организаций от государства и принцип светского характера государства. В проектах впервые подробно говорилось о необходимости сохранения культурного наследия и традиций. В связи с этим отмечалось, что огромную негативную роль сыграло религиозное влияние из-за рубежа. Россия рассматривалась иностранными проповедниками «как миссионерская целина, и, пользуясь ослабленностью за годы тоталитарного режима традиционных конфессий, в нашу страну устремились многочисленные миссионеры и проповедники десятков зарубежных церквей, миссий и других религиозных организаций» [16]. В проектах высказывалась необходимость противодействия деструктивным религиозным организациям. Главное, что вызвало большой диссонанс в обществе, – предложение ввести в число правовых терминов по-

нятие «традиционные религиозные организации РФ». Наиболее четко о традиционных религиозных организациях говорилось в концепции Института государственно-конфессиональных отношений, где давались критерии их определения. Более того, предполагалось, что государство с традиционными религиозными объединениями будет иметь «приоритетное сотрудничество». В концепции РАГСа содержалось также предложение о том, чтобы образовать государственный федеральный орган по делам религиозных объединений.

Таким образом, указанные проекты как бы подводили итог развитию государственно-церковных отношений в 90-х гг. В них оформлялась так называемая кооперационная модель. Признавался приоритет традиционных религий, необходимость противодействия влиянию «тоталитарных сект» и чрезмерному давлению западного религиозного миссионерства. Разработанные проекты соответствовали интересами пожеланиям РПЦ. Так, Историко-правовая комиссия Русской православной церкви поддерживала проект Концепции государственной политики в сфере отношений с религиозными объединениями Института государственно-конфессиональных отношений.

Председатель Историко-правовой комиссии РПЦ митрополит Воронежский и Липецкий Матфей отмечал: «В представленном проекте Концепции государственной политики в сфере отношений с религиозными объединениями в РФ содержатся положения, способствующие позитивному развитию государственно-конфессиональных отношений в России и отвечающие интересам Русской Православной Церкви» [17].

Помимо этих проектов в 2002 г. появляются и проекты закона о традиционных религиях. Так, например, проект федерального закона «О традиционных религиозных организациях в Российской Федерации», разработанный депутатом Государственной думы РФ А. В. Чуевым [18]. В последнем проекте Концепции вероисповедной политики России И. Куницына [19] четко прописываются основные положения государственно-церковных отношений, определение и приоритеты традиционных религий.

Несмотря на то что проекты не стали законами, они ясно показывают развитие тенденций, которое берет свое начало с середины 90-х гг. Разработка новой концепции государственно-церковных отношений и принятие ее в качестве официального закона, на наш взгляд, процесс необратимый. Это завершающий этап формирования вероисповедной политики в России.

Разработка новой концепции вероисповедной политики, где четко определялись права традиционных конфессий, совпала с подготовкой при-

ятия «Основ социальной концепции РПЦ». Церковь обобщила многие позиции, выработанные на протяжении 90-х гг. Еще раз четко определив свое место по отношению к государству, РПЦ видела идеалом взаимоотношения двух институтов «византийскую симфонию», в которой и государство, и Церковь отделены друг от друга, но сотрудничают на благо народа как равноправные партнеры. Высокий статус РПЦ в системе политico-общественных связей российского общества позволил ей четко сформулировать свои действия в случае антихристианской деятельности государства. Церковь впервые выступила как самостоятельный социальный институт, опирающийся на общество и имеющий возможность призвать народ к неповиновению властям. РПЦ поддерживала власть на протяжении 90-х гг., призывала молиться за нее, так как «нет власти не от Бога», но она часто и критиковала многие ее мероприятия. Такая позиция Церкви формировалась в течение более чем десятилетнего периода.

Таким образом, становление вероисповедной политики служило той необходимой средой, которая влияла на особенности формирования социальной концепции РПЦ. Развитие кооперационной системы создает условия для активизации социальной деятельности Церкви, которая в то же время способствовала изменению существующего законодательства. Становление вероисповедной политики и процесс формирования социальной концепции РПЦ были взаимовлияющими процессами.

Примечания

1. Поступовский Д. В. Русская православная церковь в XX в. М., 1995. С. 399.
2. Цит. по: Лещинский А. Н. Время новых подходов: о современных государственно-церковных отношениях. М., 1990. С. 22.
3. Закон СССР о выборах народных депутатов СССР от 1 декабря 1988 года (Ведомости Верховного Совета СССР, 1988 г., № 249. Ст. 729) // Свод Законов СССР. Т. 1. 1988. II полугодие.
4. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. М.: Изд-во Московской Патриархии, 2000. С. 74.
5. Там же.
6. Там же.
7. См.: Российская газета. 1995. 3 авг. С. 4–5.
8. Там же. С. 4.
9. Там же.
10. См.: Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» // Религия и право. 2003. № 1(29). С. 4.
11. Там же. С. 5, 10.
12. История религий в России / под общ. ред. Н. А. Трофимчука. М., 2001. С. 529–532.
13. Трофимчук Н. А., Свищев М. П. Экспансия. М., 2000. URL: www.trofim_expan.ru
14. Вранке Ю. Церковно-государственная система в Германии после объединения // Мировой опыт

государственно-церковных отношений: учеб. пособие / под общ. ред. Н. А. Трофимчука. М.: РАГС, 1998. С. 73–85; Мирошникова Е. М. Государственно-церковные отношения в ФРГ (философско-правовые аспекты): дис. ... д-ра филос. наук. М., 1998.

15. См., напр.: Пухов В. И. Взаимодействие Пограничной службы России с религиозными объединениями в интересах охраны Государственной границы: дис. ... канд. филос. наук. М., 2001; Джораева С. В. Государственно-церковные отношения в России: (опыт философско-исторического анализа): дис. ... канд. филос. наук. М., 1997; и др.

16. Лампс А. Будет ли «министрство веры»? Интервью с председателем Комиссии по вопросам религиозных объединений при правительстве РФ А. Себенцовым // НГ религии. 2001. 26 сент.

17. Концептуальные основы государственно-церковных отношений в Российской Федерации (проект) (разработан кафедрой религиоведения Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации). URL: www.state-religion.ru

18. Концепция государственной политики в сфере отношений с религиозными объединениями РФ. от 27.07.2001). Проект разработан Институтом государственно-конфессиональных отношений и права и Главным управлением Министерства юстиции РФ по г. Москве в лице заместителя начальника Главного управления Жбанкова В. Н. URL: www.state-religion.ru

19. См.: Проект РАГС.

20. См.: Историко-правовая комиссия Русской Православной Церкви поддерживает проект Концепции государственной политики в сфере отношений с религиозными объединениями. URL: www.state-religion.ru

21. См.: Текст разработанного депутатом Государственной Думы РФ А. В. Чуевым проекта федерального закона «О традиционных религиозных организациях в Российской Федерации». URL: www.state-religion.ru

22. См.: Проект Концепции вероисповедной политики России / авт. – канд. юрид. наук И. Куницын, вариант от февраля 2004 г. URL: www.state-religion.ru

УДК 94(470.342)"02/15"

A. B. Егоров

**ТЮРКСКИЙ КОМПОНЕНТ
СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ
ТЕРРИТОРИИ СОВРЕМЕННОЙ
КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ в III–XVI вв.**

В статье освещаются основные проблемы появления и дальнейшего расселения тюркских групп населения и их взаимоотношение с местными народами на территории современной Кировской области в период Средневековья (III–XVI вв.). На основании ряда источников описано проникновение первых тюрок на территорию региона в эпоху раннего Средневековья, Волжской Булгарии, Золотой Орды и Казанского ханства.

In article the basic problems of occurrence and the further moving of Turkic groups of the population and their mutual relation with local peoples in territory of modern Kirov area rise during Middle Ages. On the basis of lines of sources penetration of the first turks on areas in epoch of early Middle Ages, Volga Bulgaria, Golden Horde and Kazan khanstvo is described.

Ключевые слова: Великое переселение народов, гунны, тюроки, восточное серебро, Волжская Булгария, Золотая Орда, татары, Казанское ханство.

Keywords: Great resettlement of peoples, goons, Turks, east silver, Volga Bulgaria, Golden Horde, tatars, Kazan khanstvo.

Тюркские народы с древнейших времен оказывали воздействие на автохтонное население Вятско-Камского региона. Сегодня татары составляют 2,2% населения современной Кировской области, оказывают значительное влияние на финно-угорские этносы этой территории [1]. Появление тюркской этнической группы традиционно связывается с булгарами и образованием государства Волжская Булгария. Однако есть данные и о более раннем появлении тюрок на территории области. Как верно отмечает Е. П. Казаков, «в природно-географическом отношении Урало-Поволжье и Прикамье чрезвычайно благодатны для проживания коллективов людей с различным хозяйственным укладом. ... В крае скрывались все эпохальные политические события Евразии...» [2] Одним из таких эпохальных событий стало Великое переселение народов, положившее начало движению тюркоязычных кочевников на запад.

А. Х. Халиков считал, что «туркизация края, проходившая в виде неоднократных внедрений в край тюркоязычных, тюрко-угорских племен, начинается в первой половине I тыс. н. э. Первые волны древнейших тюркоязычных племен... докатываются до берегов Волги и Камы в III–

IV вв. н. э., когда в крае наблюдается значительное изменение этнической карты» [3]. Именно в III в. на Вятке отмечается появление инородного населения, оставившего на территории Кировской области (в основном на юге) курганные могильники (Азелино, Суворово) и необычные воинские захоронения в Худяковском (погр. 88) [4]. Позже, в конце IV–V вв., такое же инородное население оставит некоторые погребения в бескурганных некрополях Тюм-Тюм и Первомайский [5]. В них в основном погребены молодые мужчины-воины с большим количеством оружия, не характерного для автохтонного населения края. Существуют разные версии этнической интерпретации этих памятников: автохтонная [6], гото-славянская [7], сарматская (касательно могильника Тюм-Тюм) [8]. Несколько не умаляя выводы ученых, позволим себе вслед за А. Х. Халиковым и П. Н. Старостиным указать на некоторые тюркские параллели этих памятников. Известно, что курганный тип могильников сам по себе более характерен для степных кочевников, кроме того, женские головные уборы, найденные в азелинских могильниках, в виде шапочки-таки обнаруживают прямые параллели с чuvашской тухьей, имеющей явно тюркское происхождение [9]. Также отметим, что широкое распространение коневодства в III–V вв., как и позднее, вплоть до IX в., связано с известным влиянием извне, со стороны южных племен, которые в это время вторглись в Прикамье [10]. Профессор А. В. Богачев считает население, оставившее необычные захоронения на Вятке, пришедшим из среды, культурно и этнически близкой к гуннам, а точнее, к гунно-уграм, которых можно идентифицировать с хунугурами Иордана. Вывод обосновывается находками в могильниках гуннских наборных поясов с двукружковыми накладками. Находки этих поясов маркируют движение гуннов из-за Урала в Северное Причерноморье (Кубей), а затем и в Прикамье (Азелино, Худяки и др.) [11].

Многие исследователи указывают на угорские и сарматские параллели ряда памятников этого периода. Так, С. В. Ошибкина, анализируя материалы могильника Тюм-Тюм, не исключает, «что в середине IV в. н. э. часть сарматского населения была вытеснена из степей в лесостепную зону, где возникли поселения и памятники, подобные могильнику Тюм-Тюм» [12]. В связи с этим важно отметить, что гуннская орда не являлась однородным, чисто тюркским образованием. Во время своего пути на запад гунны вовлекали в движение многие кочевые племена, встреченные ими на пути, в том числе сарматские и угорские. Более того, культура гуннов представляла собой своеобразный сплав самых разнородных элементов, отразивших участие в ее создании многих

народов, покоренных ими [13]. А. Н. Гумилев, посвятивший многие свои труды кочевникам степей Евразии, описывая племена хуннов, отмечал, что «именно с угорских территорий начали хуны свой новый поход на запад, причем угорский элемент составлял их основную боевую силу, и нет оснований сомневаться в том, что оба народа смешались и слились в один новый народ – гуннов» [14]. В связи с этим вполне вероятно присутствие на Вятке одного из отрядов именно гуннской орды, но с ярко выраженным сарматским или угорским компонентом.

Очевидно и воздействие пришлого населения на местные племена ломоватовской культуры на севере Кировской области. Это ярко демонстрируют памятники харинского этапа ломоватовской культуры (V–VI вв.), ареал распространения которых затрагивает также и Афанасьевский район области. Можно выделить целый ряд вещей, которые встречаются в харинских памятниках, не являясь атрибутом азелинских и мазунинских. Интерес представляют обломки наконечников ремней, украшенных зернью и вставками, и височные подвески-лунницы, также украшенные зернью и вставками. Данные предметы характеризуются стандартной манерой украшения, присущей полихромному стилю гуннского времени. Центром изготовления таких предметов было Северное Причерноморье, а точнее, Пантикопей [15]. Показательно, что и на дальнейших этапах культуры появляются поясные накладки, но уже тюрко-сибирского (VII–VIII вв.) [16] и салтово-маяцкого типов (VIII–IX вв.) [17], что также указывает на тюркские параллели. Пришлое население, как и население, оставившее необычные захоронения в азелинских памятниках, характеризуется курганными могильниками и развитым культом коня, что позволяет предположить их тюркское происхождение. Важно отметить, что пришельцы вступили во взаимодействие с финно-угорскими племенами и в силу своей малочисленности поглощались ими. Во всяком случае, до рубежа VI–VII вв. заметных изменений в этнической карте региона не произошло [18]. Подтверждением этому служит постепенное исчезновение обычая насыпать курганы. Вероятно, обычай трансформировался в традицию обозначать место захоронения холмиком [19].

Как видно, в эпоху Великого переселения народов имел место определенный внешний импульс, оказавший серьезное воздействие на население территории Кировской области. Р. Д. Голдина считает, что «таким импульсом явился приток в Прикамье пришлых степных групп населения, принесших сюда своеобразный обряд захоронения под курганами и не менее своеобразную материальную культуру» [20]. В этом плане довольно интересны проведенные тюркские парал-

лели в культуре этого населения, ведь, как справедливо отмечал В. Ф. Генинг, «понять сложнейшие события этого времени в Прикамье можно лишь в неразрывной связи с теми событиями, которые происходили в степях юга, и, прежде всего, с грандиозным движением кочевых орд гуннов, ворвавшихся в 70-х гг. IV в. в Восточную Европу» [21]. Однако вопрос окончательно решенным считать нельзя, он требует дальнейшего изучения.

В VI–VII вв. наблюдается вторая волна тюркизации, связанная с эпохой Великого тюркского каганата, повлекшая за собой новое изменение этнической карты Поволжья и Приуралья и сопровождавшаяся усилением в этом районе смешанных тюрко-угорских (оногурских) племен [22]. Свидетельством этих процессов являются многочисленные находки в Приуралье и Прикамье кладов (более 75 пунктов) так называемого восточного серебра. Показательно, что большинство предметов (серебряные сосуды, украшения, монеты и т. п.), содержащиеся в этих кладах, относятся к V–VIII вв. и являются произведениями сасанидских и византийских мастеров. Они, очевидно, попали в руки тюркских и союзных с ними воинов при тех многочисленных войнах, которые тюркоты во второй половине VI в. вели на территории Ирана и подчиненных Византии провинций [23]. А. Х. Халиков отмечает, что «появление драгоценных византийских и среднеазиатских изделий IV–VI вв. в Западном Приуралье было достаточно массовым и не случайным явлением. Оно совпадает по времени с началом функционирования могильников неволинского типа, что было связано с притоком в Прикамье не позже рубежа VI–VII вв. нового населения. Это-то население, очевидно, и принесло ту огромную массу сасанидско-среднеазиатского и отчасти византийского драгоценного металла, вскоре осевшего в виде кладов на прикамской земле» [24]. Значительное количество кладов и отдельных находок таких предметов обнаружено и в Кировской области в основном в бассейнах рек Вятки, Чепцы [25] и верховьях Камы (Афанасьевский район) [26]. Данные находки позволяют предположить как минимум вовлеченность данных территорий в сферу влияния Тюркского каганата. Более точные и аргументированные выводы можно сделать лишь после серьезных археологических исследований на севере области.

Следующий этап тюркского влияния на территорию Кировской области связан с процессом образования в IX–X вв. в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье раннефеодального Булгарского государства. Очевидно, что значительные торговые операции булгарские купцы, причем монопольно, проводили на северо-востоке – в Прикамье

(бассейн Чулмана), в Приуралье и на Урале, на севере Западной Сибири. Это был регион абсолютного господства булгарских купцов преимущественно из северо-восточных булгарских городов (в том числе и из Алабуги, являвшейся значительным торговым центром на территории Вятко-Камья). Они доходили вплоть до бассейна Чепцы и Чусовой на Каме [27]. Территория Кировской области, бесспорно, входила в зону торговых интересов булгар, однако самих булгарских поселений пока не выявлено. М. Г. Худяков отмечает в Малмыжском районе у с. Старый Бурец урочище «Болгары», покрытое целой группой неопределенных курганов. Согласно преданиям местных мусульман, булгары, после разрушения г. Булгара, основали целый Бурецкий край и оказывали на местных финно-угров сильное культурное влияние [28]. Кроме этого ряд исследователей склонны связывать появление булгарских поселений в бассейне р. Чепцы с группой каринских татар, проживающих в с. Карино Слободского района Кировской области. П. М. Сорокин писал, что «для исследователя древнейшей истории Вятского края каринцы интересны в том отношении, что некоторые данные связывают их с государством волжско-камских болгар... Именно каринцы-князья представляются наследниками власти предполагаемых булгарских владетелей» [29]. М. Г. Худяков видел в каринских татарами потомков булгар, бежавших от монголо-татар на север и осевших на нижнем течении р. Чепцы [30]. Такие предположения интересны и не лишены определенной логики – действительно, можно допустить существование в Кировской области торговых факторий и поселений булгар, тем более что в соседних республиках и областях подобные памятники уже обнаружены. Однако археологических материалов, подтверждающих существование таких памятников, в бассейне р. Чепцы пока не обнаружено. Лишь на кладбище с. Карино найдено три надгробных памятника с эпиграфикой на арабском и тюрко-татарском языках, но данные памятники относятся к XVI в. – эпохе Казанского ханства – и к булгарам имеют весьма косвенное отношение [31]. В связи с этим попытки некоторых исследователей [32] помещать целые булгарские города на территории Кировской области лишь на основе сомнительных письменных документов и собственных умозаключений нельзя считать подлинно научными. Точные сведения могут дать только новые археологические исследования на юге области и в окрестностях с. Карино.

Поступательное развитие экономической и культурной жизни Волжско-Камской Булгарии было нарушено в 20–30-е гг. XIII в. нашествием монголов [33]. Дальнейшее влияние на территорию современной Кировской области оказывали уже монголо-татары. К этому времени на Сред-

ней Вятке русскими поселенцами образуется Вятская земля. Взаимоотношения населения Вятской земли с Волжской Булгарией, Золотой Ордой и Казанским ханством оставались на протяжении XIII–XV вв. достаточно напряженными. Об этом свидетельствуют данные русских летописей и некоторых других письменных источников, повествующих об исключительно враждебном характере этих контактов [34]. Следует упомянуть разграбление новгородскими ушкуйниками Болгара и поход на Сарай в 1374 г., поход татарского войска во главе с царевичем Бектутом на Вятскую землю в 1391 г., во время которого были опустошены русские и финно-угорские поселения, взят и разрушен город Вятка. Довольно регулярно золотоордынские, а затем и казанские ханы совершили набеги на Вятскую землю (например, походы хана Ибрагима в 1468 и 1478 гг.), но получали отпор и не смогли окончательно подчинить ее своей власти [35]. Из летописей известно о пребывании в Вятке посольской делегации казанского хана, имевшей сильные рычаги влияния на Вятскую землю. Так, на предложение московского князя совершить совместный поход на Казань вятчане ответили отказом, сославшись на то, что хан их «изневолил» дать слово о нейтралитете [36]. Эти тяжелые взаимоотношения оставили отчетливый след в памяти поколений. Так, в 2010 г. разведотрядом Вятской археологической экспедиции под руководством А. А. Кряжевских в деревнях Кирово-Чепецкого района были собраны местные предания о битвах с татарами, указаны болотистые места (с характерным названием «поганник»), куда якобыбросили трупы татар. Местные жители сообщали о находках стариинного оружия около таких «поганников». В самом районе довольно многочисленны топонимы, связанные с татарами.

Поселений золотоордынского периода в области также не обнаружено. Однако Д. А. Салангин, анализируя керамический материал вятских памятников (Хлынов, Никульчинское II поселение, Котельнич, Спасское селище, Казаковцевское I поселение), выделяет особую «татарскую» группу керамики, наличие которой отражает влияние татар на гончарство населения Вятской земли. Более того, автор отмечает, что «ее появление на территории Вятского края связано с переселением в XIV в. какой-то части татар на Вятку. Наиболее реальным исходным регионом носителей «татарской керамики» можно считать территорию Арского княжества» [37]. Учитывая наличие массы «татарской керамики» на других памятниках, можно предположить и дальнейшее расселение татар из с. Карино (или сразу из Арского княжества) в Хлынов, Спасское селище и Казаковцевское I поселение (на них обнаружено больше всего «татарской» керамики – бо-

лее 2% от общего числа). Пребывание татар в бассейне р. Чепцы в XIV в. подтверждается и находками джучидских (золотоордынских) monet [38].

Существуют предания, собранные на юге области около пос. Санчурск во время подворной переписи XIX в., которые сообщают о наличии здесь в древности татаро-мариийского городка. Важно отметить, что наряду с мариийцами вокруг Санчурска на момент переписи компактно жили татары. Об этом также свидетельствует много преданий. Судя по топонимам, татары жили в д. Городище Санчурского района [39]. На наличие татар указывает и находка золотоордынских монет «в большом количестве» в реке около поселка [40]. Можно допустить, что если татары составляли значительную часть населения около Санчурска, то вполне вероятно и подчинение им мариийцев. Тогда мариийские предания о Санчурске как о центральном городе ясно объясняются, без учёта мариийских «князей» и «царей». Возможно, в Санчурске жили дружественные Казани мурзы или князья, владевшие покорёнными местными мариийцами. Вместе с князьями селились здесь и простые татары. Это подтверждают предания в деревнях бывш. Малощегловской волости. Но, видимо, власть татар не простиралась дальше санчурской округи, так как в остальных местностях преданий о татарах неизвестно. И даже наоборот, предания говорят о том, что мариийцы были вытеснены из-под Казани пришельцами «турками, кем ли...» (т. е., видимо, татарами) в современный Яранский район, но «здесь зажили спокойно», о подчинении татарам не упоминается [41]. Вопрос о заселении татарами местности около пос. Санчурска интересен, но нуждается в дальнейшем уточнении.

Население территории Кировской области с древнейших времен испытывало сильное тюркское воздействие. Вероятно, первое появление тюрок в этой местности связано с движением гуннов в эпоху Великого переселения народов, в дальнейшем – с крупными тюркскими образованиями – Волжской Булгарией и Золотой Ордой. Разумеется, многие вопросы, особенно вопрос ранней тюркизации и появления каринских татар, решенными считать нельзя, но определенное влияние тюркского компонента в эпоху Средневековья очевидно. Высказанные предположения, безусловно, требуют дальнейшего подтверждения археологическими и этнографическими материалами.

Примечания

1. Правительство Кировской области. URL: <http://www.ako.kirov.ru/region> (доступ свободный).
2. Казаков Е. П. Новые археологические материалы к проблеме ранней тюркизации Урало-Поволжья // Татарская археология. 1999. № 1–2 (4–5). С. 23.

3. Халиков А. Х. Этапы этногенеза татар Средне-го Поволжья и Приуралья // Проблемы современной тюркологии. Алма-Ата, 1980. С. 373.
4. Голдина Р. Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск, 2004. С. 254.
5. Там же. С. 259.
6. Генинг В. Ф. Азелинская культура III–V вв. // ВАУ. Вып. 5. Ижевск, 1963.
7. Голдина Р. Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск, 2004.
8. Ошибкина С. В. Вятские древности: могильник Тюм-Тюм. Материалы охранных исследований. Т. 13. М., 2010. С. 61–63.
9. Халиков А. Х. Истоки формирования тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья // Археология и этнография Татарии. Вып. 1. Казнь, 1971. С. 20.
10. Генинг В. Ф. Указ. соч. С. 25.
11. Богачев А. В. Хронология двукружковых поясных накладок и проблема миграций в Волго-Камье на рубеже IV–V веков // Археологические памятники Оренбургья. Вып. VIII. Оренбург, 2007. С. 21.
12. Ошибкина С. В. Указ. соч. С. 62.
13. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 10.
14. Гумилев Л. Н. Хунну. Степная трилогия. СПб., 1993. С. 201.
15. Голдина Р. Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск, 1985. С. 125–126.
16. Там же. С. 130.
17. Там же. С. 132.
18. Кузеев Р. Г., Иванов В. А. Дискуссионные проблемы этнической истории населения Южного Урала и Приуралья в эпоху средневековья // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. Уфа, 1986. С. 6.
19. Голдина Р. Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. С. 139.
20. Там же. С. 136.
21. Генинг В. Ф. Указ. соч. С. 14.
22. Халиков А. Х. Этапы этногенеза татар Среднего Поволжья и Приуралья. С. 374.
23. Халиков А. Х. Происхождение татар Поволжья и Приуралья. Казань, 1978. С. 49.
24. Халиков А. Х. Истоки формирования тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Поволжья. Казань, 1971. С. 32.
25. Мокерова Е. Ю. Клады и находки монет VIII–XVII вв. на территории Вятского края (хронология и топография) // Монета. Вологда, 1995. С. 36.
26. Бердинских В. А. История кладоискательства в России. М., 2005.
27. Моця А. П., Халиков А. Х. Булгар-Киев. Пути-связи-судьбы. Киев, 1997. С. 27.
28. Худяков М. Г. Древности Малмыжского уезда. Вятка, 1917. С. 46–47.
29. Сорокин П. М. Арские князья в Карино // КВГ на 1897 г. Вятка, 1896. С. 45.
30. Худяков М. Г. Очерки по истории казанского ханства. Казань, 1923. С. 21.
31. Рахим Г. Болгаро-татарские эпиграфические памятники в Вятском крае // Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников. Казань, 1930. С. 49–57.
32. Серкин С. П. Тайны земли Вятской: предания, мифы, гипотезы и реальность Подчуршинского городища. Киров, 2008. С. 108.
33. Фахрутдинов Р. Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территории. Казань, 1975. С. 50.
34. Макаров А. Д. Болгаро-татарские материалы древнерусских памятников Вятской земли // Вопросы древней истории Волго-Камья. Казань, 2001. С. 143.
35. Эммауский А. В. Исследования по истории Вятской земли. Киров, 2009. С. 31.
36. Спицын А. А. Свод летописных известий о Вятском крае // КВГ на 1883 г. Вятка, 1882. С. 170.
37. Салангин Д. А. Об одной из этнокультурных групп керамики Вятского края // Исследовательские традиции в археологии Прикамья. Т. 4. Ижевск, 2002. С. 244–245.
38. Мокерова Е. Ю. Указ. соч. С. 37.
39. ГАКО. Ф.170. Оп.1. Д. 96. Л. 12.
40. Мокерова Е. Ю. Указ. соч. С. 50.
41. ГАКО. Ф.170. Оп.1. Д. 96. Л.12.

УДК 364.6-057.36(470.342)

Н. В. Чернышева

**СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА
В ОТНОШЕНИИ СЕМЕЙ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ
в 1941–1945 гг.
(на материалах Кировской области)***

Статья посвящена социальной политике государства в отношении семей военнослужащих в годы Великой Отечественной войны. Автор анализирует основные направления социальной политики, характеризует социальное положение семей военнослужащих Кировской области.

The article is devoted to the social policy of the state in regard to military families during the Great Patriotic War. The author analyzes the main areas of social policy, describes the social situation of families of servicemen of the Kirov region.

Ключевые слова: социальная политика, семьи военнослужащих, Великая Отечественная война, Кировская область.

Keywords: social policy, military families, Great Patriotic War, Kirov region.

В обыденном сознании многих людей понятие «политика» нередко ассоциируется с необходимостью решения актуальных задач в той или иной сфере развития государства, общества, деятельностью групп людей, отдельного человека. Социальная политика является составной частью внутренней политики государства, воплощается в его социальных программах и практике, регулирует отношения в обществе в интересах и че-

* Статья подготовлена в рамках выполнения регионального гранта РГНФ «Центральная Россия: прошлое, настоящее, будущее». Кировская область, номер проекта 12-11-43002.

рез интересы основных социальных групп населения.

В сфере социальных отношений в 1941–1945 гг. вводились различные чрезвычайные меры, усиливающие централизацию управления. Усложнение социальных задач было связано с возросшим объемом работ по обеспечению специфических групп населения.

Социальное обеспечение в СССР как установленная государством система социально-экономических мероприятий прошла определенный исторический путь становления и развития. К концу 1930-х гг. вопросами социального обеспечения занимались различные государственные органы и созданные в их составе учреждения, а также общественные организации.

Конкретно-исторические обстоятельства, действующие как в годы войны, так и в мирное время, порождали у населения необходимость социальной защиты (вынужденная миграция, получение производственной травмы, уход на фронт, ранение на войне, потеря кормильца и пр.). С точки зрения М. С. Зинич, проблема социальной помощи населению должна быть изучена многопланово: «Необходим анализ форм и методов работы, учет особенностей социального положения, отдельных факторов и условий военного времени» [1].

К особой группе населения, нуждающегося в социальной защите, относились семьи военнослужащих. В самом начале войны перед органами социального обеспечения были поставлены задачи, обозначившие основные направления работы с семьями военнослужащих: назначение и выплата пособий, трудоустройство членов семей военнослужащих, организация материальной и нематериальной помощи [2].

Семьям военнослужащих согласно указу ПВС СССР от 26 июня 1941 г. «О порядке назначения выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время» назначалось пособие [3]. В зависи-

мости от числа нетрудоспособных пособие получали в пределах 100–200 руб. в месяц на семью в городах и половины в сельской местности [4].

16 августа 1941 г. Ставкой Верховного Главнокомандования было принято решение о лишении пособий тех семей, чьи солдаты сдались в плен. С середины 1942 г. для тех городских семей, где при отсутствии трудоспособных имелись 5 и более человек, пособие было увеличено до 250 руб. и до 200 руб. для семей, в которых при 2 работающих имелись 5 и более неработающих [5].

Пособия начислялись по заявлению граждан, а затем по ним проводилась проверка. Окончательное решение по заявлению принималось комиссией в составе заместителя председателя райисполкома, заведующего отделом социального обеспечения инвалидов и военкома, причем оно должно было выноситься не более чем в 3-дневный срок. В связи с огромным объемом работ выплаты задерживались на два-три месяца.

Пенсии назначались членам семей погибшего военнослужащего. После окончания советско-финской войны в структуру военных пенсий были внесены некоторые изменения. 16 июля 1940 г. в соответствии с постановлением СНК СССР «О пенсиях военнослужащим рядового и младшего начальствующего состава срочной службы и их семьям» были определены категории лиц, получающих пенсию, и ее размеры [6]. Размер пенсии зависел от нескольких факторов: во-первых, от величины получавшегося заработка, во-вторых, от военного звания, в-третьих, от группы инвалидности. Рабочие имели преимущества перед крестьянами, офицеры перед солдатами. Семьи военнослужащих, без вести пропавших в период боевых действий, имели право на пенсию наравне с семьями погибших на фронте. Выплачиваться пенсии должны были по графику с пятого числа каждого месяца в алфавитном порядке. Пенсии выдавались несвоевременно, в 1942 г. в Кировской области задолженность составляла свыше 760 тыс. руб. [7]

Государственная помощь семьям военнослужащих в 1941–1945 гг.

Таблица 1

Категория семьи военнослужащего	Размер ежемесячного пособия (в рублях)	
	в городских поселениях	в сельской местности
Семья военнослужащего, в которой отсутствуют трудоспособные:		
– при наличии одного нетрудоспособного;	100	50
– при наличии двух нетрудоспособных;	150	75
– при наличии трех и более нетрудоспособных	200	100
Семья военнослужащего, в которой один трудоспособный и трое (и более) нетрудоспособных	150	75
Семья военнослужащего, в которой один трудоспособный и двое детей в возрасте до 16 лет	100	50

Ситуация с выплатой пособий и пенсий изменилась к лучшему после выхода постановления СНК СССР «О мерах по улучшению работы советских органов и местных партийных организаций по оказанию помощи семьям военнослужащих» от 22 января 1943 г. и указа ПВС СССР от 27 января 1943 г. «Об образовании при совнаркомах автономных республик, исполнительных комитетах областных, окружных, городских и районных Советов депутатов трудящихся отделов по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих» [9].

При СНК РСФСР было образовано Управление по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих. В соответствии с Положением Управление должно было выполнять следующие полномочия: обеспечение пособиями и пенсиями семей; трудовое устройство и проведение мероприятий по удовлетворению материально-бытовых нужд семей военнослужащих; обеспечение установленных законом льгот; рассмотрение заявлений и жалоб, поступающих от семей военнослужащих.

Отделы по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих создавались в каждом регионе. В Кировской области до лета 1943 г. этот отдел практически не работал. Инспектора не выезжали в районы, а укомплектованность кадрами составляла менее 50% [10].

В 1943 г. в Кировской области имелись 323,8 тыс. семей военнослужащих, 94 тыс. членов семей были трудоустроены. 129 541 (40%) семья получала пособия, и 34 303 (10,6%) – пенсии [11]. Всего через органы социального обеспечения Кировской области было выплачено пособий на сумму 126 млн 992 тыс. руб., пенсий – 45 млн 230 тыс. руб. [12] Таким образом, только половина семей фронтовиков обеспечивалась минимальными социальными гарантиями, остальные не получали даже этого. Причины различны: трудности с оформлением документов, отсутствие сведений с фронта, неинформированность семей и др. Распространенным явлением были растраты и незаконные назначения пособий и пенсий. В 1943 г. в Лальском районе была выявлена растрата 23 928 руб. в основном за счет переводов средств госбюджета лицам, не имеющим права на государственное обеспечение. В Слободском районе – 12 303 руб. [13] Были случаи параллельной выплаты пособия и пенсии на одного и того же военнослужащего.

Подобные случаи были распространены и в других регионах. Заведующий Ленинским отделом гособеспечения г. Молотова Молотовской области Демидов выдавал ордера лицам, не имеющим права на их получение, в том числе своей жене, работнице этого же отдела. Бухгалтер Липецкого районного отдела Воронежской области Исаев путем подделки чеков присвоил 100 тыс. руб. и пр. [14]

Таблица 2

Пенсионное обеспечение инвалидов войны и семей военнослужащих, погибших и пропавших без вести в годы Великой Отечественной войны [8]

Категория пенсионеров	Размер пенсии		
	семьям погибших и пропавших без вести с числом нетрудоспособных		
	3 и более чел.	2 чел.	1 чел.
Военнослужащие рядового состава, работающие до призыва и имевшие среднемесячную зарплату до 400 руб. (% от среднемесячной зарплаты)	60	45	35
Военнослужащие рядового состава, не работавшие до военной службы в качестве работающих и служащих (руб. в месяц)	90	70	50
Проживавшие в сельской местности и связанные с сельским хозяйством (руб. в месяц)	72	56	40
Лица начальствующего состава и сверхсрочнослужащие, ставшие инвалидами вследствие ранений, контузий иувечий, полученных в боях при защите СССР или при исполнении других обязанностей военной службы, а также вследствие заболеваний на фронте (% к окладу содержания)	–	–	–
Семьи лиц нач. состава и сверхсрочнослужащих, умерших вследствие ранений, контузий иувечий, полученных в боях при защите СССР, а также семьи умерших пенсионеров из лиц нач. состава сверхсрочнослужащих, получавших пенсию по инвалидности, вызванной указанными причинами, или пенсию за выслугу лет (35 лет) (% к окладу содержания)	60	45	30

Охрана материнства и детства является неотъемлемой частью не только демографической, но и социальной политики государства. Социальная помощь матерям стала оказываться лишь на завершающем этапе войны, когда проблемы материнства и детства были взяты под особый контроль со стороны государства [15].

Государственные пособия многодетным матерям (имеющим мужа или вдовам) назначались и выплачивались, начиная с рождения третьего ребенка и за каждого последующего. При назначении пособия по многодетности учитывались дети, погибшие или без вести пропавшие на фронтах Отечественной войны. Пособия выплачивались единовременно (от 400 до 5 000 руб. в зависимости от количества детей в многодетной семье) и ежемесячно (от 80 до 300 руб. также в зависимости от количества детей). Особыми льготами пользовалась женщины, представленные к наградам: медаль «Мать-героиня» (присваивалась женщине, родившей и воспитавшей 10 детей) и «Медаль материнства» (присваивалась за рождение и воспитание 5–6 детей), а также орден «Материнская слава» (для женщин, имеющих 8–9 детей) [15].

К концу 1945 г. единовременное и ежемесячное пособие получали 11 035 многодетных и 3 741 одинокая мать области. Однако лишь в послевоенное время действие этого Указа получило широкое распространение. За 9 месяцев 1946 г. число матерей, получавших пособие, увеличилось в 2 раза [16].

Указом ПВС СССР от 10 ноября 1944 г. были внесены изменения в Кодекс законов о браке, семье и опеке, предусматривающие признание фактических брачных отношений, возникших до издания Указа от 8 июля 1944 г., в судебном порядке [17]. Кроме того, лица, не состоящие в браке, но имевшие общих детей, получали право на взыскание алиментов, назначение пенсии и пособия как семья военнослужащего [18].

Кроме этого семьи военнослужащих, мобилизованных в армию, имели льготы по налогам, поставкам сельскохозяйственной продукции. Они освобождались от выплат по следующим налогам:

1) военный налог:

– члены семьи военнослужащего на все время получения пособия;

– члены семьи военнослужащего в течение 1 года после его смерти;

2) налог на холостяков, одиноких и бездетных граждан:

– жены военнослужащих;

– граждане, у которых сыновья или дочери погибли на фронте;

3) сельскохозяйственный налог:

– хозяйства колхозников и единоличников, сын которого или сам глава семьи находится на

военной службе, если в семье не осталось других трудоспособных, кроме жены военнослужащего, имеющей детей в возрасте до 8 лет;

– хозяйства не членов колхоза в определенных законом случаях;

– хозяйства военнослужащих в течение 1 года вследствие ранения или заболевания на фронте, если в семье, кроме него и жены, имеющей детей в возрасте до 8 лет, нет других трудоспособных;

– хозяйства в течение 1 года, в которых военнослужащий погиб или пропал без вести, а в семье не осталось других трудоспособных, кроме жены, имеющей на иждивении детей в возрасте до 8 лет;

4) налог со строений и земельная рента:

– семьи военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в случае, если в этих строениях не сдаются в наем помещения, а также земля, на которой расположено строение.

Семьи погибших и их наследники освобождались от уплаты государственной пошлины в случаях, связанных с правом наследования и оформления документального подтверждения смерти [19].

Положение женщин, оставшихся в тылу без кормильца с детьми на руках, было очень тяжелым. В Слободском районе семьи военнослужащих 4–5 месяцев питались верхушками льна (куколь), дети пухли от голода. В архивных документах содержится информация о таких семьях. Дети Г. Н. Долгоаршинных 10 и 12 лет истощены и с отеками отправлены в больницу. Двое детей в этой семье уже умерли голодной смертью. Колхоз семью хлебом вообще не снабжал, так как первоочередной задачей было выполнение хлебопоставок на фронт, для семей фронтовиков хлеба просто не хватало.

В семье военнослужащего Арасланова в результате проверки обнаружено, что «трое малолетних детей находятся на грани голодной смерти». Члены семьи красноармейца Байшихина находились в таком состоянии: «Жена плохо передвигается, 1 ребенок умер от истощения и 3 крайне истощены» [20]. В Кайском районе 16 октября 1943 г. жена погибшего фронтовика Пупышева, имеющая на руках 4 детей, дошла до отчаяния и повесилась [21].

Семьи военнослужащих по линии отделов социального обеспечения наделялись землей под индивидуальные огороды, им оказывалась помощь в приобретении овощей и зерна на посадку [22]. В особом порядке осуществлялось снабжение продовольственными и промышленными товарами. Семьи военнослужащих получали карточки по месту работы мобилизованного на фронт, часть особо нуждающихся обслуживалась через систему общественного питания [23].

29 мая 1944 г. вышло постановление СНК СССР «О мероприятиях по восстановлению ин-

дивидуального жилищного фонда в освобожденных районах и усилию индивидуального жилищного строительства в городах и рабочих поселках СССР» [24]. Государство через местные исполнкомы предоставляло долговременную ссуду на строительство, выделяло для застройщиков земельные участки и лесосеки, оказывало помощь в заготовке древесины. Для отдельных категорий граждан (инвалидов Великой Отечественной войны, семей партизан и военнослужащих) отпуск леса производился бесплатно [25]. Плата за квартиру взималась с учетом размера пенсии или пособия.

21 сентября 1945 г. было принято постановление СНК СССР «О мероприятиях по оказанию помощи демобилизованным, семьям погибших воинов, инвалидам Отечественной войны и семьям военнослужащих», в соответствии с которым с семей погибших воинов, а также с хозяйством инвалидов Великой Отечественной войны списывались все недоимки прошлых лет по сельскохозяйственному налогу, по обязательным поставкам сельхозпродуктов, штрафы.

Жены фронтовиков пользовались льготами при трудоустройстве, их дети в первую очередь устраивались в детские сады. Так государство одновременно реализовывало две задачи: оказывало помощь нуждающимся и решало проблему кадров.

К августу 1942 г. в Кировской области получили работу свыше 23,3 тыс. членов семей военнослужащих. Колхозы выделили для этих семей 10 тыс. ц хлеба, около 14,5 тыс. ц кормов для скота и свыше 8,4 куб. м дров [26].

Несмотря на предпринимаемые меры, положение семей военнослужащих, проживающих в Кировской области, оставалось напряженным. В 1944 г. из 1 014 103 членов семей военнослужащих только 337 812 являлись трудоспособными (33,3%). Практически все они работали, чтобы прокормить свои семьи (99%). В семьях военнослужащих воспитывались 453 612 детей. 44 206 женщин являлись многодетными матерями [27].

За 1941–1943 гг. выплачено пособий и пенсий в размере 109 млн руб., а в порядке единовременной денежной помощи – 600 тыс. руб. Лес на дрова получили более 160 тыс. семей. Продано 110 562 пары обуви и 78 961 предмет одежды, отремонтированы 12 тыс. квартир, и 1164 семьи переведены в лучшие жилищные условия. В целом оказана помощь 677 381 члену семей военнослужащих в трудоустройстве на предприятия и 15 389 чел. в порядке надомничества, 6792 – находились на производственном обучении [28]. В следующем году была организована работа 213 столовых, которые обслуживали 31 854 членов семей военнослужащих (из

них 10 811 детей) и 409 мастерских по ремонту одежды и обуви [29].

По предварительным итогам реализации постановления СНК РСФСР от 15 октября 1944 г. «Об усилении помощи семьям военнослужащих по подготовке к зиме» удалось заготовить 254 798 куб. м дров, из них 985 развезено по квартирам, отремонтировать более 76 тыс. квартир, 1 301 квартира была предоставлена вновь.

В Кировской области был проведен воскресник по 24 районам, а в областном центре в нем участвовало около 84 тыс. чел. В этот день для семей военнослужащих заготовлено 31 790 куб. м дров, отремонтировано 2 157 квартир, 959 различных построек. Члены семей военнослужащих получили 1 287 предметов одежды и обуви. 131 семья получила скот, подвезено 558 т кормов. В фонд помощи семьям военнослужащих собрано 50 тыс. руб. [30].

Если в 1941–1943 гг. в связи с возросшими темпами военной мобилизации органы социального обеспечения неправлялись с возложенными на них задачами, помощь не являлась комплексной, то в 1944–1945 гг. обозначенные выше направления социальной политики государства в отношении семей военнослужащих были положены в основу реализации единого механизма социального обеспечения. Несмотря на целый комплекс мер, направленных на оказание социальной помощи семьям военнослужащих (предоставление льгот, материальная и продовольственная помощь, пособия, безвозвратные ссуды и пенсии), эти меры не могли служить населению серьезным материальным подспорьем. Многие семьи ощущали себя брошенными, «семьи фронтовиков сбирают», чтобы как-то прокормить себя [31].

Поэтому государство в качестве одного из главных направлений социальной политики в 1941–1945 гг. выделяло трудоустройство граждан, нуждающихся в социальной защите. В целом контингент населения, обслуживаемого органами социального обеспечения в годы Великой Отечественной войны, значительно изменился, а количество лиц, нуждающихся в помощи государства, резко возросло.

Примечания

1. Зинич М. С. Изучение социальной политики Коммунистической партии Советского государства периода Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 1987. № 7. С. 108–109.
2. Заботиться о семьях мобилизованных // Социальное обеспечение. 1941. № 7–8. С. 6.
3. РСФСР – фронту: документы и материалы. М., 1987. С. 318.
4. Указ ПВС СССР «О порядке назначения выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время» от 26 июня 1941 г. // РСФСР – фронту: документы и материалы. М., 1987. С. 318.

5. Шалак А. В. Социальные проблемы населения Восточной Сибири (1940–1950 гг.). Иркутск, 2000. С. 164.
6. Постановление СНК СССР «О пенсиях военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава срочной службы и их семьям» от 16 июля 1940 г. URL: http://ussr.consultant.ru/_doc6108.html.
7. Государственный архив Кировской области (далее – ГАКО). Ф. Р-2130. Оп. 5. Д. 17. Л. 2.
8. Мануйлова Ю. Н. Социальная реабилитация инвалидов войны в РСФСР в 1941–1945 гг.: учеб. пособие. Челябинск, 2003. С. 132–133.
9. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-415. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–2.
10. ГАКО. Ф. Р-2130. Оп. 3. Д. 43. Л. 4.
11. ГАКО. Ф. Р-2169. Оп. 1. Д. 749. Л. 19; Государственный архив социально-политической истории Кировской области (далее – ГАСПИ КО). Ф. П-1290. Оп. 10. Д. 36. Л. 108; Там же. Д. 70. Л. 71.
12. ГАРФ. Ф. Р-415. Оп. 1. Д. 73. Л. 86–88.
13. Там же. Д. 18. Л. 6.
14. Там же. Д. 39. Л. 1.
15. Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усиления охраны материнства детства, об установлении почетного звания “Мать-героиня” и учреждении ордена “Материнская слава” и медали “Медаль материнства” от 8 июля 1944 г. // Важнейшие законы и постановления советского государства за время Великой Отечественной войны. М., 1946. С. 78–79.
16. ГАКО. Ф. Р-2169. Оп. 2. Д. 1237. Л. 3.
17. Указ от 10 ноября 1944 г. «О признании фактических брачных отношений в случае смерти или пропажи без вести на фронте одного из супругов» // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–1967 гг.: в 2 т. Т. 2 / сост. Ф. И. Калининцев, М. И. Юмашев, А. В. Калитеевская. М., 1968. С. 417.
18. Указ «О порядке применения Указа ПВС СССР от 8 июля 1944 г. в отношении детей, родители которых не состоят между собой в зарегистрированном браке» от 14 марта 1945 г. // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. С. 417.
19. ГАРФ. Ф. Р-415. Оп. 1. Д. 7. Л. 3–5.
20. ГАКО. Ф. Р-2130. Оп. 3. Д. 43. Л. 6.
21. Там же. Л. 12.
22. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 7 апреля 1942 г. «О выделении земель для подсобных хозяйств и под огороды рабочим и служащим» // Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам: сб. док.: в 4 т. Т. 2. 1929–1945 гг. М., 1957. С. 723; Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 4 ноября 1942 г. «О закреплении земельных участков, отведенных под индивидуальные огороды рабочих и служащих» // Указатель важнейших решений партии и правительства во время Великой Отечественной войны / сост. Е. Н. Морозова, Ю. К. Стрижков. Вып. 1. М., 1980. С. 96; Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 19 февраля 1944 г. «О мерах по дальнейшему развитию и улучшению индивидуального и коллективного огородничества рабочих и служащих» // Указатель важнейших решений партии и правительства во время Великой Отечественной войны / сост. Е. Н. Морозова, Ю. К. Стрижков. Вып. 2. М., 1980. С. 202.
23. ГАКО. Ф. Р-2192. Оп. 1. Д. 5. Л. 266.
24. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам: сб. док.: в 4 т. Т. 2. 1929–1945 гг. М., 1957. С. 843.
25. ГАКО. Ф. Р-2169. Оп. 1. Д. 819. Л. 32–33; Шире развернуть индивидуальное жилищное строительство // Труд. 1944. 7 июня. С. 1.
26. Перчиков Ю. А. Местные органы государственной власти Волго-Вятского региона в 1941–1945 гг. // Россия в 1941–1945 гг.: проблемы истории и историографии: межвуз. сб. науч. ст. Самара, 1995. С. 89.
27. ГАКО. Ф. Р-2169. Оп. 1. Д. 819. Л. 32–33.
28. ГАСПИ КО. Ф. П-1290. Оп. 10. Д. 36. Л. 108; Множить заботу о семьях военнослужащих // Кировская правда. 1944. 21 янв. С. 1.
29. ГАКО. Ф. Р-2130. Оп. 3. Д. 47. Л. 9–10.
30. ГАРФ. Ф. Р-415. Оп. 1. Д. 39. Л. 50.
31. Талантов Б. В. Записная книжка-календарь на 1943–1945 годы (рукопись). 14 марта 1944 г. / Личный архив Е. С. Останина (копия).

ПРАВО

УДК 346.26:0346.9

Д. Г. Домрачев

ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ СУБЪЕКТОВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ

При осуществлении административного надзора органов исполнительной власти должностными лицами систематически допускаются нарушения законодательства и процессуальных норм, что является существенным препятствием для активного и поступательного развития субъектов малого и среднего бизнеса в стране и требует со стороны государства мер по совершенствованию административно-правового регулирования контрольно-надзорной деятельности.

In the exercise of executive authorities administrative supervision officials systematically make breaches of legal system and procedural provisions. This is a significant obstacle to an active and progressive development of small and medium-sized businesses in the country and demands from the government measures for improving the administrative and regulatory compliance and enforcement.

Ключевые слова: органы исполнительной власти, административно-правовое регулирование, контрольно-надзорная деятельность, административная ответственность.

Keywords: enforcement authorities, administrative and legal regulation, compliance and enforcement, administrative responsibility.

Одной из основных экономических задач российского государства является развитие предпринимательства, защита законных интересов малого и среднего бизнеса, в том числе при государственном и муниципальном контроле путем исключения необоснованного вмешательства государства в деятельность этих субъектов.

В то же время проблемы эффективности административного надзора (контроля) органов исполнительной власти за соблюдением законодательства в различных сферах жизнедеятельности являются достаточно актуальными в современной России, так как их решение напрямую связано с обеспечением защищенности от потен-

циальных и реальных угроз безопасности государства, общества и отдельных лиц.

Анализ практики применения законодательства при осуществлении контрольно-надзорными органами своих полномочий и складывающихся по этому поводу правоотношений показывает, что решение указанных задач требует принятия государством системы мер, направленных на совершенствование нормативно-правового регулирования данной деятельности, а также структуры и системы органов исполнительной власти, осуществляющих надзор.

Таким образом, административно-правовое регулирование государственного контроля (надзора) требует взвешенного, сбалансированного и комплексного подхода, учитывающего как интересы государства, так и интересы бизнеса.

В целях исследования теоретических и прикладных проблем административно-правового регулирования контрольно-надзорной деятельности органов исполнительной власти, выявления причин и условий, снижающих эффективность применения законодательства в данной сфере, 20 апреля текущего года юридическим факультетом Вятского государственного гуманитарного университета была проведена первая в Кировской области научно-практическая конференция под названием «Проблемы административно-правового регулирования контрольно-надзорной деятельности органов исполнительной власти».

В конференции приняли участие более пятидесяти представителей, руководителей федеральных и региональных органов исполнительной власти, осуществляющих на территории области административный надзор (контроль), а также известные ученые в области административного права, представители судов и прокуратуры, преподаватели и аспиранты высших учебных заведений Кировской области и других регионов.

В ходе мероприятия состоялись: научно-практическое обсуждение участниками конференции вопросов деятельности органов исполнительной власти при осуществлении контрольно-надзорных мероприятий, обмен опытом применения соответствующего законодательства; высказывались предложения и рекомендации по повышению эффективности государственного контроля (надзора) в различных сферах.

Особое внимание уделялось вопросам реализации требований федерального закона от 26 де-

кабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля».

Так, в выступлениях начальника отдела по надзору за соблюдением законов в сфере экономики прокуратуры Кировской области Л. В. Комаровой и судьи Кировского арбитражного суда С. Ю. Шмырина был представлен обзор наиболее часто допускаемых правоприменителями нарушений законодательства в рассматриваемой сфере.

В частности, было отмечено, что органами прокуратуры в текущем году выявлено около двухсот таких фактов, а также случаев возложения на предпринимателей не предусмотренных законом обязанностей, истребования излишних документов. Имеют место случаи создания различных административных барьеров при реализации предпринимателями своих прав (в том числе введение не предусмотренных законодательством процедур и запретов, сборов и платежей), ограничения конкуренции и предоставления отдельным лицам преференций и привилегий, волокиты при рассмотрении заявлений.

Во многих случаях проверки надзорными органами проводятся без достаточных правовых оснований, с нарушением периодичности и сроков уведомления проверяемых субъектов о планируемых мероприятиях.

Имеют место случаи предъявления по результатам проверок заведомо невыполнимых требований.

Так, например, в ходе проверки отдела государственного пожарного надзора Октябрьского района г. Кирова было установлено, что по результатам проверки индивидуальному предпринимателю надзорным органом было выдано предписание об устранении выявленных нарушений требований пожарной безопасности, согласно которому на ИП возложена обязанность устранить нарушение, связанное с несоблюдением минимального противопожарного расстояния от соседнего здания до здания, принадлежащего ИП. Поскольку данный объект является частью капитальной постройки, такое нарушение практически устраниить невозможно.

Также было отмечено, что качественной и эффективной реализации прокурором полномочий по защите прав субъектов предпринимательской деятельности зачастую препятствуют определенные противоречия в федеральном законодательстве, предоставляющие контрольно-надзорным органам взаимоисключающие полномочия либо делающие реализацию предоставленных полномочий невозможной.

Анализ практики рассмотрения административных дел в арбитражном суде также свидетель-

ствует о превышении в ряде случаев полномочий надзорных органов при реализации контрольно-надзорных мероприятий: несоответствие вида проверки ее объекту и предмету, выдача обязательных для исполнения предписаний, содержащих требования, не соответствующие законодательству.

Наиболее наглядно проблемы, связанные с нарушением законных прав субъектов предпринимательства, иных хозяйствующих субъектов и организаций, проявляются по результатам анализа правоприменительной практики в сфере государственного надзора за соблюдением норм и правил противопожарной безопасности.

Так, в соответствии с ч. 12 ст. 9 федерального закона № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» (далее – Закон № 294-ФЗ), п. 34 Административного регламента, утвержденного приказом МЧС РФ от 01.10.2007 № 517 «Об утверждении административного регламента Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий по исполнению государственной функции по надзору за выполнением федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, организациями, а также должностными лицами и гражданами обязательных требований пожарной безопасности» (далее – Административный регламент), о проведении плановой проверки юридическое лицо, индивидуальный предприниматель уведомляются органом государственного контроля (надзора), органом муниципального контроля не позднее чем в течение трех рабочих дней до начала ее проведения посредством направления копии распоряжения или приказа руководителя, заместителя руководителя органа государственного контроля (надзора), органа муниципального контроля о начале проведения плановой проверки заказным почтовым отправлением с уведомлением о вручении или иным доступным способом.

На практике вышеназванный срок соблюдается не всегда. Соответствующие распоряжения направляются лицам, в отношении которых проводятся плановые проверки, позднее чем в течение трех рабочих дней до начала проведения проверок либо вручаются законным представителям юридических лиц, предпринимателям в период проведения плановых проверок.

В силу ч. 1, 2 ст. 20 Закона № 294-ФЗ нарушение срока уведомления о проведении проверки относится к грубым нарушениям. Доказательствами нарушения обязательных требований по-

жарной безопасности не могут являться результаты проверки, проведенной с грубым нарушением установленных Законом № 294-ФЗ требований к организации и проведению проверок.

В практике рассмотрения административных дел арбитражными судами часто встречаются случаи, когда органы пожарного надзора при проведении внеплановых проверок исполнения ранее выданных предписаний выходят за рамки проверок фактов исполнения требований ранее выданных предписаний, расширяя предмет внеплановых проверок путем включения в него не только проведение проверок исполнения ранее выданных предписаний, но и проведение проверок соблюдения иных обязательных требований пожарной безопасности. Данное обстоятельство выражается в том, что в распоряжениях о проведении внеплановых проверок в качестве предмета таких проверок называются контроль за исполнением требований ранее выданного предписания, а также контроль за соблюдением требований пожарной безопасности.

В соответствии с такими распоряжениями органы пожарного надзора проверяют и выполнение требований ранее выданного предписания, и иные обязательные требования пожарной безопасности. Кроме того, выход за рамки проверок фактов исполнения требований ранее выданных предписаний может выражаться в том, что при проведении внеплановых проверок органы пожарного надзора проверяют на предмет соответствия правилам пожарной безопасности объекты, которые ранее не проверялись. При этом в распоряжениях о внеплановых проверках исполнения ранее выданных предписаний могут не содержаться указания на проведение проверок обязательных требований пожарной безопасности.

Однако в соответствии со ст. 3, 10, 14, 18 Закона № 294-ФЗ предметом внеплановой проверки в том числе является выполнение юридическим лицом, индивидуальным предпринимателем предписаний органов государственного контроля (надзора), органов муниципального контроля, проведение мероприятий по предотвращению причинения вреда жизни, здоровью граждан, вреда животным, растениям, окружающей среде, по предупреждению возникновения чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, по ликвидации последствий причинения такого вреда.

Помимо прочего основанием для проведения внеплановой проверки является истечение срока исполнения юридическим лицом, индивидуальным предпринимателем ранее выданного предписания об устраниении выявленного нарушения обязательных требований. В распоряжении (приказе) о проведении проверки в отношении конкретного лица устанавливаются цели, задачи, предмет и

правовые основания проверки. Пределы проверки определяются из полномочий органа государственного контроля (надзора) и его должностных лиц, предмета и основания проверки. Предмет и основание проверки неразрывно связаны, поэтому при вынесении правоприменительного акта (распоряжения) подлежат конкретизации. Должностные лица органа государственного контроля (надзора) обязаны проводить проверку на основании распоряжения или приказа руководителя о ее проведении в соответствии с ее назначением.

Таким образом, наличие какого-либо определенного основания для проведения уполномоченным органом внеплановой проверки требует установления соответствующего предмета проверки, с учетом которого и проводится проверка. Если основанием внеплановой проверки является проверка исполнения требований ранее выданного предписания, то в соответствующем распоряжении в качестве предмета проверки должно указываться только исполнение требований ранее выданного предписания, которое и подлежит проверке.

При этом п. 3 ст. 15 Закона № 294-ФЗ запрещает при проверке требовать представления документов, информации, образцов продукции, проб, обследования объектов окружающей среды и объектов производственной сферы, если они не являются объектами проверки или не относятся к предмету проверки.

Несоблюдение указанной нормы в п. 4 ч. 2 ст. 20 Закона № 294-ФЗ отнесено к грубым нарушениям, что исключает возможность использования полученных при этом доказательств, свидетельствующих о нарушениях проверяемым обязательных требований.

Особо следует отметить проблемы установления вины субъектов административной ответственности при вынесении постановлений о наложении административных наказаний надзорными органами.

Согласно ст. 1.5 КоАП РФ лицо подлежит административной ответственности только за те административные правонарушения, в отношении которых установлена его вина (ч. 1). Неустранимые сомнения в виновности лица, привлекаемого к административной ответственности, толкуются в пользу этого лица (ч. 4).

Также в соответствии с нормами КоАП РФ вина является признаком состава административного правонарушения. Недоказанность вины в действиях лица, привлекаемого к административной ответственности, свидетельствует о недоказанности состава вменяемого данному лицу административного правонарушения. Отсутствие состава административного правонарушения является основанием для признания незаконным и

отмены оспариваемого постановления о привлечении к административной ответственности.

В соответствии с ч. 2 ст. 2.1 КоАП РФ юридическое лицо признается виновным в совершении административного правонарушения, если будет установлено, что у него имелась возможность для соблюдения правил и норм, за нарушение которых Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях или законами субъекта Российской Федерации предусмотрена административная ответственность, но данным лицом не были приняты все зависящие от него меры по их соблюдению.

Согласно правовой позиции Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, изложенной в п. 16 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 02.06.2004 № 10 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях», выяснение виновности лица в совершении административного правонарушения осуществляется на основании данных, зафиксированных в протоколе об административном правонарушении, объяснений лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, в том числе об отсутствии возможности для соблюдения соответствующих правил и норм, о принятии всех зависящих от него мер по их соблюдению, а также на основании иных доказательств, предусмотренных ч. 2 ст. 26.2 КоАП РФ.

На практике нарушения правил пожарной безопасности бюджетными учреждениями часто связаны с их недостаточным финансированием, при отсутствии которого такие учреждения не могут обеспечить надлежащее выполнение правил пожарной безопасности, требующих финансовых вложений.

О принятии бюджетными учреждениями всех зависящих от них мер по выполнению требований пожарной безопасности, как правило, свидетельствуют следующие документы: заявки к проектам бюджетов и бюджетные сметы, служебные письма учреждения с просьбой выделения финансовых средств на устранение нарушений пожарной безопасности, ответы уполномоченных органов.

Если из названных документов видно, что учреждение не имело достаточного финансирования на выполнение правил пожарной безопасности и принимало все зависящие от него меры для получения необходимых денежных средств, то основания полагать, что данное учреждение виновно в нарушении правил пожарной безопасности, требующих финансовых затрат, отсутствуют.

Арбитражная практика показывает, что органы пожарного надзора указанные обстоятельства,

как правило, не учитывают и привлекают учреждения к административной ответственности при недоказанности вины, а следовательно, при недоказанности состава административного правонарушения.

В статье приведены лишь некоторые проблемы соблюдения законности при проведении контрольно-надзорных мероприятий на примере лишь одного органа исполнительной власти.

Учитывая, что сфера правоотношений, возникающих по поводу осуществления органами исполнительной власти контрольно-надзорных полномочий гораздо шире, а степень латентности допускаемых должностными лицами этих органов нарушений законодательства достаточно высока (по некоторым исследованиям до 50%), можно сделать вывод о том, что на сегодняшний день со стороны государства не приняты исчерпывающие меры по обеспечению соблюдения законных прав и интересов предпринимателей и юридических лиц при осуществлении ими экономической деятельности. Следовательно, комфортные условия в правовой среде для развития малого и среднего бизнеса в настоящее время не созданы.

УДК 349.3

А. Л. Благодир

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «СИСТЕМА ОТРАСЛИ ПРАВА СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ» И «СИСТЕМА СОЦИАЛЬНО-ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА»*

В статье рассматривается общетеоретический подход в праве к соотношению понятий «система права» и «система законодательства» через их единство, взаимодействие и различия. На его основе, при рассмотрении соотношения системы отрасли права социального обеспечения и системы социально-обеспечительного законодательства, выявляются взаимосвязи, необходимые для решения как теоретических, так и практических проблем, связанных с систематизацией социально-обеспечительного законодательства.

The article dwells on general theoretical approach in law to the relation of notions “system of law” and “system of legislation” through their unity, interaction and distinction. On this basis while studying the relation of social security branch of law and system of social

* Исследование выполнено при финансовой поддержке фонда научных исследований Института (филиала) МГЮА имени О. Е. Кутафина в городе Кирове, проект 02/12 (2).

welfare legislation we reveal interrelations which are necessary for the solution of theoretical as well as practical problems connected with systematization of social welfare legislation.

Ключевые слова: система права, система законодательства, единство, взаимодействие и различие системы права и системы законодательства, институты отрасли, институты законодательства.

Keywords: system of law, system of legislation, unity, interaction and distinction of system of law and system of legislation, institutions of the branch, institutions of legislation.

При рассмотрении системы законодательства существенным является вопрос о ее соотношении с системой права. В итоге специализированных дискуссий по системе советского права (в 1938–1940 гг., в 1956 и в 1982 гг.) было признано, что система права выступает объективной основой для систематизации законодательства, но не тождественна его системе. Известно, что в отечественной юриспруденции вопросам соотношения системы права и системы законодательства уделялось пристальное внимание, тем не менее выяснение такого соотношения не утратило своей актуальности вследствие своего научно-практического значения [1].

Известно, что любая система – это внутреннее взаимосвязанное строение составляющих ее самостоятельных элементов. С позиций философского подхода, по справедливому замечанию Ю. В. Васильевой, всякой системе вообще, независимо от составляющих ее объектов, свойственна структура, то есть относительно устойчивое единство элементов, способов связи элементов целого, отношения элементов в рамках определенного целого, показывающие их включенность в целое [2].

Система права, являясь правовой категорией, служит для выражения подразделений, связей и единства правовых норм, их внутренних взаимозависимостей и системы в целом, будучи системой содержания права.

Рассуждая о праве в целом, ученые единодушны в том, что его следует рассматривать как иерархию систем. Отрасли права, являясь подсистемными образованиями системы права, выступают, в свою очередь, в качестве систем по отношению к образующим их институтам и группам правовых институтов (подотраслям), которые, в свою очередь, также могут быть охарактеризованы как системы по отношению к образующим их правовым нормам. Иными словами, структурными элементами системы права являются норма права (первичный, наиболее низкий уровень системы права), правовые институты, подотрасли и отрасли права.

Система законодательства, являясь правовой категорией, представляет собой совокупность нормативных правовых актов – (форм) источников права – и служит внешней формой выражения пра-

ва. Как и для системы права, для системы законодательства характерна своя собственная структура, элементами которой являются нормативный акт (минимальный компонент), институты законодательства, подотрасли и отрасли законодательства (в том числе и комплексные), отраслевые и комплексные нормативные массивы.

Соотношение между системой права и системой законодательства сложное, оно включает в себя три компонента: единство, взаимодействие, и различие. Сопоставление системы права и системы законодательства, выяснение взаимосвязей между ними позволяют более глубоко познать оба эти явления.

Единство и взаимодействие системы права и системы законодательства состоит в следующем.

Во-первых, система права и система законодательства в теории права представляют собой правовые категории, стоящие в основном понятийном ряду теории права. Это научные понятия, которые выступают как инструменты научного мышления и служат для отображения объективной сути правовых явлений [3].

Во-вторых, для анализа системы права и системы законодательства при выделении их структурных элементов используется единый предметно-функциональный критерий. Главным критерием познания и построения системы права и системы законодательства, а равно и определения их структуры служит предмет правового регулирования. Этот объективный, производный от специфики вида общественных отношений, лежащий вне права критерий разделения его на части: отрасли, подотрасли и институты права [4].

В-третьих, основой для построения системы законодательства является система права как система самого его содержания. В реальной действительности содержание и форма права «не существуют обособленно друг от друга: бесформенное содержание права так же немыслимо, как и его бессодержательная форма. Содержание права имеет место лишь постольку, поскольку оно оформлено» [5]. Поэтому система права представляет собой первичное, исходное, базовое явление по отношению к форме права и системе законодательства [6]. Такая зависимость имеет характер «объективной закономерности», так как сформулированная в нормах права государственная воля общества требует своего выражения вовне и прибегает при этом к помощи законодателя. Издание нормативного правового акта завершает процесс формирования государственной воли общества; это есть средство, способ, прием придания ей официально-властного характера, доведения ее до исполнителей, обеспечения многоэтапового применения [7].

В-четвертых, сочетающие структурный и функциональный подходы к исследованию системы пра-

ва и системы законодательства, ученые единодушны в том, что отрасли права и отрасли законодательства могут соотноситься следующим образом [8]: 1) отрасль права получает выражение в соответствующей отрасли законодательства; 2) часть норм отрасли права (в том числе и общие) выражена в одной или нескольких отраслях законодательства, соответствующих данной отрасли права, а другая – в одной или нескольких комплексных отраслях законодательства; 3) отрасль законодательства состоит из комплексных (межотраслевых) правовых институтов либо в систематизированном виде содержит сложный комплексный институт.

В-пятых, система права и система законодательства преследуют в конечном счете одни и те же цели и задачи – упорядочение и совершенствование общественной жизни, внесение в нее организующих начал.

Однако наряду с единством и взаимодействием системы права с системой законодательства данные системы имеют существенные различия, каждая из которых обладает своей спецификой.

Обобщив имеющиеся в теории права суждения по данной проблеме, можно выделить отличительные особенности между указанными категориями. Они заключаются в следующем.

Во-первых, структурные части разного уровня системы права, начиная от отрасли права и заканчивая правовым институтом, существуют объективно, в соответствии со сложившимися в каждой стране общественными отношениями, в то время как система законодательства носит во многом субъективный характер, поскольку складывается по воле законодателя, в результате целенаправленной деятельности [9]. Системообразующая роль субъективного фактора, влияющего на формирование системы законодательства, по мнению Ю. В. Васильевой, проявляется двояко: через усмотрение законодателя при принятии им тех или иных законодательных решений, способных повлиять на структуру права (таковым может стать решение о принятии кодифицированного акта), и посредством развития правовой доктрины, создания научных основ систематизации права и кодификации законодательства [10].

Во-вторых, система права по объему шире системы законодательства, поскольку система права, являясь одним из элементов в системе социальных норм, предполагает признание многообразности, многоуровневости ее структуры и необходимость выявления единых критерии как при ограничении системы права в целом от других социальных норм, так и при внутреннем членении системы права на подсистемы, то есть на отрасли, подотрасли и институты, которым присущи единые предмет, метод, механизм и принципы правового регулирования [11]. Система за-

конодательства хотя и основная, но все же лишь одна из существующих форм выражения права, наряду с нормативными договорами, правовыми обычаями, а в странах ангlosаксонской (общей) правовой семьи – правовыми прецедентами [12].

В-третьих, структура системы права является многоуровневой, но одноплоскостной, поскольку нормы права отличаются одна от другой в связи с их принадлежностью к отраслям права, что дает им возможность группироваться в одинаковые для любой отрасли права укрупненные образования – правовые институты, подотрасли, отрасли. Система законодательства многоуровневая, разноплоскостная, так как нормативные правовые акты могут группироваться (и, соответственно, подразделяться) в других плоскостях, в частности в зависимости от того, являются ли они федеральными или региональными актами. В системе нормативных правовых актов, в отличие от системы права, рассматривается не только горизонтальная (отраслевая), но и вертикальная структура в том смысле, что нормативные акты различаются по юридической силе, то есть имеют свою иерархию, соподчинение [13].

В-четвертых, нормативный акт, являясь минимальным компонентом системы законодательства, как в целом, так и в своих составных частях (разделах, главах, нормативных предписаниях), может вступать во взаимодействие с другими нормативными актами – элементами данной системы. Нормативные предписания в нормативных актах могут принадлежать как одной, так и нескольким отраслям права. Каждая отрасль права представлена соответствующей отраслью законодательства, но не каждая отрасль законодательства непременно является формой отрасли права [14]. Систематизация законодательства, по мнению М. А. Капустиной, выступает как рациональная деятельность, направленная на упорядочение нормативных предписаний. Поэтому система нормативных актов, хотя и должна следовать доктринальным положениям о структурных взаимосвязях правовых отраслей, не может копировать структуру системы норм права [15].

В-пятых, в системе права невозможно существование комплексных отраслей права, построенных на неких соединениях разнородных предметов и методов правового регулирования. Признание единства предмета, методов, принципов и механизма регулирования каждой отрасли предполагает относительную самостоятельность ее структурных частей [16], тогда как в системе законодательства отрасли законодательства, регулируя определенные сферы государственной жизни, выделяются только по предмету и не имеют единого метода. Поэтому вполне возможно существование таких элементов в структуре системы законодательства, как комплексные отрас-

ли законодательства, комплексные отраслевые образования. В данном случае процесс отраслевой дифференциации норм права уступает место интеграции разнородных норм для целей согласованного регулирования той или иной сферы деятельности (области хозяйствования, управления и т. п.) [17]. Следовательно, допустимо существование отрасли законодательства без соответствующей отрасли права, когда законодательный акт состоит из сочетания норм различной отраслевой принадлежности.

Общеизвестно, что в 60-е гг. XX в. в советский период сформировалась и признана в качестве самостоятельной такая отрасль права, как право социального обеспечения. В период перехода России к рыночным отношениям появился достаточно большой массив законодательства, регулирующего отношения в сфере социального обеспечения с учетом реалий сегодняшней социальной жизни общества. Данное законодательство не систематизировано, а отсутствие кодифицированного акта о социальном обеспечении дает основание полагать, что отсутствует и сама система социально-обеспечительного законодательства. Тем не менее это не так. Впервые фундаментальное исследование в этом направлении было проведено Ю. В. Васильевой при выявлении теоретических и практических проблем кодификации российского законодательства о социальном обеспечении. Ею были высказаны аргументированные суждения по поводу того, что низкий уровень кодификации социально-обеспечительного законодательства обусловлен прежде всего субъективными обстоятельствами, среди которых главным является отсутствие политической (законодательной) воли [18].

Для права социального обеспечения данный вывод имеет принципиальное значение. Выяснение же взаимосвязей при рассмотрении соотношения между системой права социального обеспечения и системой социально-обеспечительного законодательства позволит найти предпосылки для оптимального пути решения как теоретических, так и практических проблем, связанных с систематизацией социально-обеспечительного законодательства. Социально-обеспечительное законодательство – это не просто совокупность нормативных правовых актов, а их дифференцированная система, основанная на принципах субординации и скоординированности ее структурных компонентов [19].

Как уже было сказано выше, первичным элементом структурирования системы социально-обеспечительного законодательства, впрочем, и любого другого отраслевого законодательства является нормативный правовой акт.

На основе общетеоретических исследований считаем возможным выявить единство и разли-

чия системы социально-обеспечительного законодательства с системой отрасли права социального обеспечения.

Системообразующим фактором структурирования социально-обеспечительного законодательства при рассмотрении его в отраслевом аспекте является предмет правового регулирования и сфера публичных интересов государства в обеспечении материальными благами нуждающихся граждан.

Серьезным недостатком социально-обеспечительного законодательства в Российской Федерации начиная с 70-х гг. XX в. и до настоящего времени ученые единодушно признают факт отсутствия единого законодательного акта, закрепляющего регулирование отношений в сфере социального обеспечения. До тех пор, пока такой кодифицированный нормативный акт (Основы законодательства или кодекс) не будет принят, говорить о существовании Общей части в структуре системы социально-обеспечительного законодательства преждевременно и вряд ли обоснованно.

В основе законодательства о социальном обеспечении лежат рамочные федеральные законы (частичная кодификация), регулирующие отдельные формы и виды социального обеспечения: обязательное социальное страхование, социальное обслуживание, государственная социальная помощь, трудовые пенсии и т. д. [20] Эти законы являются базовыми для формирования отраслевой структуры Особенной части социально-обеспечительного законодательства.

Институты социально-обеспечительного законодательства формируются по предметному признаку, то есть объединяют нормативные предписания, которые регулируют определенный вид социально-обеспечительных отношений (институты пенсий, социального обслуживания и др.). Указанные отношения выражают и закрепляют нормативное содержание соответствующих институтов отрасли права социального обеспечения. Иначе говоря, нормативные правовые акты и нормы права не существуют раздельно.

В отраслевой структуре системы социально-обеспечительного законодательства в соответствии с существующими институтами Особенной части отрасли [21] права социального обеспечения можно выделить самостоятельные институты законодательства.

Правовые нормы, входящие в состав комплексного института пенсионного обеспечения в отрасли права социального обеспечения, получают свое закрепление в нормативных правовых актах, образующих, соответственно, институт пенсионного законодательства.

Достаточно объемным по своему содержанию является институт законодательства о пособиях.

В нем нашли свое «внешнее» выражение правовые нормы, образующие комплексный институт пособий в отрасли права социального обеспечения и регулирование отношений по обеспечению граждан пособиями [22].

В Особенной части отрасли права социального обеспечения самостоятельное место приобрели нормы, образующие функциональный институт трудового стажа. Однако при рассмотрении отраслевой структуры системы законодательства очевидно, что статьи, закрепляющие понятие трудовой деятельности, иной общественно полезной деятельности, а также статьи, регулирующие правила исчисления и порядка доказывания трудового стажа, не образуют самостоятельного института социально-обеспечительного законодательства.

Особое место в отраслевой структуре законодательства занимает федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ (ред. от 09.12.2010 г.) «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» [23], закрепляющий обеспечение по страхованию пострадавших на производстве и профессиональных заболеваний. В свою очередь, этот акт является основой «внешнего» выражения правовых норм, образующих в структуре Особенной части отрасли права социального обеспечения самостоятельный институт обеспечения пострадавших в порядке обязательного социального страхования от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний.

Основным нормативным правовым актом, закрепляющим порядок оказания медицинской помощи и лечения, является федеральный закон РФ от 21 ноября 2011 г. № 323 «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [24], который в отраслевой структуре социально-обеспечительного законодательства занимает самостоятельное место и образует институт законодательства по обеспечению граждан медицинской помощью и лечением.

Нормативные правовые акты, такие как федеральные законы: от 10 декабря 1995 г. № 195-ФЗ (ред. от 23.07.2008 г.) «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации» [25] и от 02 августа 1995 г. № 122-ФЗ (ред. от 22.08.2004 г.) «О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов» [26], образуют самостоятельный институт законодательства о социальном обслуживании граждан в структуре социально-обеспечительного законодательства, который, в свою очередь, является формой «внешнего» выражения правовых норм института социального обслуживания отрасли права социального обеспечения.

За два последних десятилетия в Российской Федерации было принято достаточно много нормативных правовых актов, содержащие статей которых показывает, что Российское государство, выполняя свою социальную функцию, стремится оказать социальную поддержку гражданам, нуждающимся в ней. Законодатель в целях реализации данной функции принимает различные законы [27], в которых закрепляет в своем содержании предоставление многообразных видов государственной социальной помощи (компенсации, субсидии, меры социальной поддержки и др.) различным категориям граждан за счет бюджетных средств всех уровней РФ. Исходя из внутреннего содержания нормативных правовых актов, в настоящее время вполне допустимо говорить об активном формировании нового института законодательства о государственной социальной помощи.

Структурным элементом отраслевой структуры социально-обеспечительного законодательства является также комплекс нормативных правовых актов, закрепляющих право на «меры социальной поддержки» со стороны государства нетрудоспособным нуждающимся гражданам для их дополнительной социальной защиты. В отрасли права социального обеспечения правовые нормы, регулирующие предоставление мер социальной поддержки гражданам, имеющим заслуги перед Российской Федерацией, гражданам не способным быть полноценными членами общества по состоянию здоровья, а также многодетным малообеспеченным семьям, не образуют самостоятельного отраслевого института.

В отрасли права социального обеспечения свое самостоятельное обособленное место занимает институт установления юридических фактов, регулирующий процедуру деятельности компетентных органов по выявлению обстоятельств, влияющих на возникновение права граждан на различные виды социального обеспечения [28]. Данный институт получил свое «внешнее» оформление в отдельных статьях и даже нормативных правовых актах, тем не менее, эти акты не образуют самостоятельного института социально-обеспечительного законодательства.

Межотраслевой «пограничный» институт по разрешению жалоб и споров, входящий в структуру отрасли права социального обеспечения, находит свое «внешнее» выражение в Гражданском процессуальном кодексе РФ [29] и в федеральных законах: «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» от 02 мая 2006 г. № 59-ФЗ (ред. от 27.07.2010 г.) [30], «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан» от 27 апреля 1993 г. № 4866-1 (ред. от 09.02.2009 г.) [31], однако нельзя говорить о том, что в структуре социально-обеспечительного законодательства существует институт законодательства по разрешению жалоб и споров.

Таким образом, хотя и существуют определенные различия между отраслью права социального обеспечения и социально-обеспечительным законодательством, все же отрасль права получает «внешнее» выражение в соответствующей отрасли законодательства.

Примечания

1. Байтин М. И., Петров Д. Е. Соотношение отрасли права и отрасли законодательства // Известия вузов. Правоведение. 2004. № 4. С. 31.
2. Васильева Ю. В. Кодификация российского законодательства о социальном обеспечении / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2009. С. 189–190. См. также: Свидерский В. И. О диалектике элементов и структуры в объективном мире и познании. М., 1962. С. 18.
3. Васильев А. М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М.: Юрид. лит., 1976. С. 91.
4. Васильева Ю. В. Указ. соч. С. 194.
5. Шебанов А. Ф. Форма советского права. М., 1968. С. 24–25.
6. Петров Д. Е. Отрасль права / под ред. М. И. Байтина. Саратов: Изд-во Саратов. гос. акад. права, 2004. С. 8. См. также: Капустина М. А. Система норм (отраслей) права как доктринальная модель систематизации законодательства // Систематизация законодательства в России (историко-правовые, теоретико-методологические и технико-юридические проблемы): к 175-летию Свода законов Российской империи: материалы междунар. круглого стола. Институт государства и права РАН (Москва, 18–19 января 2008 г.) / под ред. В. М. Баранова, В. Г. Графского, С. В. Кодана. Н. Новгород, 2008. С. 449.
7. Петров Д. Е. Указ. соч. С. 20–21.
8. Байтин М. И., Петров Д. Е. Указ. соч. С. 31.
9. Морозова Л. А. Теория государства и права: учеб. Изд. 2-е, перераб., доп. М.: Эксмо, 2007. С. 259.
10. Васильева Ю. В. Указ. соч. С. 205.
11. Поленина С. В. Теоретические проблемы системы советского законодательства. М.: Наука, 1979. С. 30–33.
12. Васильева Ю. В. Указ. соч. С. 192–192. См. также: Петров Д. Е. Указ. соч. С. 19–20.
13. Шебанов А. Ф. Система законодательства как научная основа кодификации // Советское государство и право. 1971. № 12. С. 33.
14. Мицкевич А. В. Соотношение системы советского права с системой советского законодательства // Ученые записки ВНИИСЗ. М., 1967. Вып. 11. С. 5.
15. Капустина М. А. Обзор докладов и сообщений «круглого стола». Институт государства и права РАН. Москва, 18 января 2008 г. «Систематизация законодательства в России: история и современность» // Государство и право. 2008. № 11. С. 122–123.
16. Поленина С. В. Указ. соч. С. 30–33.
17. Васильева Ю. В. Указ. соч. С. 193.
18. Там же. С. 204–205.
19. Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2000. С. 419.
20. Лушникова М. В., Лушников А. М. Курс права социального обеспечения. М.: ЗАО Юстицинформ, 2008. С. 228.
21. Структуру Особенной части отрасли права социального обеспечения можно представить следующим образом: институт пенсионного обеспечения; институт пособий; институт трудового стажа; институт обеспечения по страхованию пострадавших на производстве и профессиональных заболеваний; институт медицинской помощи и лечения; институт социального обслуживания; институт государственной социальной помощи; институт установления юридических фактов; институт по разрешению жалоб и споров. См.: Благодир А. Л. Право социального обеспечения: система отрасли / ГОУ ВПО «МГЮА» имени О. Е. Кутафина; Институт (филиал) МГЮА имени О. Е. Кутафина в г. Кирове. Киров, 2011. С. 185.
22. О государственных пособиях гражданам, имеющим детей: федеральный закон РФ от 19 мая 1995 г. № 81-ФЗ (ред. от 07.03.2011 г.) // С3 РФ. 1995. № 21. Ст. 1929; Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством: федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 255-ФЗ (ред. от 01.07.2011 г.) // С3 РФ. 2007. № 1 (1 ч.). Ст. 18; О погребении и похоронном деле: федеральный закон РФ от 12.01.1996 г. № 8-ФЗ (ред. от 19.07.2011 г.) // С3 РФ. 1996. № 3. Ст. 146.
23. С3 РФ. 1998. № 31. Ст. 3803.
24. С3 РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.
25. С3 РФ. 1995. № 50. Ст. 4872.
26. С3 РФ. 1995. № 32. Ст. 3198.
27. О государственной социальной помощи: федеральный закон РФ от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ (ред. от 01.07.2011 г.) // С3 РФ. 1999. № 29. Ст. 3699; О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей: федеральный закон РФ от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ (ред. от 01.07.2011 г.) // С3 РФ. 2007. № 1 (1 ч.). Ст. 19; О реабилитации жертв политических репрессий: закон РСФСР от 18 октября 1991 г. № 1761-1 (ред. от 01.07.2011 г.) // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1428.
28. См., например: постановление Правительства РФ от 20.02.2006 г. № 95 (ред. от 30.12.2009 г.) «О порядке и условиях признания лица инвалидом» // С3 РФ. 2006. № 9. Ст. 1018; приказ Минздравсоцразвития РФ от 29.06.2011 г. № 624н «Об утверждении Порядка выдачи листков нетрудоспособности» // Российская газета. 2011. 11 июля; и др.
29. С3 РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
30. С3 РФ. 2006. № 19. Ст. 2060.
31. Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 19. Ст. 685.

УДК 341.215.4

E. C. Кощеева

**ЗНАЧЕНИЕ РЕШЕНИЙ
ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА
ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
В ТОЛКОВАНИИ ПРАВА НА СУД***

В статье обсуждается проблема определения содержания «права на суд», закрепленного в ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, посредством уяснения смысла разъяснений, даваемых Европейским судом по правам человека в рамках решений по рассматриваемым делам.

The article discusses the problem of determining the content of the “right to trial” enshrined in Art. 6 of the European Convention on Human Rights, by understanding the meaning of the explanations given by the European Court of Human Rights in the decisions on pending cases.

Ключевые слова: право на суд, доступ к правосудию, ограничения доступа к правосудию.

Keywords: right to trial, access to justice, restrictions on access to justice.

Европейский суд по правам человека (далее по тексту – Европейский суд) при толковании ст. 6 последовательно придерживается не ограничительного, а демократически направленного на верховенство права подхода. Принцип верховенства права считается базовым элементом при толковании ст. 6, он выводится из международно-правового основополагающего принципа верховенства права, закрепленного в ст. 3 Устава Совета Европы, считается его частью и получил в доктрине и судебной практике обобщенное название «право на суд» [1].

Право на суд как элемент верховенства права сформулировано судебной практикой: «Пункт 1 статьи 6 обеспечивает каждому человеку право на рассмотрение в суде любого спора, относящегося к его гражданским правам и обязанностям. Он признает “право на суд”...» [2].

Право на суд, являясь составляющей принципа «верховенства права», в свою очередь, состоит из сложных элементов, наполняющих право гражданина конкретным содержанием. К таким элементам Европейский суд относит: 1) доступ к правосудию; 2) критерии гражданского права; 3) понятие суда; 4) судебное разбирательство.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Доступность правосудия в России: теоретические и законодательные аспекты»), проект № 11-03-00578а.

Несовершенное оформление этих элементов в законодательстве государства или в его право-применительной практике может служить причиной нарушения ст. 6 Конвенции.

Таким образом, судебные прецеденты наполнили конкретным содержанием как инициирование судебного процесса, так и его процедуру и материальное основание спорного требования согласно п. 1 ст. 6 Конвенции.

1) Доступ к правосудию. Первоначальный элемент права на суд сформулирован в широко известном решении по делу Голдера как доступ к правосудию, который предполагает возможность для каждого человека инициировать гражданский процесс в суде (Голдер пытался начать гражданский процесс, находясь в тюремном заключении по уголовному делу). Европейский суд в этом решении отметил: а) п. 1 ст. 6 не содержит точной формулировки права на обращение в суд (§ 28); б) в гражданских вопросах существование верховенства права немыслимо без возможности получения доступа к правосудию (§ 34); в) принцип, согласно которому возможность передачи дела на рассмотрение судье должна быть обеспечена в каждом гражданско-правовом споре, является одним из всемирно признанных основополагающих принципов права как принцип международного права, запрещающий отказ в правосудии (§ 35).

Итак, доступ к правосудию предполагает право каждого человека инициировать гражданский процесс. Однако доступ к правосудию с точки зрения Европейского суда не является абсолютным и подвержен ограничениям. Доступ к правосудию может ограничиваться: а) самим гражданином; б) национальным судом или законом. В процессе своей деятельности на протяжении долгого времени Европейским судом сформулированы основные виды ограничений доступа к суду, совместимые с положениями Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее по тексту – Конвенции). Так, «право на суд, частным аспектом которого является право на доступ, не считается абсолютным и может быть подвергнуто молчаливо допускаемым ограничениям» [3].

Допустимым ограничением доступа к суду Европейский суд полагает согласие человека на разрешение спорного вопроса в ином, чем судебный, порядке. Иными словами, среди ограничений доступа к правосудию выделяется возможность заинтересованного лица отказаться от осуществления права на суд в частной сфере. Отказ от права на суд, гарантированного Конвенцией, возможен при условии, что он является законным, произведен недвусмысленным образом и не пятнан принуждением. «Правовыми системами многих государств – участников Конвенции такого рода от-

каз от своих прав достаточно часто предусматривается как в области гражданского права, в частности в виде арбитражных оговорок в контрактах, так и в сфере уголовного права в виде *inter alia*, штрафов, уплачиваемых по согласию обвиняемого. Такой отказ, который имеет несомненные преимущества для заинтересованного лица, а также для отправления правосудия, в принципе не противоречит Конвенции» [4].

Таким образом, ограничение доступа к суду за счет свободного волеизъявления о передаче коммерческого конфликта альтернативному варианту разрешения спора – арбитражу, посреднику, омбудсмену и т. п. вполне допустимо с точки зрения Европейского суда.

Ограничение доступа к суду возможно и в национальном судебном решении, вынесенном на основе заявления об иммунитете иностранного государства или международной организации от судебного разбирательства в государстве пребывания. «Иммунитет государства от обычной гражданской ответственности является одной из концепций международного права, развиваются из принципа *par in pare non habet imperium* (равный над равным власти не имеет), на основании которого одно государство не может попадать под юрисдикцию другого государства. Европейский суд решил, что предоставление иммунитета государству в отношении гражданских дел преследует законную цель – соответствие принципам международного права, – что служит основой для поддержания вежливости и хороших отношений между государствами на основании уважения суверенитета другого государства» [5].

Особенно внимательно Европейский суд подходит к ограничениям доступа к правосудию в законах, принимаемых государством. «Суд повторяет, что право доступа к правосудию, закрепленное в п. 1 ст. 6, не является абсолютным; оно подвержено молчаливо допускаемым ограничениям, так как требует по самой своей природе государственного регулирования. Государства-участники пользуются в этом вопросе определенной свободой усмотрения» [6].

Свобода усмотрения государств – участников Конвенции может относиться к установлению: а) инстанций собственной судебной системы и условий приемлемости передачи спора в определенную инстанцию; б) сроков исковой давности и пресекательных сроков для обжалования; в) иммунитетов от судебной ответственности для определенного круга лиц, например дипломатов, депутатов и т. д. [7]

Так, Европейский суд неоднократно отмечал, что не устанавливается обязательных требований в отношении «звеньев» (инстанций) судебной системы. Каждое государство устанавливает их исходя из требований внутреннего порядка.

При этом условия приемлемости в каждой из инстанций могут отличаться друг от друга: по отношению к более высоким инстанциям «может быть допущено в этом отношении больше формализма, причем контроль суда может ограничиваться в силу закона» [8].

В Европейской конвенции не содержится требований о единообразии и в отношении процессуальных сроков: «...доказательства, которыми располагает Суд, свидетельствуют об отсутствии однородности между государствами – членами Совета Европы в том, что касается срока давности по гражданским делам или его точки отсчета» [9].

Однако свобода усмотрения государства в ограничении доступа к правосудию коррелируется серьезным и последовательно повторяемым прецедентом Европейского суда о разумной соизмерности средств ограничения и законности цели таких ограничений. Так, по мнению Суда, условия доступа к правосудию не могут ограничивать право на суд до такой степени, «что сама его сущность оказывается затронутой, и будут соответствовать п. 1 ст. 6 при условии, что они имеют законную цель и что существует разумная соизмерность между используемыми средствами и поставленной целью. Конвенция имеет целью защиту не теоретических или иллюзорных, а конкретных и действительных прав» [10].

За долгое время своей практики Европейский суд подверг критике немало позиций, которые ограничивают доступ к правосудию недопустимыми с точки зрения Конвенции средствами и методами. При этом Судом не принимались во внимание ссылки на то, что подобные ограничения доступа к правосудию были закреплены в национальном процессуальном законодательстве государств, участвующих в Конвенции, и оправдывались национальными традициями и опытом в этой стране.

Одной из наиболее «опасных» форм ограничения доступа к правосудию Европейский суд посчитал полномочия должностного лица подавать заявление (протест) об отмене не окончательного решения суда. Такой институт был присущ процессуальному праву многих европейских государств. Внесение протестов на решение, вступившее в силу, признается противоречащим ст. 6 Конвенции. В решении по делу Брумареску Европейский суд отметил: «одним из фундаментальных аспектов верховенства права является принцип правовой определенности, который требует среди прочего, что, если суды окончательно разрешили спор, их решение не должно ставиться под вопрос. В данном случае Суд отмечает, что Генеральный прокурор Румынии... согласно статье 330 ГПК Румынии обладал полномочиями по отмене окончательного судебного решения. Удов-

летьворение ходатайства об отмене судебного решения, поданного с использованием таких полномочий, приводит к аннулированию целого судебного процесса и судебного решения *res judicata* (недопустимо повторное решение однажды решенного дела), чем нарушается принцип правовой определенности» [11].

Другой недопустимой формой ограничения доступа к правосудию Европейский суд посчитал невозможность войти в процесс лицу, не участвующему в споре, но права и интересы которого затронуты судебным решением. По мнению Суда, «п. 1 ст. 6 применяется не только к производству, которое ведется, на эту статью может ссылаться любой, кто считает, что имело место вмешательство в осуществление одного из его прав (гражданского-правового характера).

Является незаконным и подача жалобы на то, что у него не было возможности обратиться с этой претензией в суд, отвечающей требованиям пункта 1 статьи 6» [12].

Особым случаем недопустимых ограничений доступа к правосудию Европейский суд назвал отказ в правосудии со ссылкой на отсутствие у судов компетенции по принятию заявлений (жалоб, исков) о защите конкретных гражданских прав, в частности заявлений о незаконности решений административных органов государства по конкретному вопросу (выдача лицензий, ликвидация, регистрация и т. д.): «...что касается решений, относящихся к гражданским правам и обязанностям, п. 1 ст. 6 требует подчинения решений, принятых административными органами... внешнему контролю со стороны судебного органа с полной юрисдикцией» [13].

К особым случаям недопустимых ограничений доступа к правосудию Европейский суд отнес также: а) отказ признавать субъектом процессуального права некоторые организации (например, некоммерческую организацию – церковь) в связи с тем, что национальный закон нечетко регулировал вопросы подсудности [14]; б) отказ применять отсрочку уплаты госпошлины [15]; в) запрет представлять свои интересы в гражданском процессе лично, без адвоката [16]; г) невыполнение позитивной обязанности государства по созданию условий доступа к правосудию: несовершенство системы юридической помощи, исполнения решений суда и т. д. [17]; д) приданье обратной силы закону об исковой давности и т. д.

Таким образом, формулировка п. 1 ст. 6 Конвенции в отношении доступа к суду получила истолкование как право, которое не является абсолютным и может ограничиваться на законном основании самим субъектом спора, национальным судом и государством – участником Конвенции, но лишь в той мере, которая не за-

трагивает сущность права на суд, а также имеет законную цель при разумной соразмерности между используемыми средствами и поставленной целью. Ограничение доступа к правосудию не должно приводить к отказу в правосудии.

Следующим элементом «права на суд» является понятие «суд», истолкованное Европейским судом как «орган полной юрисдикции по вопросам факта и права, созданный на основании закона и действующий независимо и беспристрастно». Эти аспекты понятия «суд» называются также статистическими (органическими) гарантиями права на суд, что предполагает их обязательное присутствие в любом судебном процессе.

Следует отметить, что жалобы на отсутствие надлежащего суда в национальной юрисдикции являлись достаточно распространенными во все периоды деятельности Европейского суда. Не уменьшается количество таких жалоб и в настоящее время. По этой причине проблема, связанная с понятием «суд», весьма подробно разработана. Прежде всего, согласно ст. 6 Конвенции судом признается орган, «разрешающий на основании норм права и по окончании налаженного процесса любой вопрос, относящийся к его компетенции» [18]. Этот орган должен отвечать следующим требованиям: «независимость по отношению как к исполнительной власти, так и к сторонам в процессе; продолжительность мандата членов суда; гарантии судебной процедуры» [19].

Решения этого органа не могут изменяться несудебной властью: «Право вынесения обязательного решения, не могущего быть измененным несудебной властью в ущерб стороне, свойственно самому понятию «суд»» [20]. Одновременно высокая судебная инстанция должна иметь право на изменение решения: «Судебный орган с полной юрисдикцией должен иметь право изменить по всем вопросам как факта, так и юридическим решением, вынесенное нижестоящим органом» [21].

Далее, в гарантиях судебной процедуры Европейский суд выделяет в первую очередь независимость и беспристрастность суда. Независимость суда поддерживается следующими объективными правовыми механизмами: способом назначения судей, который должен отвечать требованиям демократической конкурсной процедуры, основанной на высоких объективных квалификационных требованиях, предъявляемых к кандидатам на должности судей; длительными сроками пребывания в должности судьи, которые могут прерываться в исключительных случаях, основанных на законно установленных критериях (собственная воля, болезнь, состав преступления, установленный приговором суда); иммунитетами судьи осуществляющего функции го-

сударственной власти в области правосудия; правом выносить обязывающие решения по отношению к любым субъектам публичной власти и частным лицам; любыми иными внешними признаками независимого суда: «чтобы решить, может ли суд считаться независимым, как это требует ст. 6, видимость может также приобретать значение» [22].

Наряду с определением конкретных аспектов, характеризующих независимый суд, в прецедентном праве Европейского суда получили развитие квалифицирующие признаки, свидетельствующие о нарушениях ст. 6 по этой позиции. К таким нарушениям относятся прежде всего случаи, когда положение суда (судьи) характеризовалось как: а) подчиненное по отношению к сторонам в споре: «если суд насчитывает среди своих членов лицо, находящееся... в состоянии подчиненности служебных полномочий и службы по отношению к одной из сторон, можно законно сомневаться в независимости этого лица» [23]; б) подчиненное по отношению к председательствующему в заседании должностному лицу [24], а также когда в) нарушаются видимые внешние признаки независимости [25]. «Внешние признаки независимости» – самый сложный критерий для определения нарушений по ст. 6: «фаворитизма», корпоративизма, клонирования и т. д. [26]

Беспрестрастность суда породила, по признанию сотрудников Европейского суда по правам человека [27], более всего проблем в истолковании этого понятия, так как жалобы на отсутствие беспрестрастного суда являются одной из самых обширных категорий заявлений, поступающих в международный суд.

Беспрестрастность означает отсутствие предубеждения или пристрастия. По мнению Суда, ее отсутствие или, наоборот, наличие может быть проверено различными способами. В таком контексте Европейский суд проводит различие между субъективным подходом, отражающим личные убеждения судьи по конкретному делу, и объективным подходом, который определяет, имелись ли достаточные гарантии, для того чтобы исключить какие-либо сомнения по этому поводу.

Прецедентное право Европейского суда устанавливает два критерия для определения понятия «беспрестрастного» суда по смыслу п. 1 ст. 6 Конвенции. Во-первых, суд должен быть объективно беспрестрастным. Это означает, что ни один член суда не должен быть субъективно заинтересован в исходе дела. Личная (субъективная) беспрестрастность судьи презюмируется, пока не будет доказано обратное. Во-вторых, суд должен быть беспрестрастным с объективной точки зрения. Объективная беспрестрастность заключается в отсутствии каких-либо законных

сомнений в том, что она обеспечена и гарантирована судом [28]. Объективная беспристрастность должна быть видимой и устанавливается на основе внешних признаков. Например, об отсутствии объективной беспристрастности могут свидетельствовать: наличие дискреционных полномочий у одного из судей, рассматривающих дело в коллегиальном составе. Так, по одному из дел Европейский суд признал, что совмещение одним лицом функций председателя суда, администратора, назначившего судью-докладчика, а также членов коллегии судей и судью, рассматривающего дело, недопустимо с точки зрения беспристрастности лица: «Если председатель палаты выполняет организационные и административные функции, а также представляет формирование, призванное вынести решение, не следует объективно утверждать, что существуют достаточные гарантии, способные исключить любое законное сомнение относительно любого неподобающего давления» [29]; зависимость назначения на должность судьи (продвижения в должности) от полномочий председателя суда [30]; случаи, когда до вступления в свою должность судья занимался спорным вопросом в ином качестве (прокурора, адвоката, судьи нижестоящей инстанции) [31]. Если какое-либо из перечисленных обстоятельств имеет место, Европейский суд полагает, что судье надлежит настаивать на самоотводе. Судья также обязан заявить о самоотводе и тогда, когда есть основания сомневаться в его личной беспристрастности.

К случаям отсутствия субъективной беспристрастности международный суд относил: 1) публичные высказывания судьи по сути рассматриваемого спора до вынесения решения [32]; 2) высказывание председателя суда по сути правовой проблемы в средствах массовой информации до своего председательствования в судебном органе, призванном разрешить дело [33]; 3) участие судьи в принятии законодательных или подзаконных нормативных актов [34], на основе которых впоследствии выносится судебный акт.

Суд, созданный на основе закона. Эта гарантия в соответствии с практикой Европейского суда «имеет целью избежать того, чтобы организация судебной системы была передана на усмотрение исполнительной власти, и сделать, таким образом, чтобы эта сфера регулировалась законом Парламента».

В странах с кодифицированным правом организация судебной системы не должна быть передана на усмотрение судебной власти, что не исключает, однако, признания за ней определенного полномочия по толкованию национального законодательства в этой сфере [35].

Кроме того, гарантия ст. 6 Конвенции, выраженная в формулировке «суд, созданный на ос-

нове закона», означает также не только право-
вое основание для самого суда, но также и для
состава суда в каждом конкретном случае» [36].

Таким образом, понятие суда, созданного на
основе закона, независимого и беспристрастно-
го, широко применяется Европейским судом по
всем основным элементам.

Следует заметить, что Европейский суд, про-
веряя жалобы о нарушениях этих требований
ст. 6 Конвенции, внимательно оценивает все об-
стоятельства рассмотрения спора в национальных
судах всех инстанций. При этом международный
суд неоднократно отмечал, что объективная оцен-
ка состоит в том, чтобы установить, позволяют
ли определенные факты, поддающиеся проверке,
усомниться в беспристрастности судьи, незави-
симо от поведения последнего. В этом вопросе
даже внешние признаки могут приобретать зна-
чение. От этого зависит доверие, которое суды в
демократическом обществе должны внушать
участникам спора. Всякий судья, в отношении кото-
рого имеются законные основания усомниться
в его беспристрастности, должен выйти из со-
става суда, рассматривающего дело. При принятии
решения о наличии в конкретном деле леги-
тимных оснований для сомнения в беспристраст-
ности одного из судей мнение спорящей сторо-
ны принимается во внимание, но не играет реш-
ающей роли. Решающим является то, могут ли опа-
сения заявителя считаться объективно обосно-
ванными [37].

Понятие «справедливое судебное разбирательство» согласно ст. 6 Конвенции является общим
для рассмотрения уголовных и гражданских дел и включает в себя динамические гарантии спра-
ведливости движения судебного процесса в на-
циональных судах.

Применительно к гражданскому процессу эти
гарантии в толковании Европейского суда вклю-
чают: равенство сторон, состязательность в про-
цессе, гласность (публичность) судебного разби-
рательства, обоснованность и мотивированность
судебного решения, безусловность исполнения
судебного решения, вступившего в законную силу,
а также разумный срок рассмотрения граждан-
ского спора.

В отношении обязательных аспектов справед-
ливого судебного разбирательства Европейский
суд разработал истинный *corpus juris*, повторяе-
мый во многих судебных прецедентах.

Прежде всего можно отметить общие подхо-
ды международного суда к условиям действия
требования о «справедливом судебном разби-
рательстве»: оно должно соблюдаться самой су-
дебной властью, существовать на протяжении
процесса во всех судебных инстанциях и не мо-
жет ограничиваться действиями иных ветвей вла-
сти – законодательной или исполнительной. Эти

базовые подходы Суд разработал в следующих
трех ключевых прецедентах.

«В отношении споров о гражданских правах и обязанностях Суд сформулировал в своей практике требование состязательности и равенства сторон. В судебных процессах, где сталкиваются противоположные частные интересы, это равенство предполагает, что каждая сторона должна иметь разумную возможность представить свое дело в условиях, в которых ни одна из сторон не имеет явного преимущества. Кроме того, требование справедливости относится к процессу в целом и не ограничивается состязательными слу-
шаниями» [38].

По мнению Суда, недопустимо вмешательство со стороны законодателя (создание новой нормы с обратной силой) в судебное разбирательство в целях оказания влияния на исход дела, находящегося на рассмотрении суда: «Принцип верховенства права и понятие справедливого судебного разбирательства, гарантированные в статье 6, препятствуют любому вмешательству со стороны законодательной власти в отправление правосудия в целях воздействия на исход дела. По делам, связанным с подобными проблемами, Суд подчеркивает, что важен момент, когда вме-
шательство со стороны законодателя имело ме-
сто: дело, в котором стороной было Государство, находилось на рассмотрении суда. Следовательно, Государство посягнуло на права заявителей, гарантированные статьей 6, вмешавшись реши-
тельный образом с тем, чтобы повернуть в свою
пользу предстоящий исход дела, в котором оно
было стороной» [39].

Точно так же нарушают справедливость и ак-
тивные действия административных органов (ис-
полнительной власти) по отмене решений, всту-
пивших в законную силу. К таким органам Суд
относит прокуратуру, министерства, председате-
лей и заместителей председателя судов: «Право на справедливое разбирательство дела судом, га-
рантируемое пунктом 1 статьи 6 Конвенции, долж-
но толковаться в свете Преамбулы Конвен-
ции, которая провозглашает среди прочего вер-
ховенство права как часть общего наследия Дого-
варивающихся Государств. Одним из основных а-
спектов верховенства права является принцип пра-
вой определенности, который требует *inter alia*, чтобы при окончательном разрешении дела суда-
ми их постановления не вызывали сомнения» [40].

Далее Европейский суд поясняет, что несоб-
людение указанных подходов может привести к
нарушению равенства сторон в гражданском про-
цессе. «Принцип равенства сторон включается в
понятие справедливого судебного разбиратель-
ства, предусмотренное пунктом 1 статьи 6» [41].

Равенство сторон в истолковании суда имеет
два аспекта: а) каждая сторона имеет право пред-

ставить свое дело и б) запрещается представлять свои доводы суду без извещения о них противоположной стороны. «В судебных процессах, где сталкиваются противоположные частные интересы, равенство сторон предполагает, что каждая сторона должна иметь разумную возможность представить свое дело, включая доказательства, в условиях, в которых ни одна из сторон не имеет явного преимущества» [42]. «Нельзя допустить, чтобы сторона представляла замечания без ведома другой стороны и без возможности этой последней ответить на них» [43]. Кроме того, к равенству сторон относится и право не представлять объяснений (хранить молчание) в делах административной направленности [44].

От равных прав сторон в процессе зависит и соблюдение принципа состязательности. Состязательность в истолковании Европейского суда означает возможность представления объяснений, замечаний и комментариев. «Право на состязательный процесс предполагает... возможность ознакомиться с замечаниями и доказательствами, представленными другой стороной, и ответить на них. Национальное законодательство может выполнять это требование по-разному, но предусмотренный им способ должен гарантировать, что противная сторона будет знать о представлении замечаний и будет иметь возможность их комментировать» [45].

Однако в судебном деле могут оказаться документы, которые изготавливает не спорящая сторона, а иные лица – судьи, судебные консультанты, эксперты, тайные дознаватели. Кроме того, в деле могут оказаться документы, содержащие секретные сведения. Европейский суд распространяет принцип состязательности и на эти сведения, но допускает, что процедура ознакомления с ними может носить особый характер, регулируемый национальными правилами [46].

На справедливое разрешение гражданского спора и эффективное исполнение судебного решения направлено положение ст. 6 Конвенции о разумном сроке.

В гражданском деле быстрота, которая требуется от суда, направлена на избежание положения затянувшейся неясности, которое может толковаться как отказ в правосудии. В том, что касается продолжительности гражданского процесса, точкой отсчета считается дата, когда судебная власть приняла исковое заявление, в то время как окончательным сроком является дата вынесения решения, разрешающего спор. Критериями, которыми руководствуется Европейский суд, чтобы оценить продолжительность процесса, являются: сложность дела, поведение сторон (истцов и ответчиков), поведение судебных властей и важность предмета разбирательства для

заинтересованного лица, а также продолжительность исполнительного производства.

Во-первых, государство имеет позитивную обязанность обеспечить разумный срок. «Ст. 6 п. 1 Конвенции обязывает Договаривающиеся Государства организовать свою правовую систему таким образом, чтобы обеспечить соблюдение разумного срока судебного разбирательства» [47].

Во-вторых, это требование распространяется на досудебные процедуры, рассмотрение дела во всех инстанциях и исполнение решения в совокупности [48].

В-третьих, задержки по вине сторон в споре не учитываются при оценке «разумности». «Заинтересованное лицо обязано только надлежаще выполнить действия, касающиеся его, и не предпринимать маневры, чтобы выиграть время» [49].

В-четвертых, судебной власти могут вменяться в вину только случаи явной волокиты, способные «скомпрометировать эффективность правосудия» [50].

В силу того что Европейский суд считает себя связанным своими прецедентами, даже если его решение касается какой-либо конкретной страны, другие государства все равно должны учитывать это решение для того, чтобы в будущем избежать роли ответчика по аналогичному делу.

Таким образом, необходимо иметь в виду: (а) что решения Европейского суда важны для правоприменительной практики всех государств – участников Совета Европы; (б) при установлении соответствия национального законодательства и национальной правоприменительной практики Конвенции необходимо также сравнивать их и с прецедентами Европейского Суда по правам человека, признающими верховенство права» [51].

На основе проведенного анализа краткий вывод об аспектах доступа к правосудию, выработанных Европейским судом, можно сформулировать следующим образом: каждое лицо имеет право инициировать судебный процесс. Допустимы ограничения этого права, соразмерные законной цели ограничения, самим лицом, судом, законом. У государства имеется позитивная обязанность выявлять и устранять недопустимые ограничения доступа, ведущие к отказу в правосудии. Контролирует исполнение этой обязанности национальный суд. Задачей судей всех систем и звеньев является освоение общепринятых Европейских стандартов права на суд.

Примечания

1. Нешатаева Т. Н. Общепризнанные принципы и нормы международного права // Вестник ВАС РФ. 2004. № 3. С. 124–140.

2. Решение по делу Prince Hans-Adam II de Liechtenstein, § 43 // Путеводитель по прецедентной практике Европейского суда. М.: МЮИ, 2009.

3. Решение по делу *Garcia Manibardo*, § 36 // Путеводитель по прецедентной практике Европейского суда.
4. Решение по делу *Deweer*, § 49 // Путеводитель по прецедентной практике Европейского суда.
5. Решения по делам: *AL-Adsani*, § 54; *Fogarty*, § 34; *Me Elhinney*, § 35 // Путеводитель по прецедентной практике Европейского суда.
6. Решение *Waite et Kennedy*, § 59 // Путеводитель по прецедентной практике Европейского суда.
7. Решение. *Delcourt*, § 25 // Путеводитель по прецедентной практике Европейского суда.
8. Решение по делу *Meftan et al*, § 41 // Путеводитель по прецедентной практике Европейского суда.
9. Решение *Suffings*, § 54 // Путеводитель по прецедентной практике Европейского суда.
10. Решение *Omar*, § 34 // Путеводитель по прецедентной практике Европейского суда.
11. Решение *Brumarescu*, § 62 // Путеводитель по прецедентной практике Европейского суда.
12. Решение *Sporrong et lijnnroth*, § 80 // Путеводитель по прецедентной практике Европейского суда.
13. Решение *Fischer*, § 28 // Путеводитель по прецедентной практике Европейского суда.
14. Решение *Eglise catholique de la Canee*, § 41 // Путеводитель по прецедентной практике Европейского суда.
15. Решение *Gnahore*, § 41; Решение *Carcia Mcinibardo*, § 38 // Путеводитель по прецедентной практике Европейского суда.
16. Решение *Airey*, § 26 // Путеводитель по прецедентной практике Европейского суда.
17. Решение *Airey*, § 25 // Путеводитель по прецедентной практике Европейского суда.
18. Решение *Demicoli*, § 39 // Путеводитель по прецедентной практике Европейского суда.
19. Решение *Le Compte, Van Leven et De Meyere*, § 55 // Путеводитель по прецедентной практике Европейского суда.
20. Решение *Van de Hurk*, § 45 // // Путеводитель по прецедентной практике Европейского суда.
21. Решение *Schamautzer*, § 360 // Путеводитель по прецедентной практике Европейского суда.
22. Решение *Sramec*, § 40 // Путеводитель по прецедентной практике Европейского суда.
23. Решение *Sramec*, § 42 // Путеводитель по прецедентной практике Европейского суда.
24. Решение *Findlay*, § 73; *Vasilescu*, § 41 // Путеводитель по прецедентной практике Европейского суда.
25. Решение *Sramec*, § 42 // Путеводитель по прецедентной практике Европейского суда.
26. *Наташина Т. Н.* Суд и защита прав и свобод граждан РФ // Сравнительное конституционное обозрение. 2004. № 4. С. 129–134.
27. *Микеле Де Сильвия*. Прецеденты Европейского суда по правам человека. СПб.: Юридический центр пресс, 2004. С. 443.
28. Решение *Fey*, § 28 // Путеводитель по прецедентной практике Европейского суда.
29. Решение *Daktaras*, § 36 // Путеводитель по прецедентной практике Европейского суда.
30. Решение *Giraclar*, § 39 // Путеводитель по прецедентной практике Европейского суда.
31. Решение *Piersak*, § 30 // Путеводитель по прецедентной практике Европейского суда.
32. Решение *Bascemí*, § 67 // Путеводитель по прецедентной практике Европейского суда.
33. Решение *Sander*, § 29 // Путеводитель по прецедентной практике Европейского суда.
34. Решение *Megonnell*, § 55 // Путеводитель по прецедентной практике Европейского суда.
35. Решение *Svete*, § 98 // Путеводитель по прецедентной практике Европейского суда.
36. Решение *Piersak*, § 33 // Путеводитель по прецедентной практике Европейского суда.
37. Решение *Castillo Algar*, § 45 // Путеводитель по прецедентной практике Европейского суда.
38. Решение по делам *Raj-i fineries grecques*, § 46, § 49 // Путеводитель по прецедентной практике Европейского суда.
39. Решение *Anagnostopoulos et al*, § 20 // Путеводитель по прецедентной практике Европейского суда.
40. Решение *Brumarescu*, § 61 // Путеводитель по прецедентной практике Европейского суда.
41. Решение *Neumeister*, § 22 // Путеводитель по прецедентной практике Европейского суда.
42. Решение *Dombo Beheer B. V.*, § 33 // Путеводитель по прецедентной практике Европейского суда.
43. Решение *Vldozotteinek Szovetsege et al*, § 42 // Путеводитель по прецедентной практике Европейского суда.
44. Решение *Funke*, § 44 // Путеводитель по прецедентной практике Европейского суда.
45. Решение *Brandstetter*, § 67 // Путеводитель по прецедентной практике Европейского суда.
46. Решение *Niderost – Huber*, § 22 // Путеводитель по прецедентной практике Европейского суда.
47. Решение *Buchholz*, § 51 // Путеводитель по прецедентной практике Европейского суда.
48. Решение *Konig*, § 98, *Estima Jorge*, § 35 // Путеводитель по прецедентной практике Европейского суда.
49. Решение *Union Alimetaria Sanders SA.*, § 35 // Путеводитель по прецедентной практике Европейского суда.
50. Решение *H.C. France*, § 58 // Путеводитель по прецедентной практике Европейского суда.
51. Решение *Immobiliare Saffi*, § 74 // Путеводитель по прецедентной практике Европейского суда.

А. М. Розуван, Р. А. Журавлев

ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕЛОВЕКА ОТ КРИМИНАЛЬНЫХ И ИНЫХ ПРОТИВОПРАВНЫХ ПРОЯВЛЕНИЙ

В статье рассмотрены состояние и уровень обеспечения безопасности человека в России от криминальных и иных противоправных проявлений, выделены и исследованы основные проблемы в этой сфере, требующие совершенствования законодательных и организационных основ по их решению.

This article considers the status and level of human security in Russia against criminal and other illegal manifestations, identified and investigated the main problems in this area, that require improvement of legislative and institutional framework for dealing with.

Ключевые слова: безопасность человека, общественная безопасность, права потерпевших, компенсация ущерба, возмещение вреда, система профилактики, законодательство.

Keywords: human security, public safety, victims' rights, compensation for damages, indemnity, the system of prevention, legislation.

Обеспечение безопасности человека во всех сферах жизнедеятельности общества является одной из основных задач мирового сообщества. При этом особое внимание уделяется противодействию преступности и иным противоправным деяниям, что во многом обусловлено масштабами и тяжестью их негативных последствий. Сегодня человек не может чувствовать себя в безопасности ни на воде, ни на суше, ни в воздухе.

Не случайно Генеральной Ассамблеей ООН 12 декабря 1996 г. принята Декларация о преступности и общественной безопасности, в которой мировое сообщество призвало государства – члены ООН защищать безопасность и благосостояние своих граждан и всех лиц, находящихся под их юрисдикцией, путем принятия эффективных национальных мер по борьбе с преступностью, взаимно сотрудничать.

Это актуально как для правоохранительной системы, так и для органов власти всех уровней, институтов гражданского общества России, поскольку проблема противодействия угрозам общественной безопасности в последние десятилетия приобрела особую остроту.

Но следует отметить, что проблема обеспечения безопасности человека и общественной безопасности в целом в полной мере затрагивает россиян уже на протяжении длительного исторического периода. Органам обеспечения право-

порядка в России почти 300 лет. В 1718 г. полиция была учреждена в Санкт-Петербурге, в 1722 г. – в Москве, а затем и по всей империи. В 2010 г. исполнилось 150 лет со дня образования следственного аппарата в России, основной задачей которого является борьба с преступностью. За этот период эти ведомства неоднократно реформировались, изменялось уголовное, уголовно-процессуальное и административное законодательство, но, к сожалению, многие задачи, стоявшие перед правоохранительной системой, за минувшие столетия не только не решены, а стали в современный период еще более масштабными, более чувствительными для общества. Во многом это обусловлено глобализацией мировых политических, экономических и иных процессов, изменением характера преступлений и тяжести их последствий.

За последнее время законодательные основы в сфере обеспечения безопасности граждан от криминальных и иных противоправных проявлений значительно изменились, приведены в соответствие со сложившейся обстановкой и нормами международного права. В частности, принятый федеральный закон «О противодействии терроризму», позволивший создать четко структурированную государственную систему по предупреждению и борьбе с терроризмом, минимизации последствий его проявлений; федеральный закон «О полиции», определивший основным приоритетом полиции защиту безопасности и прав граждан, изменения законодательства в части ограничений продажи алкоголя, повышения безопасности дорожного движения и др. Законодательно решены вопросы обеспечения безопасности пассажиров на объектах воздушного транспорта. Приняты и иные правовые акты, направленные на совершенствование общегосударственной системы обеспечения безопасности.

Рассмотренные выше и иные меры по обеспечению безопасности населения дали определенные позитивные результаты: некоторое сокращение преступности, в том числе умышленных убийств, но в целом уровень мер законодательного, организационного, материально-технического характера, принимаемых в этой сфере, все еще не в полной мере соответствует масштабам и тяжести последствий преступных и иных противоправных деяний в современный период, что негативно отражается на реальном состоянии безопасности человека в современной России.

Только за 2011 г. в органы внутренних дел поступило почти 25 млн заявлений, сообщений о преступлениях и иных происшествиях, более 1 млн 600 тыс. человек признаны потерпевшими от совершенных в отношении их преступных деяний, в том числе 436 тыс. в связи с насилиственными действиями, из них 178 тыс. женщин и бо-

ле 50 тыс. несовершеннолетних. Лишь за два последних года только от преступлений погибли 82 тыс. человек, более 100 тысячам граждан причинен тяжкий вред здоровью.

Как отмечается в глобальном отчете Бюро ООН по борьбе с наркотиками и преступностью (UNODC), по абсолютному числу убийств Россия даже обогнала США, несмотря на то что мы более чем в два раза уступаем США по численности населения. В целом по странам Европы совершается 0,5–1,3 убийства на 100 тыс. населения, а в России – 11,2 или в десять раз больше [1]. При этом Россия далеко обошла даже своих соседей по постсоветскому пространству. Так, в 2010 г. на Украине зарегистрировано 5,1 убийств и покушений на убийство на 100 тыс. населения, в Белоруссии – 5, в Армении – 2,1, в Азербайджане – 3,1, а в Российской Федерации – 12,8 [2].

Не случайно за 2001–2010 гг. число отбывающих в исправительных колониях наказание за убийство возросло с 99,8 до 122,4 тыс. человек, а за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью – с 75 до 103 тыс.

Наряду с этим ежегодно совершаются десятки миллионов иных правонарушений, ответственность за которые наступает в соответствии с нормами КоАП РФ. Только за 2010–2011 гг. за указанные правонарушения привлечены к ответственности более 110 млн человек, из них свыше 90 млн, или 80%, привлечены за действия, связанные с безопасностью человека, в том числе за нарушения законодательства в сфере оборота наркотических средств, дорожного движения, на транспорте, требований пожарной безопасности, за мелкое хулиганство, в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения и др.

Все это свидетельствует о серьезных недостатках в организации деятельности органов власти и управления, правоохранительной системы по обеспечению безопасности человека, защиты граждан от криминальных и иных угроз.

Анализ результатов борьбы с преступностью на всех этапах – от выявления преступления, расследования, судебного рассмотрения и даже отбывания наказания – свидетельствует о все еще низкой эффективности деятельности всей системы противодействия преступности, в том числе и в сфере безопасности человека, о нерациональном использовании весьма солидных ресурсов. Несколько цифр.

За 2005–2011 гг. в стране зарегистрировано более 22 млн преступлений. Вместе с тем остались нераскрытыми почти 11 млн, или каждое второе, то есть миллионы преступников не выявлены и, следовательно, не понесли заслуженное наказание, могут продолжать свое криминальное по-

ведение в обществе. Таков далеко не высокий КПД правоохранительной системы, многих сотен миллиардов бюджетных средств. Сейчас на учете 18 млн нераскрытых преступлений, по которым еще не прошли сроки давности. Среди них 90 тыс. убийств, свыше 200 тыс. умышленного причинения тяжкого вреда здоровью и иных преступных посягательств на безопасность граждан, 11 млн краж, более 2 млн грабежей и разбоев.

Миллионы граждан, пострадавших от преступников, не получили реальной помощи от правоохранительной системы. И здесь не только вина правоохранителей. В период глобализации изменяются не только экономические и общественные отношения, изменяется и преступность, увеличиваются ее масштабы, расширяются ее связи, что, безусловно, требует дальнейшего совершенствования организационных и правовых основ обеспечения безопасности человека, общества в целом от криминальных и иных противоправных проявлений с учетом сложившихся реалий и современных возможностей государства и общества в целом.

В рамках статьи нами выделены лишь отдельные аспекты данной проблемы.

1. Несмотря на значительные изменения преступности, форм и методов совершения противоправных деяний, в том числе с использованием компьютерных и иных высоких технологий, сам процесс расследования остается фактически незыблеблемым много лет, носит затяжной многодневный и затратный характер.

Очевидно, что требуется *качественное и весьма радикальное изменение процесса расследования*, сделать его более оперативным и эффективным, отказаться от ненужных шаблонов и действий, не превращать каждое второе дело в объемную папку оправдательных документов для проверяющих. Требуется и более широкое использование технических средств фиксации, замена электронными носителями многих видов письменных протоколов. Это поможет не только более продуктивно использовать ресурсы правоохранительной системы, но и значительно сократить столь нерациональное привлечение граждан для участия в следственных действиях.

Очевидна и необходимость *объединения следственных аппаратов всех правоохранительных органов (МВД, ФСБ, ФСНК, СК РФ) в единую федеральную службу*, что поставит взаимоотношения следователя и оперативного работника в четкие рамки норм уголовно-процессуального законодательства, а оперативным подразделениям позволит сосредоточиться на своих главных функциях – предупреждении и раскрытии преступлений.

Все это, безусловно, может позитивно отразиться на эффективности деятельности право-

охранительной системы, прежде всего по обеспечению безопасности граждан от преступных посягательств.

2. Отсутствует и единственная государственная система профилактики правонарушений. Об остроте проблемы свидетельствует правоприменительная практика. Среди совершивших преступные деяния отмечается четкая тенденция увеличения удельного веса лиц, требующих повышенного внимания не только правоохранительных органов. Из числа выявленных в 2011 г. за совершение преступлений две трети – 66,3%, или более 690 тыс. – человек не имели постоянного источника дохода (для сравнения, в 2006 г. – 59,6%), 39%, или свыше 400 тыс., ранее уже совершили преступления (в 2006 г. – 28,8%), 22,8%, или 240 тыс. лиц, совершили преступления, находясь в алкогольном или наркотическом состоянии (в 2006 г. – 20,1%) [3].

Сотни тысяч преступлений против жизни и здоровья граждан, десятки миллионов правонарушений в сфере безопасности человека, миллионы больных алкоголизмом и наркоманией, десятки тысяч неблагополучных семей, безнадзорных детей, лиц, не вставших на путь исправления после отбытия наказания в местах лишения свободы, и другие подобные обстоятельства обуславливают необходимость законодательно закрепить обязанность государственных и муниципальных органов по выявлению лиц с девиантным поведением, по проведению с ними индивидуальной профилактической и реабилитационной работы, предоставив указанным органам соответствующие полномочия и возможности (по трудуустройству, лечению, решению социально-бытовых проблем и др.), определить ответственность за ненадлежащее исполнение данных функций.

Указанные и иные положения могли бы быть закреплены в законе «О профилактике правонарушений», необходимость принятия которого признается, но реальных мер по его общественному обсуждению не принимается.

На федеральном уровне необходимо законодательно закрепить и правовые основы участия населения в охране общественного порядка и профилактике правонарушений. Еще 4 года назад группа депутатов Государственной думы Российской Федерации, в числе которых и один из авторов статьи, разработала указанный законопроект, но он все еще не рассмотрен в связи с позицией правительства.

3. Анализ законодательных актов, регулирующих общественные отношения в сфере безопасности человека, подтверждает вывод, что нормы действующего законодательства все еще не создают современную и надежную правовую основу для деятельности правоохранительной системы, органов управления всех уровней, хозяйствую-

ящих субъектов по обеспечению безопасности граждан.

В настоящее время необходим комплексный анализ действующего законодательства, в том числе отраслевого, для разработки на его основе новых законопроектов и внесения соответствующих изменений и дополнений в действующие акты, создающих взаимосвязанную систему правовых норм, применение которых обеспечит более эффективную безопасность как населения России в целом, так и отдельного человека.

В частности, требуется принятие правовых норм, учитывающих современные реалии по таким аспектам безопасности человека, как профилактика правонарушений и девиантного поведения, безопасность дорожного движения, безопасность на железнодорожном и водном транспорте, безопасность на водоемах, обеспечение безопасности и предупреждение травматизма на производстве и др.

По нашему мнению, которое мы уже высказывали в печати, фундаментальной основой для разработки указанных норм может быть принятие базового федерального закона «О безопасности человека в Российской Федерации», закрепляющего основные принципы обеспечения безопасности человека, обязанности в этой сфере применительно к органам власти и управления всех уровней, хозяйствующих органов, общественных организаций, определяющего концептуальные требования при разработке стандартов, норм обеспечения безопасности человека на различных этапах его жизнедеятельности в соответствии с положениями международного права и стандартами обеспечения безопасности личности в ведущих странах мира. В указанном законе смогли бы быть закреплены и базовые положения обеспечения прав граждан, потерпевших при чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера, от преступных деяний и др.

Безусловно, в связи с многогранностью проблемы обеспечения безопасности человека от рождения до завершения его жизненного пути, во всех сферах его жизнедеятельности указанные положения закона должны быть детализированы и конкретизированы в отраслевых законах, в подзаконных и ведомственных правовых актах, четкое выполнение которых на любом уровне должно способствовать созданию системы по обеспечению безопасности человека во всех сферах его жизнедеятельности.

4. Все это обуславливает необходимость комплексного исследования всего многогранного спектра аспектов проблемы с широким привлечением специалистов по всем направлениям обеспечения безопасности населения, а также разработки на основе результатов исследования рекомендаций правового и организационного харак-

тера с учетом современных социально-экономических и общественно-политических реалий, сложившихся в России за последние 20 лет, международных норм и требований в этой сфере.

Представляется, что серьезное значение здесь могли бы иметь исследования, проводимые в научных организациях МВД, Генеральной прокуратуры, Минюста, Минздравсоцразвития России, поскольку минимизация негативных последствий многих внешних причин, при которых ежегодно погибают десятки тысяч человек, а получают ранения и травмы сотни тысяч, находится в сфере их функций – преступность, алкоголизм, наркомания, детская безнадзорность, безопасность дорожного движения и др.

Необходима и единая обобщенная государственная статистика по исследуемой проблеме.

5. В числе правовых и законодательных мер по обеспечению безопасности граждан приоритетным направлением является и создание системы обеспечения прав потерпевших от криминальных и иных противоправных проявлений на компенсацию причиненного ущерба, возмещение ущерба. В соответствии со ст. 52 и 53 Конституции Российской Федерации государство обязано обеспечивать потерпевшим от преступлений доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба, каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц. Но реально это конституционное положение не работает. Каждое второе преступление остается нераскрытым. Из зарегистрированных в 2011 г. более 1 млн краж раскрыто лишь 37%, по 654 тыс. краж преступники не установлены, а из 50 тыс. краж транспортных средств раскрыто только 9 тыс., или менее 20%.

Очевидна необходимость принять практические меры к реализации предложений, в том числе и авторов статьи, о создании на партнерских началах государства и общественных институтов фонда поддержки потерпевших от преступных действий, пострадавших от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, через который государство и общество смогли бы оказывать реальную финансовую, юридическую, медицинскую, психологическую помощь указанным лицам. Считаем, что было бы морально и

правственно справедливым штрафы за административные правонарушения и штрафы, налагаемые судами в качестве основного или дополнительного наказания за совершение преступного деяния, а также конфискованные средства и имущество направлять в указанный фонд для оказания помощи конкретным потерпевшим и пострадавшим. А эти суммы достаточно значительны. Только за 2010 г. органами внутренних дел и судами страны за административные правонарушения наложены штрафы более чем на 34 млрд руб., в качестве основного и дополнительного наказания за совершенные преступления судами наложены штрафы почти на 2 млрд руб. [4] Безусловно, указанные 36 млрд рублей, направленные в фонд помощи, были бы существенной помощью потерпевшим от преступлений и пострадавшим при ЧС. Указанное решение будет серьезным практическим шагом по реализации ст. 52 Конституции РФ, гарантирующей право на компенсацию причиненного ущерба. Безусловно, фонд пополнялся бы и за счет пожертвований.

Указанная система достаточно эффективно работает в ряде стран, в том числе и на постсоветском пространстве. К сожалению, зародившееся в России несколько лет назад общественное движение, в том числе и Фонд оказания помощи жертвам терроризма, из-за отсутствия средств не может реализовать эту важную для общества задачу.

Даже этот весьма краткий и далеко не исчерпывающий перечень проблем обеспечения безопасности человека, требующих совершенствования законодательных и организационных основ по их решению, свидетельствует об остроте проблемы и обуславливает необходимость комплексного и фундаментального подхода к обеспечению безопасности человека в современных условиях, общественной безопасности в целом.

Примечания

1. Убийственный рейтинг. Взгляд // Деловая газета. 2011. 7 окт.
2. Преступность и правонарушения (2006–2010): стат. сб. М., 2011.
3. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2011 года. М.: МВД России.
4. Сводный отчет МВД России об административной практике за 2010 год; из Отчета Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2010 год.

Д. А. Плотников

О СИСТЕМЕ НАУЧНЫХ ПОДХОДОВ К ПОНИМАНИЮ ПРИНЦИПОВ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

В статье анализируются основные научные подходы к пониманию правовой природы принципов гражданского процессуального права; обосновывается необходимость введения в научный оборот нового определения принципов гражданского процессуального права, учитывающего межинституциональную связь с видами гражданского судопроизводства.

The article analyses basic scientific approaches in understanding the legal nature of the principles of civil objective law; it gives arguments for the necessity to introduce the new definition of the principles of civil objective law, taking into consideration inter-institutional connections with different types of civil judicial proceeding.

Ключевые слова: принципы гражданского процессуального права; гражданское судопроизводство; подходы к пониманию принципов права; вид гражданского судопроизводства.

Keywords: principles of civil objective law; civil judicial proceeding; approaches in understanding the principles of law; the type of civil judicial proceeding.

В действующем ГПК РФ в отличие от УПК РФ, где содержится отдельная гл. 2, предусматривающая дефиницию «принципы», отсутствует легальное закрепление данного понятия, а как следствие – в науке цивилистического процесса выделяют различные взгляды на систему и основания классификации принципов.

В науке гражданского процессуального права можно выделить несколько подходов к определению принципов гражданского процессуального права: традиционный, в состав которого входят доктринальный и позитивистский, и интегративный (комплексный), или гносеологический.

Доктринальный подход. С точки зрения данного подхода принципы носят исключительно доктринальный характер, следовательно, не обладают императивностью. Они выражают идеи правосознания, правовой науки. К числу первых исследователей, которые допустили такую возможность трактовки принципов гражданского процессуального права, можно отнести К. С. Юдельсона. Он отмечал, что принципы советского гражданско-процессуального права отнесены к области правосознания, а не права [1]. Другим представителем данного направления в советский период являлся П. В. Логинов. Он обращал внимание, что принципы гражданского

процессуального права – это обусловленные базисом социалистического общества основополагающие идеи, определяющие содержание норм, регулирующих направление правосудия по гражданским делам [2]. Однако данная точка зрения не получила широкого распространения как в соответствующий исторический период, так и в наше время.

Анализируя практику деятельности судов в современный период, можно прийти к заключению, что доктринальный подход фактически применяется судебным корпусом. Однако необходимо сделать оговорку, что речь идет пока только о деятельности Конституционного Суда Российской Федерации. В связи с этим небезынтересна точка зрения В. А. Туманова, который подкрепляет необходимость существования доктринального подхода к пониманию сущности принципов гражданского процессуального права. Отметив явный пробел федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» в части отсутствия в нем каких-либо принципов, исходя из которых суд должен осуществлять прямое толкование Конституции, он приходит к выводу, что к числу указанных принципов следует отнести обеспечение прав и свобод человека и гражданина и приоритет основ конституционного строя по отношению к другим положениям Основного закона. В данном случае перед нами один из примеров проявления законодательно не закрепленных, но получивших фактическое признание в деятельности Конституционного Суда принципов официального толкования Конституции [3].

Обратившись к анализу решений Конституционного Суда Российской Федерации, можно заключить, что данная судебная инстанция при вынесении итоговых решений делает ссылки на принципы, которые не нашли отражения в действующей Конституции Российской Федерации. Поэтому некоторые авторы, в частности Н. Е. Тавея, высказывают позицию, в соответствии с которой «юридическое основание ссылаться на неиспользованные принципы у Конституционного Суда Российской Федерации всё-таки есть. Дело в том, что в основу Конституции Российской Федерации 1993 г. впервые была заложена естественно-правовая концепция правопонимания... Естественно-правовой тип правопонимания основан на признании в качестве источника позитивного права естественных прав и свобод человека и гражданина» [4].

Другим автором, указывающим на фактическое применение в судебной практике принципов, не закрепленных законодательно, является Е. Д. Шиндяпин. Он отмечает, что существует целый ряд принципов, которые не получили своего закрепления в нормативных правовых актах,

однако их наличие подтверждается наукой и практикой, в связи с чем они также имеют большое значение при преодолении пробелов в праве. Судья в своей деятельности применяет не только закон. В основе его правовой позиции по делу лежат принципы и моральные основания права. В осуществлении аналогии права особую роль играют такие общеправовые принципы, как справедливость, добросовестность и разумность. Конституционный Суд Российской Федерации, Верховный Суд Российской Федерации, Высший Арбитражный Суд Российской Федерации при обосновании своей позиции по делу очень широко использует понятие «общие (общеправовые) принципы права», причем эти принципы применяются ими вне зависимости от того, закреплены ли они прямо в конкретных нормативных правовых актах или нет. Конституционный Суд Российской Федерации исходит из того, что эти принципы обладают высшей степенью нормативной обобщенности, предопределяют содержание конституционных прав человека, отраслевых прав граждан, носят универсальный характер и в связи с этим оказывают регулирующее воздействие на все сферы общественных отношений [5].

Если следовать логике данного подхода, то возможна ситуация, когда в случае противоречия смысла закона принципу справедливости судья должен положиться на данный принцип и решить вопрос по совести с учётом этого принципа [6]. В том случае, если соответствующий принцип не определен в законодательстве, то судья, оказавшись в ситуации разрешения спорной ситуации, вынужден будет, исходя из своих субъективных профессиональных качеств, по своему усмотрению вынести решение по существу дела. Это крайне негативное явление может отрицательно сказаться на перспективах обжалования. Дело в том, что судьи и в вышестоящей инстанции также могут подойти к вопросу об отмене вынесенного решения уже с точки зрения своего понимания существующих в науке принципов гражданского процессуального права. Тем самым будут снижаться судебные гарантии для участников гражданских процессуальных правоотношений, так как исход дела будет зависеть не от действующих норм, а от личной позиции представителя Фемиды.

Позитивистское понимание принципов гражданского процессуального права. Данный подход связан с необходимостью нормативного закрепления принципов гражданского процессуального права. С одной стороны, это вызвано стремлением использовать зарубежный опыт. Так, в Германии под принципами гражданского процессуального права понимают «установленные законодателем общие правила, которые определяют ход всего судопроизводства» [7]. В странах

Латинской Америки действует Иberoамериканский модельный гражданский процессуальный кодекс, который включает в себя раздел «Общие принципы» [8]. В Казахстане, Китае несмотря на отсутствие законодательно закрепленной дефиниции, принципы помещены в отдельную главу (гл. 2 ГПК Казахстана 1999 г. «Задачи и принципы гражданского судопроизводства», гл. 1 ГПК Китая 1991 г. «Задачи, сфера применения и основные принципы»). В Грузии при принятии гражданского процессуального кодекса 1997 г. законодатели в первой главе «Основные положения судопроизводства» текстуально обозначали принцип диспозитивности (ст. 3) и состязательности (ст. 4) [9]. ГПК Азербайджана 1999 г. [10] только в одной статье использует дефиницию «принцип». Например, ст. 8.1 ГПК Азербайджана гласит, что правосудие по гражданским делам и экономическим спорам осуществляется на основе принципа равенства всех перед законом и судом.

Интересным представляется анализ ГПК Молдовы 2003 г. [11] В данном процессуальном кодексе молдавские законодатели пошли по тому пути, что не просто ввели отдельную главу «Основные принципы гражданского судопроизводства», но также раскрыли содержание отдельных принципов. Например, согласно ч. 2 ст. 26 ГПК Молдовы состязательность предполагает организацию процесса таким образом, чтобы стороны и другие участники процесса имели возможность формулировать, аргументировать и доказывать свою позицию в процессе, выбирать способы и средства ее защиты самостоятельно и независимо от судебной инстанции, других органов и лиц, высказывать свою позицию по фактическим и правовым вопросам, имеющим отношение к рассматриваемому делу, и высказывать свою точку зрения по инициативам судебной инстанции. Следует признать такой подход в зарубежном праве правильным, так как в этом случае снимаются многие вопросы толкования воли законодателя.

Вместе с тем нельзя не отметить, что законодательное закрепление принципов гражданского процессуального права характерно не для всех ГПК зарубежных стран. Речь идет о таких странах, как Эстония (ГПК 1993 г.), Украина (ГПК 2005 г.), Германия (1877 г.), Армения (ГПК 1998 г.), Узбекистан (ГПК 1997 г.), Таджикистан (ГПК 2008 г.), Кыргызстан (ГПК 1998 г.), Япония (ГПК 1996 г. [12]).

С другой стороны, необходимость нормативного закрепления принципов гражданского процессуального права дает возможность правопримениителю адекватно воспринимать волю законодателя. Данная точка зрения получила распространение уже в советский период (Н. А. Чечина

[13], В. М. Семенов [14], А. А. Ференс-Сороцкий [15].

В России, к сожалению, все наработки о принципах гражданского процессуального права остаются предметом только научных изысканий. В 90-е гг. XX в. проблемой нормативного закрепления принципов гражданского процессуального права России занималась С. Н. Федулова. Данным учёным введено авторское понимание термина «принципы гражданского процессуального права», под которыми понимаются «обусловленные экономическим и общественным строем государства основные положения гражданского процессуального права, определяемые содержанием соответствующей отрасли права, выражающие её сущность, охватывающие все правила гражданского процесса и институты гражданского процессуального права» [16]. Кроме того, автор обосновывает необходимость нормативного закрепления принципов гражданского процессуального права в силу того, что они сформулированы законодателем не в каждом нормативном акте, а обычно при кодификации, которая является объединением массива нормативных актов [17].

К числу современных представителей легистического подхода можно отнести таких ученых, как А. А. Демичев и О. В. Исаенкова, которые на протяжении ряда последних лет в различных публикациях отстаивают данную позицию. Объединив различные формулировки, они определяют понятие принципов гражданского процессуального права как «исходные положения, которые закреплены в Конституции Российской Федерации или(и) ГПК РФ, АПК РФ. Всё остальное в правовом смысле принципами соответствующих отраслей права не является и носит доктринальный характер, находится не в сфере права, а в сфере правосознания» [18].

Следующая группа авторов данного подхода считает, что «под принципами гражданского процессуального права следует понимать основные положения, руководящие идеи, закрепленные нормами процессуального права, связанные между собой в определенную систему, которая определяется самостоятельностью отрасли права» [19].

Небезинтересно мнение авторов, которые дают более широкое понятие принципов гражданского процессуального права, под которыми понимают «выраженные в гражданском процессуальном праве исходные нормативно-руководящие начала, которые выражают демократическую и гуманистическую сущность гражданского процесса, определяют построение всех его процессуальных норм, стадий и институтов и направляют гражданскую процессуальную деятельность на достижение целей и задач, поставленных го-

сударством перед правосудием по гражданским делам» [20].

Свообразной точкой зрения можно назвать позицию А. Головина, который под принципами права понимает общие, руководящие положения права, закрепленные в нормативных актах и сформулированные на основе цивилизационных особенностей, а именно: социальных, культурных, экономических, политических, правовых факторов, существующих на территории страны действия права, а также на основе взаимного влияния различных национальных, международных правовых систем [21].

Интересной представляется точка зрения Л. А. Шамшурина, который понятие принципов гражданского процессуального права определяет как нормативно установленные основополагающие правовые идеи, отражающие социальные изменения, которые происходят в обществе в данный период развития, его потребности, взгляды законодателя в соответствующий исторический период на характер и содержание гражданского судопроизводства [22]. Таким образом, данный автор, в отличие от других ученых, допускает возможность совершенствования такой категории, как принципы гражданского процессуального права.

А. С. Федина в своей работе указывает, что «в правовой науке под принципами отрасли права понимают основные исходные положения, нормативно руководящие начала соответствующей отрасли права, определяющие её качественные особенности» [23].

Необходимо также отметить, что нормативный подход к пониманию принципов нашел отражение не только среди юристов-процессуалистов, но и среди представителей науки теории государства и права. Например, в диссертации С. Е. Фролова «Принципы права (вопросы теории и методологии)» подчеркивается, что «принципы права – не что иное, как концентрированное выражение совокупности сущностных системных свойств определенного множества отдельных норм права. Отрывать принципы права от норм и их совокупности в таком случае – значит отрывать свойства от предмета. Только абстрактно, мысленно можно отделить свойства от того, чему оно присуще, и представить себе принципы вне нормы права и их системы. Утверждать же, будто принципы права существуют отдельно от юридических норм, значит переносить в действительность то, что специфично для мышления. Только в научном плане можно отделить общее от конкретного, сущность от явления и концентрировать в понятии принципов права лишь общие признаки предмета» [24]. В результате данный автор под принципами права понимает «универсальное, истинное, фундаментальное нор-

мативно-правовое предписание (начало, требование, императив и тому подобное), которое определяет общую направленность правового регулирования, высокое качество и эффективность юридической практики (правотворческой, право-применительной)» [25].

Таким образом, нормативный подход к пониманию принципов становится базовым для всех процессуальных отраслей. Несмотря на то что он является, как правило, общепринятым, следует указать на появление в юридической литературе критики в отношении легистского понимания принципов гражданского процессуального права. Например, Н. А. Тузов в своих работах подчеркивает, что «во всех видах российского судопроизводства наблюдается отсутствие выделяющего законодательного закрепления регулятивно-руководящего и определяющего (приоритетного) значения правовых принципов и принципов права» [26]. Поэтому данным ученым предлагается не просто нормативно включить тот или иной принцип, но и законодательно придать ему большую юридическую силу по сравнению с остальными нормами права соответствующего нормативного правового акта.

Встречается в юридической литературе и крайне негативная оценка позитивистского подхода. Р. В. Пузиков считает, что идея включения принципов права непосредственно в нормативно-правовые акты бесперспективна, если не утопична, так как принципы права как идеи могут быть в лучшем случае закреплены лишь в качестве тезиса, однако его сущностную составляющую невозможно закрепить статически, потому что в силу общественного статуса данного правового явления оно динамично и может варьировать свое содержание от внешних (объективных) факторов: время, место, срок и т. д. – до внутренних (субъективных): собственное мнение о целесообразности, своевременности и т. д. [27].

Третий подход – интегративный (системный), или гносеологический. Следует обратить внимание, что данный подход прежде всего разработан в общей теории права и не является предметом специальных научных обсуждений среди специалистов в области гражданского процессуального права. Примером тому является монография «Принципы российского права: общетеоретический и отраслевой аспекты» [28], в которой ни одним из авторов не обращено внимание на данный подход. Данное положение нельзя признать положительным, так как в этом случае мы сознательно пытаемся избежать ответов на неудобный для ученых вопрос: возможно ли применение интегрального подхода в понимании принципов гражданского процессуального права? Именно поэтому необходимо определить сущность данного подхода.

По мнению специалистов в области теории права, необходимость появления данного направления в понимании принципов связана «с кризисом некогда господствующей нормативной теории права, проявляющимся через острую критику её основных положений, и, добавим, являющимся адекватным отражением аналогичных явлений в методологии практически всего гуманистического знания, предоставляет возможность одновременного применения начал различных правовых учений, пусть даже на основании их механистического соединения. Такой симбиоз не только позволяет глубже исследовать конкретную проблему, но, в конечно итоге, служит цели появления новой гуманитарной научной парадигмы. Ей, возможно, станет та, которую всё больше и больше исследователей именуют системным (комплексным) подходом» [29]. Кроме того, теоретики права указывают, что «каждый тип правопонимания (нормативистский, социологический, естественно-правовой, либертарно-юридический, антропологический, философский) является отражением лишь одной из сторон, форм, свойств права, и в этой части их определения верны, хотя следует признать, что в последнее время наблюдается стремление к выработке некоего единого подхода к правопониманию, которое позволило бы «увидеть» право в его единстве и многоаспектности» [30]. Такую позицию указанные авторы называют широким (интегративным) подходом к пониманию права.

Среди авторов, кто впервые в советский период (70-е гг.) обосновал использование интегрального подхода, является В. С. Букина. По мнению данного исследователя, принципы гражданского процессуального права необходимо рассматривать одновременно и как правовое явление, и как правовое понятие, и как элемент правосознания [31]. В своем диссертационном исследовании автор указывает несколько доводов в пользу данного подхода. Во-первых, «нельзя сводить связь правовых принципов с нормами права только к проблеме их нормативного закрепления, так как это только внешнее проявление связи, а не её внутренняя сущность» [32]. Во-вторых, «идея о текстуальном закреплении правовых принципов внешне выглядит заманчиво, так как в какой-то мере положит конец разнотолкам в формулировании принципов советского гражданского процессуального права, положит конец такому положению, когда один автор насчитывает десять принципов, а другой – все девятнадцать».

Но, как мы уже отметили, это только в какой-то мере и, кроме того, есть опасность, что в законе получит отражение одно из научных направлений в формулировании правовых принципов, и что такое закрепление превратится в та-

кую же фикцию... то есть, будучи провозглашенной, не будет претворяться в жизнь. Такое положение, кроме того, не отвечало бы объективному назначению правовых принципов» [33].

В середине 90-х гг. ХХ в. Р. Л. Иванов предложил гносеологическое понимание принципов права, в соответствии с которым принципами права являются не только те, которые закреплены в законодательстве и иных источниках правовых норм, но и основополагающие идеи правосознания, получившие общее признание в деятельности органов правосудия, иных субъектов внутригосударственного и международного права, несмотря на отсутствие их формальной фиксации в объективном праве» [34]. В данном случае автор исходит из того, что нормы права – это лишь одна из абстрактных форм его бытия, к которым принадлежит и правосознание.

Среди современных работ, посвященных данному подходу, можно отметить диссертацию К. С. Захаровой «Системные связи принципов права: теоретические проблемы», где отмечается тенденция интегрированного восприятия принципов права на основе синтеза всех возможных теоретических подходов (философского, объективистского, нормативного и идеологического) и предлагается следующее определение принципов права: идеи, выраженные в фундаментальных правовых понятиях, отражающих существующий уровень представлений о праве, детерминирующие юридическую деятельность и возникающие в ходе ее правоотношения [35].

Кроме того, в научных публикациях последних лет обосновывается позиция применения интегрального подхода. «С позиции интегративного правопонимания теоретически спорно ограничивать принципы российского права только принципами, закрепленными в одной форме, – в российских нормативных актах, поскольку фактически существуют различные виды принципов российского права. Во-первых, принципы закреплены и в иных формах российского права – нормативных правовых договорах и обычаях российского права. Во-вторых, принципы, существующие самостоятельно, по каким-либо объективным или субъективным причинам не закрепленные в иных формах права» [36]. К сторонникам этого подхода можно отнести С. В. Моисеева, который поддерживает необходимость закрепления принципов гражданского процессуального права в нормах действующего законодательства. Однако нормативное закрепление, по его мнению, не должно сводиться к определению или упоминанию принципа в норме права, поскольку сам принцип не исчерпывается дефиницией и тем более простой констатацией его существования, кроме того, одно лишь определение никогда не позволит понять действительный смысл принци-

па, его содержание и предназначение на данном этапе общественных отношений [37].

Подводя итог анализу понимания принципов гражданского процессуального права, мы вынуждены констатировать, что независимо от того, к какому направлению принадлежит тот или иной автор, общим знаменателем всех разработанных понятий является то, что принципы гражданского процессуального права являются основой для осуществления правосудия по всем категориям гражданских дел независимо от видов гражданского судопроизводства. Но здесь мы сталкиваемся с парадоксальной ситуацией, которая складывается в науке гражданского процессуального права. Во-первых, и принципы гражданского процессуального права, и виды гражданского производства существуют в настоящее время прежде всего как теоретические правовые категории, разработанные в науке гражданского процесса. При этом только в некоторых статьях ГПК РФ прямо говорится о существовании принципов и видов гражданского судопроизводства (ст. 102, 107, 319.11 ГПК РФ), хотя судебная практика, в том числе Верховного Суда РФ, оперирует указанными понятиями.

Во-вторых, в науке гражданского процесса, с одной стороны, признается необходимость нормативной легализации принципов гражданского процессуального права, а с другой стороны, как правило, не отрицается наличие видов гражданского судопроизводства, в рамках которых авторы-процессуалисты указывают на процессуальные особенности рассмотрения дел в неисковых производствах. Но при этом, указывая на процессуальные особенности, мы должны понимать, что недопустимо существование указанных институтов параллельно, не учитывая межотраслевой связи принципов гражданского процессуального права и видов гражданского производства.

Однако в настоящее время сложилась ситуация, когда в неисковых производствах многие отраслевые принципы деформируются. Рассмотрим конкретный пример. По общему правилу стороны могут надеяться на помощь суда в собирании доказательств при условии затруднительности их представлений (ч. 3 ст. 57 ГПК РФ). Совершенно иная ситуация имеет место в производстве по делам, возникающим из публичных правоотношений. Согласно ч. 2 ст. 249 ГПК РФ суд может истребовать доказательства по своей инициативе в целях правильного разрешения дела. Должностные лица, не исполняющие требований суда о предоставлении доказательств, подвергаются штрафу в размере до одной тысячи рублей. С одной стороны, данная норма может рассматриваться как исключение из принципа состязательности. Но с другой стороны, установление ответственности (имущественной) является одной

из форм борьбы со злоупотреблениями своими правами со стороны государственных и муниципальных органов, выражаящейся в затягивании рассмотрения гражданского дела. Поэтому следует признать правильным утверждение А. В. Юдина о необходимости введения «сильных средств», направленных на обеспечение исполнения лицами своих процессуальных обязанностей [38]. Данный пример показывает, что есть объективная необходимость подвергнуть переработке понятие принципов гражданского процессуального права с учетом отдельных видов гражданского судопроизводства.

Таким образом, понятие принципов гражданского процессуального права можно определить как системообразующие положения, юридическая природа которых раскрывается посредством их формулирования через определенные признаки в гражданском процессуальном законодательстве, применяемые в одном (для специальных принципов) или нескольких видах гражданского судопроизводства (для отраслевых принципов), обладающие приоритетом по юридической силе над другими гражданскими процессуальными нормами.

С учетом введенного понятия принципов гражданского процессуального права требуется изменение понятия «вид гражданского судопроизводства». Для этого предлагаем дополнить ГПК РФ ст. 4.1: «Виды производства по гражданским делам» следующего содержания:

«1. Вид гражданского судопроизводства – особый процессуальный порядок рассмотрения гражданских дел, в том числе публично-правовых споров, заключающийся в применении как общих, так и специальных принципов разбирательства дел в порядке гражданского судопроизводства.

2. Гражданское процессуальное законодательство предусматривает следующие виды производств:

исковое;

производство по делам, возникающим из публичных правовых отношений;

особое производство;

приказное производство;

иные виды производства, предусмотренные настоящим Кодексом».

Примечания

1. Юдельсон К. С. Советский гражданский процесс. М., 1956. С. 31–32.

2. Логинов В. П. О понятии принципов гражданского процессуального права // Вестник МГУ. Сер. 11. Право. 1985. № 3. С. 61.

3. Интервью Председателя Конституционного Суда Российской Федерации, проф., доктора юрид. наук В. А. Туманова журналу «Государство и право» // Государство и право. 1995. № 9. С. 3–8.

4. Таева Н. Е. Виды норм конституционного права Российской Федерации. М.: ООО «Изд-во «Элит»,

2010. С. 204; Таева Н. Е. Проблемы единства и реализации конституционных норм-принципов // Актуальные проблемы гуманитарных и экономических наук: сб. материалов XI межрегион. науч.-практ. конф. Киров: Кировский филиал МГЭИ, 2010. С. 299.

5. Шиндягин Е. Д. Аналогия права в правоприменении: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 19, 20.

6. Туманов Д. А. Пробелы в гражданском процессуальном праве. М.: Норма, 2008. С. 149.

7. Давтян А. Г. Гражданское процессуальное право Германии (основные институты): дис. ... д-ра юрид. наук. Ереван, 2002. С. 62.

8. Ермакова Е. П. Тенденции развития гражданского процессуального права в странах Латинской Америки: исторические аспекты // Тенденции развития гражданского процессуального права России: сб. науч. ст. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2008. С. 197, 198.

9. Гражданский процессуальный кодекс Грузии от 14 ноября 1997 года № 1106-Іс // Парламентис уцкебани. 1997. № 47–48.

10. Гражданский процессуальный кодекс Азербайджана от 28.12.1999 г. № 780-ІГ (ред. от 17.05.2011 г. № 112-IVQD) // Собрание законодательства Азербайджанской Республики. 2000. № 1. Ст. 17.

11. Гражданский процессуальный кодекс республики Молдова: [от 30.05.2003 (в ред. ЗП от 27.08.2011 г. № 184)] // Monitorul Oficial. 2003. 12 июня. № 111–115.

12. Das japanische Zivilprozeßrecht: Zivilprozeßgesetz und Zivilprozeßverordnung nach der Reform von 1996 / Hrgs.: Christopher Heath; Anja Petersen. – Tübingen: Mohr Siebeck, 2002 (Materialien zum ausländischen und internationalen Privatrecht; Bd. 41).

13. Чечина Н. А. Принципы советского гражданского процессуального права и их нормативное закрепление // Правоведение. 1960. № 3. С. 78.

14. Щеглов В. Н., Семенов В. М. Конституционные принципы гражданского судопроизводства. М.: «Юридическая литература», 1982. 152 с.: [Рецензия] // Правоведение. 1983. № 6. С. 99–101.

15. Ференс-Софоцкий А. А. Аксиомы и принципы гражданско-процессуального права : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1989. С. 23.

16. Федулова С. Н. Принципы гражданского процессуального права: понятие и нормативное закрепление: автореф. ... канд. юрид. наук. СПб., 1993. С. 9.

17. Там же. С. 12.

18. Демичев А. А., Исаенкова О. В. К вопросу о нормативном закреплении принципов гражданского процессуального и арбитражного процессуального права // Российское право: история, современность и перспективы, сб. материалов IV межрегион. науч.-практ. конф. / отв. ред. М. В. Михайлова. Киров: Кировский филиал МГЭИ, 2007. С. 26; Демичев А. А. К вопросу о принципах гражданского процессуального, арбитражного процессуального и исполнительного права // Вестник Российской правовой академии. 2005. № 2. С. 32; Демичев А. А. Позитивистская классификация принципов гражданского процессуального права Российской Федерации // Арбитражный и гражданский процесс. 2005. № 7. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Загл. с экрана.

19. Козлова В. Н., Миронова Л. А. Проблемы понятия, классификации и нормативного закрепления конституционных принципов гражданского процессуального права // Арбитражный и гражданский процесс. 2008. № 5. С. 16.
20. Францифоров А. Ю., Францифоров Ю. В. Принципы гражданского процессуального права // Арбитражный и гражданский процесс. 2003. № 4. С. 13.
21. Головин А. Понятие принципа права: некоторые вопросы // Арбитражный и гражданский процесс. 2009. № 4. С. 5.
22. Шамиурин А. Л. Принципы гражданского (арбитражного) процессуального права: проблемы понятия, классификации, значение в совершенствовании законодательства и управлении правосудия // Арбитражный и гражданский процесс. 2010. № 7. С. 5.
23. Федина А. С. Реализация принципа законности в гражданском процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Тверь, 2002. С. 12.
24. Фролов С. Е. Принципы права: вопросы теории и методологии: дис. ... канд. юрид. наук. Кострома, 2001. С. 25.
25. Там же. С. 25.
26. Тузов Н. А. Проблема приоритетности принципов в правовом регулировании (судопроизводстве) // История государства и права. 2009. № 15. С. 9.
27. Пузиков Р. В. Доктринальное осмысление понятия, места и роли принципов права в современной правовой политике // Принципы российского права: общетеоретический и отраслевой аспекты / [Н. И. Матузов, А. В. Малько, К. А. Струсь и др.]; под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько; ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права». Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2010. С. 110.
28. Принципы российского права: общетеоретический и отраслевой аспекты.
29. Исследование допустимости доказательств в гражданском и арбитражном процессах / Гордейчик А. В. Хабаровск: РИОТИП, 2007. С. 5.
30. Лизикова И. И. Концептуальные подходы к определению права в юридической науке // История государства и права. 2010. № 13. С. 21.
31. Букина В. С. Принципы советского гражданского процессуального права: дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1975. С. 7.
32. Там же. С. 29.
33. Там же. С. 40.
34. Иванов Р. Л. О понятии принципов права // Вестник Омского университета. 1996. Вып. 2. Сайт Омского государственного университета. URL: <http://www.omsu.omskreg.ru>. – [дата обращения 20 декабря 2009].
35. Захарова К. С. Системные связи принципов права: теоретические проблемы : автореф. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. С. 9, 14.
36. Еришев В. В. Юридическая природа принципов российского права с позиций легистского и интегративного правопонимания // Российское правосудие. 2010. № 1. С. 19.
37. Мусеев С. В. Нормативное закрепление принципов гражданского процессуального права // Развитие процессуального законодательства: к пятилетию действия АПК РФ, ГПК РФ и федерального закона РФ «О третейских судах в Российской Федерации». Вып. 4. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2008. С. 146–147.
38. Юдин А. В. Обязанность представления доказательств и проблема злоупотребления процессуальными правами в гражданском судопроизводстве // Тенденции развития гражданского процессуального права и арбитражного процесса: материалы ст. и тез. Всерос. науч.-практ. конф. 15 мая 2008 / отв. ред. В. А. Гавриленко. Великий Новгород, 2008. С. 150.

УДК 342.922

О. А. Коротаева

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ
И КОНТРОЛЬ ЗА СУБЪЕКТАМИ
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
КАК УЧАСТНИКАМИ
АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ**

В статье проанализировано понятие предпринимательства, а также деятельность субъектов органов государства и должностных лиц, осуществляющих контроль и надзор за предпринимательской деятельностью.

The article analyzes the concept of entrepreneurship, as well as the activities of state entities and officials exercising control and supervision of the business.

Ключевые слова: государственное регулирование, государственный контроль, административный надзор, административные правоотношения, предпринимательство, предпринимательская деятельность, субъекты предпринимательской деятельности.

Keywords: Government regulation, government control, administrative supervision, administrative legal relationships, entrepreneurship, business activities, business entities.

Современная российская экономика в качестве основной характеристики имеет активное формирование и развитие рыночных отношений и институтов. Ключевую роль в этом процессе играет предпринимательство.

Традиционно предпринимательством считается способ хозяйствования, который в результате многовековой эволюции утвердился в экономике развитых стран [1]. Первоначально предпринимателями называли предприимчивых людей, действующих на рынке, или просто людей энергичных, азартных, склонных к рискованным операциям. В дальнейшем к предпринимательству стали относить любую деятельность, направленную на увеличение прибыли и не запрещенную законом.

С экономической точки зрения предпринимательство выполняет конкретные функции в экономическом развитии любой страны (ресурсную, организаторскую, творческую), которые определяют основные характеристики предприниматель-

ства. В экономической теории определяются следующие характеристики предпринимательства:

- 1) несение риска и экономической неопределенности (Р. Кантильон и Ф. Найт);
- 2) выведение системы из состояния равновесия и приведение ее к этому состоянию (Л. Мизес и Ф. Хайек);
- 3) революционная смена факторов производства (Ж. Б. Сэй и И. Шумпетер);
- 4) организация практической реализации новаторской идеи (И. Тимmons и П. Дракер, Ф. Тоссиг и Г. Шмольер);
- 5) использование в процессе производства различного рода инноваций в целях увеличения разницы в величине индивидуальной и рыночной стоимости товара (К. Маркс).

В современной российской литературе четкого определения сущности предпринимательства нет. В большинстве случаев она подменяется целью предпринимательской деятельности. Так, например, в «Большом экономическом словаре» под общей редакцией А. Н. Азрилияна дается следующее определение: «Предпринимательство – инициативная самостоятельная деятельность граждан, направленная на получение прибыли или личного дохода, осуществляемая от своего имени, под свою имущественную ответственность или от имени и под юридическую ответственность юридического лица» [2]. К сожалению, такой подход закреплен у нас и законодательно, в частности в законе «О государственной поддержке малого предпринимательства в Российской Федерации» [3], Гражданском кодексе Российской Федерации и т. д. в трудах отечественных ученых, занимающихся проблемой предпринимательства.

В юридической науке прямого определения «предпринимательство» не существует, а в гражданском, предпринимательском и иных отраслях права используется понятие «предпринимательская деятельность».

По своему содержанию предпринимательская деятельность – это вид экономической деятельности по созданию материальных и нематериальных благ, и на нее распространяются все требования, предъявляемые к экономике. Но правовая точка зрения предполагает и другие критерии предпринимательской деятельности. Предпринимательская деятельность имеет определение, содержащееся в ст. 2 ГК РФ: «...предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке». Из этого определения вытекают признаки, характеризующие экономический и

юридический аспекты предпринимательской деятельности, к числу которых специалисты в области предпринимательского права выделяют следующие признаки, как предусмотренные законом, так другие, реально значимые. К ним относятся деятельность, профессионализм, самостоятельность, цель предпринимательской деятельности, ее рисковый характер, ответственность предпринимателя, легализованный характер предпринимательской деятельности [4].

Российской особенностью в законодательном регулировании индивидуальной предпринимательской деятельности является то, что предпринимательством можно заниматься как без образования юридического лица, так и с образованием такового. В первом случае гражданин (физическое лицо) регистрируется в качестве индивидуального предпринимателя. Во втором случае, осуществляя предпринимательскую деятельность после получения статуса юридического лица (регистрируя частное предприятие), предприниматель совершает все действия от имени этого юридического лица (а уже не от своего имени).

Предпринимательская деятельность представляет собой сложное явление, которое необходимо оценивать в динамике. В этом случае она предстает как последовательная смена различных стадий, которые могут в той или иной мере управляться и контролироваться государством.

Первая стадия – подготовительная. Она включает в себя поиск партнеров, подготовку учредительных документов, поиск необходимых ресурсов, разработку бизнес-плана. Но как коммерческая организация, так и индивидуальный предприниматель официально начинают свою деятельность с государственной регистрации, которая осуществляется на этой же стадии, причем регистрация и тех и других осуществляется одним и тем же органом исполнительной власти – Федеральной налоговой службой Министерства финансов, который одновременно осуществляет и регулирование, и контроль со стороны государства. Он же ведет Единые государственные реестры юридических лиц и индивидуальных предпринимателей.

После регистрации для осуществления отдельных видов деятельности необходимо получение специального разрешения – лицензии. Лицензирование осуществляется в целях защиты жизненно важных интересов личности, общества и государства, а также повышения качества обслуживания населения, соблюдения градостроительных, экологических, санитарных норм и других правил. Лицензирование регламентируется законодательством о лицензировании [5] и принятыми в соответствии с ними подзаконными актами.

Вторая стадия – стадия функционирования (непосредственной деятельности) предпринимателя. В зависимости от вида предпринимательской деятельности содержание деятельности на этой стадии различное. Данная стадия наиболее регулируема со стороны государства.

При осуществлении своей деятельности предприниматели должны подчиняться правилам стандартизации и сертификации.

Стандартизацией устанавливаются нормы, правила и характеристики в целях защиты потребителей и государства в отношении безопасности продукции, работ, услуг; их качества; надежности измерений; экономии ресурсов. Государственное управление стандартизацией, включая координацию деятельности различных органов в этой сфере, осуществляет Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии Министерства промышленности и энергетики Российской Федерации. Оно реализует государственную политику в области стандартизации, осуществляя контроль и надзор за соблюдением государственных стандартов, устанавливает общие организационно-технические правила проведения работ по стандартизации. С целью подтверждения соответствия установленным требованиям продукция, услуги и другие объекты подлежат обязательной и добровольной сертификации.

Для производства или ввоза отдельных видов продукции требуется предварительно получить гигиеническое заключение. Оно является разрешением на производство (ввоз) продукции, соответствующей установленным требованиям, и служит официальным подтверждением безопасности продукции для здоровья человека. Гигиеническое заключение обязательно для продукции, способной оказать неблагоприятное влияние на здоровье человека в условиях производства, хранения, транспортировки, применения и утилизации. Гигиеническая оценка продукции проводится специализированными учреждениями по результатам исследований привлекаемых для этого организаций. Выдача гигиенических заключений осуществляется органами и учреждениями Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации и Федеральной службой по ветеринарному и фитосанитарному надзору Министерства сельского хозяйства Российской Федерации.

Государственный контроль над исполнением работодателями их обязанностей, определенных Трудовым Кодексом и подзаконными нормативными актами, осуществляется органами Федеральной службы по труду и занятости Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации, в частности инспекциями по

труду в субъектах РФ и комиссиями по трудовым спорам.

Государственная защита прав акционеров осуществляется на основании федеральных законов «Об акционерных обществах», «Об аудиторской деятельности». Кроме того, косвенно права акционеров защищаются также через регламентируемую государством в лице Минфина РФ систему бухгалтерского учета, которая делает возможным получение акционерами достоверной информации о финансовом состоянии предприятия.

Надзор на рынке ценных бумаг осуществляется Федеральной службой по финансовым рынкам.

Товарные рынки контролируются Федеральной антимонопольной службой РФ на основании антимонопольного законодательства.

Задача прав потребителей регулируется и контролируется как в целом (Министерство здравоохранения и социального развития Российской Федерации – Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека), так и в частности. Деятельность предприятий в отдельных секторах экономики контролируется отраслевыми федеральными органами исполнительной власти [6].

Государство осуществляет и контроль за производственными рисками. Для этого были созданы Государственная противопожарная служба Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, подразделение внедомственной охраны МВД. Кроме того, государство разрабатывает экономические (банковские) нормативы, экологические нормативы и т. п. и контролирует их выполнение.

Контроль и надзор за внешнеэкономической деятельностью осуществляют Федеральная таможенная служба, Федеральная налоговая служба Министерства финансов Российской Федерации, Министерство экономического развития и торговли Российской Федерации, Центральный Банк России.

Третья стадия – прекращение предпринимательской деятельности. Ликвидация фирмы может быть произведена по инициативе учредителей либо по решению суда.

В данном случае контроль и надзор осуществляется со стороны Федеральной налоговой службы или Прокуратуры РФ. Также он может осуществляться в судебном порядке при рассмотрении дел о несостоятельности (банкротстве).

Таким образом, государство управляет практически всеми сторонами предпринимательской деятельности. В связи с этим большое значение имеет как нормативное правовое регулирование, осущес-

ствляемое органами государственной власти, так и контроль за субъектами предпринимательской деятельности в процессе ее осуществления.

Примечания

1. Жилинский С. Э. Предпринимательское право (правовая основа предпринимательской деятельности). М., 1999. С. 37.

2. Большой экономический словарь. М.: Ин-т экономики, 1994. С. 313.

3. Закон РФ «О государственной поддержке малого предпринимательства в Российской Федерации» от 14 июля 1995 года № 88-ФЗ.

4. См. подробнее: Предпринимательское право / под ред. О. М. Олейник. М., 2003. С. 18–28.

5. См., напр.: Федеральный закон от 08.08.2001 № 128-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» // С3 РФ. № 33 (ч. I). Ст. 3430.

6. Напр.: Министерство промышленности и энергетики Российской Федерации – Федеральное агентство по энергетике, Министерство природных ресурсов Российской Федерации – Федеральная служба по надзору в сфере природопользования; Министерство сельского хозяйства Российской Федерации – Федеральная служба по ветеринарному и фитосанитарному надзору и т. д.).

ФИЛОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

УДК 81'271.16

А. В. Калинина

ЯЗЫК И ОБЩЕСТВО РУБЕЖА ХХ–ХХI вв.: АКТУАЛЬНОСТЬ АБСУРДА

В статье показывается, что в настоящее время как в речи, так и в других проявлениях общественного творческого сознания весьма заметны факты, которые можно назвать абсурдными. Эти явления рассматриваются как необходимое средство гармонизации мышления.

In article is shown that now both in speech, and in other manifestations of public creative consciousness the phenomena which it is possible to call absurd are very appreciable. These phenomena are considered as necessary means of harmonization of thinking.

Ключевые слова: язык и общество, активные процессы в языке, абсурд.

Keywords: language and society, active processes in language, absurdity.

Когда я изучаю себя и свой способ думать, я прихожу к выводу, что дар воображения и фантазии значил для меня больше, чем любые способности к абстрактному мышлению.

Если не грешить против разума, нельзя вообще ни к чему прийти.

Только те, кто предпринимают абсурдные попытки, могут достичь невозможного.

А. Эйнштейн

Изучению абсурда посвящено большое количество самых разных работ [1]. Категория абсурда рассматривается в математике и логике, в философии и литературе, в изобразительном искусстве и театре, в языке и в обыденном сознании. Единства в понимании данного явления нет, и это вполне объяснимо. «Попытка дать категориальное определение абсурда невыполнима и сама по себе абсурдна, — пишет А. П. Огурцов, — поскольку абсурд не улавливается в сети ни здравого смысла, ни понятий рассудка, ни идей разума. Абсурд парадоксален» [2].

Мы в настоящей статье не ставим перед собой задачу решить существующие в понимании

абсурда сложности и противоречия; наша цель — на основе анализа фактов языка и действительности показать, что в современной жизни и речи существует своеобразная актуальность абсурда, и попытаться объяснить этот феномен.

Что понимается под абсурдом чаще всего? В толковых словарях ключевыми в определении абсурда являются слова *нелепость* и *бессмыслица* [3]. Однако абсурд — явление крайне неоднородное. В том или ином отношении с содержанием существительного *абсурд* пересекается семантика таких слов и словосочетаний, как *абракадабра*, *аномалия*, *ахинея*, *бессмыслица*, *вздор*, *глупость*, *девиация*, *дурость*, *заумь*, *когнитивный диссонанс*, *небывальщина*, *невероятность*, *нелепость*, *неправильность*, *околесица*, *парадокс*, *синкретизм*, *чуши*, *языковая игра* и мн. др.; в области искусства об абсурде рассуждают применительно к *абстракционизму*, *примитивизму*, *постмодернизму*, *сюрреализму*... Ср. ряд примеров, иллюстрирующих подобные смысловые пересечения: *Некоторые ученые определяют абсурд как языковую аномалию* (В. Новикова. Языковой абсурд как лингвистическое явление); *Синкретизм...* характеризуется *нерасчлененностью модальностей...* при одновременном полном произволе... в истолковании явлений... Этот кажущийся абсурд... возможен при одном условии: если любое явление мифа в этой логике — оборотень, т.е. способно предательски превратиться в нечто отличное от своей кажимости (Ахизер А. Социокультурный словарь); Вместе с Введенским и Заболоцким Хармс называл то, что делал, реальным искусством. Советские газеты определяли это как *абсурд*, *заумь*, *бессмысленную поэзию*, далекую от жизни (Телеканал «Россия», «Вести», эфир от 30.12.2005); Обэриуты проповедовали *абсурдизм*, *примитивизм* в поэзии, утверждая, что интересны только бессмысленные явления (http://ru.wikipedia.org/wiki/Введенский_Александр_Иванович_поэт); Иван Охлобыстин действует как последовательный постмодернист. Он доводит до абсурда сначала идею священства, теперь идею царства, монархии (Абсурд Охлобыстина, <http://www.blagovesti.ru/archiv/2011/n10.files/absurd.htm>).

Очевидно, абсурд можно определить как нечто, что воспринимается данным субъектом как аналогичное, не имеющее разумного истолкования и понятного предназначения, противоречащее

здравому смыслу, явно отклоняющееся от всех норм и стандартов и потому приводящее воспринимающего субъекта к ментальному и психологическому дискомфорту, когнитивному диссонансу. Причём абсурд как когнитивный диссонанс, как «несоответствие полученного ожидаемому» [4] оценивается человеком по-разному в зависимости от ситуации, связанной с реальностью или с искусством. Если принять встречающееся в ряде источников [5] разделение абсурда на «абсурд в жизни» и «абсурд в искусстве» (который мы в рамках данной статьи условно назовём «творческим абсурдом»), то получится следующая картина.

Как правило, «абсурд в жизни», то есть чьё-либо неадекватное поведение или неправильное, несправедливое развитие ситуации, оценивается субъектом крайне отрицательно, что отмечается в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. В. Дмитриева: «Употребление этого слова выражает ваше эмоционально-негативное восприятие определённой ситуации» [6]. Ср. примеры использования слова *абсурд* и его производных в отрицательно окрашенном контексте: *Есть случаи вопиющего абсурда. В столичном районе «Гольяново» на одной и той же улице у ЕР на каком-то участке 26%, а на другом – 92%. Здравомыслящему человеку очевидно, что это невозможно* (Аргументы недели. 2012. № 9); *Абсурд политкорректности. На Евро-2012 запретили ношение религиозных символов* (http://www.sovsport.ru/video/gallery-item/s0_6027); *А как учёный оказался в ГУЛАГе? – Как и многие тогда, – по доносу. Арестовали по какому-то совершенно абсурдному обвинению, никак не связанному ни с его экспериментами, ни с теориями* (<http://svpressa.ru/society/article/53026/>); *Ну зачем нам с русскими братьями воевать? Кто-нибудь из простых людей – за войну или против? Это вообще абсурдный вопрос. Да никогда в жизни даже говорить об этом не собираемся* (<http://newsru.com/finance/13jan2012/azarov.html>); *Кровная месть: абсурдный парадокс прошлого* (<http://www.infoniac.ru/news/Krovnaya-meсть-absurdnyi-paradoks-proshlogo.html>). Отмечая существование «абсурда в жизни» как некоей несправедливости и соглашаясь с его отрицательной оценкой, мы в настоящей статье сосредоточимся на второй разновидности абсурда – на «творческом абсурде», сфера проявления которого – область человеческого самовыражения: от самовыражения в искусстве и научных поисках до вызывающего поведения и эпатажа в быту.

«Абсурд в искусстве» обычно вызывает положительные оценки; слово *абсурд* и его производные в контекстах, посвящённых искусству или творческому отношению к делу, используются в сопровождении положительных коннотаций.

Отмечается, что абсурд – это возможность творчества, самовыражения, способ выделиться из толпы, бросить вызов всему косному и консервативному. Ср., напр.: [Из интервью Сергея Юрского газете «Аргументы недели»] *Я занимаюсь театром абсурда уже 20 лет. Он спасает меня от того, что называется современностью. И лично для меня абсурд стал острым инструментом, дающим возможность высказаться* (Аргументы недели. 2012. № 3); Американский актёр Джерон Кризуэлл Кониг прославился своим абсурдным шоу «Кризуэлл предсказывает», которое шло на калифорнийском телевидении в 1950-е (Моя семья. 2012. № 4); *В очередной подборке идей для бизнеса мы собрали абсурдные бизнес-идеи. И сделали это с одной целью – обеспечить вам тренажёр «для настройки ума», настройки ума на креативность* (<http://www.1000ideas.ru/?p=17460>); *В этом году мы сделали немало шагов, которые многим кажутся абсурдными. В следующем году их будет еще больше. Вы можете не сомневаться только в одном – мы всегда работаем в интересах пользователей, даже когда действия противоречат бизнес-интересам и вызывают отторжение у консерваторов* (Запись от 31.12.2011 на стене сообщества «Команда ВКонтакте», <http://vk.com/team>).

В современном российском обществе, особенно среди молодёжи, явно наблюдается повышенный и положительно окрашенный интерес к творческому абсурду, чему есть целый ряд подтверждений. Рассмотрим лишь некоторые свидетельства «любви к абсурду».

В крупнейшей русскоязычной социальной сети «ВКонтакте» насчитываются сотни сообществ, объединяющих любителей абсурда. Приведём лишь часть названий этих сообществ: *Жизнь абсурд; Небо над абсурдом; Абсурд inside yourself; Театр абсурда; Бытовой абсурд; Камера абсурда; Абсолютный абсурд; Абстрактный абсурд; Кричать, взлетать и падать до абсурда; Юмор абсурда; Интеллигентный абсурд; Исцеление абсурдом; Абсурд есть истина, притворившаяся ложью; Логика абсурда; Абсурд вокруг; Абсурд – это наша жизнь; Адекватный абсурд; Абсурд – я это люблю; Абсурд – источник радости; Туннель абсурда; Литература абсурда; Творческий абсурд или высокое творчество; Шедевры абсурда; Абсурд реальности; Комната абсурда; Полный абсурд; Абсурд души; С абсурдом по жизни; Академия абсурда; Клуб любителей абсурда; Абсурдный абсурд; Империя абсурда; Шоу абсурда; Мания абсурда; Абсурда мир! – Ты мне понятен; Мир абсурда. Абсурд мира и др.* [7]

Однако «востребованность» абсурда определяется не только наличием множества интер-

нет-сообществ с соответствующими названиями. В Интернете в настоящее время весьма популярны поэтические произведения, содержательные и формальные достоинства которых у консервативных любителей традиционной поэзии вызывают большие сомнения. Авторы этих стихов, известные в Интернете личности, предстают в странных и спорных образах, чем вызывают всеобщее обсуждение, находят поклонников и/или ненавистников, но в любом случае приобретают весьма широкую популярность. Ярким образцом такой интернет-фигуры является поэт Владимир Горохов, пишущий, в числе прочего, такие, например, стихи: *Наступает Кузьма. С веток падают Лёхи. Улетает Вован, Начинаются Толки. Только Гришка один! И ни Машки, ни Сашки! На душе Константин, А по коже Наташки...* (Константин); *Аетая юёча, Биеит изизис. Мие-та и пиоча, Киеяя сисис. Зизисы рапуненды! Хухуры дудукал. Быбысы напитенды: Ипупу за-какал* (Песня без слов) [8]; об особенностях идиостиля Владимира Горохова ср. [9].

Кроме отдельных узнаваемых авторов в Интернете есть тысячи пользователей, создающих странные и забавные стихи, известные как «стишки-пирожки». Написание «стишков-пирожков» стало в Интернете очень популярным всеобщим развлечением. Вот как характеризуются «законы жанра» на странице сообщества «Стишки-пирожки»: «Что такое стишок-пирожок? Это четверостишие, написанное четырёхстопным ямбом, строчными буквами, без знаков препинания, с отсутствием явных рифм, но воистину со смыслом! Автор оставляет за собой возможность изменять правилам оффографии. Количество слов по строкам: 9-8-9-8. Цифры и дефисы не разрешены» [10]. Заданность формы и юмористическое, почти всегда абсурдное содержание роднят стишк-пирожки с лимериками и другими подобными жанрами. Ср.:

вошёл невидимый григорий
и лампу чёрную зажёг
и начал раздражать олега
невидимым присутствием

Формальной разновидностью «стишков-пирожков» являются «стишки-порошки», которые звучат так:

спалила избу наша маша
и на скаку вошла в коня
представить страшно что постигнет
меня

По-видимому, подобные стихи многим нравятся не случайно. «Как утверждают некоторые авторы, — пишет Е. И. Ражева, — “бессмыслен-

ная поэзия” в некотором роде ближе к определению поэзии, чем другие виды литературы, так как апеллирует не столько к интеллекту, разуму, сколько к слуховому и чувственному восприятию; в бессмысленных словах, определённо организованных, содержится столько музыкальности, что иногда такая поэзия более поэтична, чем какая-либо другая» [11].

Творческий абсурд популярен не только в виртуальном, но и в реальном пространстве. В качестве примера можно привести хотя бы акции так называемого флешмоба и расцвет в наши дни субкультуры фриков.

Флешмоб (от англ. *flash* – вспышка, *tob* – толпа) – «это заранее спланированная массовая акция, в которой большая группа людей (*мобберы*) появляется в общественном месте, выполняет заранее оговоренные действия (*сценарий*) и затем расходится... Сбор участников флешмоба осуществляется посредством связи (в основном это Интернет)» [12]. Флешмоббера встречаются «в назначенное время в определённом месте со своими единомышленниками для однократного выполнения вместе каких-либо **бессмысленных, но безвредных** [выделено нами. – Л. К.] действий с целью снятия напряжения, эмоциональной разрядки» [13]. Сценарий флешмоба должен иметь абсурдный характер, действия участников не должны поддаваться логическому объяснению. Ср.: *Идеальный сценарий должен быть абсурдным, загадочным, не очень заметным и ни в коем случае не вызывающим смеха. Моббера не должны нарушать законы и моральные устои. Действия должны казаться случайным зрителям бессмысленными, однако совершаться так, как будто в этом есть смысл. В итоге случайные зрители... воспринимают происходящее серьёзно, как будто в разыгрываемой ситуации есть какой-то смысл, который они пытаются отыскать. У них возникает чувство интереса, тревоги, непонимания или даже ощущение собственного помещения...* (<http://ru.wikipedia.org/wiki/Флешмоб>). Примером флешмоба может служить «замирание»: в определённый момент в определённом месте моббера резко замирают, как будто остановилось время. В замершем состоянии они стоят три минуты, после чего делается переброска на несколько секунд, и снова на три минуты замирают. После этого все одновременно расходятся в разные стороны [12].

Фрик (от англ. *freak* – урод) – это «человек, отличающийся ярким, необычным, экстравагантным внешним видом и вызывающим (зачастую эпатажным) поведением, а также обладающий неординарным мировоззрением, которое является результатом отказа от социальных стереотипов» [14]. Чаще всего фриками бывают люди творческих профессий – художники, музыканты, по-

эты, фотографы, писатели и т. д. Ср. примеры употребления этого слова в Интернете (в словари актуальной лексики слово *фрик* ещё не вошло): *На необъятных просторах интернета я собираю фриков. Просеивая тысячи страниц, я нахожу самобытных личностей, которые чрезмерно, вызывающе, выдающиеся проявили себя в чем-то. Выделились из толпы. Запомнились. Удивили...* (<http://felbert.livejournal.com/>); *Мне непонятно, почему современная культура специализируется исключительно на фриках? Как так вышло, что звездами вмиг становятся люди непонятного пола, загадочной ориентации, эпажных внешности и поведения... в то время как людям талантливым, но менее фееричным путь к славе приходится пробивать лбом?.. И пока мы будем любить фриков, они будут появляться снова и снова, в геометрической прогрессии, затмевая все стоящее, но менее броское... Впрочем, среди фриков порой встречаются адски талантливые. Например, Сьюзан Бойл, Валентин Стыкало, Марк Цукерберг... С них смело можно брать пример* (<http://f5.ru/galyavud/post/370671>); *Итак, кто же такие ФРИКИ? Это люди, превратившие свою жизнь в театр, а может, просто воспринимающие жизнь как игру без правил, странный костюмированный бал или абсурдный маскарад... Это творческие независимые индивидуумы, которых не интересует общественное мнение, мышление, сознание и т.п.* (<http://demich.net/articles/freakz.html>).

Приведённых примеров уже достаточно, чтобы продемонстрировать актуальность и популярность творческого абсурда, желание «внимать» абсурдным произведениям и самим их создавать. Попытаемся объяснить причины «расцвета» абсурда в искусстве. Для этого рассмотрим абсурд в свете соотношения понятий абстрактного и конкретного, рационального и эмоционального, логического и интуитивного.

В прежних исследованиях, посвящённых употреблению в современной речи абстрактных и конкретных существительных [15], мы отмечали тот факт, что активным процессом современной речи является квантизативная конкретизация неисчисляемых (абстрактных, вещественных, собирательных) понятий. Причиной данного процесса является то, что для ориентации и комфорtnого существования человека в реальном мире важнее конкретные или конкретизированные понятия; всё абстрактное и умозрительное кажется человеку слишком «пустым», «бессодержательным», «ненастоящим». Конкретизация отвлечённых (а также вещественных и собирательных) понятий осуществляется, как правило, путём их квантификации, то есть приписывания этим понятиям той или иной количественной характеристики: с помощью использования форм

множественного числа, количественных и порядковых числительных, счётных существительных, количественных наречий и других средств контекста. Квантификация неисчисляемых существенных является свидетельством рациональности человеческой мысли, когда человек стремится, выражаясь словами Галилео Галилея, «измерить всё, что поддаётся измерению, а что не поддаётся – сделать измеряемым». При всякой же логической деятельности работает, как известно, левое полушарие, отвечающее за рациональность и pragmatичность человеческого мышления.

В последние годы многие учёные (философы, психологи, лингвисты, антропологи, биологи, биоэнергетики и др.) говорят о том, что из-за стремления всё рационализировать и найти всему прагматичное применение в развитии человека как биологического вида произошёл перекос: левое полушарие получило чрезмерное развитие в ущерб правому (отвечающему за образное, творческое, эмоциональное, интуитивное познание мира); человеческое общество стало в высшей степени потребительским, что привело в масштабах планеты к истощению природных ресурсов, к войнам за источники этих ресурсов, к уничтожению в этих войнах природы и людей. Вот как об этом пишет Н. В. Маслова: «С точки зрения развития мозга история 23-ековой цивилизации – это история завоевания левополушарным мышлением господства над подавляющим большинством профессиональных, социальных, научных, образовательных, воспитательных процессов в человеческом обществе. В современном постиндустриальном обществе преимущественное применение, понимание, пропаганду, развитие, поддержку и, можно сказать, «законность» получил тип неэкологичного (левополушарного), т. е. патологичного, антропосферного мышления... Кризис цивилизации конца ХХ века есть кризис мышления, точнее, преобладания левополушарного типа мышления. Кризис состоит в неэкологичной эксплуатации одной из частей человеческого органа – головного мозга...» [16]; ср. также [17].

Как же устранить существующую диспропорцию мышления? Специалисты согласны с тем, что для этого нужно одинаково полно использовать оба полушария мозга, то есть «надо уметь и чувствовать, и думать», выражаясь словами героя романа И. А. Гончарова «Обыкновенная история» (анализ модели поведения романтика и прагматика на примере героев этого романа см. в [18]). Н. В. Маслова пишет: «Движение к экологичному развитию означает постепенное трансформирование однобокости мышления <...> целостное мышление отличается синхронной работой правого и левого полушарий головного мозга, оперирует их совокупной динамикой на основе не-

обходимых функций тела (восприятие, подача информации в мозг)» [19]. Ср. в связи с этим [20].

Как со всем сказанным связан творческий абсурд? Связь творческого абсурда с гармонизацией мышления, с уравновешиванием работы правого и левого полушарий мозга самая непосредственная, так как абсурд – это и есть трансформирование однобокости мышления, соединение того, что раньше было несоединимо, выход за пределы ума. В абсурде из конкретных и по отдельности знакомых и понятных внешних деталей создаётся некий качественно новый, трудноуловимый отвлечённый смысл. Абсурд, отвлекающийся от сугубой конкретности и отрицающий обязательность чётко заданного предназначения у каждой вещи, – это противоположность процессам конкретизации и дискретизации, обуславливающим прагматичность современного мышления (подробнее о видах конкретизации ср. [21]). Ср. в связи с этим: «Абсурдистская художественная практика в противовес эстетическим канонам рационализма... с самого начала отвергла средства логики... считая их чем-то искусственным... осуществляла “инсталляцию” обычной вещи в необычные контексты, позволяющие обнаружить новые, неожиданные горизонты смысла» [22].

Творческий абсурд является средством выйти за пределы прагматики и рационализма, отказаться от стандартности, предсказуемости, линейности обыденной жизни. Ср. в качестве примера ряд абсурдных анекдотов: *Летят по небу два крокодила – синий и красный, особенно красный; Идёт лысый по пустыне, вдруг из-за угла его кто-то хватает за волосы и об асфальт; Из пункта А в пункт Б выехал поезд. Навстречу ему одновременно из пункта Б в пункт А выехал другой поезд. Дорога одноколейная, но они не встретились. Вопрос: почему? Ответ: не судьба!; Некоторые люди приходят в ужасное замешательство, когда предложение заканчивается не так, как они боялись (<http://www.ark.ru/ins/zapoved/zapoved/absurd.html>; <http://www.libo.ru/>).* Анализируя абсурдные анекдоты, в которых всегда присутствует некий совершенно неожиданный для слушающего поворот мысли или развитие событий, исследователь С. М. Шишков отмечает: «Именно в скорости развязки, где очень скжато уложена мысль, кроется основная часть комического эффекта анекдота... неожиданным может выступить уже не значительная мелочь – модификация слова, акцент и т. п. Здесь соприкасаются сознательное и бессознательное...» [23]

Говоря о востребованности творческого абсурда, нельзя не сказать о том, что обращение к нелогичным, нелинейным системам, которые не-

возможно исследовать в рамках сугубо рациональной научной парадигмы, сейчас актуально и для большинства наук – точных, естественных, гуманитарных. Наука рубежа ХХ–XXI вв. рассматривает разные участки действительности и сознания как синергетические (самоорганизующиеся) системы: нелинейные, открытые, изменчивые, эволюционирующие, в которых каждое проявление хаоса/абсурда оказывается проявлением логики какого-то иного порядка, постигаемого только благодаря выходу за пределы уже известных постулатов и готовности принимать и познавать новые, прежде казавшиеся абсурдными принципы работы таких синергетических систем.

Так, например, современная физика со времён появления теории относительности Альберта Эйнштейна и квантовой теории Макса Планка активно изучает «мир нелинейных функций... и стоящий за ним мир нелинейных явлений», который «страшит, покоряет и неотразимо манит своим неисчерпаемым многообразием. Здесь нет места чинному стандарту, здесь безраздельно властвуют изменчивость и буйство форм» [24].

Отказ от теории строго линейного «прогрессивного» развития живых форм и интерес к разного рода странностям и отклонениям характерен и для современной биологии: «Не стоит рассматривать “низшие” существа как ступень перехода к более сложным живым организмам... При более пристальном изучении эволюции становится виден её “приводной ремень”, а именно тот факт, что развитие не происходит прямолинейно от худшего к лучшему <...> В эволюции важно не совершенство, а умение принимать свои недостатки и делать из них неоспоримые достоинства» [25].

В языкоznании мы также наблюдаем отход от господствовавшего прежде строгого системно-структурного подхода и утверждение интегральной когнитивно-дискурсивной парадигмы лингвистического знания [26]. Одной из важных задач когнитивной лингвистики является изучение случаев нестандартного употребления языковых единиц. В работе А. Н. Барапова и Д. О. Доброльского анализ нестандартных употреблений был назван одним из приоритетов, одним из семи постулатов когнитивной семантики [27]. Различные нестандартные и переходные случаи «в традиционных лингвистических описаниях... игнорировались, считались маргинальными. Использование когнитивных методов позволяет интерпретировать их не как ошибки, а как специфические операции со знаниями», – отмечает В. А. Маслова [28].

Изменение научной парадигмы в разных областях знания, расширение горизонтов современной науки, её поворот от «линейности» к «нели-

нейности» ни в коем случае не отрицают достижений предшествующего периода. Н. Вдовиченко пишет: «Картина мира – один из способов увидеть мир в целом. С появлением новой просто расширяются возможности человека: он учится смотреть на мир с разных точек зрения и забираться в те его уголки, о существовании которых прежде даже не подозревал. Причём всё, что люди умели раньше, остаётся с ними» [29].

Таким образом, факты современной речи говорят о том, что различные проявления творческого абсурда сейчас весьма заметны и, более того, востребованы обществом. Можно предположить, что творческий абсурд в настоящее время, время повышенной рациональности и прагматичности мышления, актуален не случайно. При восприятии абсурдных (заумных, абстракционистских, сюрреалистических и подобных) произведений «эмоционально-интуитивное начало доминирует над рациональным» [30], и левополушарное мышление уступает ведущую роль правополушарному. Взаимодействие с абсурдом уводит мысль от рационализма к интуитивизму, от сознательного к бессознательному, от прагматизма к «бескорыстному» восприятию и тем самым служит гармонизации мышления. Утверждение важной роли случайных, нерациональных, хаотичных, абсурдных элементов наблюдается сейчас не только в искусстве и иных творческих сферах жизни, но и в науке. И точные, и естественные, и гуманистические науки в настоящее время признают «нелинейность» устройства мира и синергетический принцип организации его различных систем. Однако при всём этом абсурд не может и не должен становиться единственным средством гармонизации мышления и ни в коем случае не должен становиться «нормальным» в обыденной жизни – не стоит доводить роль абсурда до абсурда.

Примечания

1. Буренина О. Что такое Абсурд, или По следам Мартина Эсслина // Абсурд и вокруг. М., 2004. С. 7–72; Огуров А. П. Абсурд // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 1. М., 2010. С. 21–24; Померанц Г. Язык абсурда // Померанц Г. Выход из транса. М., 1995. С. 435–478; Косилова Е. Абсурд. URL: <http://fege.narod.ru/scriptorium/unsinn.htm> (дата обращения 28.03.2012); Косилова Е. О национальных традициях в абсурде. URL: <http://fege.narod.ru/scriptorium/natio.htm> (дата обращения 28.03.2012); Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990; Стafeцкая М. Феноменология абсурда // Мысль изреченная. М., 1991; Тремаскина И. В. Абсурд повседневной жизни // Регионология. 2011. № 2. С. 279–280; Шишков С. М. Абсурдный анекдот в культуре // Анекдот как феномен культуры: материалы круглого стола 16 ноября 2002 г. СПб., 2002. С. 139–147 и др.

2. Огуров А. П. Указ. соч. С. 21.

3. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935–1940; Словарь современ-

ного русского литературного языка: в 17 т. М., 1950–1965; Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1985–1988; Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца ХХ столетия / под ред. Г. Н. Скляревской. М., 2001; Толковый словарь русского языка / под ред. Д. В. Дмитриева. М., 2003; Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М., 2005; Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2005; Большой толковый словарь русских существительных / под ред. А. Г. Бабенко. М., 2005; Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г. Н. Скляревской. М., 2007; Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 2008;

4. Когнитивный диссонанс. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Когнитивный_диссонанс (дата обращения 28.03.2012).

5. Косилова Е. Абсурд. URL: <http://fege.narod.ru/scriptorium/unsinn.htm> (дата обращения 28.03.2012); Слатовский А. Мы. М., 2005 и нек. др.

6. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. В. Дмитриева. М., 2003.

7. ВКонтакте. URL: <http://vk.com/search> (дата обращения 28.03.2012).

8. Владимир Горохов. URL: <http://vk.com/id5141445> (дата обращения 28.03.2012).

9. Калинина Л. В. Идиостиль Владимира Горохова как отражение современных языковых и социальных процессов // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2011. № 6. Ч. 2. Т. 1. С. 237–241.

10. Стишки-пирожки. URL: <http://vk.com/perawki> (дата обращения 28.03.2012).

11. Ражева Е. И. Лимерик: непереводимая игра слов или переводимая игра формы? // Логический анализ языка. Концептуальные поля игры. М., 2006. С. 331.

12. Флешмоб. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Флешмоб> (дата обращения 28.03.2012).

13. Толковый словарь русского языка начала ХХI века. Актуальная лексика / под ред. Г. Н. Скляревской. М., 2007.

14. Фрики. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Фрики> (дата обращения 28.03.2012).

15. Калинина Л. В. Абстрактное и конкретное в языке и речи // Семантика. Функционирование. Текст: межвуз. сб. науч. тр. Киров, 2001. С. 28–31; Калинина Л. В. В защиту Ужа, или О приоритете конкретного перед абстрактным // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета: науч.-метод. журн. 2004. № 10. С. 41–43; Калинина Л. В. Лексико-грамматические разряды имён существительных как пересекающиеся классы слов (когнитивно-семиологический анализ). Киров: Изд-во ВятГУ, 2009. 225 с.

16. Маслова Н. В. Периодическая система всеобщих законов мира. М., 2005. С. 12–13.

17. Толле Э. Сила Настоящего. М., 2010; 25. Разильева В. Всегда обсуждать свои отношения // Psychologies. 2012. № 72. С. 93; Лазарев С. Н. Диагностика кармы. Книга первая. Система полевой саморегуляции. СПб., 2009.

18. Чернова С. В. «Надо уметь и чувствовать, и думать...» // Семантика. Функционирование. Текст: межвуз. сб. науч. тр. Киров, 2004. С. 3–15.

19. Маслова Н. В. Указ. соч. С. 13–15.
20. Толле Э. Указ. соч. С. 42; Лазарев С. Н. Указ. соч. С. 38; Вульф В. Холодинамика: вся сила в действии. М., 1995.
21. Калинина Л. В. От единства к единице // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета: науч.-метод. журн. 2005. № 12. С. 77–82; Калинина Л. В. От синкретизма к дискретности (на материале лексико-грамматических разрядов имён существительных) // Реальность, язык и сознание: междунар. межвуз. сб. науч. тр. Тамбов, 2005. С. 503–509; Калинина Л. В. Лексико-грамматические разряды имён существительных как пересекающиеся классы слов (когнитивно-семасиологический анализ). Киров: Изд-во ВятГГУ, 2009. 225 с.
22. Огурцов А. П. Указ. соч. С. 24.
23. Шишков С. М. Указ. соч. С. 143.
24. Данилов Ю. Вездесущая нелинейность // Энциклопедия для детей. Т. 16. Физика. Ч. 2. М., 2005. С. 273.
25. Цимтлау Й. Странности эволюции. Увлекательная биология. СПб., 2010. С. 13.
26. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004; Лузина Л. Г. О когнитивно-дискурсивной парадигме лингвистического знания // Парадигмы научного знания в современной лингвистике. М., 2008. С. 40–48.
27. Бафанов А. Н., Добровольский Д. О. Постулаты когнитивной семантики // Известия РАН. Сер. лит. и яз. 1997. № 1. С. 11–21.
28. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику. М., 2007. С. 29.
29. Вдовиченко Н. Этот необратимый неоднозначный мир // Энциклопедия для детей. Т. 16. Физика. Ч. 2. М., 2005. С. 157.
30. Заумь. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Заумь> (дата обращения 28.03.2012).

УДК 811

B. N. Onosko

ПРЕДЛОЖЕНИЯ С СЕМАНТИКОЙ НАПРАВЛЕННОГО ДВИЖЕНИЯ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Движение многообразно. Оно может быть направленным и ненаправленным. Каждое из них имеет свои критерии формирования.

Movement is multiform. The movement can be directional and undirectional. They have their criteria of forming.

Ключевые слова: лингвистика, семантика, движение, направленный, ненаправленный, предложение.

Keywords: linguistics, semantics, movement, directional, unidirectional, sentence.

© Оношко В. Н., 2012

При определении семантической структуры простых предложений с семантикой направленного движения прежде всего необходимо определить, что понимается под семантикой направленного движения, выявить критерии её формирования и ограничить семантику направленного движения от других тесно соприкасающихся с ней семантик.

Исходным моментом при определении семантики направленного движения являются философские и логические критерии. Под движением понимается:

- Форма существования материи, непрерывный процесс развития материального мира. Нет материи без движения и движения без материи.
- Перемещение кого-нибудь или чего-нибудь в определенном направлении.
- Изменение положения тела или его частей.
- Переносное: внутреннее побуждение, вызванное каким-нибудь чувством, переживанием.
- Действие транспорта, езда, ходьба в разных направлениях.
- Переносное: оживленность, напряженность действия.
- Общественная деятельность, преследующая определенные цели.
- Переход из одного состояния, стадии в другое состояние, стадию развития [1].

Как мы видим, движение многообразно и по своей форме неоднородно, но всегда противопоставлено статике. По нашему мнению, следует выделить движение как важнейший атрибут, способ существования материи, как явления и факты окружающей нас действительности и как собственно движение – механическое движение, которое мы выделяем из всего многообразия видов движения.

Определение механического движения дал в свое время Р. Декарт, сводивший все виды движения к одному – механическому – как простейшему: «Движение – это перемещение одной части материи или одного тела из соседства тех тел, которые непосредственно его касались (...), в соседство других тел» [2].

Но и механическое движение многообразно и неоднородно. Оно включает в себя помимо перемещения в пространстве изменение положения тела и его частей, а также действие транспорта и тому подобное. Таким образом, налицо широкое tolkowanie движения. Однако в нашей работе мы не ставим своей целью изучение движения в широком плане, что является предметом специального исследования. За исходный момент мы считаем возможным взять механическое движение как пространственное перемещение, принимая за основу философское определение, данное Р. Декартом.

Кроме того, движение может быть направленным и ненаправленным, в зависимости от того,

происходит ли движение по заданной линии до какой-то конечной точки (определенной или неопределенной цели), лежащей на пути перемещения предмета в пространстве, или нет. Сравни:

Erging zur Tür.

Der Wagen fuhr langsam.

Die Sportler liefen im Stadion.

Der Zug setzt sich in Bewegung.

Если в первом примере движение направлено, то последующие предложения включают в себя семантику ненаправленного движения. Во втором примере коммуникативно важным моментом является скорость, в третьем – местоположение, в четвертом – начальная фаза движения.

Под направлением обычно понимается «линия движения, путь развития» [3]. Направление близко примыкает к направленности, под которой понимается «сосредоточенность мыслей, интересов, направление к какой-либо цели» [4]. Таким образом, налицо двуплановость направленного движения: движение с направлением и движение с направленностью. Такая дифференциация представляет нам возможным, в свою очередь, трактовать направленное движение как эксплицитно выраженное (определенное) и имплицитно выраженное (неопределенное). Сравни:

Der Zug donnert durch die Brücke.

Der Wirt kam in die Küche.

В первом примере направленность не выражена, но дано общее направление, налицо линия движения, но отсутствует конечная цель движения. Во втором случае цель движения налицо, направленность конкретизирована.

Для перемещения предмета (лица) в пространстве необходимо наличие определенной силы, побуждающей к движению. Источником этой силы является сам субъект, перемещающийся в пространстве, или предметы внешнего мира, активно воздействующие на субъект.

Er geht ins Kino.

В данном предложении субъект перемещается за счет внутренних сил до определенной точки в пространстве. Субъект активен.

Ich fahre mit dem Wagen nach Moskau.

В данном случае субъект пассивен, он перемещается за счет воздействия внешней силы. В виде схемы направленное движение может быть представлено следующим образом:

Си → Ц

ИВС → ВС → С → Ц,

где С – субъект, Си – субъект, включающий в себя источник внутренних сил, побуждающих к движению; Ц – цель, точка в пространстве, в направлении к которой осуществляется движение; ИВС – источник внешней силы, воздействующий на субъект.

Таким образом, под семантикой направленного движения мы понимаем перемещение субъек-

та в пространстве по определенной линии движения под воздействием внутренней или внешней силы в направлении к какой-либо точке в пространстве.

Семантика направленного движения граничит с другими семантиками, предполагающими перемещение. Близко по содержанию к семантике направленного движения примыкает семантика направленного действия:

Er legt das Buch auf den Tisch.

В данном примере на объект действует внешняя сила, исходящая от субъекта, которая перемещает объект до определенной точки в пространстве. Действие не противоставлено статике. Наличие объекта обязательно. Субъект активен, а объект пассивен. Правда, в предложениях типа “Er überkreuzte den Platz” также налицо объект, на который воздействует субъект. Но отличие от направленного действия в предложениях данного типа заключается в том, что действие субъекта на объект опосредованное. Сила, исходящая от субъекта, не приводит к перемещению объекта в пространстве, объект лишь указывает на направление.

В предложениях типа

Er brachte ihn zum Bahnhof.

Er begleitete sie zum Theater

наблюдается, на наш взгляд, взаимодействие двух семантик: семантики направленного действия и семантики направленного движения.

Пограничное положение занимают и предложения типа:

Er ließ sich in einem Sessel fallen.

Er setzte sich auf den Stuhl.

В данном случае наблюдается взаимодействие семантики направленного движения и семантики изменения состояния. Вопрос о том, какая из семантик является основной и какая факультативной, может служить темой специального изучения. Именно по этой причине мы исключаем из сферы нашего исследования предложения данного типа.

На основе анализа языкового материала мы пришли к выводу, что предложения с семантикой направленного движения реализуют одну семантическую модель: “S’ – P’ – A”, где “S’” – носитель движения, “P’” – движение, “A” – локально-целевой конкретизатор.

Er geht in die Kabine.

→ Er geht.

Отсутствие локально-целевого конкретизатора обязательно приводит к изменению семантики всего предложения в целом или к его аграмматичности. В трансформе анализируемого предложения представлена семантика ненаправленного движения. Ни один из членов семантической модели не может быть опущен, иначе изменится семантика предложения.

В качестве носителя действия “S” могут выступать как одушевленные, так и неодушевленные лица или предметы.

Sie schritt zur Tür (Lüdemann, 78).

Leise surrte der Fahrstuhl aufwärts (Scherfling, 43).

Движение “P” может выражаться на языковом уровне как глаголами движения, так и глаголами, не подразумевающими движение, или модальными глаголами в обязательном сочетании с локально-целевым конкретизатором. Сравни:

Er ging zur Tür (Noll, 113).

Der Zug donnerte durch die Brücke (Polte, 71).

Er mußte nach Altenbruch (Weber, 45).

Du verschwindest ein Paar Tage auf die Burg (Jesch, 35).

Если в первом предложении глагол непосредственно указывает на движение, то в последующих примерах глаголы, взятые изолированно, в своем основном значении, не могут указывать на движение и нуждаются в локально-целевом конкретизаторе. Это позволяет сделать вывод, что семантика направленного движения формируется комплексно.

Локально-целевой конкретизатор “A” может содержать как указание направленности, так и направления.

1. Er trat auf den Balkon (Weber, 108).

Verzweifelt ging sie nach Hause (Apitz, 18).

2. Tagelang strömten die Truppen durch das Tor (Gilde, 67).

Erstaunt kletterte ich die Leiter hoch (Gilde, 161).

Если в примерах первого типа налицо конкретная цель движения, то во втором типе предложений цель не определена, хотя направление движения вполне очевидно. Сравни:

Er geht in die Küche.

Er geht durch die Küche.

В то же время предложения, не содержащие указания на конкретную цель движения, нельзя рассматривать как предложения с ненаправленным движением. Они также не будут занимать и пограничного положения между семантикой направленного движения и семантикой ненаправленного движения. Они вполне определенно входят в сферу нашего исследования.

В связи с этим нам представляется необходимым определить две модификации локально-целевого конкретизатора и, соответственно, два варианта семантической модели “S – P’ – A”, а именно:

S’ – P’ – A’f

S’ – P’ – A’i;

где “A’f” – целевой конкретизатор, указывающий направленность движения, а “A’i” – локальный конкретизатор, указывающий направление движения. Таким образом, предложения типа “Er geht in die Küche” реализуют вариант семантической модели “S’ – P’ – A’f”, а предложения типа “Er geht durch die Küche” реализуют вариант семантической модели “S’ – P’ – A’i”.

Особый интерес вызывают предложения, содержащие одновременно целевой и локальный конкретизаторы, т. е. с направленностью и направлением.

Er trat durch die Tür auf die Dorfstraße (Noll, 68).

Sie gingen über die Treppe ans Ufer (Noll, 31).

Er ging um den Tisch herum auf Heidi zu (Weber, 180).

Вполне очевидно, что более важным в предложениях данного типа является указание на направленность, так как она содержит конкретизацию конечной цели движения. В свою очередь, движение с направлением, не имея указания на конечную цель, несколько ближе примыкает к ненаправленному движению, чем движение с направленностью. Именно по этой причине мы считаем целесообразным выделить в предложениях такого типа в качестве конституирующего члена семантической модели целевой конкретизатор “A’f”, уточняющий направленность движения. Локальный же конкретизатор “A’i” в подобных предложениях выступает факультативно и не входит в семантическую модель.

Кроме того, в ряде случаев локально-целевой конкретизатор может быть выражен отдельной приставкой:

Dann trat Balthasar zurück (Jesch, 80).

Sie kamen selten herein (Weber, 245).

В предложениях данного типа семантика направленного движения формируется сказуемым без участия каких-либо второстепенных членов предложения.

Таким образом, предложения с семантикой направленного движения реализуют одну семантическую модель. В зависимости от модификации локально-целевого конкретизатора возможно выделить два варианта семантической модели.

Примечания

1. Ожегов С. И. Словарь русского языка. 17-е изд. М., 1985. С. 131; Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. 5-е изд. М., 1987. С. 108–109
2. Декарт Р. Избранные произведения. М., 1950. С. 477.
3. Ожегов С. И. Указ. соч. С. 331.
4. Там же.

Е. Б. Борисова

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ЛИНГВОПОЭТИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗА

Статья посвящена изучению методологических принципов лингвопоэтического изучения литературно-художественного образа для раскрытия индивидуально-авторского замысла и понимания эстетической функции разноуровневых единиц языка. По мнению автора, особое внимание следует уделять типологической классификации художественных образов.

The author considers lingupoetic method of literary image study essential in disclosing the author's individual purpose as well as understanding the aesthetic function of language means. Special attention should be paid to the typological classification of literary images.

Ключевые слова: словесно-художественное творчество, литературный образ, творческое осмысливание действительности, лингвопоэтика, эстетическая функция, единица языка, авторский замысел, лингвопоэтическая функция.

Keywords: verbal art, literary image, creative perception of life, linguopoetics, aesthetic function, language unit, author' intention, linguopoetics function.

Основной мерой ценности произведения искусства любой формы и любого жанра является художественность – сложное сочетание качеств, определяющее принадлежность плодов творческого труда к области искусства. С художественностью связаны представления об органичности, цельности, непреднамеренности, творческой свободе, оригинальности, вкусе, чувстве меры. Источником художественности является действительность, вторично отраженная в содержании произведения. На основании сказанного под литературной художественностью мы будем понимать свойство фиктивного мира, созданного с помощью воображения и таланта художника слова, опосредованно и преображенno передавать картину реального мира с помощью вербальных средств и представлять духовную ценность для читателя.

Если основным мерилом художественного содержания служит художественно освоенная характерность жизни, то основной единицей художественной формы является образ.

Понятия «образ» и «образность» неоднозначно трактуются в современных исследованиях. Сложность изучения образа и образности во многом объясняется тем, что эти понятия используются в различных областях научного знания. Ими оперируют философия, психология, эсте-

тика, искусствоведение, литературоведение, семиотика, когнитология, лингвостилистика, дидактика и другие науки.

В эстетическом аспекте художественный образ представляется целесообразным жизнеподобным организмом, который производит впечатление красоты именно в силу совершенного единства и конечной осмысленности своих частей. Другими словами, «жизнеподобие» художественного образа связано с его воображаемым бытием [1]. С точки зрения эстетики художественный образ понимается прежде всего как категория, характеризующая особый, присущий только искусству способ субъективного моделирования и преобразования действительности.

На основе осмысливания вышеприведенной точки зрения нами было построено следующее общее определение: «художественный образ» (живописный, скульптурный, музыкальный) – основная единица художественной формы, воплощающая фрагмент художественного содержания, которое предстает в произведении искусства сенсорно-наглядно и создается с помощью выразительно-изобразительных средств; образ есть результат опосредованного и трансформированного отражения реальной действительности. Уточним понятие «художественный образ» с литературоведческих и лингвистических позиций: качественное своеобразие литературно-художественного образа проявляется в том, что он создается с помощью естественного человеческого языка, который является материалом для художника слова. При этом необходимо учитывать, что литераторы и лингвисты рассматривают содержание этого понятия с разных сторон и что даже в пределах одной науки его толкование может быть неоднозначным.

Для отечественных исследований по литературоведению главным фактором оказывается содержательная сторона образа и его место в структуре произведения; при этом для литераторов особенно характерен подход к образу как к живому и целостному организму, в наибольшей степени способному к отражению полной истины бытия, поскольку он не только есть (как предмет) и не только значит (как знак), но есть то, что значит. Главным постулатом является мысль о том, что образ есть способ отражения действительности и представляет собой прежде всего картину человеческой жизни или обобщенный портрет, имеющий эстетическую ценность [2]. И хотя художественный образ в литературе понимается в первую очередь как характер человека, высказывается мысль и о том, что понятие «образ в литературе» предполагает изображение всего вещного, животного и вообще предметного мира, в котором человек находится и вне которого он немыслим [3]. Безусловным плю-

сом представленной в отечественных исследованиях трактовки понятия «художественный образ» является то, что в них уточняется качественное своеобразие данного типа образа по сравнению с другими возможными (философскими, логическими, психическими и т. д.), а также утверждается, что «образ» и «образность» являются ключевыми понятиями при изучении языка художественной литературы.

В отечественной лингвистической литературе понятия «образ» и «образность» рассматриваются неотрывно друг от друга; более того, определяются одно через другое, а главным аспектом образа признается его языковая составляющая [4]. Важным для языковедов является то, что в слове претворена действительность и писатель совершают как бы вторичное ее преобразование. В литературном произведении лексическая единица, воздействуя на чувства и воображение, под влиянием контекста может приобретать художественную многозначность, не зафиксированную в словарях, которая и является основой создания художественного образа [5].

В фокусе внимания языковедов находится материал создания художественного образа, т. е. языковая форма (изобразительно-выразительные средства), тогда как изучение предметной основы создания образа, его экстралингвистической составляющей занимает второстепенное место. По нашему мнению, это происходит не в последнюю очередь потому, что изучение художественного образа в работах филологов-языковедов ведется в основном на материале поэзии и художественный образ рассматривается прежде всего как поэтический. Известно, что поэзия предъявляет более жесткие требования к выбору языковой формы, во многом определяющей характер поэтического словесного образа, который является более условным, символическим, фрагментарным и обобщенным, чем в прозаическом произведении, где он представляется более полнокровным, цельным, конкретизированным и сюжетообразующим.

Итак, при анализе трактовок понятия «художественный образ» в литературоведении и лингвистике становится очевидным, что в фокусе внимания литературоведов находится в основном содергательная сторона художественного произведения, в то время как для лингвистов наиболее важной оказывается система языковых средств, т. е. форма. При этом не существует однозначного общефилологического толкования понятия «художественный образ», объединяющего точки зрения литературоведов и лингвистов. В результате не существует и методики анализа художественного образа, которая опиралась бы на определенную систему категорий и объединяла оба подхода. Назрела необходимость вос-

полнить этот пробел. Мы приходим к выводу, что литературный образ – это конкретная и в то же время обобщенная картина бытия, отражающая в той или иной мере мировосприятие художника слова, созданная им при помощи вербальных средств и художественно-композиционных приемов и имеющая эстетическое значение.

В художественном образе традиционно вычленяются три компонента: предметный, смысловой (сказанное и подразумеваемое) и их взаимоотношения. Исходя из этого основными типами классификации образов можно считать предметную (образы-детали, внешние и внутренние образы, образы характеров и обстоятельств, единичных и собирательных героев произведений), обобщенно-смысловую (индивидуальные, характерные, типические, образы-мотивы, топосы, архетипы) и структурную (автологические и мета-логические). Ресурсы естественного языка (вербальный субстрат), творчески используемые автором, служат не только способом отображения внеязыковой действительности, но и формой художественного образа в литературе.

Разделяя мнение об абсолютной антропоцентричности художественного образа [6], считаем целесообразным в произведении словесно-художественного творчества при предметной классификации выделять как персонифицированные, так и неперсонифицированные образы, т. е. образы людей, животных, природы, вещей (образы вещного/предметного мира), образы чувств и т. п. При создании образа не только тропы и фигуры речи, но и языковые единицы разных уровней (слово – словосочетание – предложение), вошедшие в узус, реализуют двойственность своей природы и выступают в преобразованном виде, являясь средством выражения не только основного содержания (фабулы), но и мета содержания (создание художественной действительности и эмоционально-эстетическое воздействие на читателя).

При анализе художественного текста необходимо обратить внимание на языковые средства, служащие не только способом отображения внеязыковой действительности, но и формой создания художественных образов. Те дополнительные коннотации и ассоциации, т. е. «приращения смыслов», которые языковые средства регулярно приобретают, функционируя в тексте, определяются как их семантикой, так и их связями друг с другом. Они обуславливают многомерность и выразительность порождаемых образов, так же организованных в композиционном соотношении.

Изображаемый в произведении словесно-художественного творчества мир служит источником образных средств, под которыми понимаются прежде всего тропы и фигуры речи, однако в художественном тексте даже слова и словосочетания нейтральной семантики «обрастают» до-

полнительными коннотациями и ассоциациями и служат способом выражения нового художественного содержания. Этому способствуют и морфосинтаксические средства, которые усиливают смысловую целостность, полифонию и эстетическую ценность художественного текста.

Филология текста как наука изначально была связана с изучением литературных типов словесных произведений, традиционно интерпретируемых на протяжении многих лет в единстве словесной организации (формы) и смысла (содержания). Двадцатый век внес коррективы в теорию и практику словесности, разделив литературоведческий и лингвистический аспекты анализа художественного текста. Противопоставление литературоведения и лингвистики нашло отражение в двух путях анализа художественного текста и повлияло на методологию и методику изучения литературно-художественного образа.

Литературоведческий анализ предполагает расчленение сложно организованного целого на части, осмысление выделенных в нем сторон, элементов, а также связей между ними. Литературоведческий анализ включает анализ структуры художественного произведения, его тематики, проблематики, идеального и изображенного мира, художественной речи, композиции и сюжета, а также формы, стиля, рода, жанра и контекста. Изучать художественное произведение с точки зрения литературоведческого анализа можно, рассматривая, с одной стороны, его эмоционально-смысловые характеристики, а с другой – его эстетическое своеобразие. Внимание к содержанию дает нам в конечном результате интерпретацию, благодаря вниманию к форме образуется представление о целостности стиля художественного произведения.

Литературоведческий анализ исходным пунктом выбирает содержание текста, а язык является вспомогательным материалом для анализа. Отправным пунктом лингвистического исследования становится язык, текст же рассматривается с точки зрения наличия общих признаков. Важнейшая цель лингвистического анализа – обнаружение и объяснение использованных в художественном тексте языковых фактов в их значении и употреблении. Лингвистический анализ выступает как исходная позиция филолога, первая ступенька настоящего познания литературного произведения. Он позволяет видеть картину эстетического целого в ее истинном свете – такой, какой писатель хотел представить ее читателю.

Объект лингвистического анализа несколько шире, чем объект литературоведческого анализа, так как он включает всякое произведение речи, а не только художественное, и изучает текст как комбинацию всех языковых элементов, из взаи-

модействия которых складывается этот текст. Таким образом, лингвистический анализ применим к текстам всех функциональных стилей, в то время как литературоведческий анализ может проводиться только на материале произведений словесно-художественного творчества. Кроме того, лингвистический анализ текста идет от формы к содержанию, а литературоведческий – от содержания к форме. Лингвист (даже при исследовании художественного текста) ограничивает свой анализ в большинстве случаев конкретным текстом, а литературовед постоянно проводит экскурсы исторического, социального или философского характера. При лингвистическом анализе текст рассматривается с точки зрения читателя (адресата), а при литературоведческом – прежде всего с позиций автора.

Для разработки методологии глубокого филологического исследования художественного текста, по нашему мнению, главнейшим принципом становится тезис о единстве двух аспектов филологии – литературоведческого и лингвистического. Этот тезис имеет большое значение еще и потому, что в филологической науке существуют попытки «развести» литературоведение и лингвистику, что, безусловно, сказывается на качестве исследований, посвященных анализу художественного текста, и в целом на состоянии обеих областей знания [7]. В то же время существует значительное число исследований, авторы которых (А. А. Потебня, Л. В. Щерба, В. В. Виноградов, В. М. Жирмунский, А. В. Чичерин и др.) плодотворно совмещают оба подхода.

На стыке лингвистической и литературоведческой стилистик и возник новый раздел филологии – лингвопоэтика, предметом которой является «совокупность использованных в художественном произведении языковых средств, при помощи которых писатель обеспечивает эстетическое воздействие, необходимое ему для воплощения его идеально-художественного замысла» [8].

Лингвопоэтический подход позволяет вывесить анализ текста художественного произведения на качественно новый уровень, на котором текст рассматривается как целостное и неповторимое произведение словесно-художественного творчества. Лингвопоэтика объясняет, какими языковыми средствами и приемами эксплицируются смыслы в художественном тексте и оказывается эмоционально-эстетическое воздействие на читателя. При таком анализе непременно должны быть учтены сюжетно-композиционные характеристики произведения и актуализированные в нем данные вертикального контекста. Объем привлекаемой затекстовой информации определяется как интенцией текста, так и интенцией интерпретатора. Лингвопоэтический метод анализа текста носит «челночный» характер, поскольку

исследователь движется от содержания к форме, а от нее снова к содержанию.

Художественная литература требует детального и серьезного лингвостилистического анализа; без него не может обойтись ни один из функциональных стилей языка. Но для произведения словесно-художественного творчества, которое принципиально отличается от текстов других функциональных стилей своей эстетической ценностью и полиинтерпретативностью, должны быть разработаны специальные методы, не распространяющиеся на другие функциональные стили. Необходимость комплексного рассмотрения природы литературно-художественного произведения, преодолевающего поаспектное, поуровневое его изучение, является сейчас особенно актуальной.

Разделяя мнение О. С. Ахмановой и В. Я. Задорновой, мы считаем, что лингвостилистика не в состоянии по характеру своих приемов, задач и методов привести к пониманию и осознанию словесно-художественного произведения как воплощения единого, целостного замысла. В произведении художественной литературы необходимо рассмотреть сложное взаимоотношение словесно-речевой структуры и композиционно-художественной организации. Для этого нужно выйти на иной уровень, применить лингвопоэтический анализ, который рассматривает способы использования метасемиотических свойств языковых единиц в рамках произведения словесно-художественного творчества, их роль в отражении авторского намерения и идейного содержания.

В отличие от лингвостилистического анализа, которому может быть подвергнут любой отрывок из любого текста, лингвопоэтический разбор можно начинать только тогда, когда прочитано и прочувствовано все произведение. От исследователя требуется проникновение в идейный замысел писателя, знакомство с его мировоззрением и эстетической позицией, способом художественного мышления, отношением к культурно-филологической традиции [9].

Цель лингвопоэтического анализа «состоит в том, чтобы определить, как та или иная единица языка (слово – словосочетание – грамматическая форма – синтаксическая конструкция) включается автором в процесс словесно-художественного творчества, каким образом то или иное своеобразное сочетание языковых средств приводит к созданию эстетического эффекта» [10]. Несомненной заслугой В. Я. Задорновой является разработка метода трехуровневого анализа, который предполагает рассмотрение языкового материала на семантическом, метасемиотическом и метаметасемиотическом уровнях [11].

Лингвопоэтический метод получил дальнейшее развитие в трудах А. А. Липгарта [12]. По мне-

нию автора, те художественные тексты, язык которых не изобилует тропами, фигурами речи и собственно экспрессивными средствами языка, нецелесообразно подвергать этому методу анализа, так как он даст нулевой результат. Мы же разделяем иную точку зрения: хотя тропы и фигуры речи играют огромную роль в создании художественного мира произведения, практически любая единица языка в составе целого может получить образное «приращение смысла». Выступая как тропы, обыкновенные слова могут приобрести большую выразительную силу. Филологический анализ текста поэтому не должен сводиться к регистрации тропов и фигур речи. Предпочтение тропов или отказ от них еще не дают основания говорить о степени мастерства автора; высокохудожественной может быть и автологическая речь, то есть речь, в которой тропы отсутствуют, противопоставляемая металогической речи, оснащенной тропами [13]. Подтверждение этому можно найти, например, в произведениях Э. Хемингуэя или Я. Кавабата, эстетическая ценность которых является общепризнанным фактом, несмотря на лапидарность и кажущуюся «сухость» и фактографичность языка этих авторов. Таким образом, лингвопоэтический анализ может быть применен для исследования художественного текста, отличительной особенностью языка которого является автологичность повествования.

Несмотря на то что материалом для лингвопоэтических исследований в большинстве случаев традиционно служат классические художественные тексты (как прозаические, так и поэтические), отличающиеся разнообразием стилистических приемов и дающие читателю насладиться художественным содержанием и языковыми способами его выражения, в орбиту лингвопоэтического изучения успешно вовлекаются и тексты постмодернистской литературы, в частности произведения Д. Джойса [14] и русской прозы постмодерна [15].

В последнее время элементы лингвопоэтического анализа, который до сих пор использовался только в исследованиях художественных текстов, применяются к языку других функциональных стилей. В частности, исследуются реклама [16], лингвофилософские и публицистические тексты (работы Г. В. Лейбница, Х. Вольфа, Ю. Мёзера и других немецких авторов). Так, в докторской диссертации А. А. Серебрякова наряду с художественными текстами Г. фон Клейста в качестве материала использовались тексты немецких грамматик XVIII в. [17]

По нашему мнению, указанные тенденции в развитии лингвопоэтики свидетельствуют не о размывании границ данной области филологии, но, наоборот, о ее успешном развитии. Сказан-

ное не означает возможности применить лингвопоэтический метод к любому тексту, который может быть отнесен к стилю художественной литературы или публицистическому, но только к такому, где использование языковых единиц, наряду с информативной функцией, в определенной степени обладает и функцией эстетического воздействия на читателя. В связи с этим необходимо пояснить следующее: несмотря на то что понятие «эстетика» в наши дни безмерно расширяет свои границы, принципиально важным методологическим положением для нас является следующее: предметом лингвопоэтического анализа не могут стать так называемые «тупиковые тексты», в которых имеет место валоризация таких явлений, как мат, физиологические отправления, извращения, сцены насилия и т. д. Здесь возникает вопрос о критериях отнесения того или иного произведения к разряду высококачественной художественной литературы.

Исследуя произведения эпического жанра, такие как роман или повесть, при анализе типологических разновидностей образа, которые представлены в собственно описательных частях произведения (как правило, это неперсонифицированные образы), целесообразно применять прием тематического расслоения текста с последующим сплошным анализом языковых единиц разного уровня в выделенном тематическом слое. В то же время образ персонажа (персонифицированный образ), который имеет дисперсную структуру и представлен не только в описании, но и в художественном диалоге и рассуждении, предполагает использование конвергенций средств и способов создания образа, при этом в ходе исследования целесообразно выделять доминантные.

В металогическом повествовании основными средствами создания художественного образа являются тропические средства и фигуры речи, в то время как в автологическом повествовании языковые единицы, обладающие нейтральной семантикой, а также нормативные грамматические конструкции подвергаются лингвопоэтическому преобразованию, становясь средством воплощения художественного образа.

Подводя итог, можно заключить, что лингвопоэтический анализ, представляя собой «сплав» литературоведческого и лингвистического видов анализа (но не являясь их простым «сложением»), дает исследователю возможность глубоко-

го проникновения в суть художественного образа независимо от его типологической разновидности и в полной мере понять произведение словесно-художественного творчества.

Примечания

1. Гегель Г. В. Ф. Эстетика: в 4 т. Т. 4. М., 1973. С. 12.
2. Тюпа В. И. Анализ художественного текста. 3-е изд. М., 2009. С. 29–30.
3. Бахтин М. М. Пространственная форма героя. 2010. С. 38. URL: http://dustyattic.ru/culture/mmbahtin_ad/mmb_ad2.
4. Винокур Г. О. Филологические исследования. М., 1990. С. 390; Коралова А. Л. Семантическая природа образных средств в современном английском языке: дис. ... д-ра филол. наук. М., 1985. С. 130.
5. Роднянская И. Б. Движение литературы: в 2 т. Т. 1. М., 2006. С. 23.
6. Есин А. Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения. М., 1998.
7. Назарова Т. Б. Современная английская филология: Семиотические проблемы М., 2010. С. 152–153.
8. Задорнова В. Я. Словесно-художественное произведение на разных языках как предмет лингвопоэтического исследования: дис. ... д-ра филол. наук. М., 1992. С. 20.
9. Akhmanova O., Zadornova V. On Linguopoetic Stratification of Literary Text // Poetica: An International Journal of Linguistics. Literary Studies. Tokyo, 1977. № 7. P. 50–60.
10. См.: Задорнова В. Я. Указ. соч.
11. Задорнова В. Я. Восприятие и интерпретация художественного текста. М., 1984. С. 8–9.
12. Липгарт А. А. Лингвопоэтическое исследование художественного текста: теория и практика (на материале английской литературы XVI–XX веков): дис. ... д-ра филол. наук. М., 1996; Липгарт А. А. Основы лингвопоэтики. М., 2006.
13. Николина Н. А. Филологический анализ текста: учебное пособие. М., 2003. С. 75; Голуб И. Б. Стилистика русского языка. 3-е изд., испр. М., 2001.
14. Никитина Т. Г. Лингвопоэтический анализ авторской модальности в произведении художественной литературы (на материале рассказов Дж. Джойса «Дублинцы»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2003.
15. Бабенко Н. Г. Язык русской прозы эпохи постмодерна: динамика лингвопоэтической нормы: дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2008.
16. Морозов А. Ю. Выразительные возможности рекламного текста (на материале американской рекламы): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2001.
17. Серебряков А. А. Романтический текст в лингвопоэтическом аспекте (на материале художественной прозы и метапоэтик Г. фон Клейста): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2010.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 94(470):7

Н. А. Розенберг

КУЛЬТУРА НАРОДОВ УРАЛА В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СИСТЕМЫ ДО И ПОСЛЕ КОЛОНИЗАЦИИ

В статье анализируются процессы этнокультурогенеза народов Югры и динамика формирования государственности угорских народов, а также изменение способов и типов хозяйствования на завоеванных русскими землях, процесс урбанизации и сложение основ нового проликультурного региона, в развитии которого большое значение имела частная инициатива наряду с государственной.

The course of long-term colonization of the Northern and Central Ural as well as Western Siberia by Russians is examined within the framework of ethnogenetic processes that had taken place in the Yugra region and had differed in dynamics from the events of the Great Migration that, in their turn, significantly influenced the rates of ethnocultural genesis among peoples of the Ural and Western Siberia. New ways and types of management on the territories conquered by Russians, urbanization processes and formation of principles of a new regional multicultural type. A correlation of personal initiative and state policy on the territories being developed has formed.

Ключевые слова: сарматы, угры, мадьяры-венгры, voguls, остяки, самоеды, сибирские татары, казаки, переселенцы, этнокультурогенез, культурная традиция, колонизация, коммуникация, Югра.

Keywords: Sarmats, Ugors, Hungarian Magyars, Voguls, Ostyaks, Samoyeds, Siberian Tatars, Cossacks, migrants, ethnocultural genesis, cooking traditions, colonization, communication, Yugra, Ural, Western Siberia.

На исходе раннего железного века (VIII в. до н. э. – III в. н. э.) в степях Южного Урала, важного по своей культурной значимости отрезка Великого степного пути Евразии, доминирующей экономической и военной силой становятся сарматы. С такой яркостью культура индоиранского мира проявила себя здесь в последний раз. Сарматы – этнос, возникший в результате метисации саков и угров. Они пришли на смену савроматам. И хотя это иной, нежели савроматы, этнос, они многое унаследовали от савроматов, поэтому их культура рассматривается как савромато-сарматская. Такое явление характерно для кочевых цивилизаций, где культурные

традиции передаются от этноса к этносу и имеют эстафетный характер.

Сарматы подчинили, истребили и частично ассимилировали савроматов. Этот кочевнический народ создал мощную армию, главной ударной силой которой явилась тяжелая конница, вооруженная длинными мечами для рубки именно в конном бою, где сарматам не было равных.

Сарматы занимались не только вооруженными набегами – у них было развито отгонное скотоводство и домашние промыслы. Зимовали они на поселениях в бревенчатых полуzemлянках. Если в начальный период развития сарматская керамика была лишена украшений, то в IV в. до н. э. они переходят к изготовлению богато украшенной посуды [1].

Сарматское общество находилось на стадии разложения родового строя, его верхушка – племенные вожди – обладала гораздо большим богатством, чем рядовые общинники.

Особое положение занимали женщины-жрицы, имевшие в сарматском обществе большое влияние. Очевидно, они принадлежали к высшему слою общества, так как в их захоронениях кроме таких атрибутов, как жертвенные столики, имеются наборы дорогих, мастерски выполненных украшений.

До замужества сарматская женщина участвовала в сражениях и, только убив несколько врагов, она, в соответствии с традициями, выходила замуж. В воинственных амazonках, описанных Геродотом, узнаются черты сарматских женщин.

Об имущественном расслоении и религиозных представлениях сарматов свидетельствуют их погребения – курганы. Важно подчеркнуть, что знаком господства над территорией, покоренной сарматами, было то, что захоронения вождей располагались в ее центральной части. Это относится и к Филипповским курганам. Центральный из них отличается внушительными размерами. При своем возведении он имел высоту 15 м, а диаметр 70–80 м. Это мощное сооружение с четырехкамерной могильной ямой, дромосом и шатрообразным перекрытием, выполненным из массивных бревен. Среди сопровождающего инвентаря там найдены оружие, предметы конского снаряжения, драгоценные предметы из золота и серебра, деревянная посуда, обитая золотым и серебряным листом, вотивная скульптура.

О распространении солярного культа свидетельствуют встречающиеся в погребениях фигуры фантастических золотых оленей с огромными, причудливо ветвящимися рогами. Это символ солнечной энергии – фарн, связанный с представлениями зороастризма. В знак почитания солнца в жертву ему приносили коней, которых помещали в особые погребальные камеры. Некоторые божества сарматов имели зоантропоморфный облик, сарматы поклонялись кабану, верблюду, волку, рыбе. Свообразие сарматской пластики – в ее изяществе, мастерском сочетании в образе зооморфного божества реальных, узнаваемых и причудливых, фантастических особенностей и черт. Произведения сарматского звериного стиля декоративны и легки, даже тело животного покрывает геометрический узор. Единство декоративных мотивов отличает как вотивные предметы, так и драгоценные утилитарные. В этом особенность сарматского искусства в отличие от массивных и целостных произведений скифского звериного стиля.

Начавшееся в III в. н. э. Великое переселение народов происходило вдоль пояса степей от Центральной Монголии до Придунавья. Волны двигались по известным с древности путям разноэтнические племена. Сначала гунны, затем угры, венгры, самодийцы, тюрки. Карта привычного, устоявшегося размещения этносов сместилась не только в широтном, но и в меридиональном направлении.

Так, еще более отделились друг от друга культуры-этносы, составлявшие некогда целостные группы внутри Ананьинской культурно-исторической общности. Они, в свою очередь, вытеснили с прежних мест обитания угро-самодийские народы. И наконец, на Южном Урале появился племенной союз венгров-мадьяр, переселившихся из Зауралья, в культуре которых отчетливо прослеживается угорский компонент. Сходство южноуральских могильников и древневенгерских могильников «периода обретения Родины» доказательно свидетельствует, что именно на Южном Урале в VII–VIII вв. находилась “*Magna Hungaria*” (Великая Венгрия, упоминаемая в летописях).

Выход на арену мировой истории древних тюрков и создание вслед за Великим тюркским каганатом Западного тюркского каганата, затем Хазарского каганата и Волжской Булгарии существенно повлияли на культурные процессы на всем Урале на протяжении I тыс. – начала II тыс. н. э.

Угорские народы с древности были связаны с двумя торговыми путями, втягивавшими их в орбиту мировой торговли. Великий шелковый путь имел свои ответвления на север – к Оби и Иртышу, которые входили в торговую магистраль с

государствами Передней Азии. Второе направление – путь «из варяг в греки», на запад и в Киевскую Русь. Ни тот, ни другой пути в течение тысячелетий не прерывались. Главным предметом вывоза из Зауралья была пушнина, ввозились предметы роскоши. Торговые магистрали были одновременно путями культурных коммуникаций. Именно торговля помогала интегрировать экономические, государственные, религиозные взаимодействия между многочисленными княжествами, сложившимися на территории Зауралья и Западной Сибири во второй половине I тыс. н. э. С этого времени все чаще упоминается название территории – Югра.

Централью югорских княжеств были возникшие в древности укрепленные поселения, которыми некогда правили родовые предводители хантов и манси. Вокруг центров располагались неукрепленные селища. Со временем из родовых возникали общественные центры, которые возводили на труднодоступных местах, иногда на гористой местности возле реки. Тогда на берегу сооружали пристань. Крепостная архитектура отличалась тем, что и стены, и жилые здания строили из дерева. Возле городской стены сооружали ров, вход в город был по узкой лестнице, а стены в отдельных случаях покрывали медным листом.

Город был административным, торговым, религиозным центром. В центре него располагался в особом доме князь, в доме напротив размещались его воины («большой дом»), а рядом находились хозяйствственные и культовые сооружения – священный амбар на сваях [2].

Образ жизни князя и его приближенных заметно отличался от образа жизни рядовых соотечественников. В употреблении были дорогие одежда и оружие. В мирное время князь и дружины устраивали пиры. Характерно, что простолюдины назывались земляными людьми, так как они жили в полуzemлянках и на их плечи легла тяжесть различных земляных работ.

В южной части Приобья укрепленные города были заметно больше – 2–3 тыс. кв. м, чем на севере, где их площадь не превышала 300 кв. м. До X столетия ключевые позиции в торговле с Юграй занимал Хазарский каганат, в X–XIV вв. Волжская Булгария и Золотая Орда. Известно, что торговые караваны булгар проникали на отдаленные земли Югры и прибегали там к бесконтактной обменной торговле. В определенном месте булгары оставляли свои товары, а местные охотники оставляли рядом с выбранными товарами пушнину. Если купцы были согласны с предложением, они забирали шкурки, оставляя товар, за который их предложили. Иногда обмен продолжался снова. И поскольку потребность в пушнине возрастала, значение Волго-Камского

торгового пути, где в гуще местного населения возникли булгарские торговые фактории, тоже усиливалось. Чтобы избежать участившихся военных столкновений, югорские князья создают объединения для защиты от булгарских, татарских и русских военных отрядов.

Великий Новгород уже в XI в. пытался обложить Югру постоянной данью, и со второй половины XI в. Югра считалась его «волостью». Однако политика торговых отношений с vogулами, остыками и самоядью (ненцами) оказалась куда более успешной. В Новгороде была создана торговая корпорация «Югорщина», которая успешно торговала на Югре в XIII–XIV вв. [3] Военные экспедиции в Приобье, предпринятые новгородцами в XIV в., наталкиваются на сильное вооруженное сопротивление. Новгородские воеводы Василий Шенкурский и Михаил Яковль, продвигаясь по устью и на юг по Оби, в 1364 г. встретили войска Обдорского, Аяпинского, Кодского, Пельмского и Казымского княжеств. Через 40 лет в борьбу за Югру вступает Московское княжество. Впервые Уральские горы московские войска перешли в 1483 г., т. е. за сто лет до похода Ермака, и тогда же на судах вошли в Иртыш, а из Иртыша в Обь. В шертной грамоте 1484 г. перечислены княжества и имена князей, которые правили в наиболее крупных владениях. Иван III после этого похода, когда было заключено мирное соглашение, по которому княжества обложили данью, добавил к своему титулу – великий князь Югорский. В 1500 г. после очередного похода он становится великим князем Обдорским и Кондинским. Для замирения новых княжеств Нижнего Приобья потребовался отряд в 4 тыс. человек. Однако вхождение этих княжеств в Московское государство «было номинальным, а их вассальная зависимость определялась условиями нерегулярной выплаты дани – «по добре воле, со всякого человека по соболю» [4].

К середине XV в. vogулы и остыки имели развитую систему административно-территориального устройства, основанную на гибком взаимодействии соседской общины – волости – княжества. В 16 княжествах насчитывалось тогда 59 городов, и эта система была политической основой региона накануне «Сибирского взятия». Наибольшую готовность к борьбе с завоевателями обнаружили Назымское, Кодское, Казымское, Сосьвинское, Куноватско-Ляпинское, Обдорское, Пельмское и Белогорское княжества. Память о легендарных князьях – предводителях народа сохранялась в героическом эпосе хантов.

Важным интегратором культурных процессов стала религиозно-ритуальная жизнь. Ее центром явились Белогорское княжество, территория которого находилась на землях от устья Иртыша

вверх по Оби. «Несмотря на сравнительно большую территорию... святилища... сведения о них почти не отражены в исторических источниках» [5]. Белогорское мольбище было самым крупным в Северо-Западной Сибири, для совершения молений толпы людей собирались у изваяния наиболее почитаемого божества обских угров – Мир-сусне-хума, которого называли еще Старик Обский. И хотя центром Белогорского княжества был Тунг-пох-вош (Крепость святого сына, Божьего сына городок), место, где обычно находился идол, тщательно скрывалось. Знал о нем только шаман, приставленный стеречь его. Этот шаман передавал волю Мир-сусне-хума народу, имя бога буквально означает «Смотрящий за миром» – vogулы и остыки верили и продолжают верить, что он является наиболее могущественным из семи сыновей верховного божества Нуими-Торума, их покровителем и посредником между людьми и богами Верхнего мира. Ему в жертву приносили коней и рыбу, прося удачи в охоте на водоплавающую птицу и в ловле рыбы. Он был могущественным мужским божеством, которое представляли в виде всадника с оружием, он же помогал отвести опасности, в том числе военные, и поэтому среди дорогих подношений на жертвенных местах складывались доспехи и оружие.

В качестве домашних идолов и личных оберегов у обских угров были антропоморфные и зоонитоантропоморфные бронзовые пластины и деревянные идолы родоначальников-воинов. Таким образом, в последние века Средневековья мифология и культовая практика остыков и vogулов сочетает древнейшие пластины тотемических верований и более поздние представления, по которым обожествлялись воины-родоначальники. Все сферы мироздания были маркированы зооморфными символами. И даже Мир-сусне-хум имел свое орнитоморфное воплощение – гуся – и зооморфное – медведя (его тоже называли Священного города старик).

С распространением власти монголов в Сибири некоторые княжества, Самарское/Белогорское в том числе, платили им дань. В X–XII вв. тюрки проникли сначала в лесостепную, а затем в южностепную зону Западной Сибири. Так была заложена основа формирования сибирских татар. Во второй половине XVI в. влияние Сибирского ханства в Северо-Западной Сибири заметно усилилось, на престоле с 1565 г. сидел князь Кучум. Как было отмечено, с XI в. Новгородская республика, а с конца XIV по XV в. Великое княжество Московское совершает вооруженные походы за Урал, стремясь покорить и обложить данью непокорную Югру. После падения Казанского ханства продвижение русских за Камень (за Урал) становится составляющей государствен-

ной политики. К моменту решающих событий – началу похода Ермака в Сибирь в 1581 г. – Иван Грозный уже дал разрешение Строгановым строить соляные городки сначала на Каме, а потом и в Зауралье – по рекам Тобол, Иртыш, Обь.

В конце XVI в. Строгановы столкнулись с проблемой сохранения своих владений от разорений,чинимых войсками вогулов и сибирского хана. Военная угроза могла быть устранена только с помощью сильного, хорошо обученного отряда. Таким отрядом стало казачье войско Ермака, приглашенного Строгановыми для похода за Камень. Исследователи единодушны во мнении, что «в организации похода Ермака совпали интересы правительства, Строгановых и самих казаков» [6].

Таким образом, начатый процесс колонизации Урала и Сибири проходит под знаком проникновения на новые территории вольного люда – крестьян и казаков, промышленников-предпринимателей и государственной администрации. Правительство не посыпало на завоевание Сибири своих войск, – отряд был снаряжен Строгановыми. И поэтому образ Ермака и действия его столь противоречиво оцениваются в российской науке. Эти оценки были противоречивыми уже в современных летописях. Воспринимать ли его как народного героя или как предводителя отряда наемников, которые явились захватить чужую территорию?

Строгановская летопись очень ярко описывает мощь войска Ермака и то, как поразило войско Кучума огнестрельное оружие, не известное сибирским татарам. Из различных письменных документов известно, что Кучум собрал в свое войско и татар, и вогулов, и остыков. Оборона столицы Сибирского ханства, Кашлыка, закончилась его падением и бегством из-под его стен многочисленного и разноплеменного войска хана. Гибли, защищая свои владения, югорские князья. Вскоре после захвата ставки Кучума Ермак отправил в Москву отряд из пяти казаков с челобитной и ясаком: «60 сороков соболей с брюшками и хвостами, да 50 бобров черно-карих, да 20 лисиц черно-бурых, да трех человек из приближенных царя Кучума со слугами их... И посланный от атамана Ермака Тимофеевича с соратниками атаман Гроза Иванов с ясаком в Москву прибыл, и великому государю били челом, и снисхождения просили, чтобы великий государь их вину смертную, смилиостивился, простили, ради высокого их труда, и повелел бы присланную казну у них принять и воевод своих от себя, государя, послать в только что взятую столицу сибирскую... А великий государь в то время в соборной и апостольской церкви со святытелями и духовными чинами своими молебствовал, и прощения у московских чудотворцев просил, и

атамана Ермака Тимофеева с соратниками его, казаками, дружину его храбрую, за службу их и за преданность, всю прежнюю вину им простили, и ясак у них принять велел, а их атамана Грозу Иванова с соратниками велел наградить и с ними свои государевы подарки и жалованную грамоту послал в Сибирь... атаману Ермаку с соратниками его. А воеводам своим великий государь приказал готовиться к зимнему переходу, не ожидая указа. А до того времени приказал государь царь Иоанн Васильевич покоренными городами Сибирского ханства править атаману Ермаку Тимофееву с соратниками» [7].

Гибель Ермака в 1585 г. и обстоятельства, которые привели к этому, до сих пор обсуждаются и по-разному истолковываются в науке. Но и для врагов Ермак оставался фигурантом легендарной. Так, известно, что его доспехи противники Ермака поделили после его гибели. Один был отдан мурзе Кайдаулу, кольчуга Ермака, которую взял князь Алач, хранилась в главном Белогородском святылище и почиталась как святыня [8]. Закрепление за русскими земель Югры продолжалось с продвижением на север. Для окончательного покорения земель по Оби царь Федор снарядил казацкий отряд, который и покорил Обдорское княжество. Был сооружен Обдорский острог, к которому в 1635 г. перешла функция сбора ясака с местного населения. Главной ценностью являлась пушнина, мягкое золото веками притягивало к себе искателей наживы. Уже в 1660 г. сибирская казна давала свыше 600 тыс. руб., или около одной трети доходной статьи бюджета государства [9].

В пору начального периода своей истории Обдорск (сегодня Салехард) был последним населенным пунктом на Обском Севере. Сегодня это единственный город в Заполярье.

Веками торговля в этом регионе держалась на зверином и рыбном промыслах и на оленеводстве – занятиях, составлявших основу традиционного хозяйства и материальной культуры ненцев, хантов и манси (самоедов, остыков и вогулов, как называли их в русских летописях).

К началу XVII в. в Зауралье были уже города Обдорск, Березов (1593 г.), Сургут (1593 г.), Тобольск (1587 г.). Между Тобольском и Березовом были созданы две ямские станции: Самаровский и Демьянинский ям. Русские селились на местах, где некогда были центры югорских княжеств и Сибирского ханства. Население большинства из них было полиглотичным, и в качестве старожильческого слоя сюда переселяли семьи из Приуралья и территорий Русского Севера, из Олонецкого, Вологодского, Пермского краев. Важен был опыт хозяйствования в условиях климата, где уже в октябре стояла суровая и снежная зима, а хлебопашеством можно было заниматься ближе к юж-

нотаежной полосе. По царскому указу 1637 г. ямщиков предстояло выбирать из числа дееспособных, работающих людей, которых переселяли семьями. Характерно, что работающие, как это следует из документа, это люди «не из тягла, холопов, не из крепостных, не из воров, не из пьяниц и не из людей пустячных, а семейных» [10]. Эти крестьяне составили особый слой старожильческого населения Сибири. Смелые, опытные, выносливые, они обладали недюжинным умом и смекалкой, а при случае могли постоять за свои права. Они были освобождены от подушной подати, их повинностью было стоять на яму и справлять езду по найму. «И указал царь 12 июня 1645 г.: вперед Демьянсково яму ямским охотникам для ямской гонотьбы давать одно наше денежное жалованье... по 20 рублей на паи, а хлебного им жалованья не давать, потому что они... завели пашни. А Самаровского яму ямским охотникам... давать жалованье... по 20 рублей, а хлебного жалованья давати им половину окладов их по 10 чети ржи, по 10 чети овса на год на паи, потому что... у тех самарских ямских охотников пашенные земли нет» [11]. Необходимость в таком управлении понятна: прогоны по длительности составляли от 3 до 6 дней, и это только от одной станции до другой. В зависимости от сезона путешественникам приходилось пересаживаться из саней в лодку или в нарты. При начале организации ямского дела власти стремились привлекать к нему остыков и вогулов. Но государственной власти в результате пришлось выбирать, что для нее важнее – пушнина или ямская повинность. В челобитной от 5 января 1629 г. написано следующее: «Да мы же, государь, сироты твои, ходим в подворках под твою государевою державою и соболиною казною и под детьми боярскими, и под служилыми людьми, и под целовальники, которые ездят в сибирские города: на Березов и на Мангазею, и на Обдор, и на Кыртас, и в Сургут, и в Нарым, и в Томский город, и в Кетской, и в Енисейский, и в Кузнецкие остроги. А как, государь, бывает в сибирские города воеводам перемена, и мы, сироты твои, под воеводами, которые ездят с Москвы в сибирские города и из сибирских городов к Москве, в подводах ходим вниз и вверх Тобольска, летнею порою ходим в подводах судами, а зимнею порою, в некоторых волостях лошадей нет, ходим нартами на собаках... мы, сироты твои, от беспрестанных подвод в конец погибли и на соболиные промыслы ходить добывать на твой государев ясак не поспеем» [12]. И поскольку эти жалобы участились, подводная повинность с остыков была снята.

Ямщики северных территорий тоже неоднократно обращались к царю с просьбой дать им в годовое содержание кроме денежного довольствия еще и хлебное. По мере освоения Сибири

выяснилось, какие территории хлебородные, а какие нет, и произошло разделение занятий. Одни переселенцы по преимуществу занимались извозом, другие – хлебопашеством.

Линии укрепленных поселений выстраивают-ся вдоль наиболее важных путей коммуникаций. Это засечные черты. Сначала Исетская (1685 г.), постепенно она разрастается и доходит до Кунгура и Камы, южнее ее и в том же широтном направлении строится (1752–1754 гг.) Тоболо-Ишимская линия. Все новые укрепленные линии вырастают на границах Российского государства в XVIII–XIX столетиях, по мере продвижения к старинным торговым путям из Средней Азии в европейскую часть страны. Они возводятся и в широтном, и в меридиональном направлении, защищая целостность государства и его торговые интересы. В 80-е гг. XIX в. на этих путях начнется сооружение железнодорожных магистралей и речных пристаней, разовьется сеть торгов и ярмарок, имеющих не только региональное, но и общероссийское значение. На огромных пространствах Западной Сибири и Урала неоднократно пересекались интересы государства и частной инициативы – предпринимателей, которые в обход власти стремились торговать с местным населением, закупая пушнину. В отношениях с властью обские угры далеко не всегда соблюдали закон. Те из них, кто не подчинялся, враждовали с законопослушными соплеменниками. Власть стремилась выстраивать способы коммуницирования последовательно и постепенно. Слишком отличался образ жизни и ценности оседлого служилого населения и вольнолюбивых кочевников, которые оставались подлинными властителями своих таежных и речных угодий. Небольшую часть хантов и манси удалось христианизировать только в начале XIX в.

Таким образом, тысячелетняя история культуры региона со всей определенностью проявилась в системе культурных связей и коммуникаций, которые стали значимыми для народов с разным уровнем социокультурного развития и разным вероисповеданием. Интегратором культурных процессов в Западной Сибири – Зауралье с сер. XV в. становится Российское государство, политика которого в отношении завоеванных территорий и покоренных народов отличалась известной гибкостью. Развивая хозяйственную инфраструктуру, старожильческое население осваивает прежде всего значимые узлы коммуникативных связей, местоположение которых иногда совпадает с центрами прежних феодальных владений местных князей. На первых порах группы русского населения селятся компактно, под защитой укрепленных городков-острогов и транспортных станций-ямов. Образ жизни здесь сформирован самими условиями обитания – су-

ровым климатом и опасностью вооруженного нападения. Вместе с тем русские хорошо знали обычаи и нравы обских угров, с которыми сталкивались на протяжении почти двух столетий. Две эти культуры, находившиеся поначалу в открытом противостоянии, постепенно начинают взаимодействовать для создания и расширения системы связей на торговых путях. Сибирские татары как посредники в торговле со Средней Азией, издавна осевший на своей территории народ, сохраняли традиционные занятия и веру.

Примечания

1. Археология Южного Урала. Стерлитамак, 1992. С. 15.
2. URL: <http://www.admhmansy.ru/publish/samara.article5.shtml>. С. 2.
3. Там же. С. 3.
4. Там же. С. 6.
5. URL: <http://www.admhmansy.ru/publish/samara.article5.shtml>
6. URL: История Урала. 1989. С. 153.
7. URL: <http://www.admhmansy.ru/publish/samara.article5.shtml>. С. 6.
8. Там же. С. 8.
9. URL: <http://www.moyamal.narod.ru/history.htm>. С. 1.
10. URL: <http://www.admhmansy.ru/publish/full/&id=74>. С. 10.
11. URL: <http://www.admhmansy.ru/publish/samara.article4.shtml>. С. 15.
12. Там же.

УДК 130.2

H. E. Вокуев

ПРИТВОРСТВО В СОВРЕМЕННОЙ (МЕДИА)КУЛЬТУРЕ

Статья посвящена такому явлению, как притворство. Эта практика получила большое распространение в современной культуре и в особенности в Интернете, где деятельность индивида сопровождается созданием его виртуальных двойников. Притворство рассматривается в широком социокультурном контексте и связывается с автономизацией человека, явившейся результатом так называемой «смерти Бога».

The article is dedicated to such a phenomenon as pretense. This practice is widespread in contemporary culture, especially in the Internet where activities of person are accompanied by the creation of his (or her) virtual doubles. Pretense is considered in a large sociocultural context and associated with autonomisation of the human being which was the result of so called “death of God”.

Ключевые слова: притворство, симуллякр, медиа, аватаризация, виртуальная идентичность, кризис платонизма, смерть Бога.

Keywords: pretense, simulacrum, media, avatarization, virtual identity, crisis of platonism, death of God.

Медиатизация человека

За современной эпохой давно закрепился эпитет «информационная». Мы живем в мире, где, согласно Маршаллу Маклюэну, средство становится сообщением или, по Жану Бодрийяру, властствуют симуллякры – знаки, которые больше не отсылают ни к какой реальности и, более того, убивают ее. В этом мире все интенсивней происходит сращивание или даже замещение реального виртуальным. Иными словами, происходит все большая медиатизация окружающей нас среды.

При этом нельзя отрицать, что экспансия медиа сопряжена с важными изменениями в них самих. Ранее воспринимавшиеся как внеположные индивиду институты, которые к тому же были вовлечены в отношения манипулирования и доминирования, сегодня медиа, безусловно, стали более «человечными», то есть более близкими индивиду и подверженными ответному с его стороны влиянию.

В 1972 г. Жан Бодрийяр обозначал главную характеристику средств массовой информации как «слово без ответа», полагая, что СМИ авторитарны по своей сущности, так как реализуют одностороннюю коммуникацию. «Вся современная архитектура медиа, – писал он, – основывается на следующем определении: *они суть то, что всегда запрашивает ответ*, что делает невозможным любой процесс обмена (если только он не примет форму *симуляции* ответа, включенную в процесс передачи, что ни в коем случае не меняет односторонность коммуникации)» [1].

Однако интерактивность, пришедшая в систему СМИ с развитием Интернета, опровергает суждения философа. Структура сайтов многих, если не большинства, средств массовой информации позволяет читателям оставлять комментарии, которые воспринимаются как продолжение первичного сообщения и могут повлиять на его восприятие другими адресатами.

«Очеловечивание» медиа связано с распространением технических средств, позволяющих индивиду самому генерировать и публиковать информацию. В первую очередь это связано с развитием так называемых «новых медиа», к которым относятся социальные сети вроде Facebook и «Вконтакте», блоги и микроблоги (LiveJournal и Twitter). Они дают человеку возможность самому стать средством более или менее массовой информации, альтернативным традиционным медиаинституциям. Отсюда – изредка встречающиеся в литературе названия этих средств коммуникации, такие как «мы-медиа» и «я-медиа». Социальные сети и блоги действительно превращают человека в медиум. А сопровождается этот процесс «аватаризацией» – созданием виртуальных дубликатов самого себя.

Медиааналитик Андрей Мирошниченко по этому поводу отмечает: «Человек уже сегодня выступает в Сети своими желаемыми ипостасями, чтобы создать на себя спрос, привлечь к себе внимание, получить отклик, предложение, заказ, работу. Общаюсь между собой, наши аватары находят взаимный интерес и договариваются о нашем взаимодействии в реальной жизни, пока реальная жизнь за пределами Интернета еще существует. Передовики копирования личности создают набор ипостасей, выстраивают тонкие схемы интеграции персонажей себя, используя приемы не только авторства, но и режиссуры, создавая из системы своих образов новое произведение» [2].

Он признает, что конструируемые в Интернете персонажи пока еще довольно примитивны. Однако, рассматривая их в контексте маклюэновской теории медиа как внешних расширений человека, Мирошниченко предполагает, что дальнейшее развитие техники вполне может привести к «роботизации стандартных реакций виртуального персонажа»: «Симуляторы воли будут руководить действиями персонажей, сначала замещая отошедшего поспать оператора. В какой-то момент уже трудно будет понять, где алгоритм, замещающий оператора, а где – реальная воля человека, здесь и сейчас фигурирующего своим персонажем» [3].

Совершающаяся на наших глазах медиатизация человека, как нам кажется, делает актуальным такое направление социогуманитарных исследований, как антропология медиа. Далее мы проанализируем категорию, которая, на наш взгляд, могла бы использоваться при дальнейшем изучении упоминавшихся процессов и помогла бы понять их суть.

Притворство и симулякр

Описанные выше ситуации, когда виртуальная копия становится автономной по отношению к своему создателю и «оригиналу», конечно, можно рассматривать, прибегнув к бодрийяровской концепции симуляков – знаков, лишенных референта. Полезно также обратиться к пониманию симуляков Жилем Делезом, который связал их торжество с ницшеанским проектом «низвержения платонизма».

Этот проект подразумевает отказ от платоновского дуализма, предполагающего существование мира идей, или сущностей, и мира их презентаций. Последние, по Платону, являются копиями и могут быть признаны таковыми только в случае внутреннего соответствия первоначальной идеи, модели. Но если мы упраздним идеальный мир, то не останется ни идей, ни их презентаций, поскольку будут утрачены сами отношения тождества, соответствия. Останутся

лишь симулякры, несущие в себе различие. Как отмечает Делез, «симулякр – не просто ложная копия, <...> он ставит под вопрос само понятие о копии и модели» [4].

Концепция симуляков во многом позволяет понять логику виртуального мира, в котором создаваемые человеком персонажи могут ничуть с ним не совпадать. Однако она не проливает свет на сам процесс «аватаризации» человека. Ведь воспринять создаваемые им в Интернете копии самого себя как знаки, лишенные референта, может лишь тот, кто сталкивается только с конечным продуктом, то есть видит только сами эти виртуальные дубликаты. Для субъекта же «аватаризации» референт, то есть он сам, никуда не исчезает.

На наш взгляд, более удачным в этом случае термином, отражающим личностное измерение «аватаризации», будет «притворство». Это существительное произошло от глагола «притворяться», этимология которого в настоящее время несколько размылась. Как поясняет академик В. В. Виноградов, значение этого слова «в современном языке не может быть выведено из *притворяться*. Следовательно, слово *притворяться* не соотносительно с *притворять*. Между тем глагол *притворяться* сложился на основе синтеза значений *притворять* и *-ся*, т. е. «при-
тврять себя, свои намерения и чувства» [5]. Сегодня этот глагол имеет двойное значение. Как сообщает нам словарь Д. Н. Ушакова, во-первых, притвориться значит «не вполне, неплотно затвориться, закрыться», а во-вторых, «представиться, намеренно принять на себя вид, не соответствующий действительности с целью ввести в заблуждение, обмануть» [6].

Таким образом, семантика понятия «притворство» уже заключает в себе двойной акт скрытия некоего, условно говоря, истинного «я» и представления «я» ложного, а потому позволяет задуматься о существовании двух планов, которые можно обозначить бахтинскими категориями «я-для-себя» и «я-для-другого». В первом случае речь идет о том, что часто называют самостью, во втором – о самопрезентации. В притворстве эти два плана принципиально не совпадают.

Акт притворства можно проиллюстрировать надеванием маски, закрывающей настоящее лицо имитацией иного. Поскольку же все наши взаимодействия в обществе заключаются в исполнении некоторых социальных ролей, т. е. как бы сопровождаются надеванием масок, все они в большей или меньшей степени являются притворством. Сегодня это становится более очевидным в связи с изменчивостью социальной среды, в которой индивидам приходится разыгрывать все больше ролей, все чаще менять маски, которые

не успевают «срастись» с лицом, что делает эти роли внешними, неинтиериоризированными, не выпавшими в тот самый осадок, который составляет ядро личности.

Притворство как универсалия современной культуры

Итак, притворство, с которым мы связали практику создания виртуальных копий самого себя, характеризует и социальное существование человека в оффлайне, что, в свою очередь, свидетельствует о непостоянстве, неустойчивости его «я».

Множественность и изменчивость личности – это реальность интенсивно глобализирующегося и информатизирующегося мира, который обернулся фрагментацией и мультилиплицированием социокультурного бытия. Изначальная цельность, устойчивость «я», которой так дорожил западный человек, оказалась иллюзией, прежде поддерживавшейся стабильностью среды. Когда мир пришел в движение, человека-монаду сменил человек-номад, лишившийся укорененности в бытии и вынужденный кочевать из одной социальной и культурной среды в другую, менять профессии, социальные страты, населенные пункты, страны.

Такое положение человека, когда он не может предсказать свое будущее как в личной, так и в профессиональной жизни, было обозначено как *номадизация* [7]. Наш современник, потерявший стабильное место в мире и в силу этого вынужденный довольствоваться временными идентичностями, таким образом, оказывается близок традиционным кочевникам.

Польско-британский социолог Зигмунд Бауман называет эту ситуацию *текущей модернстью*, при которой «не только положение индивидов в обществе, но и сами места, к которым они могут получить доступ и которые стремятся занять, быстро трансформируются и едва ли могут надежно служить в качестве цели чьей-то жизни» [8]. Современный индивид хронически находится в пути, перспектива обрести стабильное пристанище в конце которого отсутствует. И если прежде, пишет З. Бауман, стоявшая перед человеком задача состояла в том, как обрести избранную идентичность и заставить окружающих признать ее, то сегодня она сводится к тому, «какую идентичность выбрать и как суметь вовремя сделать другой выбор, если ранее избранная идентичность потеряет ценность и лишится ее соблазнительных черт» [9].

Выбор и частая смена идентичности, исходя из всего вышесказанного, являются не просто необходимыми, но вынужденными мерами. Это приспособление к постоянно меняющейся среде. Однако зачастую индивид не просто адаптируется к очередным переменам, но выбирает по-

стоянную смену масок как личностную стратегию самопозиционирования. Об этом говорил, к примеру, американский востоковед и психиатр Р. Д. Лифтон, определивший современного человека как «человека-Протея».

В условиях непостоянства социальной структуры и изменчивости символического бытия индивид, как отмечал, интерпретируя идеи Лифтона, И. С. Кон, «уже не может чувствовать себя автономной, замкнутой монадой. Ему гораздо ближе образ древнегреческого божества Протея, который постоянно менял обличье, становясь то медведем, то львом, то драконом, то огнем, то водой, а свой естественный облик солнцевого статуэтки мог сохранять, только будучи схвачен и закован. Протеевский стиль жизни – бесконечный ряд экспериментов и новаций, каждый из которых может быть легко оставлен ради новых психологических поисков» [10].

Философ Г. А. Тульчинский, говоря о современной модели самоидентификации личности, выделяет в качестве ее основополагающей характеристики автопроективность. Человек, по его мнению, постепенно движется ко времени, когда он будет определять свою идентичность совершенно самостоятельно. Нынешнюю же форму самоидентификации философ определяет как проектно-брендовую. Она заключается в том, что личность во все большей степени предстает как свой собственный проект или даже серия проектов. Вместе с этим такая «самопроективная» личность должна реализоваться как бренд, прибегая фактически к маркетинговым технологиям в ходе выбора жизненной стратегии, формирования, позиционирования и продвижения собственного имиджа и репутации.

Такую форму самоидентификации можно рассматривать как закономерный результат исторического процесса эманципации индивида. Как отмечает З. Бауман, задача самоопределения всталась перед человеком после разрушения строгих рамок сословий, а затем – расшатывания классов, которые также налагали строгие ограничения на возможности личного выбора. Рассматривая соответствующие трансформации форм самоопределения, Г. А. Тульчинский употребляет близкое «притворству», но более отягощенное негативными коннотациями понятие «самозванство». Между тем за этим явлением скрывается неудовлетворенность индивида своим положением в обществе и желание самому определить в нем свое место.

В условиях этнической идентификации человека, где главным фактором была принадлежность к какому-либо роду или племени, которая подтверждалась другими членами сообщества, самозванство, по Тульчинскому, сводилось к осуществляющему «чужаком» представительству от это-

го рода или племени. При статусной идентификации, определявшейся по заслугам перед государством или сувереном, самозванством стали необоснованные претензии на высокий статус. Ролевой идентификации соответствовала такая форма самозванства, как успешность выполнения социальной роли. А в нынешних условиях, полагает ученый, самозванством являются манифестация имиджа и проект персонифицированного бренда, то есть различия между идентификацией и самозванством сегодня стираются, превращая их в единый акт.

Согласно Г. Л. Тульчинскому, брэндинг сам по себе является «технологией тотального и глобального самозванства» [11]. Поскольку же сегодня эта практика получает все большее распространение, самозванство (а соответственно, и притворство) становится универсалией современной культуры и персонологии – «уделом каждого, условием и технологией жизненной реализации, тестом на жизненную компетентность» [12].

Притворство и кризис платонизма

Как уже говорилось, автономизация субъекта и эманципация индивида были связаны с серьезными изменениями в социальной структуре, такими как разрушение сословного, а затем и расшатывание классового общества. Однако помимо этого происходили и существенные изменения в культуре и в сознании человека.

Когда речь заходит о личности как собственном проекте, вспоминается экзистенциализм и, в частности, Ж.-П. Сартр, который, исходя из тезиса «Существование предшествует сущности», утверждал, что «человек – это прежде всего проект, который переживается субъективно» [13]. По его словам, «ничто не существует до этого проекта, нет ничего на умопостигаемом небе, и человек станет таким, каков его проект бытия» [14]. Таким образом, представление о личности как автопроекте – закономерный результат секуляризации сознания.

Отметим, что о свободе индивида создавать самого себя говорили еще в эпоху Возрождения с ее переходом от тео- к антропоцентризму в мировосприятии. В этом плане любопытна знаменитая «Речь о достоинстве человека» Дж. Пико делла Мирандола, согласно которой Бог при сотворении человека не наделяет его ни определенным местом, ни собственной внешностью, ни особыми обязанностями, но дарит ему свободу выбрать все это самому. Гуманисты поставили человека в центр мироздания, однако у того же Пико делла Мирандола Бог продолжал присутствовать – в качестве того, кто наделил свое творение автономностью. И хотя с прежнего положения в центре мира его сместили, Бог, пусть

даже перебравшись на его периферию, оставался в сфере сознания человека.

На наш взгляд, важную роль здесь играет уже упомянутый экзистенциалистский тезис о том, что «существование предшествует сущности». «В XVIII веке атеизм философов ликвидировал понятие бога, но не идею о том, что сущность предшествует существованию, – отмечал Сартр. – Эту идею мы встречаем повсюду: у Дидро, Вольтера и даже у Канта. Человек обладает некой человеческой природой. Эта человеческая природа, являющаяся “человеческим” понятием, имеется у всех людей. А это означает, что каждый отдельный человек – лишь частный случай общего понятия “человек”» [16].

Выходит, представление о возможности выбора человеком самого себя окончательно оформилось после того, как философская мысль оторвалась от идеализма и метафизики, а говоря конкретней – в результате кризиса платонизма, из которого как раз и следовало предшествование сущности человека его существованию. Ознаменовался же он заявлением о «смерти Бога».

«Безумный человек» Фридриха Ницше возвестил о ней в 1882 г., когда вышла работа «Веселая наука». «Разве мы не слышим еще шума могильщиков, погребающих Бога? – вопрошал философ устами своего персонажа. – Разве не доносится до нас запах божественного тления? – и Боги истлевают! Бог умер! Бог не воскреснет! И мы его убили!» [16]

В интерпретации М. Хайдеггера «Бог» у Ницше обозначает сверхчувственный мир, а его «смерть» – не что иное, как конец метафизики, то есть мировоззрения, разграничитывающего чувственный и сверхчувственный миры, согласно которому первый из них определяется последним. Таким образом, слова Ницше знаменуют собой наступление нигилизма, который мыслитель понимал как обесценивание высших ценностей. При этом Ницше, а вслед за ним и Хайдеггер выделяли полный и неполный нигилизм. Неполный, заменяя прежние ценности новыми, ставит их на старое место, которое «как бы сохраняется в качестве идеального места сверхчувственного» [17]. «Если Бог <...> исчез со своего места в сверхчувственном мире, то само это место все же остается – пусть даже и опустевшее, – поясняет М. Хайдеггер. – И вот эту опустевшую область сверхчувственного, область идеального мира, все еще можно удерживать. И опустевшее место даже вызывает к тому, чтобы его заняли, заместив исчезнувшего Бога чем-то иным. Воздвигаются новые идеалы» [18].

Иными словами, происходит то, о чем писал Сартр, говоря о философах-атеистах, не ликвидировавших идею о предшествовании сущности существованию. Последнее начинает играть оп-

ределяющую роль лишь при устраниении самого места высших ценностей, сверхчувственного как области, которое осуществляется в полном нигилизме: «Коль скоро Бог как сверхчувственная основа, как цель всего действительного мертв, а сверхчувственный мир идей утратил свою обязательность и, прежде всего, лишился силы будить и созидать, не остается вовсе ничего, чего бы держался, на что мог бы опереться и чем мог бы направиться человек» [19].

Средневековому сознанию, отмечает М. Блюменкранц, была присуща структура жестко иерархизированного вертикального двоемирия – град земной под градом небесным. Бог для человека Средних веков являлся «точкой центрирования и основой иерархического единства Вселенной» [20], благодаря чему его жизнь получала сверхличностный смысл. Соответственно, «смерть Бога» означала для человека утрату этой центрирующей точки. Она стала одним из факторов актуализации притворства. Уход Бога как силы, сдерживавшей экспансию «я» и вместе с тем «цементирующую» сложившийся социальный порядок, из горизонта сознания человека привел к утверждению субъекта в его автономности и авторпроектности. А эти качества, как мы уже писали, лежат в основе притворства.

Виртуальный мир как расширение человека

Впрочем, наряду с утратой точки центрирования «смерть Бога» была чревата и разрушением осмысленности мира. На это указывал еще Гегель, который задолго до Ницше в своей «Феноменологии духа» (1808 г.) произнес слова «Бог умер». На примере кризиса античных религиозных представлений он хорошо описал опыт абсолютной потери: «Упование на вечные законы богов угасло точно так же, как умолкли оракулы, предвозвещавшие особенное. Статуи теперь – трупы, покинутые оживотворящей душой, как гимны – слова, вера в которые прошла; на трапезах богов нет духовной пищи и питья, а их игры и празднества не возвращают сознанию радостного единства его с сущностью» [21].

Чем, как не означающим без означаемого, являются эти гегелевские статуи-трупы? Речь здесь вновь идет о симулякрах, о которых мы писали в начале статьи и власть которых Делез, напомним, связывал с низвержением платонизма. Кризис платонической метафизики, таким образом, обернулся тем, что человек, ликвидировав сверхчувственный мир сущностей, сам стал выбирать себе сущность. А это выдает в нем самозванца, притворщика, то есть опять же симулякр, который у Платона ассоциируется с ложным претендентом на что-либо. Характерно, что Делез сравнивает его с «Протеем, всюду проникающим и повсюду сующим свой нос» [22].

Все это свидетельствует о том, что в офлайне царит та же логика симулякра, что и в онлайне, где в силу особенностей среды она попросту проявляется с большей очевидностью. Виртуальный мир поэтому не без оснований можно рассматривать как продолжение реального, а виртуальные копии человека – как его расширение (согласно теории Маклюэна, к которой прибегает и медиааналитик А. Мирошниченко).

Схожие идеи высказывает и одна из теоретиков виртуальной идентичности, американский профессор Шерри Теркл, согласно которой множественность идентичностей в Интернете является проекцией и без того существующей множественности личности современного человека.

Предметом исследования Шерри Теркл в 90-х гг. прошлого века стали MUDs (Multi User Dungeons), или в русском варианте МПМ (мультипользовательские миры) – текстовые онлайн-игры, сочетающие элементы ролевой игры и чата. «МПМ, – писала она, – подразумевают различие, множественность, разнородность и фрагментацию. Такой опыт идентичности противоречит латинскому корню слова *idem*, означающего „тот же самый“. Но это противоречие все более определяет условия нашей жизни за пределами виртуального мира. МПМ, таким образом, становятся средствами мышления (*objects-to-think-with*) при осмыслении постмодерных самостей» [23].

Примечательно, что процитированный выше фрагмент взят из статьи с характерным названием «Who Am We?», что можно перевести как «Кто есмь мы?». В ней автор пишет, что существует много Шерри Теркл: «французская Шерри», изучавшая постструктураллизм в Париже в 60-х гг., доктор Теркл, клинический психолог, Шерри Теркл – социальный ученый, специалист по антропологии, социологии и психологии личности, Шерри Теркл – автор нескольких книг, а также женщина, участвующая в МПМ под «ником» ST. Виртуальная идентичность, таким образом, является лишь одной из ее персон.

Однако, отмечает она, такого рода игры (а мы можем добавить: и социальные сети) позволяют множить свое «я» до бесконечности. И с этим связаны как большие возможности, так и серьезная опасность. Под последней имеется в виду в первую очередь возникновение спутанной идентичности в тех случаях, когда индивид в своих экспериментах заходит далеко.

Что же касается практики притворства, которое, как мы отмечали, заключается в сокрытии условно истинного «я» ложным, в Интернете она проявляется с размахом. Все дело в том, что интерфейс, на котором объективируются образы «я», служит своего рода маской. Виртуальный мир не впускает в себя иных проявлений челове-

ка, кроме семиотических, а это предоставляет широкие возможности для экспериментов со своей идентичностью и стимулирует процессы притворства. Отсюда практикуемые в Интернете смены внешности и, реже, пола – то, что в реальной жизни пока либо недоступно, либо порицаемо.

Примечания

1. *Бодрийяр Ж.* К критике политической экономии знака. М.: Академический Проект, 2007. С. 238.
2. *Мирошниченко А.* Франкенштейны интернета. URL: http://www.chaskor.ru/article/frankenshtejny_interneta_22016
3. Там же.
4. *Делез Ж.* Логика смысла. М.: Академический Проект, 2011. С. 332.
5. *Виноградов В. В.* История слов. URL: <http://wordhist.narod.ru>
6. *Ушаков Д. Н.* Большой толковый словарь современного русского языка. URL: <http://ushdict.narod.ru>
7. *Rosseel E.* Nomadisation: social, psychological and cultural context for the XXI century? // Символы, образы и стереотипы: исторический и экзистенциальный опыт: междунар. чтения по теории, истории и философии культуры. СПб.: ФКИЦ «Эйдос», 2000. С. 12–29.
8. *Бауман З.* Индивидуализированное сообщество. М.: Логос, 2002. С. 183.
9. Там же. С. 185.
10. *Кон И. С.* В поисках себя. Личность и ее самосознание. URL: <http://psylib.ukrweb.net/books/konis01/txt08.htm>
11. *Тульчинский Г. А.* Новая антропология: личность в перспективе постчеловечности // Семиозис и культура: философия и феноменология текста. Вып. 5. Сыктывкар, 2009. С. 15.
12. Там же. С. 20.
13. *Сартр Ж.-П.* Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. М.: Политиздат, 1989. С. 321.
14. Там же.
15. Там же. С. 322.
16. *Ницше Ф.* Собр. соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. С. 126.
17. *Хайдеггер М.* Слова Ницше «Бог мертв» // Вопросы философии. 1990. № 7. С. 152.
18. Там же.
19. Там же. С. 147.
20. *Блюменфранц М.* В поисках имени и лица. Киев; Харьков: Дух і Літера: Харьковская правозащитная группа, 2007. С. 172.
21. *Гегель Г.-В.-Ф.* Феноменология духа. М.: Наука, 2000. С. 379.
22. *Делез Ж.* Логика смысла. М.: Академический Проект, 2011. С. 332.
23. *Turkle S.* Who Am We? // Reading digital culture / ed. by David Trend. (Keywords in cultural studies). Blackwell Publishers, 2001. С. 242.

ПЕДАГОГИКА

УДК 378.14

Е. Г. Замолоцких

ОБ ОСНОВНЫХ ПОДХОДАХ К ПОСТРОЕНИЮ КОМПЕТЕНТНОСТНОЙ МОДЕЛИ ВЫПУСКНИКА ВЫСШЕГО УЧЕБНОГО ЗАВЕДЕНИЯ (из опыта МГГУ имени М. А. Шолохова)

В статье изложены научно-методические подходы к построению компетентностной модели выпускника вуза с опорой на основные образовательные программы в контексте его будущей профессиональной деятельности и на базе научных основ профессии. Выявлены требования потребителей результатов подготовки специалистов, цели и задачи разработки модели, предложены измерители результативности ее функционирования, классификация компетенций на основе деления их на кластеры (мировоззренческий, нормативный и инструментальный).

The article describes methodological approaches to making competence-based model of graduating student which is based on basic educational programs in the context of his future professional activity and on the basis of profession's scientific foundation. The consumers' requirements of experts' training results, objectives and goals of model's development are revealed; effectiveness' indexes of model's functioning and competences' classification on basis of dividing into clusters (world-view, regulatory and instrumental) are proposed.

Ключевые слова: компетентностная модель выпускника вуза, основная образовательная программа, компетенция, кластер.

Keywords: competence-based model of graduating student, basic educational program, competence, cluster.

Согласно современным требованиям высшей школы к конечным целям высшего образования, в соответствии с государственными образовательными стандартами высшего профессионального образования в МГГУ им. М. А. Шолохова разрабатываются научно-методические подходы к созданию компетентностных моделей выпускника (КМВ) по направлениям подготовки.

Анализ работ по исследуемой проблеме (А. А. Вербицкий, И. А. Зимняя, Б. К. Коломиец, А. К. Маркова, Дж. Равен, Н. А. Селезнева, А. И. Субетто, Н. Хомский, А. В. Хуторской и др.) позволил нам выявить один из существен-

ных подходов к построению КМВ с опорой на модульно-компетентностные основные образовательные программы (ООП) – в контексте профессиональной деятельности выпускника и в контексте наук, которые лежат в основании той или иной профессии. Внедрение их в учебный процесс позволит определить их базовые компоненты.

При построении сбалансированной КМВ обязательным является установление и закрепление потребителей результатов, т. е. групп, чьи требования должны быть учтены:

- студенты и слушатели ООП;
- работодатели;
- социальные институты, в т. ч. государство.

Основными требованиями студентов и слушателей ООП являются: удовлетворенность собственных потребностей, личная и профессиональная самореализация, жизненный успех. Достижение этой цели зависит от формирования личностных как профессиональных, так и общекультурных (универсальных) компетенций.

В основные требования работодателей включены: эффективное участие выпускника в осуществлении трудовых функций и должностных обязанностей; проявление развитых универсальных компетенций, таких как инициативность, ответственность, коммуникативные качества и т. п.

Основным требованием социальных институтов (государства, семьи, профессионального сообщества, местного сообщества) определено соответствие деятельности выпускника ценностям, целям и нормам, установленным или неформально сложившимся в рамках функционирования данных институтов.

Таким образом, цель образования в рамках контекстного подхода может быть определена в трех видах категорий: 1) личная успешность; 2) профессиональная эффективность; 3) адекватность социального участия.

Построение КМВ в нашем исследовании представляет собой первую стадию разработки ООП по любому направлению и уровню подготовки.

Исследуемая модель выпускника вуза – это formalизованная цель освоения основной общеобразовательной программы и по сути представляет собой систему: 1) обоснованных показателей (компетенций), по которым мы судим о степени соответствия выпускника требованиям, предъявляемым ему рынком труда, сложившимся социальными условиями обеспечения личностного и

профессионального успеха и существующими социальными институтами; 2) обоснованных нормативных индикаторов (требований к уровню освоения), характеризующих минимальное пороговое значение компетенций, при котором можно говорить об их приемлемой сформированности; 3) измерительных инструментов (валидных, достаточно точных и надежных), которые используются для оценки данной компетенции и выявления уровня ее сформированности [1].

Естественно, что данное описание цели в разработке КМВ занимает промежуточное место между требованиями потребителей результатов и самой программой. Необходимость же создания КМВ обусловлена тем, что требования потребителей к результатам ООП в настоящее время не имеют четких формулировок. Они меняются с течением времени, а также в зависимости от специфики отрасли или региона. Однако, для проектирования адекватной ООП требуется высокая степень определенности требований к результатам подготовки выпускников вузов.

Таким образом, КМВ представляет собой формализованную модель требований потребителей к данным результатам, т. е. она формируется по результатам анализа требований потребителей к результатам профессионального образования.

Следует понимать, что любой продукт, перед тем как стать таковым, сначала должен стать интеллектуальным продуктом – моделью, проектом, планом в сознании человека, сообщества. Это обуславливается тем, что метод моделирования обладает всеобщностью: моделировать можно любой объект, а возможность моделирования объектов любой природы означает возможность их познаваемости. Компетентностная модель выпускника, как всякая модель, является в том числе обобщением требований потребителей. Кроме того, эти требования, как уже отмечалось выше, могут меняться, и это обстоятельство следует учитывать в процессе создания КМВ, а затем периодически (не реже 1 раза в 5 лет) подвергать коррекции в процессе ее ревизии и обновления.

Далее при создании КМВ на базе основной общеобразовательной программы необходимо точно и однозначно определить, какие способности выпускника нужно развивать и как, при помощи каких измерений и каким способом выявить, что данные способности достигли того минимального уровня, при котором можно говорить о его личной, социальной и профессиональной готовности к осуществлению определенной профессиональной деятельности [2].

Следующая задача, которую необходимо решить по разработке ООП, – соответствие содержания, форм и методов, заложенных в программу, уровню разработанной и утвержденной ком-

петентностной модели. В процессе реализации программ создаются базы данных о соответствии результатов ООП требованиям КМВ, что является эмпирической основой для ревизии и повышения их результативности.

Результативность в данном случае мы рассматриваем как ее способность обеспечить достижение нормативного компетентностного профиля (НКП). Измерителем результативности является доля выпускников, обладающих установленным для данного направления и уровня подготовки НКП, от общего количества зачисленных студентов (слушателей) по данному направлению.

Соответствие КМВ реальным требованиям самого студента, запросам рынка труда и социальных институтов является фундаментом качества всей ООП. Неадекватность модели вызывает в реальности, даже при хорошо разработанной основной образовательной программе, неэффективную подготовку выпускника к успешной профессиональной деятельности.

Одним из важных шагов при построении компетентностной модели выпускника является четкое определение используемых компетенций. В основу нашего исследования, согласно А. А. Вербицкому, положен принцип контекстного обучения, в котором содержится методологический ключ к построению базовых основ КМВ. Мы в общем виде определяем компетенцию как способность решать профессиональные, личные и социальные задачи.

В рамках нашего исследования операциональной единицей проявления компетенции (или нескольких компетенций) является решение задачи. Соответственно, адекватным средством измерения компетенции может быть признана доля успешно решенных профессиональных задач разной степени сложности, в которых проявляется данная компетенция. Сложность задачи, в свою очередь, связывается нами со степенью ее комплексности, нестандартностью, неопределенностью ее условий и для некоторых типов задач (например, творческих) – нестандартностью результатов.

Главным требованием к средству оценки является валидность, то есть способность данного средства оценки измерять именно ту компетенцию, которую оно призвано измерять. К дополнительным универсальным требованиям относятся точность и надежность.

Методологическим ключом к построению банка заданий является связь между компетенциями и успешным решением задач профессиональной деятельности, социальным участием и личным ростом.

Способность решать те или иные задачи, в свою очередь, может быть инструментально из-

мерена через способность выпускника (студента, слушателя) результативно выполнять учебные задания, моделирующие комплексное решение реальных задач, либо отдельные аспекты их решения. Таким образом, связь между компетенциями и задачами может быть развернута в трехзвенную модель:

КОМПЕТЕНЦИИ – ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ – УЧЕБНЫЕ ЗАДАНИЯ

В Московском государственном гуманитарном университете имени М. А. Шолохова принята классификация компетенций, базирующаяся на ФГОС ВПО и разделенная на две группы – общекультурные и профессиональные.

Общекультурные компетенции – это компетенции, обеспечивающие развитие, жизненный успех, социальную адаптацию личности, способствующие решению профессиональных задач, задач социального участия и личного роста вне зависимости от конкретного направления профессиональной деятельности.

Профессиональные компетенции – компетенции, обеспечивающие успех и карьерный рост в конкретной сфере профессиональной деятельности.

И общекультурная, и профессиональная группы подразделяются на три кластера: мировоззренческий, нормативный и инструментальный.

В мировоззренческий кластер входят компетенции, отражающие способность выпускника использовать научные знания о природе, человеке и обществе в процессе своей профессиональной деятельности, социального участия и личностного роста.

Мировоззренческий кластер общекультурной группы компетенций включает в себя компетенции по использованию общих знаний о мире, человеке и обществе.

Мировоззренческий кластер профессиональной группы компетенций включает в себя компетенции по использованию на практике знаний из областей, составляющих фундаментальную основу определенного направления подготовки.

В нормативный кластер входят компетенции, позволяющие выпускнику давать оценку ситуации, личности, поступка, формировать собственное отношение с точки зрения определенных социальных норм (права, морали) и руководствоваться ими в процессе своей профессиональной деятельности, социального участия и личностного роста.

Нормативный кластер общекультурной группы компетенций включает в себя компетенции, позволяющие дать оценку ситуации, личности, поступка с точки зрения общих правовых и этических норм.

Нормативный кластер профессиональной группы компетенций включает в себя компетенции, позволяющие дать оценку ситуации, личности или поступка с точки зрения специальных разделов права и норм профессиональной этики, которые характерны для определенного вида профессиональной деятельности.

Инструментальный кластер составляют компетенции, отражающие способности использовать сложившиеся умения и навыки в процессе своей профессиональной деятельности, социального участия и личностного роста.

Инструментальный кластер общекультурной группы компетенций включает в себя инструментальные компетенции, проявляющиеся вне зависимости от конкретной сферы профессиональной деятельности (например, способность планировать свою работу, ответственность, инициативность и т. п.).

Инструментальный кластер профессиональной группы компетенций включает в себя инструментальные компетенции, которые позволяют эффективно решать задачи определенного вида профессиональной деятельности [3].

При разработке средств оценки необходимо учитывать тот факт, что в настоящее время не существует универсальных средств и методов оценки компетенций, так как каждому компетентностному кластеру должны соответствовать свои задания и методики их проведения.

Так, компетенции мировоззренческого кластера удобно измерять посредством пяти видов заданий, выявляющих:

- 1) знание фактов;
- 2) знание связей;
- 3) прагматическое использование (например, в целях профессиональной деятельности уместно использовать анализ ситуации, тесты кейсового типа);
- 4) владение методами исследований в конкретной области;
- 5) творческий уровень (самостоятельный получение нового знания, новых связей, нового качества).

Выявление уровней сформированности нормативных компетенций у выпускника, на наш взгляд, предполагает оценку:

- 1) знаний норм, характеризующих профессиональную деятельность, в том числе с точки зрения общечеловеческих ценностей;
- 2) способности оценить ситуацию, поступок с точки зрения социальных норм, сформировать и аргументировать собственное отношение;
- 3) способности сделать вывод, принять решение, действовать в соответствии с личностно принятыми нормами.

При срезе инструментальных компетенций важно выявить способность решать стандартные и

нестандартные задачи разного уровня сложности. При этом необходимо составить банк профессиональных задач, а затем на его основе – банк контрольных заданий. Уровень сложности каждого задания, используемого для оценки способности решать ту или иную профессиональную задачу, должен быть выявлен эмпирическим путем.

Оптимальный путь эффективности в достижении профессиональных задач – выявление на стадии формирования инструментального компетентностного кластера их соответствия/несоответствия разработанной модели в процессе интервью с наиболее успешными специалистами и анкетирования работодателей. Несомненно, банк профессиональных задач должен постоянно расширяться и обновляться. Он может способствовать осуществлению не только контролирующей, но и обучающей функции, использоваться в рамках аудиторных и самостоятельных занятий.

Инструментальные компетенции могут быть измерены с помощью нескольких шкал (многие компетенции будут иметь более одного измерения). Наиболее универсальные показатели:

- интенсивность или завершенность действия. С помощью такой шкалы можно измерить задействованную интенсивность намерения (или личного качества человека) и завершенность действий, принятых для реализации данного намерения;
- масштабность воздействия. Данная шкала отражает количество объектов, на которые оказывается воздействие при решении той или иной профессиональной задачи, круг задействованных ресурсов, масштабы последствия принятого решения, размер проблемы, к которой обратились;
- количество усилий – количество дополнительных усилий или времени, затраченного на решение проблемы;
- уникальность принятого решения или действия – в рамках данной шкалы оценивается, насколько творческим или, напротив, стандартным, типичным было принятное решение.

Задания по оценке степени сформированности каждой из компетенций должны быть разделены на три уровня сложности (базовые, продвинутые, сложные). Степень сформированности компетенции и соответствие ее НКП оценивается как доля успешно выполненных заданий каждого уровня сложности.

Таким образом, мы считаем, что успешность использования предлагаемых нами компонентов компетентностной модели выпускника по направлениям подготовки положительно скажется на имидже образовательного учреждения и послужит надежным фундаментом для его дальнейшего обеспечения качества подготовки специалистов с высшим образованием.

Примечания

1. Дурнева Е. Е., Нечаев В. Д. Построение компетентностной модели выпускника МГГУ имени М. А. Шолохова: учеб. пособие. М.: РИЦ МГГУ им. М. А. Шолохова, 2010. 109 с.

2. Нечаев В. Д., Замолоцких Е. Г., Дурнева Е. Е. Построение основных образовательных программ в контекстно-компетентностном формате: метод. рек. М.: РИЦ МГГУ им. М. А. Шолохова, 2010. 39 с.

3. Дурнева Е. Е., Нечаев В. Д. Указ. соч.

УДК 37.035

Е. А. Никитина

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ПОДГОТОВКИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ К БРАКУ И СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ

В статье рассматриваются педагогические условия подготовки старшеклассников к браку и семейной жизни: фамилистическая подготовленность педагогов; актуализация витагенного опыта старшеклассников; активизация эмоциональной сферы учащихся; использование технологии педагогической поддержки.

In the article it's talked about pedagogical conditions of preparation graduates to marriage and family: family preparation of teachers, urgency of vitagenny experience of graduates, activation of emotional area of the students, usage of technology of pedagogical support

Ключевые слова: педагогические условия, подготовка старшеклассников к браку и семейной жизни.

Keywords: pedagogical conditions, preparation graduates to marriage and family.

Кризисные явления в современном обществе, связанные с экономическими, социальными, политическими и другими преобразованиями, оказывают негативное воздействие на состояние и функционирование института семьи. Следствием подобных тенденций является снижение ценности брачно-семейных отношений, распространение их альтернативных форм, низкая рождаемость, стабильно сохраняющаяся недолговечность семьи. По мнению ученых, сегодня в обществе отсутствуют какие-либо стихийные или социальные «защитные механизмы» семьи, поэтому необходимо предпринимать незамедлительные меры, способствующие укреплению института семьи: воспитанию ценностного отношения к семье; корректировке системы поведенческих норм в сфере семьи и брака, представлений о содержании семейных ролей и т. д. В связи с этим актуализируется проблема подготовки старше-

классников к браку и семейной жизни и необходимость разработки педагогических условий реализации данного процесса.

Под условиями подготовки старшеклассников к семейной жизни мы понимаем совокупность обстоятельств, оказывающих влияние на протекание исследуемого нами процесса. Данные условия будут педагогическими, поскольку они сознательно конструируются педагогом, соотнесены с его профессиональными действиями, а предметом реализации таких условий мыслится формирующаяся личность старшеклассника.

Исходя из анализа опыта подготовки школьников к семейной жизни, изучения современного институционального состояния семьи и проведенного нами эксперимента мы выдвигаем четыре основных условия подготовки старшеклассников к браку и семейной жизни:

- 1) фамилистическая подготовленность педагогов;
- 2) актуализация витагенного опыта старшеклассников;
- 3) активизация эмоциональной сферы учащихся;
- 4) использование технологии педагогической поддержки.

Охарактеризуем выявленные педагогические условия подготовки старшеклассников к браку и семейной жизни.

Первое из выдвинутых педагогических условий – *фамилистическая подготовленность педагогов*. Для определения сущности понятия «фамилистическая подготовленность» определим содержание каждой из составляющих – «фамилистика» и «подготовленность». Слово «фамилистика» происходит от английского family, что в переводе обозначает «семья». Фамилистика – общая наука о семье и семейных феноменах, общее обозначение всех наук, исследующих те или иные аспекты фамилистических явлений. В узком смысле – дисциплина, занимающаяся изучением фамилизма. Фамилизм – термин, обозначающий направленность системы взаимосвязанных ценностей на семью и семейный образ жизни; на уровне общества, социальных институтов, общностей, групп, индивидов характеризует приоритет ценности семьи и детей перед всеми остальными ценностями [1]. Как отмечает Н. Ю. Шлейкова, «основные направления фамилистики изучаются на факультетах социальных наук и являются неотъемлемым атрибутом подготовки социологов, психологов, экономистов и социальных работников. Программы же педагогических вузов не предусматривают освоение основ фамилистики студентами – будущими учителями, хотя настоятельная потребность в этом очевидна» [2]. Таким образом, фамилистическая составляющая обеспечивает направленность де-

ятельности учителя на приоритет ценностей семьи, детей, брака, отражая наиболее полно сферу знаний о семье.

Далее остановимся на понятии «подготовленность». В толковом словаре русского языка «подготовленность» определяется как «наличие подготовки к какому-нибудь делу, работе. Подготовка – запас знаний, полученных в процессе обучения чему-нибудь» [3]. Подготовиться, то есть «1. Запастись какими-нибудь материалами, сведениями, знаниями для чего-нибудь. 2. Настроить, расположить себя к чему-нибудь» [4]. Следовательно, «подготовленность» выступает как условие и регулятор деятельности, как предстартовое состояние к той или иной деятельности, как признак установки на какую-либо деятельность.

Таким образом, фамилистическую подготовленность мы определяем как интегральную характеристику, включающую в себя: знания основ фамилистики; наличие потребности и умений применять их в практической деятельности; стремление к самообразованию и самовоспитанию в данном направлении. Следовательно, для реализации процесса формирования фамилистической готовности педагогов необходимо решить следующие задачи:

- 1) формировать систему фамилистических знаний;
- 2) способствовать становлению позитивных установок на сохранение и укрепление семьи, формированию ценностных ориентаций на семью;
- 3) развивать стремление к самообразованию, самовоспитанию и самосовершенствованию личности педагога как семьянина и как педагога-профессионала [5].

Второе из выдвинутых нами условий – *актуализация витагенного опыта* старшеклассников. Витагенный опыт рассматривается как личностно значимая, наиболее часто актуализируемая часть жизненного опыта человека, составляющая жизненно активное единство его эгоцентрического мироотношения [6]. Отсюда появляется, с одной стороны, возможность опоры в процессе воспитания на витагенный опыт как на базовый, лично значимый. С другой стороны, возможность целенаправленного педагогического воздействия на содержание витагенного опыта, на корректировку ошибочных представлений и на расширение границ витагенного опыта.

Актуализация витагенного опыта старшеклассников является необходимым условием подготовки старшеклассников к семейной жизни, так как необходима интеграция всех типов фамилистических знаний и особое сочетание научной формы данного знания с житейской, являющейся результатом предшествующего жизненного опыта личности. Важно отметить, что юношеский

возраст является периодом наивысшей активности внутренних процессов развития личности. Старшеклассник осуществляет активную внутреннюю работу по обобщению и оценке предшествующего жизненного опыта, выбору образцов и линии поведения. Исследования показывают, что важным фактором, оказывающим влияние на формирование семейных планов молодежи, оказывает опыт, приобретаемый ею в родительском доме: влияние родителей, их пример, характер отношений между родителями и детьми, атмосфера родительского дома. Большое значение имеют и знания о типах семей, получаемый юношами и девушками в процессе контактов с семьями родственников, друзей, соседей, одноклассников. Этот опыт и знания оказываются необычайно существенными для подготовки старшеклассников к семейной жизни.

Индивидуализированные представления старшеклассника об институте семьи могут быть неправильными или искаженными. Это может быть обусловлено целым рядом факторов: наличие негативного опыта, неблагоприятно складывающиеся отношения родителей, неполная семья, отсутствие одного из родителей, скучность эстетического и культурного образования и т. д. Следовательно, возникает необходимость перестроить, переделать их. Кроме того, наличие у человека прежнего опыта приводит к тому, что влияние среды уже само по себе не определяет его поведения, как не определяют его только внутренние стимулы самого индивида. Отсюда актуальная задача учителя видится в том, чтобы выявить поле личного опыта каждого ребенка, обратиться к волнующим его жизненным проблемам и создать такие условия обучения и воспитания, которые способствовали бы лично значимому познанию окружающего мира. Следовательно, при построении образовательного процесса педагоги и психологи должны опираться на витагенный опыт учащихся, так как в нем фиксируется опыт эмоциональной жизни человека, который усвоить нельзя, а можно только прожить. Поэтому нужно создавать ситуации, при которых возможна трансформация жизненного опыта в ценности у старшеклассников, так как только тот новый опыт приобретает ценность, что они воспринимают как лично значимое, что является самодостаточной ценностью для старшеклассника. А это те знания, которые они познали, испытали на практике, что хотели бы сохранить в запасниках своей долговременной памяти, то есть то, что составляет их витагенный опыт: память мыслей, память чувств, память действий. Другими словами, назначение витагенного опыта – создать ситуацию переживания, при которой имеет место эмоциональное, личностное представление знаний под влиянием соот-

ветственно экспонированных ценностей, имеющихся в источниках жизненной информации.

Третье условие подготовки старшеклассников к семейной жизни – *активизация эмоциональной сферы* старшеклассников. Под активизацией эмоциональной сферы мы понимаем создание ситуаций эмоционально-ценостного переживания, «процесс, в результате которого моральные нормы становятся актуальными, лично значимыми для нравственного сознания индивида через восприятие их не только на рациональном, но и на эмоционально-ценостном уровне» [7]. Активизация эмоциональной сферы старшеклассников осуществляется при помощи специальных педагогических эмоционально-ценостных средств, т. е. эмоциональных стимулов. По определению М. Г. Яновской, эмоциональные стимулы – это «педагогические средства, актуализирующие эмоциональную сферу личности; это внешние эмоционально-ценостные побудители, воздействующие, прежде всего, на чувства и вызывающие у воспитуемых адекватный эмоциональный отклик, нравственное сопререживание» [8].

В процессе подготовки старшеклассников к семейной жизни необходимо использование учителем различных технологических приемов эмоционального стимулирования, активизирующих эмоциональную сферу старшеклассников [9].

Проблемно-поисковые стимулы:

– Анализ проблемных вопросов, т. е. мини-задач нравственного содержания. Например, «Любовь или долг – можно ли найти компромисс?»; «Одинокий человек – почему? Он неудачник?».

– Создание ситуаций-проб, связанных с жизненными проблемами, волнующими молодежь: «Неполная семья», «Сбежал из дома», «Измена», «В вас влюбляются», «Отверженный(ая)».

– Анализ нравственных конфликтных ситуаций на нейтральном материале, взятом из художественных произведений. Дискуссия «Мужчина и женщина: две половинки...» (на материале Библии).

– Разбор этического содержания пословиц, поговорок, афоризмов (Муж – голова, жена – душа. От плохой жены состаришься, от хорошей помолодеешь. Жена верховодит, так муж по соседям бродит. Мир в семье женой держится. Бабе дорога – от печи до порога).

Эмоционально-образные стимулы:

– Подборка и анализ художественных образов мужчины, женщины, семьи (на материале изобразительного искусства, художественной литературы, народного фольклора, музыкальных произведений). Составление искусствоведческого рассказа.

– Просмотр кинофильмов с последующим анализом.

– Размышления над сказками о ценности любви, о взаимоотношениях мужчины и женщины

(«Сила любви», «Любовь», «Необыкновенный» и др.).

– Рисунок «Генеалогическое древо» с последующим рассказом о преданиях, легендах, существующих в роду, о людях, кем гордится род.

– Создание коллажа «Кто такой мужчина? Кто такая женщина?».

– Скульптурная группа «Семья». После постановки сцены «художник» рассказывает о том, кто изображен на картине, чем заняты персонажи. Затем по очереди каждый участник делится своими чувствами.

Оценочно-рефлексивные стимулы:

– Внешние оценки педагога, выполняющие функцию эмоциональной поддержки: одобрительные реплики, похвала, фиксация на неожиданных ракурсах видения познавательной проблемы или культурной ценности.

– Сочинения-размышления: «Каждый ли способен любить?», «Современный мужчина», «Современная женщина».

– Составление брачного объявления для счастливого союза.

– Тестирование старшеклассников: «Сколько в вас от женщины, сколько от мужчины» (диагностика маскулинности/феминности); «Тест на готовность к любви»; «Тест на превентивную удовлетворённость браком», опросник С. Бэм (модифицированный), тест «Хорошей ли Вы будете женой?», опросник «Что я думаю о женском и мужском в воспитании?», тест «Пословицы».

– Анкетирование: «Что вас привлекает в семейной жизни и браке?», «Моя любовь в разрезе».

– Дидактическая игра «Жизнь семейная или холостяцкая?», которая проводится в виде диспута между «противниками» семейного образа жизни (холостяками) и его «защитниками». Обе команды должны найти контраргументы в свою пользу.

– Игра «Проект укрепления семьи»: учащиеся делятся на несколько советов – «экспертов», каждый из которых представляет свой проект – модель «идеальной семьи» – идеальной жены (мужа), излагают схему требований и действий супругов.

– Этические ролевые игры. Например, этический круглый стол на тему «Семья», «Любовь», «Деловая женщина или женственная женщина», организованный в форме телепередачи. Создается воображаемая ситуация, вводятся роли: телеведущий, группа поддержки, скептики, критики, профессор этики и психолог.

Таким образом, использование эмоциональных стимулов обеспечивает позитивное влияние эмоционального фактора, что делает процесс подготовки старшеклассников к браку и семейной жизни более эффективным.

Основное внимание уделяется четвертому условию названного процесса – *использованию педагогической поддержки*, под которой понимается инициирование в образовательном процессе усилий учащихся по овладению ценностным содержанием института семьи и ориентацией на него в ситуациях нравственного выбора. Мы опираемся на научные идеи О. Е. Газмана, Н. Н. Михайловой, использовавших положения личностно ориентированного подхода в обосновании концепции педагогической поддержки.

Характерно, что большинство ученых приходит к мнению о целесообразности «поддерживать» в растущем человеке его субъектность, то есть способность к преобразующему отношению к собственной жизнедеятельности, а также его индивидуальность (неповторимость, особенность человека, которая выделяет его из всех других и тем самым позволяет ему оставаться самим собой). Закономерна ссылка О. С. Газмана на «индивидуализацию в образовании» как «систему средств, способствующих осознанию в растущем человеке своего отличия от других». Характерно, что выделение индивидуализации ведет за собой необходимость «особого педагогического процесса, обеспечивающего педагогическую помощь и поддержку ребенка в индивидуальном развитии, то есть в саморазвитии». Предметом педагогической поддержки становится «процесс совместного с ребенком определения его собственных интересов, целей, возможностей и путей преодоления препятствий, мешающих ему самостоятельно достигать желаемых результатов в обучении, самовоспитании, общении, образе жизни» [10]. «Если ключевые слова воспитания, – пишет О. С. Газман, – проблема педагога как представителя государства, общества... то ключевые слова педагогической поддержки – проблема ребенка» [11].

С позиции культурологии образования поддержка рассматривается в более широком социокультурном контексте «как элемент любого со-трудничества и взаимо-действия, поскольку она является проявлением позитивного отношения к деятельности человека и готовности к со-действию его начинаниям и самореализации, что предполагает не просто партнерские, а товарищеские отношения. Ситуация поддержки – это когда начинают работать вместе СО- и САМО-процессы взрослого и ребенка, действующих на равных» [12].

Н. Б. Крылова выделяет следующие нормы поддержки, которые должны быть заложены в профессиональной позиции педагога:

1. Любовь к ребенку и, как следствие, безусловное принятие его как личности и индивидуальности; душевная теплота, отзывчивость, умение видеть и слышать, сопереживание, милосердие, терпимость и терпение, умение прощать.

2. Приверженность диалоговым формам общения с детьми, умение с ними говорить по-товарищески, умение слушать, слышать и услышать.

3. Уважение достоинства и доверие, вера в предназначение каждого ребенка, понимание его интересов, ожиданий и устремлений.

4. Ожидание успеха в решении проблемы, готовностьказать содействие и прямую помочь при решении проблемы, отказ от субъективных оценок и выводов.

5. Признание права на свободу поступка, выбора, самовыражения; признание воли ребенка и его права на собственное волеизъявление (право на «хочу» и «не хочу»).

6. Поощрение и одобрение самостоятельности, независимости и уверенности в его сильных сторонах, стимулирование самоанализа; признание равноправия ребенка в диалоге и решении собственной проблемы.

7. Умение быть его товарищем, готовность и способность быть на его стороне, готовность ничего не требовать взамен.

8. Собственный самоанализ, постоянный самоконтроль и способность изменить позицию и оценку/самооценку [13].

Педагогическая поддержка, следовательно, гарантирует продуктивность формирования индивидуального социального опыта, определяемого как «самобытный синтез различного рода запечатленных ощущений и переживаний; знаний, умений и навыков; способов общения, мышления и деятельности; стереотипов поведения; интериоризированных ценностных ориентаций и социальных установок». Индивидуальная помощь может стать необходимой в разных сферах жизнедеятельности человека: «естественно-культурной, социально-культурной, социально-психологической». Обеспечивая ученику индивидуальную помощь в решении социально-психологических задач, связанных с самопознанием и саморазвитием, педагог открывает ему перспективы восприимчивости по отношению к себе, адаптирует ученика к реальным условиям жизни. Педагогическая поддержка ставит целью установить «позитивные просоциальные взаимоотношения» ребенка с окружающими и предотвращает тем самым многие внутриличностные и межличностные конфликты [14]. Такая заданность педагогической поддержки выступает ведущим основанием ее практического преломления к процессу нравственного самоопределения личности, а в самом

принципе педагогической поддержки, организующем модальность старшеклассника на основе его собственных желаний, интересов и предпочтений, мы видим базовое процессуальное основание для подготовки старшеклассников к браку и семейной жизни.

Таким образом, подготовка старшеклассников к семейной жизни обеспечивается комплексом взаимодополняющих педагогических условий: фамилистической подготовленностью педагогов; актуализацией витагенного опыта старшеклассников; активизацией эмоциональной сферы учащихся; использованием технологии педагогической поддержки. Сегодня, следовательно, приходится не столько готовить молодого человека к семейной жизни, сколько готовить «для молодого человека» информативно-коммуникативную, адаптивную среду его нравственного выбора; необходимо помнить, что от небольшого коллектива педагогов может реально зависеть демографическое будущее государства, личное благополучие пока еще юных граждан.

Примечания

1. Антонов А. И. Микросоциология семьи М.: ИНФРА-М, 2005. С. 54.
2. Шлейкова Н. Ю. Подготовка учащихся к семейной жизни: теория и практика: учеб.-метод. пособие. Ульяновск: Симбирская книга, 2005. С. 26.
3. Толковый словарь русского языка: в 4 т. Т. 3 / под ред. Д. Ушакова. М.: ТЕРРА, 1996. С. 378.
4. Там же.
5. Шлейкова Н. Ю. Указ. соч. С. 26
6. Свинина Н. Г. Жизненный опыт учащихся в контексте личностно ориентированного образования // Педагогика. 2001. № 7. С. 29.
7. Сахаров В. А. Эмоциональный фактор духовно-нравственного воспитания личности в отечественной педагогике (I пол. XX в.). Киров: Лобань, 2008. С. 48.
8. Яновская М. Г. Эмоциональный фактор в процессе формирования интеллигентности будущего специалиста. Киров: Изд-во ВятГУ, 2008. С. 62.
9. Там же. С. 34.
10. Воспитание и педагогическая поддержка детей в образовании: материалы всерос. науч.-практ. конф. / Зеленоград, октябрь 1995; под общ. ред. О. С. Газмана. М.: Инноватор, 1996. С. 14–15.
11. Там же. С. 7.
12. Крылова Н. Б. Культурология образования. М.: Народное образование, 2000. С. 121–122.
13. Там же. С. 126–127.
14. Мудрик А. В. Общение в процессе воспитания: учеб. пособие М.: Пед. о-во России, 2001. С. 205.

УДК 378.147.88

О. В. Ракитина

**РЕЛЕВАНТНОСТЬ КРИТЕРИЕВ КАЧЕСТВА
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ
ОБУЧАЮЩИХСЯ В БАКАЛАВРИАТЕ,
МАГИСТРАТУРЕ, АСПИРАНТУРЕ
(психолого-педагогические аспекты)***

Анализируется проблема релевантности объективных критериев научно-исследовательской работы в педагогическом вузе. Выявлена неоднозначность таких объективных критериев, как академическая оценка, активность участия в конференциях, количество научных публикаций, грамотность оформления научных текстов и т. д., применяемых при оценке качества научно-исследовательской работы обучающихся в вузе. Определяются релевантные критерии научно-исследовательской компетентности обучающихся на ступенях бакалавриата, магистратуры, аспирантуры.

In this article we analyze the problem of the relevant objective criteria in scientific research in the pedagogical university. It was revealed the ambiguity of such objective criteria as academic assessment, active participation in conferences, the number of scientific publications, literacy processing of scientific texts, etc., that are used in assessing the quality of students scientific research work at the university. We determine students relevant criteria of scientific research competence in accordance with their study level: undergraduate, graduate, postgraduate.

Ключевые слова: научно-исследовательская работа, научно-исследовательские компетенции, релевантность, критерии качества научно-исследовательской работы, бакалавриат, магистратура, аспирантура.

Keywords: scientific research, research competence, relevance, quality criteria for scientific research, undergraduate, graduate, postgraduate studies.

Реализация компетентностного подхода в системе высшего образования основной целью ставит формирование *компетентного специалиста*, т. е. выпускника, готового осуществлять различные виды профессиональной деятельности и умеющего решать соответствующие функциональные задачи, которые составляют содержание компетенций. Научно-исследовательская деятельность является одним из видов профессиональной деятельности, и определение системы компетенций выпускника в этой области является важной задачей. При оценке качества НИР, а значит, компетентности субъекта деятельности используются объективные, то есть формализованные, внеш-

не отслеживаемые и фиксируемые показатели (академические оценки, количество статей в научной периодике, индекс цитирования и др.), широко используемые в практике высшей школы при оценке качества НИР вуза, при аттестации выпускников и научно-преподавательского состава, при определении соответствия уровня работы преподавателей квалификационным требованиям и т. д.

Но в какой мере и насколько точно эти показатели отражают степень и характер внутренних изменений, происходящих в структуре компетенций, в самом субъекте научной деятельности? Определение релевантности, а следовательно, качества самих критериев является принципиально важной задачей, так как игнорирование этого вопроса может привести к снижению эффективности НИР в вузе, к серьезным недостаткам при организации этой деятельности, к ошибкам и заблуждениям при оценке компетентности субъекта, при определении уровня его квалификации и т. д.

В Ярославском государственном педагогическом университете им. К. Д. Ушинского задача релевантности критериев НИР решалась в ходе реализации проекта «Компетентностный подход к подготовке научных кадров в высшей школе» аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы» (2009–2011). Работа над проектом позволила определить виды (блоки) компетенций в области НИР для разных ступеней образования (бакалавриат, магистратура, аспирантура) и научно-педагогической деятельности, а также разработать модель поэтапного формирования научно-исследовательских компетенций (НИК) обучающихся [1]. При этом мы основывались на концепции системогенеза деятельности, разработанной В. Д. Шадриковым [2]. В соответствии с этой концепцией деятельность рассматривается как психологическая структура, состоящая из функциональных блоков: мотивационного, цели деятельности, программы деятельности, информационной основы деятельности, принятия решения, подсистемы профессионально важных качеств (ПВК) [3].

Научно-исследовательская работа определяется Государственными образовательными стандартами третьего поколения как вид профессиональной деятельности субъекта, следовательно, психологическая структура научно-исследовательской деятельности включает в себя вышеобозначенные функциональные блоки. В соответствии с функциональными блоками научно-исследовательской деятельности нами были определены следующие виды (блоки) научно-исследовательских компетенций: личностно-мотивационные компетенции, компетенции в области целеобразования, в об-

* Статья подготовлена по проекту № 2.2.2.4/5273 «Компетентностный подход к подготовке научных кадров в высшей школе» аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2011 годы)».

ласти программы деятельности, в области информационной основы деятельности, компетенции в области принятия решений, компетенции в области коррекции и оценки результатов НИР [4]. Что касается ПВК, то в аспекте системы компетенций они не составляют отдельный блок, а имплицитно присутствуют во всех других, поскольку они есть компетенции.

В ходе реализации проекта нами была разработана модель поэтапного формирования научно-исследовательских компетенций (НИК): определена система инвариативных (не зависящих от уровня и направления подготовки) и специальных (формирующихся на определенной ступени) компетенций для бакалавриата, магистратуры, аспирантуры. Определены их содержание, показатели и условия формирования [5].

Следующим необходимым шагом в этом направлении стало обращение к проблеме релевантности объективных критериев развития научно-исследовательских компетенций и компетентности.

Релевантность объективного (формализованного) критерия определялась через его взаимосвязь с субъективными показателями, отражающими развитие научно-исследовательских компетенций субъекта деятельности. Поэтому под релевантными понимаются те объективные критерии, которые репрезентируют именно психологическое содержание компетенций как внутренних новообразований личности [6].

В качестве объективных критериев научно-исследовательской компетентности обучающихся в бакалавриате и магистратуре педвуза использовались следующие:

- академические оценки за первую и вторую курсовые работы, за ВКР бакалавра/магистра;
- общее число публикаций на данном этапе обучения;
- количество публикаций с учетом категории публикации и степени самостоятельности при ее подготовке, а именно индивидуально подготовленных тезисов; тезисов, подготовленных в соавторстве с научным руководителем; индивидуальных научных статей; научных статей в соавторстве с научным руководителем; индивидуальных методических разработок; методических разработок в соавторстве с научным руководителем;
- количество докладов на конференциях различного статуса, подготовленных за период обучения (студенческие конференции, внутривузовские, межвузовские, всероссийские, международные конференции). Релевантность объективных критериев определялась через взаимосвязь с субъективными показателями компетенций различных функциональных блоков НИР.

При определении объективных критериев НИК аспирантов мы исходили из того, что основной целью подготовки аспирантов является форми-

рование их научно-исследовательской и научно-педагогической компетентности. При этом было важно соблюдать принцип преемственности, позволяющий соотносить результаты исследований разных уровней образования. В социологическом исследовании Б. И. Бедного, А. А. Миронова, С. С. Балабанова указываются требования к критериям оценки работы: простота, значимость, немногочисленность, понятность для участников, ориентация их на результат. Авторами выявлены следующие критерии для оценки результативности работы аспирантуры, которые приводим в порядке значимости: (1) количество статей в рецензируемых российских и зарубежных научных изданиях; (2) подготовленный в установленный срок текст диссертации; (3) количество выступлений на российских и международных научных конференциях; (4) наличие финансовой поддержки НИР, в рамках которой осуществляется диссертационное исследование; (5) награды (дипломы) за победу на всероссийских и международных конкурсах аспирантских работ; (6) общее количество публикаций; (7) общее количество выступлений на семинарах, конференциях различного уровня; (8) награды (дипломы) за победу в вузовских и региональных конкурсах аспирантских работ. В работе также приводятся дополнительные критерии оценки научной работы аспирантов: (1) доля публикаций аспирантов без соавторства в ведущих российских и зарубежных научных журналах; (2) доля аспирантов, принятых на работу в вузы и НИИ; (3) доля аспирантов, чья деятельность после обучения в аспирантуре связана с научной и(или) педагогической работой; (4) внедрение научных разработок в практику, а также их социальный и экономический эффект [7].

В рамках нашего исследования были определены следующие **объективные показатели** научно-исследовательской компетентности аспирантов педвуза:

- академические оценки за курсовые работы и ВКР бакалавра/магистра;
- общее число публикаций на этапе обучения в аспирантуре;
- количество научных статей ежегодно;
- количество публикаций различных категорий: индивидуально подготовленных тезисов, тезисов, подготовленных в соавторстве с преподавателем, индивидуальных научных статей, научных статей в соавторстве с преподавателем, индивидуальных методических разработок, методических разработок в соавторстве с преподавателем;
- количество докладов на конференциях различного статуса, подготовленных за период обучения в аспирантуре (внутривузовские, межвузовские, всероссийские, международные конференции);
- оценки за кандидатские экзамены;

- внедрение результатов исследования в практику образовательного учреждения;
- грамотность оформления;
- готовность диссертации к защите.

Ввиду того что некоторые критерии содержали частные дифференцирующие показатели (категории публикаций и статус конференций), на этапе обработки результатов они учитывались посредством введения повышающих коэффициентов. Например, наименьший коэффициент имел показатель «количество тезисов, подготовленных в соавторстве с научным руководителем или другим преподавателем», а наибольший – «индивидуальные научные статьи и методические разработки». К количеству публикаций во внутривузовском издании применялся меньший коэффициент, чем к числу публикаций в научных журналах, включенных в перечень ВАК. Коэффициент, применяемый к показателю «количество конференций», также увеличивался от студенческой конференции к международной и т. д.

В качестве **субъективных** нами рассматривались критерии, отражающие характер *внутриличностных* изменений, формирующихся психологических новообразований, которые проявляются в деятельности и поведении субъекта. В основу этих показателей был положен *принцип самостоятельности* реализации научно-исследовательских компетенций, поскольку именно эта характеристика является важнейшей при определении компетентности субъекта.

Исследование релевантности критериев качества НИР осуществлялось методом самооценки обучающихся (студентов и аспирантов) в сочетании с методом *экспертной оценки*, который использовался для обеспечения объективности отслеживаемых критериев.

На основе отобранных критериев был разработан комплекс методик, включающий в себя: анкету для студентов бакалавриата, анкету для магистрантов, анкету для аспирантов, а также анкеты для экспертов.

Участниками исследования были обучающиеся в бакалавриате, магистратуре, аспирантуре тех факультетов ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, на которых бакалавриат и магистратура существуют достаточно продолжительный период. Общая выборка исследования составила 249 обучающихся, из них студентов третьего и четвертого курсов бакалавриата – 147 человек, магистрантов – 51 человек, аспирантов/соискателей – 51 человек. В качестве экспертов выступали научные руководители курсовых, выпускных квалификационных работ бакалавров, магистерских и кандидатских диссертаций, а также преподаватели методологических дисциплин. Экспертную группу составили в общей сложности

37 экспертов, из них 10 докторов наук и 27 кандидатов наук.

Обратимся к анализу объективных критериев научно-исследовательской компетентности студентов бакалавриата.

Как показало исследование, объективные показатели НИК будущих бакалавров фактически сводятся к двум основным: к оценкам, полученным за курсовые работы, и к участию в студенческих конференциях. Для ступени бакалавриата список объективных показателей весьма ограничен, поскольку часть показателей невозмож но было получить в момент исследования (например, защиты ВКР проходят в конце учебного года), а также в связи с тем, что некоторые существующие показатели практически не проявились на подвыборке будущих бакалавров, например научные статьи и методические разработки.

Оценки за курсовые работы на четвертом курсе значительно ниже, чем на третьем. Это можно объяснить возрастающими требованиями ко второй курсовой работе. Но к четвертому курсу существенно возрастает активность участия студентов в конференциях.

Сразу отметим, что корреляционный анализ между показателями блоков компетенций показал определенное несоответствие между оценками экспертов и самих студентов. Значимые взаимосвязи между экспертной оценкой и самооценкой студентов начинают устанавливаться только к окончанию бакалавриата. В целом эксперты оценивают большинство научно-исследовательских компетенций ниже, чем студенты. Возможно, имеется рассогласование обращенных к студентам экспекций преподавателей и осознаваемых собственных ожиданий студентов. Можно также предполагать изначально несколько завышенные представления студентов о собственной компетентности. Исключение составляют личностно-мотивационные компетенции, единодушно оцениваемые и экспертами, и студентами как относительно невысокие.

Экспертные оценки развития НИК обучающихся значимо связаны с академическими оценками курсовых работ и показателем участия студентов в научных конференциях. Научные руководители студентов бакалавриата преимущественно комплексно оценивают работы студентов с учетом уровня развития их компетенций в области научно-исследовательской деятельности, особенно на четвертом курсе, когда студент выполняет уже вторую курсовую работу.

Но сами студенты не связывают собственную компетентность в научной деятельности с академической оценкой за курсовые работы. Иначе говоря, для них оценка *не является* отражением их компетентности, эффективности в НИР. В представлениях студентов академические оцен-

ки за НИР являются индикаторами только мотивационных аспектов деятельности, но при этом не отражают общую компетентность субъекта в этой области. Объективные показатели качества НИР (оценки за курсовые работы и активность участия в конференциях) связаны только с личностно-мотивационными компетенциями, что свидетельствует о понимании студентами бакалавриата значения собственной активной позиции и заинтересованности в успешности научно-исследовательской работы. С другой стороны, личностно-мотивационные компетенции наименее развиты в структуре НИК, т. е. студенты характеризуются относительно невысокой мотивацией к научной деятельности.

Таким образом, объективные показатели НИК будущих бакалавров фактически сводятся к двум основным: к оценкам, полученным за курсовые работы, и к участию в студенческих конференциях. Из этих двух реально фиксируемых показателей академическая успешность курсовых работ не связана с самооценкой уровня научно-исследовательских компетенций бакалавров, следовательно, не может в полной мере являться адекватным критерием эффективности НИР, поскольку не принята самими обучающимися. Другими словами, *академическая оценка* за научные работы *не является* в полной мере *релевантным критерием* научно-исследовательской компетентности. На нее ориентируются научные руководители и преподаватели, но не сами обучающиеся.

Данный вывод соответствует выводам, содержащимся в работе «Модели и методы внутреннего и внешнего оценивания качества образования в вузах» [8]. Авторами высказывается мнение о несостоятельности академической оценки. При оценке качества подготовки студентов вуза показатель «доля студентов, получивших “хорошо” и “отлично” по результатам экзаменационных сессий по курсам, специальностям, направлениям, циклам дисциплин, а также по фундаментальным дисциплинам на старших курсах», по мнению авторов, «не является репрезентативным в силу несовершенства используемого сейчас инструментария для их получения (субъективизм экзаменатора оказывает существенное влияние). Путь разрешения этой проблемы нам видится в изменении механизма оценивания уровня компетентности студентов. Введением практики тестирования это противоречие не устранить. Гораздо более эффективным средством, на наш взгляд, является внедрение в систему высшей школы кредитно-рейтинговой системы оценивания, оценка приобретенных компетентностей потенциальными работодателями в процессе прохождения различных видов практик, участие студентов в разработке прикладных проектов <...>, привлечение к текущей, промежуточной

и итоговой аттестации сторонних экспертов (внутри вуза или извне)» [9].

Критерий *активности* участия студентов бакалавриата в научно-практических конференциях в представлениях студентов и экспертов значимо связан практически со всеми блоками компетенций и с общим уровнем научно-исследовательской компетентности. Активность участия в конференциях существенно возрастает и является для будущих бакалавров действительным объективным подтверждением собственной научно-исследовательской компетентности. Следовательно, *количество выступлений* студентов на конференциях является *релевантным критерием* компетентности обучающихся в области научно-исследовательской работы.

Таким образом, проблема поиска объективных критериев научных компетенций студентов бакалавриата является важнейшим условием эффективности НИР. Необходимо разрабатывать способы оценивания научных компетенций студентов бакалавриата, включающие в себя не только объективно заданные, формализованные, но и субъективные (внутриличностные) критерии. Такими способами могут быть разработка и введение рейтинговой системы оценивания научной работы студентов, привлечение к оценке научной работы внутривузовских и внешних экспертов, а именно других обучающихся, потенциальных работодателей, руководителей научных и прикладных проектов. Это позволит образовать для студентов, их научных руководителей, членов аттестационных комиссий, потенциальных работодателей *общий контекст* оценивания научно-исследовательской деятельности обучающихся.

Перейдем к анализу объективных критериев качества НИР студентов магистратуры.

Список объективных показателей НИР на ступени магистратуры расширяется, в него включены: (1) оценки за курсовые и выпускные квалификационные работы; (2) степень участия студентов в научных и научно-практических конференциях разного уровня; (3) количество различных видов научных публикаций [10].

К концу обучения в магистратуре возрастает количество публикаций, а степень участия в конференциях становится ниже, хотя и не существенно. Это может быть связано с невысоким уровнем мотивационной готовности к исследовательской деятельности, в целом характерной для обучения в магистратуре. Возможно, научно-исследовательская работа не является для магистрантов приоритетным видом профессиональной деятельности.

Значимые корреляционные связи показателя *участие в конференциях* с показателями НИК не фиксируются, вследствие чего нет оснований

отнести его к релевантным критериям компетентности магистрантов.

Результаты корреляционного анализа подтверждают «чувствительность» к уровню научно-исследовательской компетентности обучающихся двух объективных показателей: (1) «академические оценки за курсовые и ВКР» и (2) «количество научных публикаций». Но репрезентативность каждого из этих критериев различна.

Релевантностью характеризуется критерий «*количество научных публикаций*» различных категорий». Подготовка публикаций является подтверждением развитых компетенций и для самих обучающихся и, в еще большей степени, для экспертов.

Академическая оценка за НИР репрезентативна для представлений экспертов об общем уровне компетентности магистрантов. Уровень академической оценки соотносится (коррелирует) с экспертной оценкой личностно-мотивационных компетенций студентов и компетенций в области принятия решений.

Критерий *оценки за НИР* с самооценкой НИК магистрантов не связан. Связи академической оценки с представлениями магистрантов о собственной научно-исследовательской компетентности не обнаруживаются ни на первом, ни на втором году обучения. Оценка за НИР не воспринимается обучающимися как объективная обратная связь уровня своей компетентности и качества проделанной работы. Это свидетельствует о том, что на ступени магистратуры, как и в бакалавриате, оценки за НИР не имеют *личностного смысла* для субъекта учебно-профессиональной деятельности.

Анализ объективных критериев качества НИР обучающихся на разных курсах аспирантуры свидетельствует о приросте практических всех объективных показателей НИК субъектов с каждым годом обучения в аспирантуре.

Последовательный анализ взаимосвязей объективных и субъективных показателей компетенций позволил проследить процесс формирования научно-исследовательской компетентности аспирантов и изменение роли объективных критериев качества НИР.

Корреляционный анализ показал, что *на первом курсе* ни для экспертов, ни для аспирантов практически нет объективных критериев, связанных с показателями научно-исследовательских компетенций. Это можно рассматривать как определенную трудность, которую необходимо решать, поскольку прежние ориентиры (академические оценки по учебным дисциплинам и НИР студентов и др.) в учебном процессе аспирантов не используются, а новая система частных показателей успешности аспиранта-первокурсника еще не сложилась.

На втором году обучения аспиранты значительно больше внимания уделяют *грамотности оформления* материалов диссертационного исследования. Но корреляционный анализ показал, что этот критерий *не является «индикатором»* компетентности для самих аспирантов, но *важен* для экспертов (научных руководителей), так как выполняет диагностическую и прогностическую функцию. Поскольку значимые различия в уровне грамотности оформления материалов касаются только второго года обучения в аспирантуре и в дальнейшем не меняются, можно говорить о том, что основные требования к оформлению научного исследования усваиваются в основном именно на втором курсе аспирантуры. Навыки оформления усваиваются также и в процессе подготовки научных публикаций, которых становится существенно больше с каждым годом обучения. Показатель *количество и значимости научных публикаций* значимо коррелирует и с экспертными оценками, и самооценками аспирантов, что позволяет отнести его к числу *релевантных*.

Показатель количества конференций, в которых принимал участие аспирант, достаточно статичен, значимо не различается между курсами. Но при этом *количество конференций и докладов* положительно и существенно коррелирует с представлениями и экспертов, и аспирантов о развитости компетенций, что позволяет говорить о *релевантности* этого критерия. Участие в конференциях является важным условием формирования научной позиции начинающего исследователя, поскольку способствует формированию самых разных компетенций.

На втором курсе актуализируется показатель академических оценок за кандидатские экзамены. Фактически второй год обучения является оптимальным для подготовки научных публикаций, освоения научного стиля изложения, требований к оформлению научных текстов, подготовки и сдачи кандидатского минимума. Для экспертов важным критерием становится качество оформления научных текстов, а сами аспиранты-второкурсники не придают значения этому показателю и не связывают его с собственной компетентностью. Главными ориентирами при самооценке компетентности для аспирантов второго года обучения становятся количество и статус публикации и активность участия в конференциях.

На третьем году обучения показатель готовности диссертации к защите вступает в силу, ранее он не проявляется. По результатам корреляционного анализа это важный показатель научной компетентности аспирантов в первую очередь для научных руководителей, а не для самих аспирантов. Объективно этот показатель не очень высок. Готовую к защите диссертацию имеют

около 20% аспирантов третьего курса, 40% – подготовили текст работы. С учетом ресурса времени до окончания аспирантуры, которым располагали участники исследования, можно прогнозировать значительное увеличение этого объективного показателя, но не до абсолютных величин.

Зашита диссертаций в срок является одним из основных показателей эффективности работы аспирантуры. Но, по данным социологических исследований 2007 г., в среднем в стране оканчивали аспирантуру в срок примерно треть аспирантов [11]. Остальные соискатели защищают диссертации в течение нескольких лет либо вовсе не защищают. Как видим, результаты нашего исследования согласуются с социологическими и даже свидетельствуют о более благополучной ситуации, чем это наблюдалось несколько лет назад в российских вузах.

По данным социологического анализа [12], большинство экспертов (77%) высказываются за возможность пролонгации этого срока до двух лет по окончании аспирантуры. По мнению экспертов, это будет способствовать более качественной подготовке диссертаций. В поддержку этой позиции выступает зарубежный опыт, на который ссылаются авторы, свидетельствующий об отсутствии жестких временных рамок освоения аспирантских программ. На наш взгляд, продление срока для защиты кандидатской диссертации тем более целесообразно в свете повышения требований к качеству психолого-педагогических диссертационных исследований со стороны Экспертного Совета по педагогике и психологии ВАК Министерства образования и науки РФ.

Таким образом, основными объективно фиксируемыми критериями качества НИР, «чувствительными» к развитию НИК аспирантов являются готовность диссертации и количество публикаций с учетом статуса издания, что согласуется с результатами других исследований [13].

На третьем курсе для самого аспиранта критерий качества оформления диссертации так и не становится важным критерием, в то время как эксперты считают его одним из основных и, опираясь на него, оценивают компетентность аспиранта как будущего ученого. Такое рассогласование установок аспиранта и научного руководителя может быть причиной трудностей их взаимодействия. Общий уровень и блоки компетенций, по самооценке аспирантов, существенно связаны со всеми объективными показателями, за исключением критерия грамотности оформления научных текстов и потерявших актуальность академических оценок за курсовые и ВКР. Качество НИР субъекта к окончанию аспирантуры обеспечивается уже системой компетенций, что может свидетельствовать об активно формирующей-

ся научной позиции будущего ученого. Только личностно-мотивационные компетенции остаются мало связанными с объективными показателями качества НИР.

Таким образом, академическая оценка за курсовые и ВКР в бакалавриате, магистратуре и аспирантуре не выполняет своей функции для обучающихся и *не является релевантным* критерием их компетентности.

На первый взгляд существует противоречие: с одной стороны, оценка за курсовые и ВКР не имеет существенного значения для студентов, с другой стороны, они могут достаточно эмоционально реагировать на оценку, особенно, по их мнению, несправедливую. По-видимому, в представлениях обучающихся академические оценки за научно-исследовательскую работу не являются показателем уровня собственной научной компетентности, эффективности деятельности (хотя изначально функция оценки именно в этом и состоит), а субъективно экстраполируется на личность в целом. Важнейшим условием обучения в компетентностной парадигме является изменение системы оценки НИР, которая должна стать более дифференцированным инструментом, «чувствительным» к вариативности результатов деятельности субъекта. Еще одной важной задачей в связи с этим является изменение восприятия обучающимися феномена оценки. Будущего специалиста необходимо учить адекватно принимать академическую оценку *деятельности*, компетентности в чем-либо, отделяя ее от оценки *личности*. Это важное условие и формирования, и сохранения профессиональной компетентности и социальной успешности.

Вышеизложенное дает основание заключить:

1. Не все используемые в системе высшего педагогического образования формальные критерии качества НИР являются релевантными, действительно отражающими компетентность субъекта в этом виде профессиональной деятельности.

2. На ступени бакалавриата релевантным критерием научно-исследовательской компетентности является активность участия студентов в научно-практических конференциях. На ступени магистратуры этот критерий перестает быть релевантным.

3. На ступени магистратуры релевантным критерием является количество научных публикаций.

4. Академическая оценка за НИР на протяжении всего периода обучения не является релевантным критерием компетентности, поскольку не несет личностного смысла для самого субъекта научно-исследовательской деятельности.

5. Критерий «грамотность оформления научных текстов» не является существенным для самих аспирантов, но научные руководители учитывают его при оценке компетентности аспиранта.

6. Релевантными критериями НИР аспирантов являются показатели «количество научных публикаций» с учетом статуса издания, «количество конференций, в которых принимал участие аспирант», «количество подготовленных докладов», «готовность диссертации к защите», а также «качество оформления научных текстов».

7. Система объективно заданных критериев качества НИР аспирантов начинает эффективно выполнять свою функцию только на заключительном этапе обучения.

Вышеизложенное позволяет сформулировать следующие рекомендации:

1. При разработке системы критериев научно-исследовательской компетентности субъекта необходимо учитывать направление профессиональной подготовки и связанные с этим особенности НИР (теоретические и практические аспекты) и, помимо инвариативных показателей, включать подсистему специальных критериев, отражающих специфику научно-исследовательской деятельности конкретного направления подготовки.

2. Необходимо разрабатывать новые формы и способы оценивания научных компетенций студентов бакалавриата, включающие в себя не только объективно заданные, формализованные, но и субъективные (внутриличностные) критерии. Такими формами и способами может быть, наряду с введением рейтинговой системы оценивания НИР, привлечение к оценке научной работы самих обучающихся (совместная процедура оценивания), а также внутривузовских и внешних экспертов, которыми могут быть другие обучающиеся, потенциальные работодатели, руководители научных и прикладных проектов.

Примечания

1. Подготовка научных кадров и формирование научно-исследовательских компетенций / под науч. ред. М. В. Новикова. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2009. 211 с.
2. Шадриков В. Д. Проблемы системогенеза профессиональной деятельности. Репр. воспр. текста издания 1982 г. М.: Логос, 2007. 192 с.
3. Там же.
4. Ансимова Н. П. Специфика научно-исследовательской работы студентов и аспирантов педагогического вуза // Ярославский педагогический вестник. 2009. № 3(60). С. 87–91; Подготовка научных кадров и формирование научно-исследовательских компетенций.
5. Ракитина О. В. Критерии научно-исследовательской компетенции студентов и аспирантов вуза // Вестник интегративной психологии / под ред. В. В. Козлова. Ярославль; М.: МАПН, 2010. С. 257–259; Ракитина О. В. Психолого-педагогические критерии эффективности научно-исследовательской работы в условиях уровневого обучения в вузе // Актуальные проблемы психологии и педагогики: материалы всерос. науч. конф. с междунар. участием: 19 мая 2011 г. / под ред. В. Г. Печерского, Н. В. Зайцевой. Саратов: Изд-во СГСЭУ, 2011. С. 54–57.
6. Шадриков В. Д. Новая модель специалиста: инновационная подготовка и компетентностный подход // Высшее образование сегодня. 2004. № 8. С. 26–31.
7. Бордовский Г. А., Граничина О. А., Трапицын С. Ю. Модели и методы внутреннего и внешнего оценивания качества образования в вузах: науч.-метод. материалы. СПб.: ООО «Книжный дом», 2008.
8. Там же.
9. Там же. С. 218–219
10. Ракитина О. В. Научно-исследовательские компетенции магистров по направлению «Педагогика» // Ярославский педагогический вестник. 2009. № 4(61). С. 76–82.
11. Бордовский Г. А., Граничина О. А., Трапицын С. Ю. Указ. соч.
12. Там же.
13. Там же.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 373.2:316.614

Л. Э. Семенова

ВКЛАД ДОШКОЛЬНЫХ ПЕДАГОГОВ И УЧИТЕЛЕЙ НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ В ПРОЦЕСС ПЕРВИЧНОЙ ГЕНДЕРНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ

В статье обсуждается проблема содержательного контекста процесса первичной гендерной социализации в условиях образовательной среды, в ходе которого осуществляется личностное развитие детей дошкольного и младшего школьного возраста. Представлены результаты изучения социальных воздействий и ожиданий со стороны педагогов, адресованных девочкам и мальчикам в плане приобщения их к гендерной культуре общества.

The article discusses the problem of meaningful context primary process of gender socialization in the conditions of the educational environment, in the course of which the personal development of children of preschool and younger school age. Presents the results of a study of the social impacts and expectations on the part of teachers, addressed to girls and boys in terms of introducing them to the gender culture of the society.

Ключевые слова: гендерная социализация, линзы гендерной поляризации и андроцентризма, сценарии будущей жизни девочек и мальчиков, реальный и идеальный образы воспитанников и учеников, педагогические установки воспитателей и учителей, взаимодействие педагогов с девочками и мальчиками.

Keywords: gender socialization, lenses of gender polarization and androcentrism, scenarios of future lives of girls and boys, real and ideal images of pupils and schoolchildren, pedagogical installation of educators and teachers, interaction between teachers with girls and boys.

По имеющимся в современной психологической науке данным, применительно к периоду детства образовательные учреждения являются одними из важнейших проводников в культуру, существующую в обществе систему социальных отношений, причем это касается не только массовых, но и специальных коррекционных учреждений, а также образовательных учреждений комбинированного типа, как дошкольных, так и школьных, и особенно детских домов и интернатов [1].

© Семенова Л. Э., 2012

В детском саду и школе дети узнают о многих принятых в обществе нормах и стандартах, усваивают наиболее распространенные и социально одобряемые из них. При этом проводниками общественных норм (посредниками идеальной формы по терминологии Л. С. Выготского) для них выступают воспитатели и учителя, обладающие весомым авторитетом и правом на осуществление различного рода санкций. Поэтому как дошкольных, так и школьных педагогов (и тем более воспитателей детских домов, фактически заменяющих родителей) можно отнести к числу значимых других, чьи воздействия оказывают существенное влияние на социальное развитие личности ребенка, в том числе и в плане гендерной социализации.

Заметим, что, на наш взгляд, процесс конструирования гендера в педагогической практике является сродни воспитанию в широком смысле этого слова, которое, по мнению А. В. Запорожца, «не сводится к формированию отдельных действий, а необходимо предполагает соответствующую организацию всей жизни и деятельности ребенка в целом» [2].

Определенное подтверждение этой мысли мы находим в работах ряда современных отечественных авторов [3], где приводятся доказательства того, что гендерная социализация в образовании чаще всего реализуется в неявной, скрытой форме (без постановки соответствующих педагогических целей и задач) посредством различного рода «гендерных посланий» образовательной среды и деятельности, среди которых – учебные программы и учебно-методические материалы; система воспитательной работы; педагогический состав детских садов и школ, а также отношение педагогов к воспитанникам и учащимся. При этом, согласно нашей точке зрения, наиболее значимой является роль самих педагогов, которые непосредственно определяют, какая именно модель гендерных норм и стандартов будет реализована в том или ином образовательном учреждении.

Руководствуясь этим соображением, в центр своего исследования мы поставили изучение гендерных ориентиров (взглядов и идеалов) педагогов, работающих с детьми дошкольного и младшего школьного возраста, относительно своих воспитанников и учащихся, а также реальной практики их взаимодействия с девочками и мальчиками с учетом типа образовательного учреж-

дения (массовые и дефектологического профиля, учреждения для детей, лишенных родительского попечительства).

Опираясь на имеющиеся на сегодняшний день теоретические и эмпирические данные, в своем исследовании мы выдвинули предположение о том, что независимо от образовательных условий и специфики своего профиля подавляющее большинство педагогов, работающих с детьми дошкольного и младшего школьного возраста, являются носителями распространенных в нашем обществе культурных линз андроцентризма и гендерной поляризации и, как следствие, придерживаются традиционной (патриархатной) модели гендерной социализации подрастающего поколения, не обеспечивая приобщение детей к весьма востребованному в нестабильном современном обществе гендерно нестандартному социальному опыту. У них преобладают маловариативные гендерно стереотипные взгляды и поведение в отношении детей женского и мужского пола, а реализация принципа индивидуального подхода находит свое отражение преимущественно в использовании методов и приемов обучения исходя из уровня психического развития ребенка. При этом относительно мальчиков в системе гендерных представлений педагогов может иметь место ряд противоречий, что существенно осложняет процесс их личностного развития как гендерных субъектов.

Для проверки выдвинутого предположения в рамках своего исследования мы провели комплексное многоаспектное изучение гендерных ориентиров педагогов дошкольного и начального звена системы массового и специального образования, включившее в себя реализацию следующих задач: 1) содержательный анализ представлений воспитателей и учителей о возможном будущем своих воспитанников и учеников с учетом их половой принадлежности; 2) определение степени приверженности педагогов культурным линзам гендера; 3) изучение характера их восприятия реального и идеального образов воспитанников и учеников женского и мужского пола; 4) выявление специфики реальных педагогических установок и соответствующих практик взаимодействия воспитателей и учителей с девочками и мальчиками.

Таким образом, решая вышеобозначенные задачи, мы пытались определить степень распространенности в педагогической среде практики традиционной (патриархатной) и нетрадиционной (альтернативной, эгалитарной, индивидуально ориентированной) гендерной социализации применительно к этапам раннего онто- и дизонтогенеза.

Заметим, что, согласно нашей точке зрения, содержание первичной гендерной социализации в современном российском обществе можно пред-

ставить в виде двух противоположных моделей, а именно традиционной (патриархатной) и нетрадиционной (альтернативной, эгалитарной) [4].

Первая модель социализации, связанная с гендерной поляризацией (дифференциацией) и стратификацией, является средством поддержания (воспроизведения) гендерных различий, подразумевающих неравенство возможностей лиц женского и мужского пола в плане родительства, профессиональной деятельности, финансовой компетентности, доступа к власти и т. п. Такой тип социализации предполагает инкультурацию и интернализацию основных линз гендера – линз гендерной поляризации, андроцентризма и биологического эссенциализма [5] и производных от них традиционных (жестко дифференцированных) гендерных стереотипов.

Содержание традиционной гендерной социализации определяет биологический фактор (биологический пол индивида) и эссенциалистское представление о природно обусловленных половых различиях, которым должны соответствовать две разные версии социального развития и жизнедеятельности женщин и мужчин, два разных «жизненных сценария», исходя из чего и осуществляется практика дифференцированных по половому признаку социальных воздействий. Закономерно, что при таком подходе индивидуальные особенности личности в лучшем случае отходят на второй план, практически нет места для учета реального разнообразия жизненных ситуаций, с которыми имеет дело современный человек (будь то девочка/женщина или мальчик/мужчина), и тем самым наблюдается противоречие ведущей мировой тенденции к признанию значимости свободы выбора, переходу от единобразия к многообразию и вариативности.

В свою очередь, содержание альтернативной модели гендерной социализации предполагает эгалитарный характер гендерных отношений, равноправное партнерство полов в семье и публичной сфере, акцент на индивидуальности личности (которая считается выше и важнее ее пола), свободе выбора и вариативности поведения, независимо от половой принадлежности индивида, признание равенства различий и права каждого и каждой быть другим/другой, т. е. быть собой, начиная с ранних периодов онтогенеза. Необходимо отметить, что ее появление исторически связано с постепенным принятием культуры, а после и наукой факта множественности индивидуальных различий, не укладывающихся в привычные дихотомические схемы, к числу которых относятся традиционные гендерные стереотипы, включая социальные конструкты маскулинности – феминности.

Альтернативная стратегия гендерной социализации возражает против традиции гендерной

поляризации, против андроцентризма и эссенциалистского понимания гендерных различий. Для нее характерна гуманистическая озабоченность тем, что существующая в обществе гендерная дифференциация, предполагающая стратификацию, не дает возможности девочкам и мальчикам, женщинам и мужчинам в равной степени и свободным образом в полной мере развивать свой человеческий потенциал, загоняя их в довольно узкие рамки гендерного соответствия. Иными словами, стратегия альтернативной гендерной социализации исходит из принципов индивидуально-личностного подхода и является вполне адекватной мировой тенденцией к оценке общественного развития с позиций расширения возможностей для самореализации каждого человека и реалий современной действительности, тем переменам, которые произошли в XX в. в жизни женщин (не только семья, но и профессиональная деятельность) и которые, как полагают гендерные специалисты, должны повлечь за собой закономерные перемены в жизни мужчин (не только карьера, но и семья).

Для решения поставленных задач нами был использован специально разработанный диагностический комплекс, включающий следующие методики: модифицированный вариант шкалы Н. В. Осетровой «Какими явижу в будущем своих воспитанников/учеников: девочек и мальчиков»; модифицированный вариант опросника С. Бем для выявления степени приверженности воспитателей и учителей культурным линзам гендера; тестовая методика Т. Лири для изучения особенностей восприятия педагогами реального и идеального образов своих воспитанников и учеников; проблемно ориентированное интервью для сбора данных относительно содержания педагогических установок воспитателей и учителей и выборочные наблюдения за организацией педагогического процесса – характером взаимодействия воспитателей и учителей с девочками и мальчиками.

В качестве испытуемых в нашем исследовании принимали участие воспитатели дошкольных образовательных учреждений в количестве 80 человек, из них 25 – педагоги специальных коррекционных групп/учреждений; воспитатели детских домов в количестве 36 человек; учителя начальных классов в количестве 67 человек, из них 20 – педагоги специальных коррекционных классов/учреждений. Поскольку все эти педагоги – женщины, как дополнительная группа испытуемых к исследованию были привлечены 27 мужчин – учителей средней школы, из которых с детьми младшего школьного возраста работают 8 человек. Сбор данных осуществлялся в Нижнем Новгороде и в ряде населенных пунктов Нижегородской области.

Не претендуя на исчерпывающий охват всех полученных нами данных, кратко изложим основные результаты проведенного нами исследования.

Итак, в ходе реализации первой задачи мы установили факт наличия у подавляющего большинства педагогов гендерно-стереотипных представлений о будущем своих воспитанников и учителей, судя по содержанию которых личностные качества, социальные функции и сфера активности повзрослевших девочек и мальчиков являются жестко дифференцированными. Так, согласно точке зрения абсолютного большинства наших испытуемых, женщины, как правило, признаются ими профессиональными и экономическими аутсайдерами, лишенными потребности делать карьеру (при этом обращает на себя внимание тот факт, что практически невостребованым оказывается их образование, особенно среднее школьное), и к тому же воспринимаются как «низшие» в моральном плане индивиды. В то же время мужчины очень часто определяются педагогами как не склонные к заботе и отзывчивости, не желающие посвящать себя своим детям и в связи с этим в лучшем случае вытесняются на периферию семейной жизни. Иначе говоря, независимо от своего педагогического профиля воспитатели и учителя разных образовательных учреждений выстраивают традиционные жизненные сценарии своих воспитанников и учеников, которые уже мало соотносятся с реальной действительностью, поскольку совершенно не отражают изменившиеся социальные условия современного контекста развития и производные от них паттерны жизнедеятельности российских женщин и мужчин.

В отношении решения второй задачи полученные нами результаты позволили прийти к заключению о том, что подавляющее большинство педагогов из числа наших испытуемых открыто демонстрируют свою приверженность культурным линзам гендера и, в частности, проявляют себя как сторонники и носители линз гендерной поляризации и андроцентризма.

Поясним, что под линзой гендерной поляризации понимается культурная традиция, в соответствии с которой женщины и мужчины считаются фундаментально различными, противоположными друг другу и вместе с тем схожими между собой, т. е. внутри своих половых групп. Именно эта линза, как показывают исследования, накладывает табу на подобие полов, что приводит к игнорированию в культуре гендерного сходства и многочисленных фактов внутригрупповой гетерогенности. Кроме того, благодаря этой линзе общество оказывается нетерпимым к любым отклонениям личности от гендерных норм и предписанных ей сценариев, определяя

эти отклонения как проблемные, девиантные и предлагая специальные меры воздействия на гендерных девиантов. Поэтому в культуре с гендерной поляризацией люди становятся заложниками гендера, его пленниками, поскольку их пол ограничивает их индивидуальность, возможностями ее проявления [6].

Другая линза – линза андроцентризма – служит иллюстрацией культурной традиции центрированности общества на всем, что связано с мужчинами и считается «мужским», когда именно мужчины и мужской опыт рассматриваются как нейтральный стандарт или норма, тогда как женщины и женский опыт – как отклонение от этого стандарта или нормы. Как следствие, линза андроцентризма приводит к недооценке в культуре всего «женского» и делает более желательным ориентацию личности, независимо от ее половой принадлежности, на «мужские» стандарты, а также предписывает более жесткие требования к соблюдению гендерных норм представителям мужского пола, т. е. обуславливает асимметрию в приемлемости выхода женщин и мужчин за границу гендера [7].

Что же касается третьей задачи, а именно характера восприятия педагогами разного профиля реального и идеального образов воспитанников и учеников женского и мужского пола, то нами было установлено, что в плане соотношения образов «идеальный ребенок/учащийся» и «типичная воспитанница/ученица» в представлениях всех наших испытуемых наблюдается достаточно много совпадений, тогда как в плане соотношения образов «идеальный ребенок/учащийся» и «типичный воспитанник/ученик» за исключением группы мужчин-педагогов сходство оказывается минимальным. Кроме того, относительно специфики соотношения образов «человек, у которого может удачно сложиться жизнь», с одной стороны, и «типичная воспитанница/ученица», «типичный воспитанник/ученик» – с другой, эмпирические данные показали, что, с точки зрения всех испытуемых, степень сходства успешного человека с воспитанниками и учениками мужского пола выражена гораздо ярче, нежели с типичными воспитанницами и ученицами, а значит, справедливо говорить о признании большинством педагогов канонов современной жизни как соответствующих «мужским» стандартам. При этом нами был обнаружен весьма показательный и даже несколько парадоксальный факт, согласно которому, по мнению очень многих воспитателей и учителей, идеальный ребенок/учащийся имеет слишком мало общего с успешным в жизни человеком (особенно с позиций педагогов дефектологического профиля и сотрудников детского дома). И это не может не вызывать определенного беспокойства, поскольку свидетель-

ствует о реальном расхождении существующих у педагогов внутренних ориентиров и приоритетов в воспитании и обучении детей с их же представлениями о социально успешном человеке, или, другими словами, о наличии внутреннего противоречия между транслируемыми воспитателями и учителями эталонами образования и востребованными, с их точки зрения, в современном российском обществе личностными характеристиками индивида.

Заметим, что с учетом вышеобозначенного противоречия особый интерес для нас представило решение четвертой задачи, касающейся более подробного изучения специфики содержания реальных педагогических установок и соответствующих практик взаимодействия воспитателей и учителей с детьми женского и мужского пола. В частности, относительно педагогических установок мы получили информацию о реализуемых нашими испытуемыми в ходе образовательной деятельности общих целях и задачах, их приоритетах в воспитании и обучении девочек и мальчиков, поощляемых и порицаемых педагогами личностных качествах и действиях детей с учетом их пола.

Итак, проанализировав тексты интервью, мы, прежде всего, убедились в том, что среди общих целей и задач образования подрастающего поколения практически всеми педагогами приоритет отдается раскрытию и развитию индивидуальных склонностей и способностей ребенка, развитию интеллекта детей и расширению их кругозора, а также (несколько реже) воспитанию нравственных качеств. При этом особенно ярко центрированность на когнитивном развитии своих подопечных наблюдается у педагогов дефектологического профиля, что, на наш взгляд, является вполне закономерным. В то же время у воспитателей детских домов к данному списку прибавляется задача подготовки детей к взрослой жизни, их адаптации в современном обществе, а у учителей мужского пола – развитие самостоятельности и независимости учащихся.

Однако, как показало наше исследование, все эти цели и задачи далеко не всегда согласуются с педагогическими установками наших испытуемых относительно воспитания и обучения современных девочек и мальчиков, которые в содержательном плане в основном являются диаметрально противоположными.

Так, по мнению большинства педагогов, для мальчиков признаются значимыми (в порядке убывания) развитие физических и инструментально-деловых качеств, самостоятельности и независимости, воли и интеллекта, тогда как для девочек (в порядке убывания) – совершенствование хозяйствственно-бытовых навыков и умений, навыков самообслуживания и умения следить за

своей внешностью, нравственных и эмоционально-экспрессивных качеств и художественных способностей, а также, с точки зрения учителей мужского пола, несколько чаще признавалась ценность развития у девочек волевых качеств (решительность, настойчивость, упорство, терпеливость). При этом практически полностью отрицается необходимость развития у детей мужского пола художественных способностей и навыков домоводства, а у их сверстниц – физических качеств и, как это ни странно, в ряде случаев даже интеллекта (как правило, педагогами массовых учреждений). Иными словами, с позиций воспитателей и учителей, работающих с детьми дошкольного и младшего школьного возраста, девочкам и мальчикам большей частью задаются однозначно разные образовательные ориентиры, обусловленные принятием педагогами разного профиля принципа жесткой гендерной дифференциации в плане воспитания и обучения подрастающего поколения.

Во многом аналогичная тенденция была обнаружена нами и в отношении поощряемых и порицаемых педагогами личностных качеств и действий девочек и мальчиков. В частности, по словам воспитателей и учителей, по сравнению с мальчиками у девочек в гораздо большей степени поощряются послушность и прилежание, отзывчивость и способность к эмоциональным переживаниям, вежливость и аккуратность, к числу которых иногда добавляют еще заботливость и готовность оказывать помощь близким взрослым и детям (прежде всего в плане хозяйствственно-бытового труда и самообслуживания). Напротив, у мальчиков намного чаще, чем у девочек, одобряются и поддерживаются совсем иные проявления, связанные с их физической и двигательной активностью (занятия спортом, физическими упражнениями), самостоятельностью, инициативой, интеллектуальной компетентностью и в ряде случаев упорством. Показательно, что только по такой характеристики, как трудолюбие, согласно мнению самих педагогов, в системе их поощрений не зафиксировано достоверно значимых гендерных различий, тогда как по всем остальным личностным качествам и действиям имеет место четкая дифференциация.

Несколько менее ярко выраженные различия наблюдались относительно порицаемых педагогами проявлений девочек и мальчиков. Так, независимо от пола ребенка практически всех наших испытуемых (за исключением учителей-мужчин) более всего беспокоят агрессивные проявления детей (грубость, жестокость, драки) и несколько в меньшей степени (за исключением всех тех же учителей-мужчин) их недисциплинированность и непослушание. Однако вместе с тем, по словам абсолютно всех педагогов, в поведении

девочек их также огорчает бесчувственность и неряшлисть, а в поведении мальчиков – эмоциональная неуравновешенность. Кроме того, судя по результатам интервью, достаточно много претензий, предъявляемых некоторыми педагогами к мальчикам, связано с их пассивностью и безынициативностью, несамостоятельностью и слабоволием, а также с позиций учителей средних общеобразовательных школ с интеллектуальной леностью и недостаточной учебной компетентностью. При этом если сопоставить полученные данные относительно неодобряемых педагогами качеств и действий мальчиков, то можно обнаружить в них некоторые противоречия, а именно: одновременно более ярко выраженное, нежели в отношении девочек, недовольство их безынициативностью и несамостоятельностью, с одной стороны, и непослушанием, которое беспокоит воспитателей и учителей, – с другой. Полагаем, что этот факт может свидетельствовать об определенной непоследовательности педагогов, работающих с мальчиками дошкольного и младшего школьного возраста, что, на наш взгляд, служит подтверждением более сложного характера процесса мужской социализации в детском возрасте. К тому же, как отмечали практически все наши испытуемые (за исключением учителей мужского пола), отвечая на последний вопрос интервью («С кем вам интереснее работать (с девочками или мальчиками) и почему?»), мальчики доставляют им гораздо больше хлопот и потому работать с ними им намного труднее и менее интересно. Как можно видеть, эта информация полностью согласуется с ранее полученными нами данными относительно образа идеального ребенка/учащегося.

Таким образом, резюмируя вышесказанное, мы можем говорить о том, что имеющий место характер различий в системе поощрений и порицаний педагогами личностных качеств и действий девочек и мальчиков в целом оказывается соответствующим традиционным гендерным стереотипам, причем содержание этих установок является гораздо более жестко дифференцированным, нежели у испытуемых ряда исследований последнего десятилетия [8], поскольку нами были обнаружены различия в отношении детей женского и мужского пола не только по характеристикам эмоциональной и интеллектуальной сфер, как полагают большинство современных россиян, но и волевой сферы личности. Иными словами, отмечаемая некоторыми специалистами тенденция к сокращению гендерной поляризации применительно к педагогическим установкам дошкольных воспитателей и учителей начальных классов, согласно нашим данным, отсутствует.

Вместе с тем, учитывая известный тезис о том, что конкретные действия и установки личности

могут существенно отличаться друг от друга [9], мы посчитали целесообразным дополнить изучение демонстрируемых воспитателями и учителями педагогических установок исследованием их реальных действий в процессе воспитания и обучения детей женского и мужского пола. При этом как дополнительная нами была поставлена задача сравнения содержания выявленных установок и реального поведения педагогов как агентов гендерной социализации подрастающего поколения. Реализуя вышеобозначенную задачу, мы использовали выборочные наблюдения за организацией педагогического процесса в условиях ДОУ, детского дома и начальной школы, которые позволили нам убедиться в следующих фактах.

В подавляющем большинстве случаев в отношении девочек имеют место ограничение их активности, помимо культурно-игиенических навыков, хозяйственно-бытового труда и выполнения конкретных просьб и заданий педагогов, требования аккуратности, послушания и исполнительности, ориентация на интересы, связанные преимущественно с домом и семьей, стимулирование эмоциональной отзывчивости; тогда как в отношении мальчиков – поощрение интеллектуальной активности и компетентности, развитие их профессиональных интересов (в ДОУ в процессе игры, рисования, при чтении художественной литературы; в школе на уроках русского языка, литературы, ручного труда), игнорирование навыков заботы о своем внешнем виде, редкое обращение к их чувствам и переживаниям. Расхождение с демонстрируемыми педагогами установками было обнаружено только в плане физической и двигательной активности мальчиков, которая вопреки декларируемому ими мнению, как правило, сдерживалась и не поощрялась (за исключением поведения на прогулке), что также служит подтверждением наличия противоречий в системе педагогического взаимодействия с детьми мужского пола и тем самым существенно усложняет процесс их личностного становления как гендерных субъектов.

Таким образом, полученные нами результаты позволили подтвердить наше предположение о том, что у воспитателей и учителей начальных классов, независимо от специфики их педагогического профиля, преобладают маловариативные гендерно-стереотипные взгляды и поведение относительно детей женского и мужского пола, и, следовательно, они являются сторонниками тра-

диционной (патриархатной) модели гендерной социализации подрастающего поколения. Иными словами, как показало выполненное нами исследование, современная практика российского массового и специального дошкольного и начального образования оказывается еще мало ориентированной на нормы гендерного равенства и действительную, а не провозглашенную, реализацию принципа учета индивидуальных особенностей каждого ребенка, что позволяет говорить о реальном отсутствии личностно ориентированного гендерно-нейтрального подхода в воспитании и обучении подрастающего поколения.

Примечания

1. Гаврилушкина О. П., Головчиц Л. А. Психолого-педагогические основы коррекционных программ в дошкольном образовании // Дефектология. 2008. № 4. С. 3–10; Газман О. С. Воспитание и педагогическая поддержка детей в образовании как инновационная проблема // Новые ценности в образовании. Десять концепций и эссе. М., 1995. № 3. С. 46–61; Уфимцева Л. П., Трубачева Т. П., Семенайт Н. А. Образовательная среда как ведущий фактор социализации воспитанников – сирот с нарушением интеллекта // Дефектология. 2002. № 4. С. 57–61; Чиркова Т. И. Теоретические основы дошкольной психологической службы: дис. ... д-ра психол. наук. М., 1999. 431 с.; Штылева Л. В. Фактор пола в образовании: гендерный подход и анализ. М.: ПЕР СЭ, 2008. 316 с.; Ярская-Смирнова Е. Р., Лошакова И. И. Инклюзивное образование детей-инвалидов // СОЦИС. 2003. № 5. С. 36–44; и др.
2. Запорожец А. В. Значение ранних периодов детства для формирования детской личности // Принцип развития в психологии / под ред. Л. И. Анцыферовой. М.: Наука, 1978. С. 255.
3. Штылева Л. В. Указ. соч.; Ярская-Смирнова Е. Р. Неравенство или мультикультурализм? // Высшее образование в России. 2001. № 4. С. 102–117.
4. Семенова Л. Э. Содержание основных моделей процесса гендерной социализации в современном обществе // Ярославский педагогический вестник. 2009. № 3. С. 143–147.
5. Бем С. Линзы гендера: трансформация взглядов на проблему неравенства полов. М.: «Российская политическая энциклопедия», 2004. 336 с.
6. Там же.
7. Там же.
8. Клецина И. С. Психология гендерных отношений: теория и практика. СПб.: Алетейя, 2004. 408 с.
9. Аронсон Э. Общественное животное. Введение в социальную психологию. М.: Аспект Пресс, 1998. 517 с.; Белинская Е. П., Тихомандрицкая О. А. Социальная психология личности. М.: Аспект-Пресс, 2001. 301 с.; и др.

Н. В. Шутова

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ И КОРРЕКЦИИ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ДЕТЕЙ С ЗПР СРЕДСТВАМИ СТРУКТУРНО-ДИНАМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ МУЗЫКАЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

В данной статье представлен целостный подход к использованию музыкального воздействия в работе с детьми с ЗПР.

This article presents a holistic approach to the usage of the musical impact in the work with children with the retarded mental development.

Ключевые слова: подход, музыкальное воздействие, дети с ЗПР, уровень музыкального воздействия.

Keyword: approach, musical impact, children with the retarded mental development, the level of the musical impact.

Развитие личности ребенка с ЗПР предполагает максимальную реализацию его активности, самостоятельности, инициативности в осуществлении различных видов деятельности.

Решение этих задач требует внимания специальной психологии к проблеме создания оптимальных психолого-педагогических условий для становления ключевых характеристик субъектности проблемных детей на ранних этапах онтогенеза и прежде всего в старшем дошкольном возрасте. Специалисты утверждают, что именно в этот период развития закладывается фундамент многих личностных качеств.

Сегодня субъектная направленность прослеживается в исследованиях, выполненных в русле специальной психологии: Е. Е. Дмитриева (2005), Т. Н. Князева (2005), И. А. Коробейников (2002), И. Ю. Левченко (2000), И. К. Йокубаускайте (2006), У. В. Ульянкова (1983, 1990, 2002), Е. А. Медведева (2007), Н. В. Шутова (2008) и др.

Данные исследований вышеуказанных авторов убеждают в том, что развитие проблемного ребенка в определенных условиях происходит по пути наращивания с возрастом субъектности и преодоления тотальной зависимости от внешних условий, от требований среды. Несомненна ее производность от процессов осознания самим ребенком самого себя и самоуправления на основе этого осознания.

Необходимо отметить, что субъектность обладает динамичностью. Это не только системное свойство субъекта, но и системно организованное явление. Субъектность в процессе отногене-

за накапливает количественные и качественные характеристики, в которых проявляется субъект и которые характеризуют его развитие.

Субъектность не является врожденным свойством, а формируется у ребенка под воздействием социальной среды. Велика роль при этом социальной ситуации развития, причем не только с точки зрения «абсолютных показателей среды», а прежде всего как характеристики отношения ребенка к среде и среды к ребенку.

Репродуктивный характер традиционного обучения, применяющегося по отношению к детям с ЗПР, зачастую не предусматривает ни специальных действий педагога по вовлечению ребенка в активную деятельность, ни формирования у него необходимых навыков, умений, способностей, продуцирующих эту активность.

Сегодня, как нам представляется, очень важно говорить о необходимости приобретения детьми данной категории живого знания. Нам кажется, что наиболее ярким примером живого знания является принцип обучения «живому действию» – понятие, которое ввел Н. А. Берштейн (1990). Он писал, что для усвоения действия мало знать, как оно выглядит снаружи, необходимо знать, что оно представляет собой изнутри, и этого нельзя объяснить никаким показом. Живое знание, в отличие от формального запоминания сведений, связывает непосредственный, прямой опыт ребенка с его уникальной индивидуальностью.

Действие, умение делать что-либо всегда являлось единственной надежной гарантией усвоения любого знания. Действие выступает лучшей проверкой понимания. Для оптимизации развития детей с ЗПР необходимо вовлекать их в процесс активных действий, так как понимание приходит к ним во время действия [1].

В специальной психологии уже есть значительное количество исследований, в которых эта идея определенным образом обосновывается при изучении детей старшего дошкольного и младшего школьного возраста с ЗПР: как субъектов учебной деятельности (У. В. Ульянкова 1984, Е. Н. Князева, 2005); саморегуляции (У. В. Ульянкова, В. В. Кисова, 2002); внутреннего плана действий (И. Ю. Троицкая, 2000); общей способности к учению (У. В. Ульянкова, Ю. Л. Левицкая, 2004); эмоционального отношения к учебным занятиям (Н. В. Шутова, 1995, 2008).

В этих исследованиях прежде всего на примере дошкольного возраста показано, что все виды деятельности, которые принято считать дошкольными, при соответствующей вышеуказанной идеи организации можно использовать для формирования ребенка как субъекта этой деятельности, формирования в нем качеств самодеятельности, креативности, адекватной самооценки, адекватной саморегуляции. Вкупе они и определяют на

рубеже дошкольного и младшего школьного детства основные аспекты формирования интегративного личностного качества – общей способности к учению, т. е. готовят ребенка к вступлению в новый ведущий вид деятельности – учебную деятельность школьного типа.

Мы полагаем, что значимый вклад в решение поставленной проблемы обеспечит музыкальное искусство. Музыка обладает большим потенциалом эмоционального, социального, общепсихологического воздействия. Она способна оказывать мощное влияние на развитие личностных качеств детей. К ним в первую очередь следует отнести способность к импровизации, спонтанность, экспрессивность, гибкую и тонкую эмоциональность, навыки неверbalного общения, умение сотрудничать и взаимодействовать, решать задачи и проблемы творческих, потребность, а затем и умение находить в музыке средство гармонизации своего внутреннего мира.

Изучая и развивая детей с ЗПР средствами музыкального искусства, мы опирались на ряд идей системного, деятельностного, личностного, средового подходов, которые, на наш взгляд, могут способствовать разработке эффективных стратегий и тактик изучения детей с ЗПР и позитивного влияния на них.

Одной из базовых идей нашего подхода является идея о необходимости использования в изучении и коррекции развития детей с ЗПР целостной системы музыкального воздействия.

Система (*греч. – целое, составленное из частей, соединение*) – множество элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, которые представляют определенное целостное образование, обладающее новыми качественными характеристиками, не содержащимися в образующих его компонентах, определенную организацию отдельных элементов; на их взаимоотношении, взаимодействии, взаимозависимости, согласованности и субординированности строится научное знание как целое, а его элементы превращаются в истинные части целого и начинают обладать природой этого целого.

Каждая система имеет свою структуру или каркас, внутреннее строение, единство элементов целостности, определенную взаимосвязь, взаиморасположение составных частей, строение, устройство чего-либо и способ определения понятия «форма»; устойчивую выделенность, дискретность частей системы как целого и формы стадий процессов ее изменения и развития, а также устойчивую системную упорядоченность, определенный вид совокупности связей, отношений и взаимодействий между этими частями, фазами и стадиями (В. И. Кремянский, 1963).

В нашем подходе система музыкального воздействия – это не только как статичное обра-

зование, которое может быть разложено на отдельные элементы, но и динамичное образование, компонентами которого выступают уровни, стадии, этапы. В своем подходе мы имеем также в виду, что существенным признаком системы музыкального воздействия являются уровни иерархии и иерархия уровней. Эти уровни отличаются не только сложностью, но и интеграцией. Каждый новый уровень возникает не посредством разрушения образований предшествующего уровня, а посредством «наложения» на них новой структуры. Это происходит в процессе объединения и организации «единиц» предыдущего уровня в единую систему. В ней образования, которые были ранее целыми, превращаются в часть целого более высокого уровня.

Таким образом, мы считаем, что музыкальное искусство должно использоваться как целостная структурно-динамическая система. На наш взгляд, она может быть представлена взаимодействием трех подсистем, являющихся иерархическими уровнями целостной системы, построенной по динамическому принципу, в наибольшей мере отражающему сущность музыкального воздействия на личность:

1) *психофизиологический уровень*: происходит активизация зрительных, слуховых и других рецепторов с последующим изменением физиологико-биологических ритмов организма (кровообращения, дыхания, внутренней секреции и др.), повышение физической работоспособности, изменяются сенсомоторные реакции;

2) *психологический уровень*: возникают изменения прежде всего в эмоционально-волевой сфере, изменяется психологическая активность личности, ее восприятие, внимание, память;

3) *социально-личностный уровень*: музыка, воздействуя на личность, вызывает в ней катартическую реакцию, преобразующую и гармонизирующую ее. Попадает под ее влияние мировоззрение, система ценностей, направленность личности.

Итак, на наш взгляд, музыка действует на личность в целом на психофизиологическом, интеллектуальном, эмоциональном, личностном уровнях, и, следовательно, изучение характера ее воздействия на психику ребенка должно происходить с учетом этих воздействий. Такой концептуальный подход, как мы полагаем, открывает новые перспективы, при которых музыка одновременно выступает средством оптимизации эмоционально-психической деятельности ребенка и ведет к духовному росту и нравственному совершенствованию его личности.

Поскольку становление психики ребенка происходит в деятельности как особой форме психической активности и на ее основе, то важным

для нас является определение позиций в категории деятельности.

Как в отечественной, так и зарубежной психологии проблема активности субъекта деятельности остается мало разработанной.

Анализ литературных источников показывает, что именно в отечественной психологии были проведены одни из первых исследований активности субъекта (А. Ф. Лазурский, 1916, М. Я. Басов, 1975), однако затем, в силу доминирования поведенческого – в западной и деятельностного редукционизма – в отечественной психологии, возник значительный перерыв в изучении данной тематики. В отечественной психологии прослеживаются две основные линии решения проблемы соотношения понятий «активность» и «деятельность». Одна из них («линия» А. И. Леонтьева) рассматривает активность в рамках деятельности – как внутреннюю предпосылку ее самовыражения: становления, реализации, развития и видоизменения (В. А. Петровский, 1992). Другая («линия» С. Л. Рубинштейна) рассматривает активность как более широкую по отношению к деятельности категорию, как способ существования субъекта, как характеристику взаимодействия систем или явлений, раскрывающую их способность к саморазвитию.

Именно в структуре деятельности формируется то психическое пространство, в котором действуют механизмы и в котором обеспечивается зарождение принципиально новых видов человеческой деятельности – активности. И поэтому независимо от разных точек зрения на соотношение деятельности и активности – вбирает ли деятельность активность или деятельность выступает лишь формой активности – она (активность) составляет ведущую организацию деятельности человека.

В деятельности формируется особая, все время расширяющаяся сфера активности, где зарождаются, отчленяются, дифференцируются не только новые виды, обеспечивающие становление личностных качеств, направленность личности, но и образуются новые ее типы. Они, хотя и связанны с деятельностью, предполагают выход за ее пределы, активизацию чувств, эмоций, переживаний.

В качестве двух взаимосвязанных сторон неделимого процесса деятельности выступают предметная (практическая, в том числе и познавательная) деятельность и деятельность, направленная на развитие взаимоотношений с людьми, обществом. Л. С. Выготский называл их главными моментами деятельности, определяющими особенности психических процессов; Б. Г. Ананьев (1977) употреблял термин «основные формы деятельности»; по А. Н. Леонтьеву (1983) это линии развития деятельности; в терминологии Д. Б. Эльконина (1981) это

группы деятельности; у Д. И. Фельдштейна (1981) – стороны деятельности.

Существуя в неразрывном единстве, обе стороны деятельности имеют свою особую функциональную нагрузку, свой особый характер, линию внутреннего развития, свой продукт – результат развития. В предметно-практической деятельности ребенок усваивает знания, умения, навыки, присваивает человеческий опыт, что обеспечивает преимущественно формирование интеллектуальной активности. В деятельности по усвоению норм человеческих взаимоотношений ребенок пытается включиться в систему этих отношений, что обеспечивает формирование его социальной активности.

Реализация деятельностного подхода в психическом развитии детей с ЗПР предполагает опору на разнообразную по форме и содержанию детскую деятельность. На наш взгляд, развитие субъекта разворачивается не только в какой-либо конкретной деятельности, но и в системе деятельности, где каждая выступает в роли некого социокультурного пространства, в котором он реализуется как субъект деятельности в специфической форме выражения продукта и взаимодействия с другими (взрослыми, сверстниками).

В нашем подходе мы используем музыкальное искусство как основу развития интеллектуальной и социальной активности детей с ЗПР в разных видах деятельности. Это обусловлено тем, что ребенок с проблемами в психическом развитии испытывает трудности при традиционном обучении так как оно часто лежит за пределами его интересов, потребностей и возможностей. Интеллектуальные (когнитивные) процессы вовсе не являются единственным средством достижения реальности.

Музыкальное искусство, активизируя сохранные функции в психической организации детей с ЗПР, создает возможности достижения ими действительности через эмоциональное познание. Запорожец (2000) указывал, «что в психологии накоплено достаточное количество данных, свидетельствующих о существовании особого вида эмоционального познания, при котором субъект отражает действительность в форме эмоциональных образов» [2]. Значение эмоций (как вида психического отражения) и эмоциональности (как индивидуально-устойчивого свойства) в регуляции деятельности определяется прежде всего тем, что ими в зависимости от наличных потребностей, текущей мотивации и всего прошлого опыта субъекта выполняется функция субъективной оценки высшей стимуляции, исходно воспринимаемой рецепторами беспристрастно. Эмоции выступают в качестве важнейшего фактора уже на этапе первичной ориентировки в условиях необходимой предпосылки деятельности.

В соответствии с представлениями многих авторов (Л. С. Выготский, С. Л. Рубинштейн, В. К. Вилюнас и др.) одной из важнейших характеристик эмоций является их взаимосвязь с познавательными процессами. Как известно, Л. С. Выготский указывал на необходимость изучения взаимосвязи «аффекта и интеллекта». В работах Л. С. Выготского, С. Л. Рубинштейна, В. К. Вилюнаса и ряда других авторов сформулированы общие положения о неразрывном единстве эмоций и познания, согласно которым в различных видах познавательной деятельности, направленных на отражение объективной реальности, эмоции выполняют оценочную и побудительную функции, «отвечая» за пристрастность познавательной деятельности и ее целенаправленность. Таким образом, в любой познавательной деятельности – гностической, мнемической, интеллектуальной – эмоции, с одной стороны, выступают как мотивирующие, «запускающие» компоненты деятельности, с другой – как компоненты контролирующие, регулирующие ее протекание в соответствии с потребностью, на удовлетворение которой она направлена.

Наиболее точно взаимосвязь эмоций и процесса познания определена В. К. Вилюнасом: «Направляя эмоции на причины, сигналы и т. д. значимых событий, процессы познания тем самым определяют и свою судьбу, впоследствии сами направляясь эмоциями на эти причины для лучшего ознакомления с ними и выяснения оптимального способа поведения. Только таким взаимодополняющим влиянием сфер интеллекта и аффекта, отвечающих соответственно за отражение объективных условий деятельности и субъективной значимости этих условий, обеспечивается достижение конечной цели деятельности... » [3]

Эмоциональное познание – это возможность приобретения детьми с ЗПР многообразного опыта в связи с музыкой – опыта движения и речи как основных музыки; опыта слушателя, исполнителя и актера; опыта общения и непосредственного переживания творчества и фантазирования, самовыражения и спонтанности, опыта радости и удовольствия через переживание музыки.

Кратко остановимся еще на одной позиции – *личностно ориентированном подходе*. Мы видим в нем практико ориентированную тактику исследования, что, в свою очередь, предполагает выявление практических аспектов решения проблемы на основании совокупного научного опыта. С точки зрения методологии личностно ориентированный подход позволяет: выявлять специфику построения деятельности участников образовательно-воспитательного процесса на основе уважения к личности ребенка, доверия к нему; выявлять роль и место субъектов воспитания в

образовательно-воспитательном процессе; обеспечивать раскрытие и максимальное использование субъектного опыта ребенка.

Личностно ориентированный подход

- определяет построение деятельности субъектов на основе учета возрастных и индивидуальных особенностей ребенка, а также создания «ситуаций успеха» в любом виде деятельности;

- позволяет обеспечивать и поддерживать процессы самопознания, самостроительства и само-реализации личности ребенка, развитие его неповторимой индивидуальности;

- направлен на удовлетворение потребностей и интересов ребенка;

- при нем педагог прилагает основные усилия не на формирование у детей социально типичных свойств, а на развитие в каждом из них уникальных личностных качеств.

Следующая значимая для нас позиция – рассмотрение среды как источника развития ребенка, именно среде принадлежит решающая роль в формировании развивающейся личности.

По мнению Н. Н. Иорданского, вопрос о роли и значении среды при воспитании не новый. Он считал, что 1) среда должна быть как можно ближе к личности, тогда ее влияние сильнее; 2) чем больше свободы педагог дает детям, тем больше он «владеет» их душой; 3) чем меньше возраст, тем глубже влияние среды; 4) чем испорченнее характер детей, тем идеальнее должна быть действующая среда [4].

Взгляд на личность как индивидуальность и социальный тип позволяет понять, что чем шире возможности, представляемые средой, тем неповторимее жизненный путь и самобытнее ребенок.

В нашем исследовании такой средой является музыкально-развивающая среда, которая выступает как поле жизнедеятельности ребенка, обуславливающее целостное развитие его личности на основе гуманистических ценностей, обретения личностных смыслов, познания окружающего мира и преобразование себя в атмосфере доверия субъектов образовательного процесса через музыкальное искусство.

В проектировании музыкально-развивающей среды мы опирались на следующие принципы:

- *принцип вариабельности* реализуется через включение в образовательное пространство всего многообразия мировой музыкальной культуры – от русской духовной музыки, обладающей мощнейшими психогармонизирующими возможностями, до качественной музыкальной эстрады. Выбор музыкальной эпохи, жанра, стиля, техники исполнения музыкального произведения зависит в первую очередь от задач, которые выдвигаются в той или иной педагогической ситуации, и от целей музыкального воздействия (коррекции негативных эмоциональных состояний,

поднятия общего жизненного тонуса, оптимизации когнитивных процессов, активизации творческого потенциала, духовного обогащения личности);

• *принцип стадиальности* предполагает ступенчатый переход ребенка от эмоционально-телесного переживания музыки (на начальном этапе) до ее вербально-логического познания. Восприятие музыки и понимание ее интонационного содержания является процессом постепенной интериоризации, который можно представить в виде основных ступеней:

1) полное внешнее развертывание процесса музыкального восприятия в процессуальном моторном движении;

2) постепенное свертывание внешней кинестетики и перевод ее во внутреннюю, эмоциональное переживание;

• *принцип живой практической деятельности* заключается в том, что формирует у ребенка позицию деятеля, создателя, исследователя, а не потребителя. Детям необходимо творить и переживать музыку; чтобы понимать, чтобы сделать музыку достоянием своего личного опыта, ребенку надо «попробовать» ее в порядке простого испытания, не «догадываться о ней», а пребывать в ней – петь, играть на инструментах, танцевать, самому придумывать и изменять;

• *принцип эмоционального удовольствия* обеспечивает положительные ощущения ребенку от действия или воздействия, что ведет к принятию их ребенком и развитию способности позитивно откликаться на них впоследствии. У детей эмоциональное удовольствие детерминирует любую деятельность, так как переносит акцент на хотения и желания, движущие силы, на энергетическую силу ребенка, что, в свою очередь, активизирует их субъектную активность;

• *принцип взаимодействия* осуществляется педагогом путем увеличения и прямого вовлечения ребенка в совместную деятельность (давайте действовать вместе), это помогает ему как бы

предвкусить свою будущую самостоятельную деятельность, но пережить ее в реальности, испытав при этом чувства успеха и удовлетворения от общения с другими.

Мы считаем, что среда должна обладать достаточно большой насыщенностью – в бедной и жестко структурированной среде нельзя говорить о сколько-нибудь значительной вероятности выстраивания индивидуального пути ребенка.

Итак, мы определили ряд основополагающих для изучения и исследования развития детей с ЗПР исходных идей: системный подход к исследованию может предопределить интерпретацию изучаемых понятий как целостно-структурных образований, составляющие которых находятся в сложных отношениях и связях; деятельностный подход позволяет определить динамику взаимоотношений ребенка с окружающим миром, актуализировать реализацию потребности в осознании себя субъектом деятельности; личностный подход – определить личностно ориентированные цели и принципы коррекционно-развивающей работы с детьми с ЗПР; при осмыслении значения среды – для психического развития детей с ЗПР определить необходимые условия.

Реализация такого подхода, как мы полагаем, дает возможность теоретически и организационно решить новую для специальной и педагогической психологии проблему целенаправленного использования специально организованной музыкальной деятельности (как особого вида деятельности) для детей с ЗПР в целях помочь им прежде всего в личностном становлении.

Примечания

1. Берштейн Н. А. Физиология движений и активность. М., 1990. С. 74.
2. Запорожец А. Психология действия // Избранные психологические труды. М.: МПСИ, 2000. С. 83.
3. Вилюнас В. К. Основные проблемы психологической теории эмоций // Психология эмоций. М., 1984. С. 49.
4. Иорданский Н. Н. Организация детской среды. М.: Изд-во «Работник просвещения», 1925. С. 19.

УДК 159.923

М. А. Щукина

САМОРАЗВИТИЕ КАК ФОРМА ЖИЗНЕТВОРЧЕСТВА

В контексте современной онтологической парадигмы анализируется жизнетворчество как особая жизненная стратегия. Выделяются функции жизнетворчества: снятие жизненной неопределенности, наполнение жизненным смыслом, создание неотторжимого Я-продукта. Описывается структура, сферы и продукты жизнетворчества. Саморазвитие рассматривается как способ генеза индивидуальности в стратегии жизнетворчества.

In a context of a modern ontologic paradigm it is analyzed life-creation as special vital strategy. Functions of the life-creation are allocated: removal of vital uncertainty, filling by vital sense, creation the self-product. The structure, spheres and products of the life-creation is described. Self-development is considered as a way of development individualities in life-creation strategy.

Ключевые слова: жизнь, бытие, парадигма, творчество, жизнетворчество, саморазвитие, событие, личность, субъект, индивидуальность.

Keywords: life, life, a paradigm, creativity, life-creation, self-development, event, the person, the subject, individuality.

На излете XX столетия В. А. Петровским [1] была предложена периодизация эволюции интересов отечественной психологии, где доминирующими проблемами названы в 1930–1940-е гг. – сознание; 1960–1970-е гг. – деятельность; 1970–1990-е гг. – личность. Анализируя центральные проблемы и достижения отечественной психологии первого десятилетия XXI в., можно констатировать группировку интересов значительного числа исследователей вокруг такой категории, как *жизнь*. При этом жизнь выступает в двух ипостасях: 1) как самостоятельный предмет исследования (психология жизни); 2) как обозначение масштаба изучения психического, когда частные явления рассматриваются в широком контексте жизни и тем самым выводятся на новый уровень понимания, формируется «онтологическая парадигма» [2] или «парадигма жизни» [3]. Если в фокусе названных тенденций рассмотреть проблему творчества, то обозначится особая предметная область – психология *жизнетворчества*, где творчество рассматривается в масштабе жизни и одновременно направленным на жизнь: ее преобразование, созидание, трансформацию.

Становление онтологической парадигмы современного исследования. На этапе постнеклассической рациональности идеал научности связан со стремлением познания явлений в реаль-

ном контексте их бытия, в сложной системе взаимодействий и взаимовлияний. Психология как постнеклассическая наука направляет усилия на создание отнологичного знания, отражающего целостный мир психического во всей сложности и многообразии. Для достижения этой цели исследователи выходят за рамки своего предмета в широкий контекст бытия, обозначая масштаб познания категорией жизни. «Сегодня становится очевидным, что без учета закономерностей существования психических явлений, их бытия психологическое знание остается принципиально неполным, а в практическом отношении – весьма ограниченным. Обращение к онтологической парадигме является необходимой предпосылкой разработки целостного представления о психике» [4]. Маркером онтологического движения является создание психологических концепций, стремящихся преодолеть фрагментарные ракурсы рассмотрения определенного психического феномена и вывести его понимание на новый уровень. Нельзя сказать, чтобы подобный подход был абсолютно новаторским. Вспомним емкое определение С. Л. Рубинштейном миссии психологии: «Психология, которая является чем-то большим, чем поприщем для досужих упражнений ученых книжных червей, психология, которая стоит того, чтобы человек отдал ей свою жизнь и силы, не может ограничиться абстрактным изучением отдельных функций; она должна, проходя через изучение функций, процессов и т. д., в конечном счете приводить к действительному познанию реальной жизни, живых людей» [5]. Однако именно в современной психологии этот призыв находит реальное воплощение в виде конкретных психологических концепций. А. Г. Асмолов [6] разрабатывает неодентностный подход, лейтмотивом которого является тезис о том, что за сознанием открывается жизнь; В. А. Барабанщиковым [7] выстраивается психология восприятия, где процесс восприятия встроен в процесс жизни человека; Ф. Е. Василюк [8] решает проблему переживания в широком контексте жизненного мира личности; Д. А. Леонтьевым [9] рассматривается проблема смысла не как отдельного психического феномена, а как особого рода психической реальности; М. А. Холодной [10] предложена онтологическая теория интеллекта.

В рамках онтологической парадигмы появилась возможность в ином ракурсе увидеть проблему творчества в психологии. Творчество обретает новый масштаб – жизнь, предмет – личность, инструмент – рефлексию. Проблемы предметного творчества, наукотворчества, творческого мышления теряют свое первостепенное значение, включаясь в более широкую систему анализа. Творческой называется не та (или не только та)

личность, которая занята творческой деятельностью, а та, которая свою личность и свою жизнь сделала объектом творческого преобразования. Творчество рассматривается как инструмент преобразования себя не опосредованно, когда цель – продукт творчества, а личностное развитие – побочный продукт. Творение личности самодостаточно и может быть не взаимосвязано ни с каким предметным творчеством. Словами Д. А. Леонтьева, в новой парадигме психология меняет стратегию в изучении «от жизнедеятельности к жизнетворчеству, от смысловой регуляции к регулированию смыслов, от «психологии изменяющейся личности в изменяющемся мире» – к психологии личности, творящей и изменяющей себя и свой жизненный мир» [11]. Принципы активности, субъекта, целостности, антропологии легли в основу нового понимания жизни как творчества и личности как точки бытия, где становится возможным совпадение творца и творения. Личность провозглашается субъектом своего развития, «творцом своей истории, вершителем собственного жизненного пути» [12].

Творчество как современная форма жизни. Рефлексия произошедшего расширения ракурса рассмотрения проблемы творчества показывает, что оно явилось следствием не только методологических возможностей научного знания, но и изменения общественных потребностей. Со стороны современного общества перед наукой поставлена задача *познать жизнетворчество как форму бытия современного человека*. По словам В. С. Степина, сегодняшнее общество функционирует на излете техногенного этапа развития цивилизации, где доминирующий тип отношений выражен в субъект-объектной форме, где «человек призван реализовать свои творческие возможности, направляя свою активность вовне» [13]. Экологические, политические, национальные, социальные проблемы, которые приобрели в конце XX в. глобальный характер, заставили общество задуматься: продуктивны ли те идеалы, на которых оно выстроено, и не нуждаются ли в смене господствующие техногенные мировоззренческие модели? Благодаря достижениям экологического, социокультурного, системного и субъектного подходов произошло сдвижение в смысловом наполнении субъектной парадигмы. Произошло не только признание возможности субъект-субъектного взаимодействия, но и изменение понимания взаимодействия субъект-объектного. Объект не рассматривается более как некая дистанцированная от субъекта реальность, на которую он простирает свою активность. Объект и субъект включаются в целостную «ситуацию» (Д. Магнусон), «жизненное пространство» (К. Левин), «мир» (С. Л. Рубинштейн). Кроме того, объектом признается не только «внешняя» по отношению к человеку ре-

альность, но и «внутренняя». Обнаружение внутреннего мира как поля для творчества стало новейшим «географическим» открытием последнего времени. В контексте трансформирующейся цивилизации доминирующими становятся ценности, закрепленные в понятиях группы «само-» (самопознание, самоуправление, самореализация, etc.), обозначающие активность человека, направленную им на самого себя и свою жизнь как объекты творчества.

В условиях, когда культурология и искусствоведение озабочены падением уровня культуры, торможением в развитии искусства, прекращением эры «шедевров» и расцветом масскультта, в дополнение к творчеству избранных приходит творчество каждого, воплощенное в творении себя и своей жизни. Проблема авторства произведений искусства расширяется до проблемы авторства в жизни человека: «Из идеи того, что Я не дано нам, – провозглашает М. Фуко, – есть только одно практическое следствие: мы должны творить себя как произведение искусства» [14]. Жизнетворчество становится социокультурной задачей формы цивилизации, где доминирующим является интерес к жизни, быту, бытию, образу жизни человека как к самодостаточному произведению его жизни, произведению искусства жить.

Жизнетворчество как тип жизни. Обращаясь к жизни как предмету исследования, психология изучает ее как психическое явление, различные манифестиации которого закреплены в понятиях «жизненный мир», «жизнетворчество», «жизнедеятельность», «жизненный путь» и пр. Выход целого ряда современных исследователей на решение задачи построения психологической типологии жизни есть признак указанной тенденции нарастающего интереса к изучению психологии жизни. Если ранее в психологии доминировали и успешно решались задачи построения типологий темперамента, характера, способностей, стилей, типов личности, то в настоящее время – типов жизни. Приведем лишь некоторые примеры. Е. П. Варламова, С. Ю. Степанов [15] обозначают жизненные позиции (жизнь как творческая задача; жизнь как поставленная обществом, традициями и т.д. задача); Ф. Е. Василюк [16] классифицирует жизненные миры (внешне легкий и внутренне простой мир, внешне трудный и внутренне простой мир, внутренне сложный и внешне легкий мир, внутренне сложный и внешне трудный мир); В. Н. Дружинин [17] типологизирует варианты жизни (предисловие, творчество, достижение, сон, правило, трактат времени); Н. А. Логинова [18] рассматривает позиции личности по отношению к своей жизни (жизнь-автоматизм, жизнетворчество).

Обратим внимание, что в терминологически пестрой типологической картине можно просле-

дить два основных типа жизни: «На одном полюсе – жизнь, подчиненная обстоятельствам, шаблонное выполнение социальных ролей, так сказать, жизнь-автоматизм. На другом полюсе – жизнетворчество, когда жизнедеятельность, воплощенная в конкретных формах социального поведения и деятельности, направляется субъектом в соответствии с коренными отношениями, установками, когда жизнедеятельность адекватна характеру и является самовыражением» [19]. Предтечей такого понимания в отечественной психологии можно назвать позицию С. Л. Рубинштейна, которым была изложена идея двух способов жизни: включенного и рефлексивного. Для первого характерно неосознанное существование, без подъема над непосредственной жизненной ситуацией, без задачи расширения пространства жизненных связей, отношений, жизненных задач. Второй, рефлексивный, способ жизни выводит человека мысленно за пределы непосредственной жизни, прерывает ее неосознанное течение. Человек как бы занимает позицию вне жизни и в то же время именно теперь оказывается лицом к лицу с необходимостью осознанно ставить и решать жизненные задачи, делать ответственные жизненные выборы. При этом выбор между включенностью и рефлексивностью обозначается С. Л. Рубинштейном как важный, но не окончательный. Это только предисловие к выбору своего осознанного жизненного пути: «Здесь начинается путь либо к душевной опустошенности, к нигилизму, к нравственному скептицизму, к цинизму, к моральному разложению (или в менее острых случаях к моральной неустойчивости), либо другой путь – к построению нравственной человеческой жизни на новой, сознательной основе» [20].

Такая постановка вопроса о жизни как о предстоянии человека перед необходимостью решения вопроса «либо/либо» роднит психологические концепции типов жизни с философско-антропологической традицией выбора человеком одного из двух способов бытия: жизни (активности) или смерти (пассивности). Существование человека мыслится как непрерывная борьба за жизнь против смерти, которые трактуются как явления не биологической, а культурной природы. Человек не рождается окончательно во время биологического акта рождения, а может не родиться и в течение всей жизни: «Человек – существо искусственное, в этом смысле он не рождается природой, он сам себя рождает, творит» [21]. «Нормальный», «средний», «массовый» человек существует в состоянии сна, вне присутствия (в терминах М. К. Мамардашвили). Как с горечью отмечал Э. Фромм [22], по существу, мы должны полностью родиться к моменту смерти, но судьба большинства людей трагична: они умирают, так и

не успев родиться. И только человек, решившийся быть истинно живым и взять на себя ответственность за свое «Я», отваживается, подобно М. Штирнеру, провозгласить «Я есть истина»: «Не всеобщее, философское, фихтевское «Я», а действительный фактический *некто никто... возможность и вызов*, если хотите – *вакансия*. Нигилизм Штирнера – приглашение на казнь, после которой *живут* как «*Единственный*» либо просто потому, что не знают, что *мертвы*» [23].

Таким образом, в круге философско-психологической проблематики жизнетворчество выступает как одна из основных стратегий (форм, направленностей) жизни, для которой характерны активная позиция, ориентация на развитие и творчество. Пользуясь словами С. Л. Рубинштейна, можно сказать, что за концепцией жизнетворчества стоит «образ человека-творца, который, изменяя природу и перестраивая общество, изменяет свою собственную природу, который в своей общественной практике, порождая новые общественные отношения и в коллективном труде создавая новую культуру, выковывает новый, подлинно человеческий облик человека» [24].

Функции жизнетворчества. Понимание сущности жизнетворчества как особой жизненной стратегии позволяет объяснить эволюционный смысл или, иначе, функции жизнетворчества на жизненном пути: снятие жизненной неопределенности; наполнение жизненным смыслом; создание неотторжимого Я-продукта.

I. Снятие жизненной неопределенности. Ситуация развития современного человека – ситуация неопределенности, которая вызывает тревогу и одновременно расширяет возможности творчества за счет увеличения пространства выбора. В неустойчивом, непредсказуемом, глобальном мире точкой опоры для конкретного человека становится его индивидуальное «Я», ибо достичь предсказуемости можно в двух ситуациях: познания и творения объекта, где человек сам является его автором, т. е. субъектом. Этот принцип распространяется на все предметы мира, в том числе на собственную личность и жизнь. Я субъект тогда, когда я хорошо себя знаю (знаю свое прошлое и настоящее) и сам творю свое будущее. Таким образом, жизнетворчество предстает как способ трансформации неопределенности в управляемость.

II. Наполнение жизненным смыслом. Особенность творчества заключается в том, что оно «предполагает совпадение мотива и цели, т. е. увлеченность самим предметом, поглощенность деятельностью» [25]. При творческом отношении к жизни человек наслаждается не только результатами своей жизни, не только своими достижениями, а самим процессом созидания. Творческое отношение к жизни связано с решением

давнего вопроса «быть или иметь». Творческий человек бытийствует, соответственно, человек, ориентированный на результаты жизни, оказывается в силах стремления к достижению.

III. Создание неотторжимого Я-продукта.

Выделяя психологические черты творчества, М. Г. Ярошевский отмечает: «Главной антиномией выступает отношение между продуктом творчества и его процессом. Продукт принадлежит культуре, процесс – личности» [26]. В отношении жизнетворчества данная закономерность «не работает», ибо в этом случае и процесс, и результат принадлежат личности. В генерализованном виде результат жизнетворчества можно назвать Я-продуктом – «Я» во всем многообразии его феноменальных выявлений: индивидуальность; личность как сконструированное «лицо для себя» и «личина» для Других; жизненная биография; мифы о личности и жизни; личностные вклады в других, etc.

Структура жизнетворчества. Активно-творческую позицию автора жизни содержательно полно выражает категория субъекта. Однако в контексте познания жизнетворчества требуют уточнения вопросы: какая психическая реальность подразумевается под термином «субъект», какая реальность при этом считается «объектом» и какие отношения существуют между ними? Ответы на данные вопросы позволяют выявить структуру жизнетворчества.

I. Субъект – личность. Субъектом жизнетворчества является личность, понимаемая как функциональный орган управления психической жизнью и развитием человека. «Формирование и самостроительство в себе человека, сама возможность такого самостроительства подразумеваются наличием некоего психологического орудия, органа, постоянно координирующего и направляющего этот невиданный, не имеющий аналогов в живой природе процесс. Этим органом и является личность человека» [27]. Однако воспользоваться имеющимся органом развития каждый человек способен и желает в разной мере. К. А. Абульханова-Славская обращает внимание на то, что, даже осознавая расхождение между реальным и идеальным «Я», многие люди не стремятся себя изменить. Пытаясь определить причину такого поведения, К. А. Абульханова-Славская привлекает категорию зрелой личности: «Только зрелый человек способен своей волей определять и направлять ход событий и расстановку сил в своей жизни» [28]. Зрелая личность в состоянии сделать жизнь предметом преобразований, потому только она может быть в полной мере названа субъектом жизни: «То, в какой мере жизненный путь зависит от личности, определяется тем, в какой мере она стала его субъектом» [29]. Таким образом, жизнетворче-

ство можно осуществить, только выступив в качестве субъекта, который, если воспользоваться терминами С. Л. Рубинштейна, способен поставить «внешние» условия на службу своим «внутренним» задачам.

II. Объект – жизненные события. Чтобы личность ощущала себя субъектом жизнетворчества, ее активность должна иметь область приложения, иначе говоря, объект. Предполагаем, что он имеет событийный характер. При стратегии жизнетворчества личность занимает субъектную позицию, проявляя способность «своей волей определять и направлять ход событий и расстановку сил в своей жизни» [30]. Жизнь для личности – это «Я» в движении, «Я» в процессе, «Я» в динамике, «Я» в развитии. Жизнь – это непрерывный процесс, элементами которого являются Я-события. ««Событие» является еще одной базовой категорией персонологии жизни. События отмечают присутствие, осознание своего существования в конкретный значимый момент жизни и отношение личности к нему» [31]. Жизнетворчество есть самостоятельное выстраивание событий, происходящих с «Я», управление жизненными событиями. При этом жизненное событие есть более общее явление, чем событие жизнетворчества. Событие жизнетворчества есть событие, которое не просто случается с личностью, но активно ею выстраивается, творится, создается. Следовательно, характеризуя события жизнетворчества, важно их содержательно конкретизировать. Чтобы решить эту задачу, обратимся к типологии событий, предложенной Н. А. Логиновой [32], где различаются три типа биографических событий в жизни личности: 1) события среды, происходящие не по воле и не по инициативе субъекта жизни; 2) события поведения человека в окружающей среде, т. е. поступки; 3) события внутренней жизни в форме впечатлений и переживаний, приводящие к изменению в сфере ценностей. На основе трех типов описанных биографических событий предлагаем выделять три различных по объекту управления сферы жизнетворчества, в каждой из которых личность создает специфический продукт (см. таблицу). В зависимости от того, на какого рода события способен влиять человек, можно различать масштаб пространства его жизнетворчества. При этом пространство жизнетворчества мыслится как часть субъектного пространства человека – та сфера жизненного мира человека, где он ощущает себя субъектом, которая поддается его управлению в отличие от объектного пространства, где человек является объектом воздействий.

III. Субъект-объектное отношение – управление. Центральными функциями субъекта являются осуществление созидательно-преобразующей актив-

ности (Л. В. Алексеева, Б. Г. Ананьев, Л. И. Божкович, С. К. Бондырева, А. В. Брушлинский, Ю. А. Варенова, А. А. Гудзовская, С. Л. Дерябо, С. Л. Рубинштейн, В. И. Слободчиков), саморегуляции (К. А. Абульханова-Славская, О. А. Конопкин, А. К. Осницкий, В. И. Моросанова и др.) и самоуправления (Л. В. Алексеева, Г. С. Никифоров). «Деятельность субъекта – преобразовательная. Только если ты что-то меняешь в объекте, ты признаешься субъектом» [33]. Объектом при этом может выступать любой материальный или духовный предмет, любой другой человек, сам деятель. Согласно вышесказанному в жизнетворчестве объектом преобразования выступают жизненные события. При рассмотрении жизнетворчества субъектные функции конкретизируются следующим образом: личность как субъект жизни направляет преобразующую и управляющую активность на события, составляющие единую жизненную ткань. Следовательно, основной критерий жизнетворчества – подчиненность событий жизни управлению человека. Он творит события, а не они случаются с ним. Жизнетворчество – это воздействие на события своей жизни, а через управление событиями – управление развитием самой личности – саморазвитие.

Саморазвитие как форма жизнетворчества. Саморазвитие является формой развития, направленной на построение, творение индивидуальности в рамках стратегии жизнетворчества. Уточним понимание индивидуальности в данном контексте, ибо в современной психологии утверждается позиция содержательной двойственности понятия «индивидуальность», запечатляющего единичность человека, согласно принципу дополнительности, сразу в двух формах: 1) как совокупность присущих человеку неповторимых черт – от индивидных особенностей до своеобразия его идеологии; 2) как высший уровень организации человека, характеризующий его целостность, осознанность, самобытность и самостоятельность. Исследователи предлагают фиксировать обозначенные формы следующими эпитетами: стихийная/творческая [34], тривиальная/вершинная [35], инструментальная/продуктивная [36] индивидуальность. Помимо содержательной дифференциации названные формы индивидуальности качественно различаются формами генеза.

Стихийная индивидуальность является принадлежностью каждого человека и актуальной данностью ему по факту его рождения. В течение жизни его единичность усложняется, трансформируется, меняет свою структуру, но главная ее черта остается: формой ее движения является *развитие* как непреднамеренное, спонтанное изменение, гарантированное системам любой природы. При развитии изменения естественны и природосообразны. Они не являются спланированными «событиями в жизни» системы и происходят неотвратимо, закономерно, невольно в тот момент, когда в системе складывается определенное отношение противоречивого характера между ее элементами либо между возможностями системы и требованиями среды.

Творческая индивидуальность дана человеку в потенциальной форме, как возможность, вакансия, шанс. Спроектировать, воплотить, реализовать ее есть горизонт, ориентир жизненного пути, достижение которого требует особых усилий. Формой движения такого рода индивидуальности является *саморазвитие* как управляемое самим человеком развитие, как особый способ жизни, наполненный постоянной устремленностью к созиданию своего «Я». Саморазвитие есть «культивирование своей уникальности» [37], но не в смысле самолюбования, а как решение задачи, «чему во мне быть», как говорил А. Н. Леонтьев. В отличие от развития саморазвитие опосредованно и культурообразно. Оно требует затрат – вложения воли, усилий и применения специальных средств – актов самосознания и саморегуляции. Здесь индивидуальность есть произведение культуры как возделывания, созидания, творения человеком своего уникального «Я», структурной единицей которого является происходящий в субъективном пространстве акт перевода Я из Я-настоящего в Я-будущее, осуществляемый между субличностными образованиями, которые занимают позиции преобразователя (субъекта развития) и преобразуемого (объекта развития) [38].

Для личности, вставшей на субъектную позицию, развитие есть творчество. Она в состоянии не только выбирать из предоставленных ей вариантов жизненного пути, но способна сама создавать (творить) их, причем личность может со-

Сфера и продукты жизнетворчества

Типы жизненных событий	Сфера жизнетворчества	Продукты жизнетворчества
События среды	Создание и преобразование жизненной среды	Среда, сотворенная человеком (включая социальную среду, вклады в других), – все формы преобразования мира
События поведения	Поступки	Биография как цепь поступков, как воплощенный жизненный путь
События внутренней жизни	Творческое переживание	Индивидуальность как уникальный внутренний мир

вершать выбор не только в объективно данные точки выбора, но и сама может создавать их, то есть способна делать выбор постоянно, превратив жизнь в жизнетворчество. Саморазвитие не всегда является деятельностью, но саморазвивающаяся личность выбирает такие жизненные цели и включается в такие виды деятельности, которые, по ее представлению, будут стимулировать ее развитие. Личность сама создает ту среду развития (в терминах Б. Г. Ананьева), которая необходима для получения нужного ей эффекта развития. В ходе саморазвития личность осознает перспективы (варианты) своего развития и сознательно принимает решение о выборе одного из вариантов на основании рефлексии своей идеологии (системы ценностей, идеалов, образа мира и образа Я). Таким образом, саморазвитие становится инструментом творения индивидуальности. Саморазвивающаяся личность на каждом этапе жизненного пути не мирится с наличным уровнем своего существования, а, прогнозируя иное будущее, которое она сама в силах сформировать, работает на воплощение своего замысла.

Примечания

1. Петровский В. А. Личность в психологии: парадигма субъектности. Ростов н/Д: «Феникс», 1996. С. 7.
2. Барабанщикова В. А. Идея системности в психологии: пути развития // Психол. журн. 2008. № 1. С. 5–13.
3. Старовойтченко Е. Б. Модель персонологии в парадигме жизни // Мир психологии. 2010. № 1. С. 157–172.
4. Барабанщикова В. А. Указ. соч. С. 10.
5. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2007. С. 634.
6. Асмолов А. Г. Историко-эволюционная парадигма конструирования разнообразия миров: деятельность как существование // Вопросы психологии. 2008. № 5. С. 4.
7. Барабанщикова В. А. Восприятие и событие СПб.: Алетейя, 2002.
8. Василюк Ф. Е. Психология переживания. Анализ преодоления критических ситуаций. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.
9. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 1999.
10. Холодная М. А. Психология интеллекта. Парадоксы исследования. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Питер, 2002.
11. Леонтьев Д. А. Указ. соч.
12. Брушлинский А. В. Субъект: мышление, учение, воображение. М.: Изд-во «Институт практической психологии», 1996. С. 5.
13. Степин В. С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003. С. 672.
14. Цит. по: Розин В. М. Конструирование себя и реальности как способ жизни новоевропейской личности и философа // Вопросы философии. 2009. № 7. С. 91–106.
15. Варламова Е. П., Степанов С. Ю. Психология творческой уникальности. М.: Институт психологии РАН, 2002.
16. Василюк Ф. Е. Указ. соч.
17. Дружинин В. Н. Варианты жизни. Очерки экзистенциальной психологии. М.: «ПЕР СЭ»; СПб.: «ИМАТОН-М», 2000.
18. Логинова Н. А. Развитие личности и ее жизненный путь // Принципы развития в психологии / отв. ред. Л. И. Анцыферова. М.: Наука, 1978. С. 156–172.
19. Логинова Н. А. Жизненный путь человека как проблема психологии // Вопросы психологии. 1985. № 1. С. 105.
20. Рубинштейн С. Л. Человек и мир. М.: Наука, 1997. С. 79.
21. Губин В. Д., Некрасова Е. Н. Философская антропология. М.: «ПЕР СЭ»; СПб.: Университетская книга, 2000. С. 21.
22. Фромм Э. Здоровое общество // Психодиагностика и культура: избранные труды Карен Хорни и Эриха Фромма. М., 1995.
23. Свасьян К. А. Prooemium // Вопросы философии. 2010. № 2. С. 12.
24. Рубинштейн С. Л. Указ. соч. С. 644.
25. Богоявленская Д. Б. «Субъект деятельности» в проблематике творчества // Вопросы психологии. 1999. № 2. С. 36.
26. Ярошевский М. Г. Психология творчества и творчество в психологии // Вопросы психологии. 1985. № 6. С. 21.
27. Братусь Б. С. Русская, советская, российская психология: конспективное рассмотрение. М.: Изд-во Моск. психол.-соц. ин-та: Флинта, 2000. С. 55.
28. Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. М.: «Мысль», 1991. С. 285.
29. Абульханова-Славская К. А. Принципы исследования активности личности // Актуальные вопросы психологии личности: сб. науч. тр. советских и болгарских психологов / отв. ред. И. И. Чеснокова. М.: Наука, 1988. С. 48.
30. Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. С. 285.
31. Старовойтченко Е. Б. Указ. соч. С. 169.
32. Логинова Н. А. Указ. соч. С. 105.
33. Любутин К. Н., Пивоваров Д. В. Диалектика субъекта и объекта. Екатеринбург, 1993. С. 176.
34. Варламова Е. П., Степанов С. Ю. Указ. соч.
35. Алексеева Л. В. Уровни индивидуальности человека // Психология индивидуальности: материалы III Всерос. науч. конф., г. Москва, 1–3 декабря 2010 г.: в 2 ч. / отв. ред. А. Б. Орлов, Гос. ун-т – Высшая школа экономики; Рос. гуманит. науч. фонд. М.: Изд-дом Гос. ун-т – Высшая школа экономики, 2010. Ч. 1. С. 43–45.
36. Асмолов А. Г. Психология личности: принципы общепсихологического анализа. М.: Смысл, 2001.
37. Варламова Е. П., Степанов С. Ю. Указ. соч.
38. Щукина М. А. Психология саморазвития личности: проблемы, подходы, гипотезы. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009.

ПЕРСОНАЛИИ

«ТРУДЫ И ДНИ» ПРОФЕССОРА АНАТОЛИЯ ЕВДОКИМОВИЧА АНУФРИЕВА

Мы часто повторяем по делу и без дела: «Любить землю», «Любить Родину», – а может быть, чувствовать, ощущать, как самого себя, а? Если любовь можно привить, укоренить и даже навязать, то чувства и ощущения передаются лишь по родству, с молоком матери, редкой лаской отца, когда опустит он тяжелую ладонь на детскую голову, и притихнешь под ней, как птенец под крылом, и зайдется сердчишко в частом, растроганном бое, и прежде всего в матери, в отце ощутишь Родину свою. А уж какая она, эта Родина, – все зависит от того, какие чувства перенял ты от родителей.

В. П. Астафьев

Наш коллега, доктор филологических наук Анатолий Евдокимович Ануфриев, 1 июня празднует свой юбилей. 60 лет – солидная дата, но, как считал Ю. М. Лотман, «возраст – это не количество прожитых вами дней, а поведение, которое вы можете осуществлять». И свой судьбоносный день рождения Анатолий Евдокимович встречает победно, радостно, творчески. Мы от всей души поздравляем его с юбилеем и благодарим за служение науке, университету, филологическому факультету, с которым связана его научная и преподавательская деятельность.

Жизнь каждого человека интересна и неповторима, а судьба ученого интересна по-особому, потому что обладает мировоззренческим содержанием, находит свое отражение в книгах, статьях, учениках. Анатолий Евдокимович – коренной кировчанин, его отец – участник Великой Отечественной войны, воевал на Ленинградском фронте, несколько раз был ранен и контужен. Работал мастером на заводе «Физприбор», а мама лечила земляков более сорока лет в больницах г. Кирова. А. Е. Ануфриев закончил школу № 16 и в 1969 г. поступил на факультет русского языка и литературы Кировского государственного педагогического института им. В. И. Ленина. Анатолий Евдокимович считает годы, проведенные в стенах института, самыми лучшими и счастливыми, пото-

му что учился у таких ярких, самобытных, талантливых педагогов, как Ю. В. Солоницын, В. В. Симонов, М. А. Мохирев, А. Г. Балыбердин, Г. А. Охотина, З. Ф. Петрусь, Г. Н. Шершнева, Л. Н. Лузянина. Их лекции и семинарские занятия открывали «тайны русского языка и литературы». Талантливый выпускник сначала учителяствовал в сельской школе, а затем стал директором Б.-Гаринской восьмилетней школы Лебяжского района Кировской области. После службы в рядах Советской Армии был принят на работу лаборантом кафедры русской литературы. С тех пор вся его жизнь связана с институтом-университетом.

С аспирантуры при кафедре советской литературы Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина начался путь в науку. Здесь определили его научные приоритеты талантливые профессора: А. В. Терновский, С. И. Шешуков, В. А. Лазарев. И сама тема кандидатской диссертации «Своеобразие психологического анализа в творчестве В. Астафьева и В. Распутина» и ее защита помогли Анатолию Евдокимовичу укрепить «русский дух» и любовь к отечественной словесности. Все годы жизни в университете заполнены преподавательской деятельностью и работой ученого над книгами. Их можно назвать «трудами и днями», потому что

жизнь увлеченного своим призванием ученого летит, а не идет.

События и повороты в развитии университета отражались в карьере А. Е. Ануфриева, в трудные периоды он всегда был «на передовой», с 1984 по 1990 г. выполнял обязанности зам. декана факультета по работе на национальном отделении. В 1989 г. награжден Почетной грамотой министерства народного образования РСФСР за успешную работу по подготовке педагогических кадров. В 2002 г. защитил докторскую диссертацию в МГПУ на тему «Жанры утопии и антиутопии в русской прозе первой трети XX века. Эволюция. Поэтика».

Студенты с удовольствием и интересом слушают его лекции по истории русской литературы XX в., русской литературной критике, спецкурсы по творчеству А. Платонова, М. Булгакова, по поэзии 20–30-х гг. XX в. и др. Его научные интересы обращены к исследованию жанрово-стилевых процессов и основных тенденций развития русской прозы XX в. (творчество Е. Замятиня, М. Козырева, А. Куприна, А. Чаянова, В. Астафьева, В. Распутина и др.). Список его публикаций включает более 60 статей и две монографии: «Жанры утопии и антиутопии в русской прозе 1-й трети XX века» (2002), «Русская проза 1-й трети XX века между утопией и антиутопией» (2012). Под его руководством защищены две кандидатские диссертации.

Анатолий Евдокимович блестательно выступает перед студентами, он говорит: «Главная цель, которую я ставлю в работе с филологами, – показать неповторимость, многообразие, уникаль-

ность великой русской литературы, самобытность и яркость творческих судеб русских писателей. Мне нравится, когда студенты умеют отстаивать свою точку зрения, вступают в дискуссии, находят нестандартные подходы к тем или иным проблемам, анализируют тексты произведений, опираясь на широкие историко-культурные ассоциации. Считаю, что филолог должен читать и знать не только художественные тексты и литературоведческие исследования, но и книги, статьи по истории, искусству, культурологии. Я перечитаю работы русских историков и философов: Н. Карамзина, С. Соловьева, В. Ключевского, Л. Гумилева, И. Ильина, Н. Лосского, Г. Федотова».

Авторитет Анатолия Евдокимовича безупречен, потому что опирается на широкие и глубокие знания, душевную открытость, искренность, бодрость. Он замечательный библиофил, творческий читатель русской классики. Новинки книжного мира – на его письменном столе. Его личная библиотека – пример для филологов, она насчитывает более 3000 томов.

По мнению Ю. М. Лотмана, «круг культурного человека характеризуют интеллект и совесть». У Анатолия Евдокимовича Ануфриева всегда есть чему учиться: он всей своей жизнью помогает воспитывать душу, укрепляет веру в духовные силы русской литературы, вдохновляет на неустанное чтение в любом возрасте, своим примером показывает, как «быть бодрым и помогать ближнему», жить в радости интеллектуального труда и в ладу со своей совестью на своей любимой Родине.

ГАЛИНА БОРИСОВНА КУРЛЯНДСКАЯ

Ученые-филологи, сообщество вузовских преподавателей России глубоко скорбят в связи с тяжелой утратой. 11 июня 2012 г. не стало Галины Борисовны Курляндской (6.11.1912–11.06.2012), доктора филологических наук, профессора Орловского государственного университета (Орел, Орловская область, РФ).

Галина Борисовна – ученый-филолог с мировым именем, выдающийся тургеневед, специалист по творчеству Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого, автор книг и статей о художественном опыте всех русских классиков, связанных с Орловским краем (Н. Лескова, Л. Андреева, И. Бунин, М. Пришвина, А. Фета и других). Почти восемь десятилетий она писала книги, организовывала конференции, преподавала в университетах Казани и Орла. И всей своей жизнью и деятельностью убеждала, что высокая наука не делится на столичную и провинциальную, что провинциальность – понятие географическое, а не ментальное, не интеллектуальное. Среди тургеневедов России и Франции, в академических институтах и университетах Москвы и Санкт-Петербурга (ИМЛИ и Пушкинском Доме, МГУ и СПбГУ), в Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ авторитет Г. Б. Курляндской был непрекаем.

Галина Борисовна создала влиятельную научную школу, подготовила десятки докторов и кандидатов филологических наук. Среди ее учеников – и преподаватели Вятского государственного гуманитарного университета: доцент Нина Петровна Изергина (1927–2009) и доцент Наталья Дмитриевна Богатырева (Модзоловская). Русскую литературу XIX в., творчество Толстого и Достоевского вятские студенты-филологи изучают именно «по Курляндской». В Галине Борисовне Курляндской нашел свое воплощение редкий тип научного-филолога, сочетающего в себе дар глубокого философа и тонкого знатока слова.

Свой 99-й день рождения Галина Борисовна встретила в работе над новой книгой. В декабре

2011 г. монография «Онтология свободы в системе религиозно-философских взглядов Достоевского и Толстого» вышла из печати в издательстве «Вариант» г. Орла. Почти полностью потеряв зрение, в последние годы Галина Борисовна диктовала свой текст. И последние дни в больнице были посвящены подготовке новой статьи.

Ушел человек, проживший долгую плодотворную жизнь, оставивший большой благодарный след в душах учеников, коллег, современников, след, опровергающий расхожее утверждение. Незаменимые люди есть! Место, которое оставила после себя Галина Борисовна, можно заполнить только благодарной памятью и посильной деятельностью в той области культуры и науки, которая ею возвышалась и облагораживалась. Мир Вашей бессмертной, высокой душе, Галина Борисовна!

*Коллектив кафедры русской
и зарубежной литературы ВятГГУ*

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «П. А. СТОЛЫПИН И ЕГО РЕФОРМЫ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ»

12 апреля 2012 г. в г. Кирове в Вятском государственном гуманитарном университете прошла межрегиональная конференция, посвященная 150-летию со дня рождения крупного политического деятеля дореволюционной России Петра Аркадьевича Столыпина. Конференция проводилась историческим факультетом ВятГГУ при поддержке Российского гуманитарного научного фонда с целью обсуждения актуальных вопросов истории модернизации Российской империи в начале XX столетия с выделением специфики региональных процессов.

В конференции приняли участие более 300 историков, культурологов, педагогов, краеведов, архивных и библиотечных работников из Москвы, Санкт-Петербурга, Глазова, Екатеринбурга, Казани, Кирова, Нижнего Новгорода, Новосибирска, Стерлитамака, Тамбова.

Для обсуждения на конференции были предложены следующие темы:

- Россия накануне реформ.
- П. А. Столыпин: человек и политик.
- Историография, источники изучения реформ П. А. Столыпина в региональном и общероссийском формате.
- Правительственные дискуссии о выборе экономической стратегии в конце XIX – начале XX в.
- Аграрная реформа П. А. Столыпина: региональное измерение.
- Оппозиция столыпинским реформам «справа» и «слева».
- Аграрная реформа П. А. Столыпина: дискуссионные аспекты.
- Реформы суда и местного управления в программе преобразований П. А. Столыпина.
- Социальные аспекты программы реформ П. А. Столыпина.
- Хозяйственное освоение Сибири в конце XIX – начале XX в.
- Участие земств в реализации аграрной реформы П. А. Столыпина.
- Община, отруб и хутор глазами российского крестьянства: за и против.
- Российский аграрный рынок в конце XIX – начале XX в.: тенденции развития.

• Судьбы российского крестьянства в конце XIX – начале XX в.

Перед началом конференции ее участники имели возможность ознакомиться с выставкой книг по изучаемой тематике, организованной научной библиотекой ВятГГУ. Государственный архив Кировской области представил документы, касающиеся реализации аграрной реформы в Вятской губернии. Большой интерес вызвала выставка работ победителей межрегиональных конкурсов по тематике конференции среди школьников, а также студентов и аспирантов.

Торжественно открыл конференцию ректор Вятского государственного гуманитарного университета, доктор исторических наук, профессор В. Т. Юнгблуд. С приветственным словом к участникам конференции обратился губернатор Кировской области Н. Ю. Белых.

Пленарное заседание было продолжено выступлением руководителя Центра истории религии и Церкви Института российской истории РАН, доктора исторических наук В. М. Лаврова. Докладчик отметил, что у правительства П. А. Столыпина были следующие варианты действий в 1906 г.: 1) не проводить аграрных преобразований, ограничиваясь подавлением крестьянских беспорядков; 2) начать аграрную реформу, сохраняющую право частной собственности; 3) начать такую реформу, которая частично или полностью передаст помещичью землю крестьянам. Как и крестьянская реформа 1861 г., аграрная реформа Столыпина подвергалась критике и «слева», и «справа» (со стороны крайних националистов-консерваторов). Особую ненависть реформа вызвала у эсеров и большевиков, которые осознавали, что успешное осуществление аграрной реформы в крестьянской стране равнозначно утрате надежд на народную революцию во главе с ними. Докладчик отметил безусловную значимость реформ П. А. Столыпина.

Эту линию продолжил в своем выступлении академик АН РТ, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, вице-президент АН РТ Н. М. Валеев, показавший взаимосвязь реформ П. А. Столыпина с современностью. Докладчик отметил, что российская история дает нам бесценный опыт преобразований, направленных на созидание, и позволяет приблизиться к пониманию реформ современных. Исторический материал, к сожалению, довольно

часто остается забытым. В рамках настоящей конференции нужно попытаться глубже осмыслить один из переломных моментов в судьбе страны начала XX столетия, связанных со столыпинскими реформами, носившими системный характер, и дать им объективные оценки.

Доклад профессора кафедры истории и методики преподавания Глазовского государственного педагогического института им. В. Г. Короленко А. А. Волковой был посвящен вопросам землеустройства и отношения к ним многоэтничной крестьянской общины дореволюционной Удмуртии. Особое внимание было уделено взаимодействию власти и нерусского крестьянства в модернизационных процессах.

Завершило пленарное заседание подведение итогов межрегионального историко-просветительского конкурса научно-исследовательских работ учащихся общеобразовательных учреждений «Реформы П. А. Столыпина: взгляд молодого исследователя» и межрегионального историко-просветительского конкурса научно-исследовательских работ студентов и аспирантов «Реформы П. А. Столыпина: история и современность».

Затем прошли заседания четырех секций. На секции «Россия и ее регионы накануне столыпинских реформ» обсуждались интересные и актуальные вопросы, связанные с социально-экономическим развитием российской провинции на рубеже XIX – начала XX в. Один из ключевых аспектов этой многогранной темы затронул в своем выступлении кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Вятского государственного университета И. В. Чемоданов, доклад которого был посвящен экономическим взглядам С. Ю. Витте, и отличался нестандартным подходом к трактовкам известных фактов. Анализируя основные направления деятельности С. Ю. Витте на посту министра финансов, докладчик изложил точку зрения, согласно которой мероприятия С. Ю. Витте в области экономики представляли собой уникальный опыт сочетания политики протекционизма и одновременно активного привлечения иностранного капитала, что позволило обеспечить стабильное развитие страны. Не все присутствующие на секции согласились с таким выводом, указав докладчику на то, что сам С. Ю. Витте довольно критично отзывался о результатах своей деятельности, сравнивая отношения России и западноевропейских стран с отношениями колонии и метрополии. Развернувшаяся в ходе обсуждения этого вопроса дискуссия позволила прийти к выводу о том, что экономическое развитие России начала XX в. носило противоречивый и неоднозначный характер при достаточно высоких общих темпах модернизации страны, в том числе в области сельского хозяйства.

Рассмотрению новой и малоизученной проблемы было посвящено выступление кандидата исторических наук, ассистента кафедры отечественной истории Вятского государственного гуманитарного университета А. М. Рафикова, обратившегося к анализу этнорегиональной составляющей столыпинской реформы на примере изучения крестьянского хозяйства татар Вятской губернии в конце XIX – начале XX в. Докладчик констатировал, что крестьяне-татары, как и в целом все население сельской местности Вятско-Камского региона, были затронуты столыпинской аграрной реформой лишь опосредованно, что объяснялось объективными причинами, связанными с медленными темпами экономического развития губернии и сохранением здесь весомой роли крестьянской общины. Выступление вызвало большой интерес у аудитории, а заданные докладчику вопросы позволили обозначить перспективы дальнейшего исследования темы, заключающиеся в необходимости изучения и проведения сравнительного анализа экономического развития крестьянских хозяйств удмуртов, марийцев, башкир и представителей некоторых других национальностей, проживавших на территории Вятско-Камского региона.

Не менее важные проблемы, обращение к которым позволило расширить географические рамки тематики выступлений, были затронуты в сообщении кандидата исторических наук, доцента Стерлитамакской государственной педагогической академии им. Зайнаб Биишевой О. А. Курсеевой, посвященном деятельности П. А. Столыпина на посту саратовского губернатора. Представленный докладчиком фактический материал позволил по-новому взглянуть на некоторые уже, казалось бы, достаточно изученные стороны деятельности П. А. Столыпина в этой должности.

Важной составляющей работы секции стали доклады аспирантов кафедры отечественной истории Вятского государственного гуманитарного университета А. С. Касанова и М. Ю. Лицарева, обратившихся к таким малоизученным проблемам истории Вятской губернии пореформенного времени, как создание и деятельность в регионе сельскохозяйственных обществ и влияние на общую социально-политическую ситуацию в крае Манифеста 17 октября 1905 г. Подготовленные на высоком научно-методическом уровне выступления молодых ученых позволили успешно завершить работу секции, которая отличалась конструктивным характером и прошла в русле позитивного идеиного обмена и диалога между ее участниками.

На секции «П. А. Столыпин и тенденции регионального развития России в начале XX в.» прозвучали доклады, касающиеся различных аспектов деятельности П. А. Столыпина. Доктор

исторических наук, профессор кафедры отечественной истории ВятГГУ В. И. Бакулин дал историографический обзор новейшей научной периодики по проблеме осуществления аграрной реформы П. А. Столыпина. В докладе магистранта кафедры отечественной истории ВятГГУ Л. В. Пешиной была проанализирована общественно-политическая деятельность вятского училища в эпоху столыпинских преобразований. Финансовая сторона реформы нашла отражение в докладе доцента ВятГСХА В. П. Калиниченко и магистранта ВятГГУ А. В. Вершинина. Реализация аграрных преобразований на территории Вятского края уже после смерти П. А. Столыпина рассмотрена в докладах кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории ВятГГУ Е. Г. Костиной и начальника отдела использования архивных документов ГАКО А. В. Колотова.

Все выступления отличались высоким исследовательским уровнем и вызвали большой интерес у слушателей. Важно подчеркнуть, что в основе большинства выступлений лежали материалы как центральных, так и региональных архивов страны.

В центре внимания участников работы секции «Последствия преобразований П. А. Столыпина» находились вопросы региональной аграрной истории России начала XX в. Все доклады вызвали большой интерес аудитории, выступавшим было задано немало вопросов. Достаточно острыя полемика развернулась в процессе обсуждения докладов кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории ВятГГУ Е. С. Останина «Две приватизации: исторические параллели» и кандидата исторических наук, доцента кафедры истории и методики преподавания истории ГГПИ им. В. Г. Короленко О. Н. Леконцева «Влияние столыпинской реформы на сельское хозяйство Вятской губернии и Вотской автономной области в первой половине 1920-х гг.». Участники дискуссии давали различные оценки исходного состояния аграрного хозяйства России накануне реформ П. А. Столыпина, а также отдаленных последствий столыпинских преобразований. В целом обсуждение происходило на высоком научном уровне, с опорой на исторические источники и статистические данные, носило корректный характер.

В завершение работы секции профессор кафедры истории и методики преподавания истории Глазовского государственного педагогического института им. В. Г. Короленко Л. А. Волкова поблагодарила кафедру отечественной истории ВятГГУ за высокий уровень организации конференции и пригласила всех участников к продолжению сотрудничества в рамках межрегиональных научных конференций.

На заседании секции «П. А. Столыпин и его реформы глазами молодых исследователей» были представлены научные исследования, касающиеся различных аспектов жизни и деятельности П. А. Столыпина. В частности, была освещена деятельность П. А. Столыпина на посту гродненского и саратовского губернатора (Д. А. Натаров, М. В. Бакшаев), действия правительства П. А. Столыпина в области культуры, образования и науки (А. В. Горохова). Ряд докладов был посвящен анализу взаимоотношений П. А. Столыпина с государственными деятелями и деятелями культуры (П. А. Чемоданов «Л. Н. Толстой и П. А. Столыпин: конфликт мировоззрений»).

Большой интерес у слушателей вызвали выступления, основанные на анализе исторических источников (как опубликованных, так и неопубликованных). Это «Переписка П. А. Столыпина и Николая II как исторический источник» (Е. Б. Касаткина), «Переписка П. А. Столыпина и С. Ю. Витте как исторический источник» (И. С. Порубова), «Переписка П. А. Столыпина и О. Б. Столыпиной как исторический источник» (А. Д. Непеина), «Воспоминания современников о П. А. Столыпине как исторический источник» (В. С. Токарева).

Представляется важным, что в соответствии с темой конференции значительный пласт прозвучавших докладов создан на региональном материале и охватывает изучение истории Вятского края в начале XX в.: «Местная периодическая печать как источник по истории вятской деревни начала XX века» (А. Е. Коробейникова), «Поземельное устройство крестьян Орловского уезда Вятской деревни в конце XIX века» (Н. В. Владимиров), «Документы фонда Малмыжского уездного полицейского исправника ГАКО как источник по истории Вятского края начала XX века» (К. А. Целикова), «Документы фонда Слободского уездного полицейского исправника ГАКО как источник по истории Вятского края начала XX века» (С. А. Чеснокова) и др.

Все заслушанные доклады были выполнены на высоком научном уровне. Пять докладов сопровождались показом презентации через мультимедийный проектор. После устного выступления студенты имели возможность ответить на все вопросы аудитории. Следует отметить, что слушатели занимали активную позицию и принимали участие в обсуждении прозвучавших сообщений. В частности, дискуссия развернулась вокруг двух завершающих докладов, посвященных теме убийства П. А. Столыпина.

По итогам работы секции докладчики были удостоены дипломов в номинациях: «Высокий научный уровень исследования», «Дебют в науке», «Вклад в изучение истории Вятского края», «Научная новизна исследования».

В целом конференция продемонстрировала, что проблематика реформ П. А. Столыпина и сегодня не теряет своей актуальности, имея значимость и практическую востребованность в современном обществе. Особенностью научной конференции стало раскрытие региональных аспектов реформы, использование широкого и разнообразного круга исторических источников из областных архивохранилищ, многие из которых впервые вводятся в научный оборот, а также построение исследований на новой методологической основе. Все это позволило ученым глубоко осмыслить многие аспекты модернизационных процессов, проходивших в начале XX в. и связанных с реформами П. А. Столыпина.

По итогам конференции издан сборник научных статей.

*A. В. Сергеев,
кандидат исторических наук,
декан исторического факультета ВятГГУ*

**V ВСЕРОССИЙСКАЯ
НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО
МАТЕМАТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В ВУЗАХ И ШКОЛАХ РОССИИ»**

10–12 мая 2012 г. в г. Кирове на базе Вятского государственного гуманитарного университета (ВятГГУ) состоялась научная конференция, тема которой – «Интерактивные формы обучения математике студентов и школьников». Поэтому центральной была проблема внедрения интерактивных форм и методов обучения математике в учебный процесс вузов и школ. Необходимость применения активных и интерактивных методов обучения бакалавров и магистров прописана во ФГОС. Связанные с этим теоретические, методические и учебно-практические вопросы обсуждались и анализировались на конференции. В ней приняли участие более 100 вузовских преподавателей и учителей математики, аспирантов и студентов из Вологды, Глазова, Екатеринбурга, Кирова, Москвы, Нижнего Новгорода, Пензы, Перми, Самары, Санкт-Петербурга, Сыктывкара, Тобольска, Чебоксар.

Конференцию открыл проректор по научно-исследовательской работе ВятГГУ, д-р ист. наук, профессор Ю. А. Балыбердин, подчеркнувший значимость математического образования и важность его совершенствования. Он передал напутственные слова от ректора ВятГГУ, д-ра ист. наук, профессора, заслуженного работника высшей школы РФ В. Т. Юнгблюда и начальника управления образования г. Кирова В. Л. Кодачигова. Приветственное слово произнёс декан фа-

культета информатики, математики и физики (ИМФ), д-р пед. наук, профессор С. М. Окулов, отметивший значимость поднимаемых на конференции проблем. Затем слово взял председатель оргкомитета конференции, д-р физ.-мат. наук, профессор Е. М. Вечтомов, указавший на добрую традицию проведения в ВятГГУ научных конференций по математическому образованию. Выступающие пожелали участникам конференции плодотворной работы во благо российского образования и науки.

Далее прозвучало 7 пленарных докладов. В докладе «Что такое интерактивность в образовании?» профессор Е. М. Вечтомов (ВятГГУ) показал, что интерактивное обучение основано на взаимодействии учащихся между собой, с преподавателем, с внешней средой. Активная модель обучения предполагает известную *самостоятельность* учащихся, самостоятельное выполнение ими различных заданий, решение задач: учебных, стандартных и нестандартных, развивающих и исследовательских. Таким взаимодействием является, например, работа в малых группах, предусматривающая определенную игровую и/или проектную совместную деятельность обучаемых. Существенно то, что интерактивные формы и методы обучения базируются на принципах взаимодействия и активности всех учащихся. В более узком смысле интерактивность понимается как *взаимодействие с компьютером и через компьютер*, привлечение компьютерных и информационных технологий, использование образовательных ресурсов Интернета.

С программным докладом «Перспективы и проблемы информатизации математического образования» выступил канд. физ.-мат. наук, доцент А. Г. Клековкин (Самарский филиал МГПУ), в котором обосновал необходимость и важность использования компьютерных пакетов по обучению математике. Канд. физ.-мат. наук, профессор С. Р. Когаловский (Ивановский университет) в докладе «Необходимость интерактивных методов обучения математике» выразил уверенность в том, что интерактивные методы могут и должны вписаться в современный постнеклассический этап в дидактике математики, основанный на синергии и онтогенетическом подходе. Д-р пед. наук, профессор Н. И. Мерлина (Чувашский университет) в докладе «Современное высшее математическое образование в России и бакалавриат» выразила опасение, что введение бакалавриата подорвёт фундаментальность российского математического образования в вузах. В своём докладе «НИРС как основополагающий элемент подготовки к профессии математика» зав. кафедрой прикладной математики СыктГУ, д-р техн. наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ В. Л. Никитенков на примере при-

кладной математики показал значимость лабораторно-исследовательской работы для магистрантов – будущих математиков. Д-р физ.-мат. наук, профессор, лауреат Госпремии Польской республики в области образования *В. П. Одинец* (Санкт-Петербургский университет, Коми пединститут) в докладе «Методология истории компьютерных наук» рассказал о своём опыте чтения нового курса для магистрантов по методологии и истории компьютерных наук. Д-р пед. наук, профессор *В. А. Тестов* (Вологодский педагогический университет) в докладе «Проблемы математического образования в современном мире» поддержал *С. Р. Когаловского* в том, что синергетика становится парадигмой современного образования.

Работа продолжилась на трёх секциях. На секции «Математика и компьютерные науки» сделано 11 докладов, как по вопросам фундаментальной математики, так и по приложениям компьютерных технологий в математике. Этой секцией руководили председатель Программного комитета конференции, д-р физ.-мат. наук, профессор *В. В. Чёрных* (ВятГУ) и профессор *В. А. Никитенков*. Следует отметить доклады профессоров *В. В. Чёрных* и *Е. М. Вечтомова* по абстрактным полукольцам и по полукольцам функций, сделанные на основе исследований, выполняемых в рамках тематического плана «Полукольца и их применения». Профессор *В. П. Одинец* показал применение полуколец в теории графов. Большой интерес вызвал доклад старшего преподавателя *Г. В. Пастуховой* (Пермский гуманитарно-педагогический университет) о распознавании конечных групп по их порядку и спектру простых делителей, использовавшей компьютерные программные разработки.

Секцию «Математика в вузе» возглавили д-р пед. наук, профессор, зав. кафедрой математического анализа и МОМ ВятГУ *С. И. Калинин* и канд. физ.-мат. наук, доцент, зав. кафедрой высшей математики *Е. А. Перминов* из Российского государственного профессионально-педагогического университета (Екатеринбург). Из 12 докладов можно выделить следующие сообщения: канд. филол. наук, доцента *С. В. Лесникова* (СыктГУ) «Метаязык науки»; канд. физ.-мат. наук, доцента, заслуженного работника высшей школы РФ *В. А. Попова* (Коми пединститут) «О полных производных функции»; канд. пед. наук, доцента *Е. Л. Черемных* (Пермский гуманитарно-педагогический университет) «Интерактивные формы самостоятельной работы в обучении студентов приложениям математического анализа»; преподавателей ВятГУ (Киров) *О. В. Чёрных*, *А. С. Махнёва*, *Л. А. Смирновой*, *А. В. Мухаметшиной* «Методика создания интерактивной лекции в обучающей среде Moodle»; канд. физ.-мат. наук, доцента *Д. В. Чупракова* (ВятГУ) «О компьютери-

зации преподавания математических дисциплин»; канд. физ.-мат. наук, доцента *Д. В. Широкова* (ВятГУ) «О методике обучения студентов-математиков теории алгоритмов».

13 докладов состоялось на секции «Математика в школе», руководимой доцентом *Г. А. Клевкиным* и профессором *В. А. Тестовым*. Большую активность в обсуждении тематики докладов проявил профессор *С. Р. Когаловский*. Наиболее значимыми оказались доклады канд. пед. наук, заслуженного работника профтехобразования РФ *А. Д. Беловой* (Москва) об особенностях обучения математике в профтехучилищах; преподавателя *М. В. Волковой* (Глазов) о возможностях использования ADOBE FLASH при изучении геометрических преобразований плоскости; канд. пед. наук, доцента кафедры математического анализа и МОМ ВятГУ *П. М. Горева* о взаимосвязи основного и дополнительного образования школьников, канд. пед. наук, доцента *М. В. Поспелова* (Санкт-Петербург) о переходных дидактических формах обучения математике. Выступили также студенты *Е. Н. Осипова*, *М. И. Рогозина* и *Л. В. Рочева* из Коми пединститута и *М. П. Позолотина* из ВятГУ. Все доклады представлены в форме презентаций.

В второй день конференции были сделаны доклады, даны мастер-классы и проведены открытые уроки и внеклассные мероприятия учителями математики Вятского технического лицея и лицея № 21 г. Кирова. Активное участие в них приняли все гости конференции, а также преподаватели, аспиранты и студенты факультета ИМФ ВятГУ и учителя математики и информатики г. Кирова. В Вятском техническом лицее работу организовала учитель математики высшей категории, почётный работник общего образования РФ *Л. В. Ковардакова*. Состоялись обстоятельные доклады *Т. М. Мильчаковой* и *С. В. Ширяевой* «Лицей – ресурсный центр по работе с одарёнными детьми в области информационных технологий» и *Л. В. Ковардаковой* «Разработка электронных пособий по математике как средство формирования ключевых компетентностей учащихся старших классов». Затем были проведены часовые мастер-классы «Интернет-обучение» (*Т. М. Мильчакова*) и «Приёмы использования компьютерных программ и сети Интернет при обучении математике» (*Л. В. Ковардакова*, *М. А. Суворова*).

Работу в лицее № 21 организовал член оргкомитета, доцент *П. М. Горев*. Им также подготовлена брошюра «Интерактивные формы обучения школьников математике» по материалам к открытым урокам и внеклассным мероприятиям в рамках конференции. Лицей представила его директор *Л. Д. Кожевникова*. С интересным докладом «Пришкольный математический лагерь-тренинг

нинг “Математика. Творчество. Интеллект”: история становления и технологические находки» выступил *П. М. Горев*. Далее учителя лицея дали открытые уроки: *Л. А. Черанёва* на тему «Решение текстовых задач с помощью графиков», *О. Л. Лунеева* «Параллельность прямых и линейная функция», *О. Ю. Белова* «Применение производной к решению задач по оптимизации». Были проведены следующие открытые внеклассные мероприятия: кружок на тему «Великая Отечественная война в процентах» (*С. В. Кушова*), тренинг креативного мышления (канд. пед. наук *В. В. Утёмов*) и учебный математический бой (*Е. И. Шехиева*).

К началу конференции выпущен сборник материалов, содержащий 102 работы 134 авторов. Среди очных и заочных участников конференции – известные математики и методисты, 25 докторов наук и профессоров, 44 молодых ученых, аспирантов и студентов. Представлено 28 городов России: Абакан (2), Арзамас (3), Великий Новгород (1), Владимир (2), Волгоград (1), Вологда (3), Глазов (6), Екатеринбург (2), Елабуга (1), Иваново (1), Киров (42), Краснодар (2), Красноярск (1), Курган (2), Москва (11), Нижний Новгород (5), Пенза (3), Пермь (8), Самара (3), Санкт-Петербург (2), Саранск (3), Сургут (1), Сыктывкар (14), Тобольск (7), Тюмень (2), Чебоксары (6), Челябинск (3), Якутск (1). Была также организована выставка монографий, учебных пособий и разработок участников конференции. В рамках культурной программы состоялись автобусные экскурсии по Кирову и в село Великорецкое, выступление фольклорного ансамбля «Горенка» (Киров), лауреата многих всероссийских и международных конкурсов.

В заключительный день конференции на круглом столе была принята следующая резолюция: *Обучение математике имеет свою специфику и принципиально отличается от обучения другим дисциплинам. Дидактика математики предполагает свои активные и интерактивные методы и технологии, создание и использование образовательных программ и интернет-ресурсов, нацеленных именно на математическое образование. Должна соблюдаться мера между традициями фундаментального образования и инновациями. ИКТ-образование должно быть осмысленным и полезным. Компьютер, в принципе, не может заменить «живого» общения в обучении.*

Проведение конференции, организованной кафедрой алгебры и дискретной математики ВятГГУ, поддержано региональным грантом РГНФ, проект № 12-16-43501 (руководитель проекта *Е. М. Вечтомов*). Огромную организационную работу проделала координатор и учёный секретарь конференции, канд. физ.-мат. наук, доцент *В. И. Вафанкина*.

Принято решение продолжить обсуждение данной тематики на очередной Всероссийской научно-практической методико-математической конференции в декабре 2012 г. в Глазовском государственном педагогическом институте им. В. Г. Короленко и на приуроченном к ней 17-м заседании Совета УМО по математике педвузов и университетов Волго-Вятского региона.

*Е. М. Вечтомов,
председатель оргкомитета конференции,
д-р физ.-мат. наук, профессор, зав. кафедрой
алгебры и дискретной математики ВятГГУ,
заслуженный работник высшей школы РФ*

ТРЕТЬЯ ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ «ЯЗЫК, ЛИЧНОСТЬ, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ» НА ФАКУЛЬТЕТЕ ЛИНГВИСТИКИ

3–4 апреля 2012 г. в стенах факультета лингвистики ВятГГУ прошла научно-практическая конференция молодых ученых. Уже третий год она носит статус Всероссийской конференции с международным участием. Тема конференции – «Язык, личность, деятельность: взгляд молодых исследователей». Конференция проводилась при содействии и участии представителей Ассоциации выпускников ВятГГУ.

В состав организационного комитета конференции вошли преподаватели и студенты факультета лингвистики во главе с деканом факультета, кандидатом филологических наук, доцентом Владимиром Александровичем Баниным.

Конференция проводилась в целях обмена опытом исследовательской работы по проблемам современного языкового образования и повышения мотивации студентов к проведению теоретических и эмпирических исследований в области лингвистики и лингводидактики.

В конференции приняли участие студенты и магистранты факультета лингвистики Вятского государственного гуманитарного университета, а также молодые ученые из разных регионов Российской Федерации (Кировская, Московская, Челябинская, Иркутская, Томская, Новосибирская, Самарская, Белгородская области, Краснодарский край, Республика Удмуртия), а также их зарубежные коллеги из Республики Беларусь и Соединенных Штатов Америки.

В ходе двухдневной работы конференции молодые учёные обменивались опытом и представили результаты своих научных исследований, посвящённых актуальным проблемам лингвистики и теории и методики обучения иностранным языкам. Про-

грамма конференции включала работу по секциям, представление стендовых докладов, а также встречу участников конференции с выпускниками.

Конференцию открыли проректор по НИР Вятского государственного гуманитарного университета, доктор исторических наук, профессор Ю. А. Балыбердин, председатель оргкомитета конференции, декан факультета лингвистики, кандидат филологических наук В. А. Банин и заместитель председателя оргкомитета конференции, представитель Ассоциации выпускников ВятГГУ С. М. Бушмелева, которые обратились с приветственным словом к её участникам.

В ходе пленарного заседания были заслушаны следующие доклады: «Автономия как результат сформированности учебно-познавательной компетенции у изучающих иностранный язык» (С. С. Куклина, доктор педагогических наук, доцент кафедры английского и немецкого языков и МОИЯ, ФГБОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет»), «Ностальгия по обе стороны океана» (С. А. Туллок, аспирант Гарвардского университета, США), «Концепт “человек” в русском и английском языках» (А. В. Кассихина, филологический факультет, г. Ижевск, ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»), «Социокультурная компетенция как результат социокультурного образования выпускников» (Ю. А. Вылегжанина, г. Киров, ФГБОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет»), «Роль чтения в системе видов человеческой деятельности» (К. М. Лекомцева, г. Киров, ФГБОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет»), «Концепт “understatement” как отражение англосаксонского менталитета» (Ю. В. Маслова, г. Киров, ФГБОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет»).

В первый день конференции работали 12 секций по следующим направлениям:

Секция № 1. Реализация принципов личностно ориентированного обучения в образовательном процессе.

Секция № 2. Современные подходы и зарубежные инновационные тенденции в языковом образовании.

Секция № 3. Актуальные вопросы современной методики преподавания иностранного языка.

Секция № 4. Психолого-педагогические основы формирования иноязычной коммуникативной компетенции.

Секция № 5. Средства реализации социокультурной направленности учебного процесса.

Секция № 6. Концепты в языке и речи.

Секция № 7. Актуальные проблемы изучения текстов различных типов.

Секция № 8. Структурно-семантические и функциональные аспекты языка.

Секция № 9. Лингвистика текста.

Секция № 10. Семантические аспекты языка.

Секция № 11. Лексические и стилистические приемы как способ выражения концепта.

Секция № 12. Проблемы истории языка и перевода.

Интерес вызвали доклады Е. Н. Владимировой «Обучение школьников решению репродуктивно-поисковых задач при овладении аудированием на немецком языке», О. В. Сычёвой «Грамматическая компетенция как цель обучения на I курсе языкового вуза», Р. А. Черемисиновой «Анализ сформированности письменной дискурсивной компетенции у студентов младших курсов языкового вуза», Е. Н. Шустовой «Из опыта обучения письменному поэтическому творчеству студентов старших курсов языкового вуза», студентов Е. Н. Собровиной «Преимущества и недостатки дистанционного обучения иностранным языкам», А. А. Чернядьевой «Художественный перевод как средство обучения изучающему виду чтения», М. В. Бажан «Требования к тесту и принципы его составления при обучении аудированию», Т. С. Матиной «Рефлексивно-оценочная деятельность на уроках иностранного языка», Т. В. Коровкиной «Использование динамичных мультимедийных средств в обучении иноязычному аудированию в вузе», Л. Н. Гетманченко «Способы образования современного компьютерного жаргона в русском языке», А. Э. Микрюковой «Роль заимствований в немецком языке», О. И. Стрельниковой «Лексические средства связности предложений в тексте на основе романа Э. М. Ремарка “Три товарища”», Е. Н. Тухбатулиной «Особенности фразеологизмов с прилагательными blanc (белый) и poig (черный) во французском языке», А. Н. Марковой «Цветообозначения в английской фразеологии», Е. С. Шардиной «Стереотип образа итальянской мафии в Америке 60-х годов на примере произведения Марио Пьюзо “Крестный отец”», М. Е. Новосёловой «Грамматическая малограмотность как феномен девиантной языковой личности (на примере романа К. Кизи “Пролетая над гнездом кукушки”)», А. В. Костиной «Топонимы во фразеологических единицах французского языка», М. П. Кудрявцевой «Автоперевод как разновидность художественного перевода (на материале произведений В. В. Набокова)», А. П. Мерзляковой «Концепт “Китай” в английском языке», О. А. Юферовой «Языковая игра в современном французском медиа-дискурсе (на примере журнала “Marianne”)». Всего было заслушано более 60 докладов.

После секционных заседаний участникам конференции была предложена культурная программа, организованная Ассоциацией выпускников ВятГГУ: экскурсия по архитектурным памятни-

кам Вятки, посвященная 150-летию со дня рождения И. А. Чарушина.

На второй день для участников конференции была организована встреча с учеными – выпускниками факультета: В. А. Баниным, С. С. Куклиной, Л. Г. Садаковой, на которой последние поделились своим опытом, ответили на вопросы будущих выпускников об области своих научных исследований и о дальнейших перспективах. Аспирантом Гарвардского университета А. С. Туллоком была проведена консультация по вопросам участия в международной программе академических обменов «Фулбрайт».

В фойе второго этажа проходило представление стендовых докладов участников конференции. Вниманию слушателей были предложены доклады по актуальным проблемам лингвистики и методики преподавания иностранных языков. Внимание привлекли доклады С. И. Овечкиной «Обучение письменной речи с применением приемов

технологии развития критического мышления в языковом вузе» и Е. С. Поповой «Неофициальные именования лица в политическом масс-медийном дискурсе (на материале журнала “Focus”)».

Конференция завершилась подведением итогов и награждением авторов лучших работ дипломами ВятГГУ и грамотами. В ходе заключительного заседания были также подведены итоги научно-исследовательской работы студентов факультета лингвистики за год: отмечены участники и победители международных, общероссийских, региональных, общеуниверситетских мероприятий.

По материалам конференции подготовлен к печати сборник студенческих работ «Язык, личность, деятельность: взгляд молодых исследователей».

*Е. С. Попова, Т. С. Чувашева,
студентки факультета лингвистики,
члены студенческого научного общества*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БЕЛЕВЦЕВА Светлана Николаевна – кандидат исторических наук, доцент по кафедре всеобщей истории Курского государственного университета. 305000, г. Курск, ул. Радищева, д. 33.
E-mail: SНBelevtseva@yandex.ru

БЛАГОДИР Алла Леонтьевна – кандидат юридических наук, доцент по кафедре гражданско-правовых дисциплин Института (филиала) МГЮА имени О. Е. Кутафина в городе Кирове. 610000, г. Киров, ул. Московская, д. 30.
E-mail: ablagogdir@yandex.ru

БОРИСОВА Елена Борисовна – доктор филологических наук, профессор по кафедре английской филологии Поволжской государственной социально-гуманитарной академии. 443099, г. Самара, ул. М. Горького, д. 65/67.
E-mail: elenaborissova@rambler.ru

ВОКУЕВ Николай Евгеньевич – аспирант кафедры культурологии Коми государственного педагогического института. 167000, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 21.
E-mail: vne.86@mail.ru

ДОМРАЧЕВ Дмитрий Гарриевич – кандидат юридических наук, старший преподаватель, зав. кафедрой государственно-правовых дисциплин ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: kaf_gosprav@vshu.kirov.ru

ЕГОРОВ Андрей Владимирович – аспирант Института истории АН Республики Татарстан, сотрудник кафедры отечественной истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

ЕРЕМИН Александр Владимирович – кандидат исторических наук, доцент по кафедре отечественной истории, начальник отдела научных исследований Ярославского государственного педагогического университета. 150000, г. Ярославль, ул. Республикаанская, д. 108.
E-mail: m.novikov@yspu.org

ЖУРАВЛЕВ Рональд Андреевич – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Академии управления МВД России. 125171, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8.
E-mail: dekan_law@vshu.kirov.ru

ЗАМОЛОЦКИХ Елена Геннадиевна – доктор педагогических наук, профессор, проректор по учебной работе Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. 109444, г. Москва, ул. Ташкентская, д. 18, корп. 4.
E-mail: e.g.zamolotskikh@mail.ru

КАЛИНИНА Людмила Викторовна – доктор филологических наук, доцент по кафедре русского языка ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: kafrus@vshu.kirov.ru

КОРОТАЕВА Ольга Анатольевна – старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: kaf_gosprav@vshu.kirov.ru

КОЩЕЕВА Елена Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент по кафедре гражданского процесса Института (филиала) МГЮА имени О. Е. Кутафина в городе Кирове. 610000, г. Киров, ул. Московская, д. 30.
E-mail: koscheeva@yandex.ru

КУРИС Ольга Васильевна – кандидат философских наук, доцент по кафедре философии и социологии ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: olga_kur@mail.ru

ЛЫТКИН Владимир Владимирович – кандидат философских наук, доцент по кафедре социальной антропологии и сервиса Института социальных отношений Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского. 248023, г. Калуга, ул. Ст. Разина, д. 26.

E-mail: vlad-lytkin@yandex.ru

МАСЛОВСКАЯ Елена Витальевна – доктор социологических наук, доцент Межвузовского центра гуманитарного образования Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. 603000, г. Нижний Новгород, просп. Гагарина, д. 23.

E-mail: ev_maslovskaya@mail.ru

МАШКОВЦЕВ Андрей Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент по кафедре отечественной истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

НИКИТИНА Екатерина Леонидовна – кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры педагогики ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: kaf_pedagogiki@vshu.kirov.ru

НОВИКОВ Михаил Васильевич – доктор исторических наук, первый проректор Ярославского государственного педагогического университета. 150000, г. Ярославль, ул. Республикаанская, д. 108.

E-mail: m.novikov@yspu.org

ОНОШКО Вячеслав Николаевич – кандидат филологических наук, профессор по кафедре романо-германской филологии ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: oslava@rgf.kirov.ru

ПАНЧЕНКО Ростислав Юрьевич – аспирант кафедры философии и социологии ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: panproza@kirovnet.net

ПЛОТНИКОВ Дмитрий Александрович – старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Кировского филиала Московского гуманитарно-экономического института. 610014, г. Киров, ул. Щорса, д. 66.

E-mail: plotnikowprawo@yandex.ru

РАКИТИНА Ольга Вячеславовна – кандидат психологических наук, доцент по кафедре общей и социальной психологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского. 150000, г. Ярославль, ул. Республикаанская, д. 108.

E-mail: soratnic@yandex.ru

РОЗЕНБЕРГ Наталия Абрамовна – доктор культурологии, профессор по кафедре гуманитарных дисциплин Выборгского филиала Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. 188811, Ленинградская область, г. Выборг, ул. Парковая, 2.

E-mail: secretar@vbgcherzen.spb.ru

РОЗУВАН Алексей Михайлович – декан юридического факультета ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: dekan_law@vshu.kirov.ru

СЕМЕНОВА Лидия Эдуардовна – доктор психологических наук, доцент по кафедре возрастной и педагогической психологии Нижегородского государственного педагогического университета им. Козьмы Минина. 603950, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 1.

E-mail: nnspu@nnspu.ru

ЧЕРНЫШЕВА Наталья Викторовна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры социальной работы ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: russkihnatalia@mail.ru

ШУТОВА Наталья Вадимовна – доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой специальной и клинической психологии Российского государственного социального университета. 129226, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4
E-mail: info@rgsu.net

ЩУКИНА Мария Алексеевна – кандидат психологических наук, доцент по кафедре общей и дифференциальной психологии Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. 199178, г. Санкт-Петербург, 12-я линия Васильевского острова, д. 13А.
E-mail: corr5@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

BELEVTSVA Svetlana Nikolayevna – Candidate of Historical Sciences, Associated Professor of the Department of General History in Kursk State University. 305000, Kursk, Radishcheva str., 33.
E-mail: SNBelevtseva@yandex.ru

BLAGODIR Alla Leontyevna – Candidate of Juridical Sciences, Associated Professor of the Department of Civil and Law Disciplines in Kirov Institute of Kutafin Moscow State Law Academy. 610000. Kirov, 30 Moskovskaya str.
E-mail: ablagodir@yandex.ru

BORISOVA Elena Borisovna – Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of English Philology in Samara State Academy of Social Sciences and Humanities. 443099, Samara, M. Gorkogo str., 65/67.
E-mail: elenaborissova@rambler.ru

VOKUEV Nikolay Evgenyevich – Postgraduate student of the Department of Culture in Komi State Pedagogical University. 167000, Syktyvkar, Kommunisticheskaya str., 21
E-mail: vne.86@mail.ru

DOMRACHEV Dmitriy Garrievich – Candidate of Juridical Sciences, Senior Teacher, Head of the Department of State and Law Disciplines in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.
E-mail: kaf_gosprav@vshu.kirov.ru

EGOROV Andrey Vladimirovich – Postgraduate student of the Department of Native History in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.
E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

ERYOMIN Alexander Vladimirovich – Candidate of Historical Sciences, Associated Professor of the Department of Native History, Head of the department of science research in Yaroslavl State Pedagogical University. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya str., 108.
E-mail: m.novikov@yspu.org

ZHURAVLEV Ronald Aandreevich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, chief research assistant in the Academy of Management of the Interior Ministry of Russia. 125171, Moscow, Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh str., 8
E-mail: dekan_law@vshu.kirov.ru

ZAMOLOTSKIKH Elena Gennadievna – Doctor of Pedagogic Sciences, Profwssor, Pro-rector of Educational Work in Moscow State Humanitarian University named by M.A. Sholokhov. 109444, Moscow, Tashkentskaya str., 18/4.
E-mail: e.g.zamolotskikh@mail.ru

KALININA Lyudmila Viktorovna – Doctor of Philological Sciences, Associated Professor of the Department of Russian Language in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.
E-mail: kafrus@vshu.kirov.ru

KOROTAEVA Olga Anatolyevna – Senior Teacher of the Department of State and Law Disciplines in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.
E-mail: kaf_gosprav@vshu.kirov.ru

KOSHCHEEVA Elena Sergeevna – Candidate of Juridical Sciences, Associated Professor of the Department of Civil Law Procedure in Kirov Institute of Kutafin Moscow State Law Academy. 610000. Kirov, 30 Moskovskaya str.
E-mail: koscheeva@yandex.ru

KURIS Olga Vasilyevna – Candidate of Philosophical Sciences, Associated Professor of the Department of Philosophy and Sociology in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.
E-mail: olga_kur@mail.ru

LYTKIN Vladimir Vladimirovich – Candidate of Philosophical Sciences, Associated Professor of the Department of Social Anthropology and Services in the Institute of social relations of Tsyolkovsky State University of Kaluga. 248023, Kaluga, St. Razina str., 26.
E-mail: vlad-lytkin@yandex.ru

MASLOVSKAYA Elena Vitalyevna – Doctor of Sociological Sciences, Associated Professor of Inter University Centre of humanitarian education in Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. 603000, Nizhni Novgorod, Gagarina pr., 23
E-mail: ev_maslovskaya@mail.ru

MASHKOVTSEV Andrey Anatolyevich – Candidate of Historical Sciences, Associated Professor of the Department of Native History in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.
E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

NIKITINA Ekaterina Leonidovna – Candidate of Pedagogic Sciences, Senior Teacher of the Department of Pedagogy in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya Str.
E-mail: kaf_pedagogiki@vshu.kirov.ru

NOVIKOV Mikhail Vasilyevich – Doctor of Historical Sciences, First Pro-rector in Yaroslavl State Pedagogical University. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya str., 108.
E-mail: m.novikov@yspu.org

ONOSHKO Vyacheslav Nikolaevich – Candidate of Philological Sciences, Professor of the Department of Roman-Germanic Philology in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.
E-mail: oslava@rgf.kirov.ru

PANCHENKO Rostislav Yuryevich – Postgraduate student of full-time course of study of the Department of Philosophy and Sociology in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.
E-mail: panproza@kirovnet.net

PLOTNIKOV Dmitriy Alexandrovich – Senior Teacher of the Department of Civil and Law Disciplines in Kirov branch office of Moscow Humanitarian and Economical Institute. 610014, Kirov, Shchorsa str., 66
E-mail: plotnikowprawo@yandex.ru

RAKITINA Olga Vyacheslavovna – Candidate of Psychological Sciences, Associated Professor of the Department of General and Social Psychology in Yaroslavl State Pedagogical University. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya str., 108.
E-mail: soratnic@yandex.ru

ROZENBERG Natalya Abramovna – Doctor of Culture, Profwssor of the Department of Humanitarian Disciplines in Vyborg branch office of Russian State Pedagogical University named by A. I. Gertsen. 188811, the Leningrad Region, Vyborg, Parkovaya str., 2
E-mail: secretar@vbgherzen.spb.ru

ROZUVAN Aleksey Mikhaylovich – Dean of the Faculty of Law in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.
E-mail: dekan_law@vshu.kirov.ru

SEMYONOVA Lidiya Eduardovna – Doctor of Psychological Sciences, Associated Professor of the Department of Age and Pedagogical Psychology in Nizny Novgorod Kozma Minin State Pedagogical University. 603950, Nizny Novgorod, Ulyanova str., 1.
E-mail: nnspu@nnspu.ru

CHERNYSHEVA Natalya Viktorovna – Candidate of Historical Sciences in VSHU. 610002, Kirov,
26 Krasnoarmeyskaya str.
E-mail: russkihnatalia@mail.ru

SHUTOVA Natalya Vadimovna – Doctor of Psychological Sciences, Professor, Head of the Department
of Special and Clinical Psychology in Russian State Social University. 129226, Moscow, Vilgelm Pik str., 4.
E-mail: info@rgsu.net

SHCHUKINA Maria Alekseevna – Candidate of Psychological Sciences, Associated Professor of the
Department of General and Differential Psychology in St. Petersburg State Institute of Psychology and
Social Work. 199178, St. Petersburg, 12-line of Vasilyevskiy Island, 13A.
E-mail: corr5@mail.ru

Вестник
Вятского государственного гуманитарного университета
Научный журнал № 2(1)

Подписано в печать 25.05.2012 г.
Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура Mysl.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,5. Тираж 1000. Заказ № 192.

Издательство
Вятского государственного гуманитарного университета,
610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26
(8332) 673-674